

ISSN 2686-9764

Том 15, № 2 (54)
2021

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 15, № 2 (54)
2021

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2686-9764

2021, том 15, № 2 (54)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материа-
лов только с разреше-
ния редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – начальник Правового управления ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16,
кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
30.06.2021

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – начальник кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2686-9764
2021, volume 15, no. 2 (54)

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019
ISSN 2686-9764

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgeny L. Kharkovsky – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Legal Department of FSIN Russia;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;

Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: 16, Kubinskaya street, apt. 74, Vologda, 160010, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru

Website:

<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication: June 30, 2021

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;

Valentina I. Zubkova – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);

Lyubov' V. Kovtuneneko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, head of the Department of Penal and Criminal Law at Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the National Research University "Higher School of Economics";

Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

The journal is on the list of peer-reviewed academic editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....237

ОГАНЕСЯН С. С., ХААДИ Т. А.

Проблемы правового восприятия явлений экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях: общетеоретический и историко-философские аспекты.....237

ДВОРЯНСКОВ И. В.

Концептуальные проблемы целей наказания.....247

МОЧАЛКИНА И. С.

Цифровая валюта и новации Уголовного кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы....260

НОВИКОВ Е. Е.

Правомерные и неправомерные деяния в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права: теория вопроса.....269

АЛЕКСАНДРОВА О. П., БУДАНОВА Л. Ю.

Некоторые вопросы реализации права на защиту лицами, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления.....280

КИРИЛОВСКИЙ О. В.

Организация государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений некоторых стран Западной Европы, Северной Америки и Азии.....291

АКЧУРИН А. В.

О противодействии расследованию пенитенциарных преступлений: особенности предварительного этапа.....301

ЗАРЯЕВА Н. П., ОЛИЙНЫК И. Л.

Ограничение свободы передвижения в условиях режима повышенной готовности.....308

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....321

НЕДЯЛКОВА Й. М.

Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования).....321

ЛАПШИН В. Е., ГАЛИЧ Т. В.

Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы.....328

МАЛЫШЕВ К. Б., МАЛЫШЕВА О. А.

Базисная модель психологического благополучия курсантов ВИПЭ ФСИН России и сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....340

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....350

ЛОБАНОВА Е. С., КИРИЛЛОВА Т. В., СМЫКОВСКИЙ В. В.

Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе.....350

CONTENT

JURISPRUDENCE.....363

OGANESYAN S. S., KHAADI T. A.

Features of Legal Perception of the Phenomena of Extremism and Terrorism in Different Mental Civilizations: General Theoretical and Historical-Philosophical Aspects.....363

DVORYANSKOV I. V.

Conceptual Issues of the Goals of Punishment.....370

MOCHALKINA I. S.

Digital Currency and Novelties in the Criminal Code of the Russian Federation: Topical Issues.....381

NOVIKOV E. E.

Lawful and Unlawful Acts in the System of Legal Facts of Penal Law: Theory of the Issue.....387

ALEKSANDROVA O. P., BUDANOVA L. YU.

Some Issues Related to the Implementation of the Right to Protection by Individuals in Respect of Whom Criminal Proceedings Are Carried Out to Prove Them Guilty of Committing a Crime.....396

KIRILOVSKII O. V.

Organizing State Protection of the Personnel of Penal Institutions in Some Countries of Western Europe, North America and Asia.....405

AKCHURIN A. V.

On Counteracting the Investigation of Prison-Related Crimes: Features of the Preliminary Stage.....413

ZARYAEVA N. P., OLIYNYK I. L.

Restriction of the Freedom of Movement under a High-Alert Regime.....418

PSYCHOLOGY.....428

NEDYALKOVA Y. M.

Individual Features of the Convict's Personality (Results of a Psychological Research).....428

LAPSHIN V. E., GALICH T. V.

The Spread of the Prison Subculture as a Driver of Its Destructive Influence on the Personality of Young Correctional Officers.....434

MALYSHEV K. B., MALYSHEVA O. A.

Basic Model of the Psychological Well-Being of VIPE FSIN Cadets and Penitentiary Staff.....443

PEDAGOGY.....451

LOBANOVA E. S., KIRILLOVA T. V., SMYKOVSKII V. V.

Developing the Readiness of Correctional Officers to Act in Emergency Situations in the Context of Implementation of the Competence-Based Approach in Educational Process.....451

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-237-246

УДК 34.04

Проблемы правового восприятия явлений экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях: общетеоретический и историко-философские аспекты

С. С. ОГАНЕСЯН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>, e-mail: ossduma@mail.ru

Т. А. ХААДИ

Институт стратегии развития образования Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

Реферат

Введение: в статье раскрываются специфика восприятия таких явлений, как экстремизм и терроризм, в разных ментальных цивилизациях – язычества (многобожия), единобожия и научного мировосприятия – с позиций правового сознания этносов: обычного, канонического и светского. *Цель:* показать, что те явления, которые в современном мире именуется экстремизмом и терроризмом и подлежат уголовному наказанию, в ментальные эпохи язычества и монотеизма воспринимались прямо противоположным образом. *Методы исследования:* использованы методы анализа исторических сведений о явлениях экстремизма и терроризма в разные эпохи, связанные с цивилизационной ментальностью этносов и народов, а также обобщение (синтез) полученных сведений. *Результаты исследования:* демонстрация отношения к тем явлениям, которые сегодня именуется экстремизмом и терроризмом, в разных ментальных цивилизациях позволяет не только понять исторически обусловленную природу названных явлений, но и выстроить адекватную систему противодействия им посредством изменения существующих в настоящее время подходов и методов. *Выводы:* современные религиозные экстремисты и террористы являются выразителями уходящих с исторической арены религиозного мировосприятия и соответствующего образа жизни. Их ресоциализацию необходимо проводить с учетом цивилизационной ментальности именно религиозных людей, опираясь прежде всего на толерантные возможности самих священных писаний. В ближайшие годы на фоне закономерного угасания религиозного экстремизма и терроризма произойдет усиление таких видов светского экстремизма и терроризма, как политический, социальный, расовый и языковой, то есть всех тех, которые перечислены в ст. 280 и 282 УК РФ. Данные виды экстремизма требуют прежде всего формирования высокого правосознания граждан страны, и здесь без системной и целенаправленной работы воспитательных и психологических служб УИС не обойтись.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; монотеизм; язычество; научное мировосприятие; религиозные войны.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Оганесян С. С., Хаади Т. А. Проблемы правового восприятия явлений экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях: общетеоретический и историко-философские аспекты. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 237–246. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-237-246.

Features of Legal Perception of the Phenomena of Extremism and Terrorism in Different Mental Civilizations: General Theoretical and Historical-Philosophical Aspects

SERGEI S. OGANESYAN

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: orcid.org/0000-0002-7257-7760, e-mail: ossduma@mail.ru

TARIM A. KHAADI

Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

Abstract

Introduction: the article reveals how extremism and terrorism are perceived in different mental civilizations: paganism (polytheism), monotheism and scientific worldview, from the standpoint of the legal consciousness of ordinary, canonical and secular ethnic groups. The aim is to show that those phenomena which in the modern world are called extremism and terrorism and are subject to criminal punishment were perceived in exactly the opposite way in the mental eras of paganism and monotheism. *Research methods:* we use analysis of historical information about the phenomena of extremism and terrorism in different eras, related to the civilizational mentality of ethnic groups and peoples; we also use generalization (synthesis) of the information obtained. *Results:* revealing the attitude toward the phenomena that are now called “extremism” and “terrorism” in different mental civilizations allows us not only to understand the historically determined nature of these phenomena, but also to build an adequate system to counter them by changing existing approaches and methods. *Conclusions:* modern religious extremists and terrorists represent interests of the religious worldview and the way of life that are leaving the historical arena. Their re-socialization should be carried out taking into account civilizational mentality of religious people, relying primarily on the tolerant capabilities of the Holy Scriptures themselves. In the coming years, against the background of the natural decline of religious extremism and terrorism, there will be a rise of such types of “secular” extremism and terrorism as political, social, racial and linguistic, i.e. all those types of extremism that are listed in Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. In order to counteract these types of extremism, it is necessary, first of all, to develop high legal awareness in citizens; in this regard, it is crucial that educational and psychological services of the Russian Penal System carry out system-wide and purposeful work in this direction.

Keywords: extremism; terrorism; monotheism; paganism; scientific worldview; religious wars.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Oganessian S.S., Khaadi T.A. Features of legal perception of the phenomena of extremism and terrorism in different mental civilizations: general theoretical and historical-philosophical aspects. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 237–246. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-237-246.

Введение

В настоящее время в мире существует немало проблем, связанных с профилактикой экстремизма и терроризма и противодействием этим крайне деструктивным для современного мира явлениям, несущим прямую угрозу безопасности как отдельных государств, так и всего мирового содружества наций.

Цель, поставленная в данной статье, состоит в том, чтобы показать особенности восприятия экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях. Отсюда в числе важнейших задач – ретроспективное рассмотрение явлений экстремизма и терроризма, воспринимаемых сознанием подавляющего большинства современных людей в качестве крайне негативных явлений, подлежащих уголовному преследованию, в другие ментальные эпохи.

Заявленная тема представляется, вне всякого сомнения, актуальной, прежде всего потому, что демонстрация отношения к тем явлениям, которые сегодня именуется экстремизмом и терроризмом, в разных ментальных цивилизациях позволяет не только понять их исторически обусловленную природу, но и выстроить адекватную систему противодействия им в современном мире, в частности изменить существующие подходы к ресоциализации лиц, осужденных за религиозный экстремизм и терроризм, в условиях мест лишения свободы.

Теоретическую основу исследования образует ранее изложенная нами во многих публикациях точка зрения о том, что основная масса человечества в своем историческом развитии последовательно переходила от ментальности язычества (многобожия) к мировосприятию, основанному на единобожии, а от него – к научному восприятию мира с соответствующими правовыми системами [8; 9].

Все нормы поведения (законодательные системы) в первых двух ментальных цивилизациях, которые являлись религиозными, предопределялись мировосприятием, а также правилами, которые были даны людям, по их глубокому убеждению, извне (внешними силами) и отчуждены от их самостоятельной интеллектуальной деятельности.

Язычниками нормы и правила, которым они безоговорочно подчинялись, воспринимались как завещанные предками, которые после земной смерти становились богами

и из потустороннего мира сообщали своим потомкам, как им надлежит жить, чтобы избежать страданий и бед, а при монотеизме – в качестве обязательных для исполнения норм и правил (законодательных систем), ниспосланных через пророков Единым Богом.

Причем важно отметить, что этносы и народы (племена), как показывает процесс развития человечества, переходили от одной ментальной стадии к другой не одновременно и не разом, а в разное историческое время по мере созревания (ментального и социально-экономического), и переход этот нередко затягивался на столетия [8; 9].

Самым продолжительным был и остается этап пребывания человеческих сообществ (семей, родов и племен) в ментальной стадии язычества со всеми его течениями и направлениями (анимизм, фетишизм, шаманизм и др.). Даже в наши дни в затерянных уголках планеты обнаруживаются племена, обладающие именно таким мировосприятием.

С точки зрения правовых отношений этап пребывания этносов и народов в язычестве, как известно, определяется как период, связанный с действием обычного права, то есть права, предопределяемого обычаями и традициями, действовавшими в семье, роде и племени. При этом все без исключения нормы и правила в них строго были детерминированы сугубо языческими религиозными воззрениями [8; 9].

Следующий этап – монотеизм (единобожие). Первым человеческим сообществом (народом), который стал жить с опорой на мировоззренческие основы единобожия, как известно, был народ Израиля, образовавшийся от двенадцати сынов (колен) Якова. Именно он впервые в истории человечества стал руководствоваться мировосприятием, а также нормами и правилами единобожия, которые были переданы ему через пророка Моисея [8; 9].

Здесь мы не упустим случая высказаться по поводу бытующего в философии марксизма афоризма «Общественное бытие [людей] определяет их сознание» [7].

Дело в том, что народу Израиля сведения о новом мировосприятии, а также о нормах и правилах их должного бытия были сообщены задолго до того, как они приобрели возможность иметь это бытие на тех землях, в которые привел их Единый Бог, то есть не бытие определило их сознание, когда они

создали свое государство после сорока лет пребывания в пустыне, а новое сознание, согласно Торе данное извне Единым Богом, внедрялось на протяжении нескольких десятилетий и стало для людей основой организации жизни по новым нормам и правилам [12].

Впрочем, подобное ниспослание новых принципов организации жизни, упреждающих социально-экономическое бытие людей, характерно как для вероучения Иисуса Христа, который послал своих апостолов и учеников проповедовать веру в Единого Бога языческим народам всего мира, так и для вероучения, которое было передано Единым Богом (по-арабски – Аллахом) через Мухаммада язычникам-арабам, а также тем человеческим общностям, которые все еще пребывали в язычестве во времена ниспослания Корана [3].

Поэтому отнюдь не случайно Тору иначе называют Законом Моисея (или просто Законом). Здесь уместно напомнить также слова Иисуса Христа, который четко сказал последователям своего вероучения: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» [1].

Затем и Мухаммаду было поручено передать, что Коран является судебником, по которому надлежит жить всем тем, кто принял единобожие по его вероуставу, то есть по шариату (правовой системе, изложенной в Коране): «И так Мы ниспослали его как арабский судебник» [3]. Не секрет, что примерно десятая часть Корана (около 500 аятов сур 2, 4 и 5) дают предписания как по религиозным, так по гражданским и уголовным делам. В полном согласии с Кораном, не отклоняясь от его принципиальных установок, существует и другой источник права мусульман – хадисы, то есть сведения о поступках и высказываниях пророка Мухаммада и его сподвижников.

Переживаемый ныне период ментального развития человечества мы условно называем цивилизацией научного мировосприятия, поскольку основой организации жизни подавляющего большинства наших современников являются не мировосприятие, а также нормы и правила, изложенные в священных писаниях единобожия или священных преданиях язычников, а результаты их нормотворческой деятельности, основанной на достижениях собственного интеллекта и познавательной деятельности.

Интеллектуальная деятельность современного человека охватывает практически все сферы его жизни начиная от законотворчества и заканчивая технологическими и прочими сферами, включая духовную сферу, связанную с культурой и искусством [8; 9].

Принципиальным отличием нынешней ментальной цивилизации является то, что она требует толерантного отношения не только к религиозным воззрениям людей, что закреплено практически во всех конституциях так называемых светских государств, но и к исторически сложившимся культурам этносов и народов, их самобытности, расовому своеобразию и языкам, ибо научное мировосприятие, в отличие от религиозного, не только не признает истин в последней инстанции, ориентируясь на бесконечность окружающего мира и познавательной деятельности самого человека, но и лояльно относится к таким формам и способам постижения и достижения истины, как диспут, дискуссия. Научная ментальность допускает существование альтернативных мнений, позиций и точек зрения, тогда как религиозная утверждает правильность сугубо одного мировосприятия, все остальные считая ересью, подлежащей безоговорочному искоренению из сознания людей [8; 9].

Начало последней ментальной цивилизации положила эпоха Возрождения (XIV–XV вв.), а окончательное закрепление она получила в эпоху Просвещения (XVI–XIX вв.), когда в борьбе против так называемого феодально-сословного угнетения и духовной диктатуры церкви этносы и народы Европы (Англии, Франции, Италии и других государств) благодаря своей активной познавательной деятельности отошли от церковных догм о сотворении мира и людей и перешли к формированию собственных воззрений на окружающий мир и сущностную природу человека. Интеллектуальные возможности, способности и волевые качества человека стали мерилем его ценности для общества и определяли его место в социальной иерархии. Во главу угла был поставлен сам человек, его способности и возможности, а следом его права и обязанности [8; 9]. Причем сущностная природа человека в эпоху Просвещения многими мыслителями того времени (Дж. Локк, Р. Декарт, Ж.-Ж. Руссо и др.) рассматривалась не только как данная Богом, но и как результат собственных интеллектуальных усилий человека, его воли и деятельности.

Широко известно, что к середине XVIII в. усилия таких великих просветителей, как Д. Дидро, Вольтер, О. Конт, И. Кант и др., в конечном итоге привели к появлению Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), а затем и первой Конституции Франции (1795 г.), что ознаменовало полный отрыв от религиозного мировосприятия и законодательства, переданного через священные писания, и переход к так называемому светскому праву [8; 9].

Результаты

Результаты нашего исследования более чем убедительно показывают, что отношение представителей иных ментальных цивилизаций к тем явлениям, которые в современном мире квалифицируются в качестве уголовно наказуемых деяний, связанных, в частности, с экстремизмом и терроризмом, заметно отличается от нашего. В ментальные эпохи язычества и единобожия они рассматривались как проявление доблести, храбрости, самоотверженности, верности своему народу и беззаветной преданности Богу (богам).

Для подтверждения нашего мнения обратимся к историческим фактам, относящимся к эпохам язычества, монотеизма и научного мировосприятия. В сохранившихся текстах древнегреческих авторов явления экстремизма и терроризма составляют существенную часть жизни не только людей, но и великого множества богов, которым поклонялись и которых почитали.

При этом ни экстремизм людей и их богов, ни их откровенный террор по отношению к иноплеменникам и их богам не вызывал у язычников ни нареканий, ни порицаний, ни осуждений. Напротив, все эти явления воспринимались в качестве обязательного атрибута жизни, без которого невозможно обеспечить благополучие своей семьи, своего рода и своего племени.

Проиллюстрируем сказанное на примере одного из древнегреческих мифов, который связан с верховным божеством Эллады Зевсом. Арес, сын громовержца Зевса и богини брака Геры, являясь богом войны, получает наслаждение от яростных битв с обилием крови. Арес с громадным щитом носится среди грохота оружия, воплей воинов и стонов раненых. За ним следуют его сыновья Деймос (ужас) и Фобос (страх). Рядом с ними постоянно находится богиня раздора Эрида и богиня убийства Энью. На груди

мертвых тел Арес смотрит с нескрываемым ликованием [6].

Весьма определенное отношение к насилию и запугиванию противника в полисах (городах) Древней Греции и Древнего Рима демонстрирует исследование известного историка Фюстеля Де Куланжа. Основываясь на многочисленных исторических документах, Куланж в книге «Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима» пишет, что каждый из воинов, вступавших в сражение, был абсолютно уверен, что битву ведет не столько он, сколько его «родные боги» с богами противников. Воин взывал к своим богам: «О боги, посейте ужас и зло среди наших врагов. Лишите их и всех, кто населяет их земли и города, солнечного света. Пусть их города, их поля, их головы будут отданы вам» [5, с. 203].

Поэтому не случайно то, что по отношению к иноплеменникам у язычников не существовало никаких моральных ограничений и преград. Иноплеменник не мог рассчитывать на пощаду, милосердие и справедливость. Эти понятия существовали сугубо для соплеменников. Пленников-чужеземцев можно было убивать, а раненых надлежало добивать. Консул Марций публично хвастался, что обманул царя Македонии. Эмилий Павел продал в рабство сто тысяч жителей Эпира, добровольно сдавшихся в плен. Лакедомонянин Фебид захватил крепость в Фивах после того, как был заключен мир. Агесилая спросили о справедливости поступка Фебида, на что царь ответил: «Всякое действие, полезное для нашего отечества, правильно» [5, с. 207].

Приведем и другой пример. После победы над жителями Митилены афиняне решили истребить всех митиленцев. Они бы и уничтожили всех без исключения, если бы на следующий день не изменили ранее принятого решения. Они казнили только тысячу жителей и конфисковали все их земли. А после покорения Платей, умертвив всех мужчин, они продали в рабство женщин и детей. Ф. Куланж пишет: «Война велась не только против воинов, она велась против всего народа – мужчин, женщин, детей, рабов. Войну вели не только с людьми, но с полями и посевами. Сжигали поля, вырубали деревья; урожай врага почти всегда посвящался подземным богам, а потому сжигался» [5, с. 208].

Более того, скот и даже посева врагов безжалостно уничтожались именно во имя

своих родных богов, которым все это приносилось в жертву, ибо, по поверьям язычников, только родные боги-предки были способны обеспечить благополучие своих потомков на земле.

Война стирала с земли целые поселения. Территория вокруг Рима превратилась в безлюдное пространство. Было уничтожено, в частности, пятьдесят три города Лация и двадцать три города вольсков. На их месте со временем образовалось Понтийское болото [5].

Общеизвестно, что начало христианского периода в истории Римской империи также было ознаменовано жесточайшими гонениями на христиан со стороны римлян-язычников. По приказу властей христиан выскивали и убивали не только воины Рима, но и простые горожане. Так, по распоряжению Марка Аврелия христиан, не отрехнувшись от своей веры, не только массово казнили, но и кидали на растерзание диким зверям, откровенно потешаясь [11].

На другом континенте язычники-индейцы в значительно более позднее историческое время (через полторы тысячи лет после описанных событий в Римской империи) имели ту же ментальность, что и их древнеримские языческие собратья.

Так, в работе известного исследователя жизни и быта индейцев Северной Америки Джона Мэнчипа Уайта «Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура» приводится множество примеров откровенно экстремистской и террористической, с точки зрения современных людей, деятельности индейцев в XVII в. [13].

Стремление к господству над другими племенами составляло морально-нравственную основу индейцев. Например, племена ирокезов и чироков в кровавых битвах пытались подчинить родственные им племена гуронов, которых они практически полностью уничтожили. Ирокезы и чироки не оставили в живых ни одного индейца на берегах озера Гурон. Они же почти полностью уничтожили племена делаваров, нантикоков, шауни и шушанков, которые были расселены в районе озера Эри [13].

Что касается цивилизационной ментальности монотеистов, то есть иудеев, христиан и магометан (мусульман), то среди ранних письменно зафиксированных террористических организаций можно назвать секту сикариев (кинжальщиков), которая существовала в Иудее в I в. [2].

Члены секты терроризировали представителей еврейской знати, которые выступали за мир с римлянами. Они обвиняли их в отступничестве от заветов всемогущего Бога Израиля и предательстве интересов народа. Полностью посвятив себя служению Единому Богу, они, становясь на путь мученичества, считали, что после свержения римлян всемогущий Бог явится своему народу и избавит его от мук и страданий, идущих от Рима. Естественно, что сикарии воспринимались народом Израиля в качестве истинных защитников веры и родного народа. Они вызывали восхищение и почитание [2].

Ярчайшим примером отношения монотеистов-христиан к лицам, которых они считали еретиками, является деятельность средневековой испанской инквизиции.

Общеизвестно, что за период с 1481 по 1498 г. на кострах испанской инквизиции было загублено почти 10 тыс. чел., 6,5 тыс. были сожжены после казни через удушение, еще около 100 тыс. подверглись конфискации имущества, церковным наказаниям и сосланы на каторжные работы [4].

Не менее широко известны кровавые деяния испанского герцога Альбы, который был назначен наместником Испании в Нидерландах (1567–1573 гг.). Альба прибыл в Нидерланды с инструкцией от короля Филиппа II поддерживать истинную католическую веру во всей ее строгости, для чего решено было арестовать и казнить самых уважаемых граждан страны, подвергнув конфискации в пользу Испании все их имущество [4].

В течение трех месяцев герцог Альба послал на эшафот до 1800 знатнейших граждан Нидерландов. Малейшее подозрение и даже откровенная клевета служили основанием для вынесения смертного приговора и конфискации. Народ надо было держать в постоянном страхе и беспрекословном повиновении, и здесь решающим фактором служили религиозные (католические) воззрения короля Испании, возмнившего себя истинным блюстителем церковных устоев [4].

16 февраля 1568 г. произошло исключительное в мировой истории событие: все трехмиллионное население Нидерландов было приговорено королем Филиппом II к смертной казни из-за богоотступничества. Суд инквизиции единогласно принял предложение короля. Герцог Альба составил список из первых 800 почетных граждан

Нидерландов, которые должны были быть казнены, повешены и сожжены сразу после Страстной недели. Приговор привели в исполнение. Мужчин сжигали на кострах, полыхавших по всей стране, а женщин хоронили заживо [4].

Не будем останавливаться на многочисленных фактах экстремизма и явного террора, имевших место в Средние века и в таких ныне просвещенных странах, как Франция, Англия и Германия. Они известны и в комментариях не нуждаются.

Не стали исключением и деяния опричнины в царствование крайне набожного Ивана Грозного, при котором была выстроена система розыска, дознания и казни, опиравшаяся на намеренное причинение страданий обвиняемым. К примеру, одним из распространенных методов получения сведений о совершенном преступлении был такое невыносимо тяжелое наказание, как «роспрос под дыбой».

Страшнейшие истязания рассматривались, во-первых, как эффективный способ получения признания, во-вторых, как вид тяжкого телесного наказания за преступления, но они никогда не считались преступным деянием, подлежащим осуждению со стороны общества. Воля Всевышнего, обитающего на небесах, и его помазанника, властвующего на земле (пусть и в пределах одного государства), была священной и не подлежащей сомнению.

Среди террористических организаций, связанных с магометанским (мусульманским) вероисповеданием, можно назвать хашашаинов, которые в начале XI в. значительно развили искусство тайной войны и расширили диверсионную практику и применение насильственных средств достижения цели [10].

Так, около 1090 г. духовный лидер хашашаинов Хасан ибн Саббах захватил к северу от Хамадана крепость Аламут (современный Иран). В течение почти полутора столетий последовали Хасана ибн Саббаха терроризировали все правящие династии на территории от Персидского залива до Средиземного моря. Они уничтожили сотни халифов, султанов и военачальников, безжалостно убивали представителей исламского духовенства, которые, по их мнению, отступили от заветов и воли Всевышнего [10].

Если до начала эпох Возрождения, Просвещения и Реформации экстремизм и терроризм напрямую связывались с рели-

гиозными воззрениями этносов и народов, а также отдельных групп людей (еретиков, сектантов и пр.), то с возникновением ментальной цивилизации научного мировосприятия они стали приобретать ярко выраженный политический, социальный, языковой, расовый и прочий, так называемый светский, характер.

Исторические факты более чем ясно свидетельствуют о том, что практически все войны до перехода народов на ментальную ступень научного мировосприятия были, как правило, религиозными. Иначе и быть не могло: религиозное мировосприятие, а также обусловленные им нормы и правила поведения охватывали и пронизывали все сферы жизни людей [15; 16].

Массовый уже отнюдь не религиозный, а сугубо политический террор был напрямую связан с событиями Великой французской революции (1789–1795 гг.). Робеспьер, бывший главным ее идеологом, сделал терроризм государственной политикой, направленной на уничтожение аристократии как класса. Неслучайно термин «террор» в современном значении стал употребляться лишь с конца XVIII в., то есть со времен Великой французской революции. Прочно он вошел в политический обиход в 1848 г. для названия действий революционеров-республиканцев и националистов в Италии и Испании, а следом получил распространение и в других странах мира [8].

Вспомним, что многочисленные покушения на жизнь ведущих политиков Европы и Америки сугубо на политической почве совершались в XIX и XX вв. Напомним лишь общеизвестные факты убийства американских президентов Маккинли и Гарфилда. В этом же ряду чисто политических стоит убийство в 1894 г. президента Франции Карно. В 1897 г. был убит премьер-министр Испании Антонио Кановаса, в 1898 г. – австро-венгерская императрица Элизабет, в 1900 г. – король Италии Умберто.

Список убийств, не связанных с религиозными воззрениями террористов, можно продолжить, однако мы бы хотели здесь привести мнение известного политолога и социолога Самуэля Хантингтона о том, что если после Вестфальского мира (1648 г.) и до начала Первой мировой войны в западном мире конфликты между государствами, точнее между правителями государств, как правило, разворачивались за новые территории и усиление экономической мощи

своих стран, то все современные и будущие конфликты будут носить идеологический характер [14]. В целом соглашаясь с позицией С. Хантингтона, возразим ему лишь в том, что борьба будет вестись между западными и восточными цивилизациями. По нашему глубокому убеждению, борьба ранее, как и сегодня, разворачивалась и разворачивается внутри самих стран в связи с их переходом от одной цивилизационной ментальности к другой. В истории нашего государства этот тяжелейший слом на начальной стадии перехода от язычества к единобожию ярко запечатлен в выражении «Путья крестил Русь мечом, а Добрыня огнем».

Сегодня переход от религиозной ментальности к научному мировосприятию с соответствующей ей жизнедеятельностью протекает с характерными для переходных периодов трудностями у этносов и народов Юго-Восточной Азии. Общемировой же характер эта борьба (с вооруженными конфликтами и терактами) в наши дни приобрела лишь в связи с невиданными ранее интеграционными и миграционными процессами, обусловленными, с нашей точки зрения, демографическими взрывами XX и XXI вв. Сегодня на Земле уже проживает около восьми миллиардов человек, которые все больше начинают осознавать себя единым организмом, принципиально отличающимся от всего остального живого мира нашей планеты.

Если до начала XX в. переход от одной ментальной цивилизации к другой, как правило, протекал в рамках отдельных государств, не приобретая международного, а тем более планетарного масштаба, то с его наступлением имеет место так называемая глобализация. Не будем забывать, что становление самого международного права приходится именно на середину XX в., когда в 1945 г. была создана Организация Объединенных Наций, членами которой в настоящее время являются 193 государства мира.

Ярчайшим примером глобализации внутригосударственного цивилизационного конфликта можно считать процессы, протекающие в современной Сирии, где религиозные радикалы и фундаменталисты выступили против законно избранной власти в лице Б. Асада, а страны, имеющие в Сирии свои геополитические, экономические и прочие интересы, вмешались во внутренние дела республики.

Что касается России, то особенно ярко политический и социальный экстремизм и терроризм здесь проявились в деятельности многочисленных организаций русских революционеров-разночинцев в период с середины XIX до начала XX в., приведшей к Великой Октябрьской социалистической революции.

Выводы

Первый вывод заключается в том, что существующие ныне так называемые религиозные экстремисты и террористы разных мастей являются выразителями уходящих с исторической арены религиозного мировосприятия и соответствующего образа жизни. Религиозные экстремисты и террористы представляют позицию религиозных фанатиков, имеющую своим истоком религиозную ментальность соответствующего общества. При этом тот или иной этнос или народ, несмотря на принадлежность к религиозной ментальности, нельзя характеризовать как экстремистский. Ресоциализацию религиозных экстремистов и террористов необходимо проводить с учетом цивилизационной ментальности, с опорой прежде всего на толерантные возможности самих священных писаний, в частности Торы, Нового Завета и Корана. Хорошо известно, что Коран рассматривает названные писания в качестве трех посланий человечеству от Единого Бога. Осуществление указанной деятельности требует подготовки специальных кадров, причем из числа не только священнослужителей, но и сотрудников психологических и воспитательных служб УИС [15].

Второй вывод состоит в том, что в предстоящие годы на фоне закономерного угасания религиозного экстремизма и терроризма произойдет возрастание таких видов светского экстремизма и терроризма, как политический, социальный, расовый и языковой, то есть всех тех видов экстремизма, которые перечислены в ст. 278 и 282 УК РФ. Противодействие им требует прежде всего формирования высокого правосознания граждан страны, и здесь без системной и целенаправленной работы воспитательных и психологических служб УИС также не обойтись.

Допустимо ли восприятие экстремизма и терроризма в разные ментальные цивилизации рассматривать в качестве одного из важных способов формирования так на-

зываемого политогенеза, а также правогенеза? Вне всякого сомнения. Подобный вывод, с нашей точки зрения, прямо вытекает из сравнения правового сознания этносов и народов, стоящих на разных уровнях ментального цивилизационного развития. А это в свою очередь дает основание государственным органам использовать обозна-

ченные выше подходы к восприятию экстремизма и терроризма в разных ментальных цивилизациях для разработки теоретических и практических основ профилактики данных явлений, которые воспринимаются современным обществом в качестве крайне негативных, подлежащих уголовному преследованию и противодействию им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия : книги священного писания Ветхого и Нового Завета (канонические) : в русском переводе с параллельными местами : перепечатано с Синодального издания. – Москва : Объединенные библейские общества, 1992. – 292 с.
2. История терроризма. – URL: <https://www.masu.edu.ru/antiterror/history> (дата обращения: 12.02.2021).
3. Коран : перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой / главный редактор Мухаммад Саид Аль-Рошд. – 10-е изд., доп. – Москва : РИПОЛ классик, 2007. – 799 с. – ISBN 978-5-7905-4086-8.
4. Костры и пытки: как инквизиция вынесла смертный приговор всем жителям Нидерландов. – URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/286617/> (дата обращения: 12.02.2021).
5. Куланж, Ф. Древний город: религия, законы, институты Греции и Рима / Фюстель де Куланж. – Москва : Центрполиграф, 2010. – 414 с. – ISBN 978-5-227-01968-4.
6. Мифы Древней Греции. – URL: <https://grekomania.ru/articles/mythology> (дата обращения: 12.02.2021).
7. Настоящее значение философских афоризмов. – URL: <https://Arzamasarzamas.academy/materials> (дата обращения: 12.02.2021).
8. Оганесян, С. С. Мировоззренческое единство священных писаний единобожия – методологическая основа профилактики и противодействия религиозному экстремизму и терроризму / С. С. Оганесян, Н. В. Румянцев. – Москва : НИИТ ФСИН России (Тверь), 2019. – 182 с. – ISBN 987-5-9632-0143-5.
9. Оганесян, С. С. Священные писания о неизбежности перехода от религиозного права к светскому / С. С. Оганесян // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2018. – № 1–2. – С. 30–34.
10. Первый миф об Ассасинах. – URL: <https://assassins23.wordpress.com/2013/05/28/первый-миф-об-ассасинах/> (дата обращения: 12.02.2021).
11. Свенцицкая, И. С. Первые христиане и Римская империя / Ирина Свенцицкая. – Москва : Вече, 2003. – 378 с. – ISBN 5-7838-1307-9.
12. Тора (Пятикнижие Моисеево) / редактор русского перевода П. Гиль ; под общей редакцией Г. Брановера. – Москва : Арт-бизнесцентр : Шамир, 1993. – 1135 с. – ISBN 5-7287-0075-6.
13. Уайт, Д. М. Индейцы Северной Америки. Быт, религия, культура / Джон Мэнчип Уайт. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 251 с. – ISBN 5-9524-2347-7. – URL: <https://historylib.org/historybooks/Indeytsy-Severnoy-Ameriki--Byt-religiya--kultura/> (дата обращения: 12.02.2021).
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самуэль Хантингтон. – Москва : АСТ, 2021. – 640 с. – ISBN 978-5-17-096332-4.
15. Dunn, R. S. The Age of Religious Wars, 1559–1689 / Richard S. Dunn. – New York : W. W. Norton & Co., 1970. – 244 p.
16. Livet, G. Les guerres de religion (1559–1598) / Georges Livet. – Paris : Presses Universitaires de France, 1962. – 128 p.

REFERENCES

1. *Bibliya: knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta (kanonicheskie): v russkom perevode s parallel'nymi mestami: perepechatano s Sinodal'nogo izdaniya* [The Bible: the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments (canonical): in Russian translation with parallel places: reprinted from the Synodal edition]. Moscow: Ob'edinennyye bibleiskie obshchestva, 1992. 292 p.
2. *History of terrorism*. Available at: <https://www.masu.edu.ru/antiterror/history> (accessed February 12, 2021). (In Russ.).
3. *Koran: perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhovoi / glavnyi redaktor Mukhammad Said Al'-Roshd* [The Quran: translation of meanings and comments by Iman Valeria Porokhova. Editor-in-chief Muhammad Said Al-Roshd]. 10th edition, supplemented. Moscow: RIPOl klassik, 2007. 799 p.
4. *Fires and tortures: how the Inquisition passed the death sentence on all the inhabitants of the Netherlands*. Available at: <https://www.vokrugsveta.ru/article/286617/> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
5. *Coulanges F. Drevnii gorod: religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima* [The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 414 p.
6. *Myths of Ancient Greece*. Available at: <https://grekomania.ru/articles/mythology> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
7. *The real meaning of philosophical aphorisms*. Available at: <https://Arzamasarzamas.academy/materials> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
8. Oganesyanyan S.S., Romyantsev N.V. *Mirovozzrencheskoe edinstvo svyashchennykh pisanii edinobozhiya – metodologicheskaya osnova profilaktiki i protivodeistviya religioznomu ekstremizmu i terrorizmu* [Worldview unity of the holy scriptures of monotheism – a methodological basis for preventing and counteracting religious extremism and terrorism]. Moscow: NIIT FSIN Rossii (Tver'), 2019. 182 p.
9. Oganesyanyan S.S. Holy scriptures on the inevitability of the transition from religious law to secular law. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy=Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary, Problems*, 2018, no. 1–2, pp. 30–34. (In Russ.).
10. *The first myth about the Assassins*. Available at: <https://assassins23.wordpress.com/2013/05/28/pervyi-mif-ob-assasinakh/> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).

11. Svetsitskaya I.S. *Pervye khristiane i Rimskaya imperiya* [First Christians and the Roman Empire]. Moscow: Veche, 2003. 378 p.
12. *Tora (Pyatknizhie Moiseevo)* [Torah (The Five Books of Moses)]. Russian translation edited by P. Gil'; under the general editorship of G. Branover. Moscow: Art-biznestsentr: Shamir, 1993. 1135 p.
13. White J.M. *Indeitsy Severnoi Ameriki. Byt, religiya, kul'tura* [Everyday Life of the North American Indian]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 251 p. Available at: <https://historylib.org/historybooks/Indeitsy-Severnoy-Ameriki--Byt--religiya--kultura/> (accessed February 12, 2021).
14. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2021. 640 p.
15. Dunn R.S. *The Age of Religious Wars, 1559–1689*. New York: W. W. Norton & Co., 1970. 244 p.
16. Livet G. *Les guerres de religion (1559–1598)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. 128 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯН – доктор педагогических наук, профессор, государственный советник Российской Федерации 1 класса, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИИ России, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: [org/0000-0002-7257-7760](https://orcid.org/0000-0002-7257-7760), e-mail: ossduma@mail.ru

ТАРИМ АНВЕРОВНА ХААДИ – соискатель ученой степени кандидата педагогических наук Института стратегии развития образования Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация, вице-президент фонда «Интеллект и Духовность». ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, State Councilor of the Russian Federation, 1st class, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: orcid.org/0000-0002-7257-7760, e-mail: ossduma@mail.ru

TARIM A. KHAADI – applicant for a Candidate of Sciences (Pedagogy) degree at the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, vice-president of the Fund "Intellect i dukhovnost". ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

Статья поступила 22.02.2021

Концептуальные проблемы целей наказания

И. В. ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена фундаментальной для пенитенциарной науки проблеме – целям наказания, их сущности, эволюции и современной легальной и доктринальной интерпретации. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности, достижимости целей наказания выявить проблемы их соответствия современной уголовной политике России. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы – анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юрико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* автор приходит к выводу о том, что наступило время смены концептуальных основ, на которых зиждется институт целей наказания. По его убеждению, предупреждать преступления необходимо сочетанием уголовной ответственности с воспитанием и профилактикой. Уровень рецидива, эмпирическая неverifiedируемость исправления, научная несостоятельность формулировки «восстановление социальной справедливости» (как можно восстанавливать то, что должно быть незыблемым аксиологическим ориентиром?) свидетельствуют о том, что отечественная пенология нуждается в коренном пересмотре сложившейся карательной парадигмы. В статье обосновывается тезис о том, что в существующем виде ни одна цель наказания не достижима в полном объеме. Так, общая превенция основана на страхе. Однако, как показывают криминологические исследования, те, кто склонны к совершению преступлений, наказания, как правило, не боятся (презрение к нему, закону и обществу в целом, очевидно, культивируется криминальной субкультурой). А законопослушные люди не совершают преступления в силу внутренних убеждений, воспитания и культуры. Таким образом, общая превенция как цель неэффективна. Исправление и специальная превенция слишком формализованы и не предполагают научно проверяемых (по крайней мере, нормативно закрепленных) критериев достижения, то есть собственно исправленности. Что касается восстановления социальной справедливости, то данная формулировка представляется абсурдной ввиду неверного понимания справедливости как таковой. По мнению автора, она представляет собой объективно сложившуюся аксиологическую систему, которая в принципе не может быть нарушена преступлением, а является эталоном, мерой оценки. Не зря она закреплена в качестве требования к судебному приговору в УПК РФ. Цель наказания в конечном счете состоит в самом наказании и реализации его функций (кары, возмездия, публичного порицания преступления, защиты общества от преступных посягательств). *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснована необходимость законодательной реформы концепции целей наказания. Данная проблема представляется далеко не праздной, поскольку от ее решения зависят эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности, судьба бессмысленных финансовых затрат на достижение недостижимых целей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: наказание; цель; эффективность; восстановление социальной справедливости; предупреждение преступлений; общая и специальная превенция; исправление осужденных; уголовная политика; концептуальные основы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 247–259. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259.

Conceptual Issues of the Goals of Punishment

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the goals of punishment, their essence, evolution, and modern legal and doctrinal interpretation; these issues are among fundamental problems of penitentiary science. *Aim:* to study the legal nature, social conditionality, and achievability of the goals of punishment so as to identify their compliance with the modern criminal policy of Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. We use methods such as analysis, synthesis, comparative legal, retrospective, formal legal, logical, comparative methods; all of them are commonly used by the sciences of criminal law and criminology. We also apply private scientific methods such as the legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. *Results:* we conclude that the time has come to change the conceptual foundations on which the institution of the goals of punishment is based. We believe it is necessary to prevent crimes by combining criminal responsibility with education and prevention. The level of recidivism, the empirical non-verifiability of reformation, and the scientific inconsistency of the phrase “restoration of social justice” (how can we restore what should be an unshakable axiological guideline?) indicate that Russian penology should radically revise the existing punitive paradigm. The paper substantiates the thesis that no goal of punishment in the current form is fully achievable. It is known that general prevention is based on fear. However, according to criminological studies, those who are inclined to commit crimes, as a rule, are not afraid of punishment (their contempt for punishment, law and society as a whole is obviously cultivated by the criminal subculture). And law-abiding people do not commit crimes because of their inner beliefs, upbringing and culture. Thus, general prevention as a goal is ineffective. Reformation and special prevention are too formalized and do not assume scientifically verifiable (at least, legally enacted) criteria for their achieving, that is, the state of reformation itself. With regard to the restoration of social justice, this formulation seems absurd due to a misunderstanding of justice as such. In our opinion, it is an objectively established axiological system, which essentially cannot be violated by a crime, but represents a standard and a measure of evaluation. It is for a reason that it is legally defined as a requirement for a court sentence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The goal of punishment ultimately consists in the punishment itself and in the implementation of its functions (punishment, retribution, public condemnation of the crime, protection of society from criminal encroachments). *Conclusions:* the present research has substantiated the necessity to carry out a legislative reform of the concept of the goals of punishment. We find this problem quite relevant, because the effectiveness of judicial and penal enforcement activities and the fate of meaningless financial costs for achieving unattainable goals depend on finding a solution to it.

Keywords: punishment; goal; efficiency; restoration of social justice; crime prevention; general and special prevention; reformation of convicted persons; criminal policy; conceptual foundations.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259.

Введение

Применение наказания можно и нужно рассматривать как способ социального управления. Необходимость последнего обусловлена как закреплением и сохранением

социальных ценностей, так и достижением определенных социальных идеалов, которые в свою очередь выражаются в целях наказания.

Цель как правовая категория традиционно рассматривается в качестве планируемого конечного результата, того, к чему стремятся субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности. Иными словами, она представляет собой идеальную модель результата, который предполагается достичь посредством правового регулирования. Полагаем, что при этом цель как нормативно моделируемый результат должна в полной мере соответствовать ориентирам в юрисдикционной деятельности судебных, правоохранительных и уголовно-исполнительных органов.

Право не есть результат общественного договора и не саморазвивающийся объект, а продукт цели, служащий общественным отношениям. Конечная цель права – поставить вознаграждение на одну линию с наказанием, карательному праву соответствует наградное, а последнее отвечает принципу справедливости социального устройства [8, с. 346].

Следует согласиться с А. Л. Ременсоном в том, что спор о целях наказания – это спор принципиальный, так как именно цели наказания определяют социальные функции уголовного наказания, общие направления его эффективности, построения самой системы наказаний [15, с. 15].

Вместе с тем очевидно, что правовые цели являются квинтэссенцией уголовной политики и определяются текущими потребностями общества и государства, актуальными на данный момент представлениями о социальных интересах, ценностях, средствах и методах их охраны. Несомненно и то, что с изменением таких представлений в ходе эволюции или в результате более резких (революционных) общественно-политических трансформаций меняются и цели правового регулирования (в нашем случае – цели наказания).

Результаты

Цели наказания в отечественном уголовном праве менялись исторически. Во времена Русской Правды ими признавались возмездие и имущественные выгоды. Однако уже русское средневековое право этими двумя целями не ограничивается. Соборное уложение 1649 г. отличается от Русской Правды и судебных новыми карательными ориентирами публичного характера, состоящими в защите государства и общества от преступников и преступлений. Основной

целью петровского уголовного законодательства, представленной прежде всего в Артикулах воинских, являлось устрашение, что следовало из оговорок типа: «дабы через то страх подать и оных от таких непристойностей удержать». Устрашение обеспечивалось публичностью наказаний. Казнь производилась в людном месте, о ней публично объявлялось.

Главной целью наказания по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ознаменовавшему итог карательной политики Николая I, являлось возмездие, которое связывалось со стремлением предотвратить под страхом наказания другие преступления. В данном нормативном акте были подробно определены все правовые признаки, характеризующие преступные деяния, виды наказаний и условия их применения. Наряду с Уложением о наказаниях 1885 г. и Уголовным уложением, утвержденным Николаем II в 1903 г., действовали: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Военный 1875 г. и Военно-морской 1886 г. уставы о наказаниях, не отличавшиеся какой-то особой трактовкой целей наказания. В Уголовном уложении 1903 г., последнем уголовно-правовом акте Российской империи, также не наблюдалось серьезных изменений в формулировке целей [2, с. 281].

Однако с приходом советской власти все резко меняется. Цели наказания приобрели ярко выраженный социальный характер, что было обусловлено новой государственной (социалистической) идеологией. В УК РСФСР 1922 г. в качестве целей закрепились: предупреждение новых правонарушений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления, правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты.

В УК РСФСР 1926 г. целью мер социальной защиты признавалось общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других лиц [10].

И только в УК РСФСР 1960 г. были закрепились цели, близкие к существующим в настоящее время. В ст. 20 говорилось: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью

исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Очевидно, что приведенная совокупность целей представляла собой эклектичный конгломерат, сочетающий догматы классической и социологической школ уголовного права, и поэтому, на наш взгляд, не имела крепкого доктринального фундамента. Представляется, что это было обусловлено исторической целесообразностью отхода от намного более цельной и научно обоснованной, но скомпрометировавшей себя уголовной политики сталинского периода. Иными причинами трудно объяснить откат к уже устаревшим на тот момент и буржуазным по сути концепциям предупреждения и исправления.

Вместе с тем полноценной замены прежней пенилогической концепции, разработанной криминологами социологической школы, так и не было предложено, и это травматическое наследие советского периода было в практически неизменном виде реципировано действующим уголовным законом.

Таким образом, цели наказания представляют собой исторически изменчивую категорию, обусловленную тенденциями и уровнем развития общественного сознания. Полагаем при этом, что эффективность наказания может быть обеспечена только постановкой научно обоснованных целей, в основу которых будет положена теоретически цельная и непротиворечивая концепция целеполагания.

Рассматривая категорию «цель наказания» как некий представляемый законодателем идеальный результат государственного принуждения (физического и психологического), предпринимаемого по отношению к преступнику, трудно отрицать факт ее исторической изменчивости. А. Н. Филиппов отмечал: «Общей и конечной целью наказания всегда и везде была защита общественного порядка и спокойствия от чьих-либо правонарушений. Но так как по эпохам постепенно изменялся характер этих правонарушений, так и относительная ценность тех благ, на которые делались те или иные нападе-

ния, то ближайшие цели наказания претерпевали серьезные изменения в своих основаниях и в них по временам выдвигалась на первичном плане то одна, то другая задача возмездия, на осуществлении коей власти полагали наибольшие усилия» [21, с. 4].

В настоящее время эти цели формулируются в уголовном праве как основополагающей отрасли по отношению к уголовно-исполнительному праву: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Как видим, все эти цели связаны с достижением определенных позитивных с точки зрения общества результатов, выражают стремление к устранению правового и социального конфликта, вызванного преступлением. Иными словами, речь идет о социально обусловленных целях, являющихся одновременно критериями эффективности наказания. Эффективность наказания может быть определена как соответствие действительных результатов ожидаемым. Понятие эффективности неразрывно связано с понятием цели наказания. Само наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны.

Таким образом, эффективность определяется достижением ожидаемых результатов. Если рассматривать наказание как социальный инструмент, его эффективность должна оцениваться с двух позиций:

- 1) насколько наказание достигает поставленных перед ним целей;
- 2) приемлемы ли эти цели, средства и уровень их достижения с позиции общественного сознания.

Последний пункт важен потому, что государство усматривает в наказании не только слепую кару за совершенное преступление, но и способ достижения социального идеала в сфере борьбы с преступностью.

Считаем необходимым высказать некоторые соображения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Ввиду того что наказание представляет собой реакцию на событие прошлого – преступление, оно является ретроактивной мерой. Иными словами, наказание вряд

ли может относиться к превентивным мерам, поскольку таковые предпринимаются до предупреждаемого события, а не после его совершения. Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Поэтому надежда на то, что на них повлияет наказание, не имеет достаточных оснований. В этой связи наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики [14]. По сути, это мера уголовной ответственности за содеянное, предполагающая обязанность виновного претерпеть кару, предполагающая в качестве дополнительного функционала возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначения дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание есть не что иное как средство коммуникации между государством и обществом, с помощью которого первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно, опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» – наставление, поучение, распоряжение. Таким образом, реальные функции наказания – это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление).

Обратимся к рассмотрению существующих целей наказания.

Цель восстановления социальной справедливости

В научной литературе данная цель раскрывается весьма неоднозначно. Так, Л. Л. Кругликов считает, что применение наказания с целью восстановления социальной справедливости является спорным ввиду аморфности содержания и средств достижения цели, а сам результат неконтролируем ввиду отсутствия возможности реального достижения заявленной цели [18, с. 350]. Еще более резко высказывается И. Я. Козаченко, отмечая аморфность и даже

лицемерность понятия «восстановление социальной справедливости», а также факт отсутствия разграничения принципа справедливости и упомянутой цели социальной справедливости со стороны законодателя. Он предлагает заменить «восстановление социальной справедливости» на «восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего либо его близких людей» [12, с. 17].

В. А. Уткин подчеркивает, что применяемое к виновному справедливое наказание должно способствовать восстановлению и формированию в общественном сознании убеждения в незыблемости охраняемого уголовным законом правопорядка, в наказуемости содеянного, в недопустимости следования антиобщественному «прецеденту» [20, с. 35].

В целом соглашаясь с приведенными позициями авторов, считаем, что они основаны на идеализированном восприятии рассматриваемой цели наказания. В первую очередь зададимся вопросом: что стало со справедливостью (в результате преступления), если надо ее восстанавливать? Социальная справедливость, на наш взгляд, является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть не может, а выступает некой константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. Параметры социальной справедливости если не формулируются буквально, то вытекают из правовых принципов, презумпций, иных норм, содержащих формулировки должного и необходимого с официальной точки зрения состояния общественных отношений и одобряемых, приемлемых или допустимых с точки зрения общества вариантов их развития. При таком понимании мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода статус-кво.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что она является нестабильной (часто нарушаемой) категорией. Но раз мы допускаем, что спра-

ведливость нужно восстанавливать, то где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие рассматриваемой цели и принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, то есть имеется определенная перспективная функция. Иными словами, полагаем, что соблюдение принципа справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости. И наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует о том, что указанный принцип был нарушен.

В этой связи цель может быть сформулирована как достижение или обеспечение социальной справедливости. Однако для этого, по нашему мнению, нет оснований по той лишь причине, что обеспечение социальной справедливости есть не цель, а атрибутивное свойство наказания, что подкрепляется требованием к суду о вынесении законного и справедливого приговора. Иными словами, назначение справедливого наказания – это скорее цель суда, а не меры. Если наказание назначено справедливо, то ему уже нечего достигать.

В этом нам более импонирует мнение Н. Д. Сергеевского, который писал, что главная цель наказания – это порицание, которое и «есть сущность всякого наказания» [17, с. 64].

Цель исправления

Сразу следует сказать, что цели исправления и специальной превенции – это два последовательных этапа одного и того же явления (исправление – процесс, специальная превенция – результат).

Исправление выражает собой базовую, концептуальную идею, заложенную в институте наказания. Понятие «исправление осужденных» конкретизируется в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 9 УИК РФ).

Концепция исправления восходит еще к кантовскому категорическому императи-

ву. Оценивая природу человека как злую, И. Кант делает несколько не соответствующий исходной посылке вывод об основании нравственной и правовой ответственности: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким...» [11, с. 29–30]. При этом он сам же признает: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, – это выше моего понимания» [11, с. 47].

Другой представитель классической школы, И. Бентам, в трактате о рациональной тюрьме сформулировал цель частной превенции-исправления. Весьма основательно ее разработали последующие представители классической школы уголовного права – Грольман, Штельцер, Аренс, Редер, которые рассматривали исправление как главную цель наказания [9, с. 28].

Сущность учения классической школы о наказании определяется одним из постулатов: усиливая наказание, общество делает преступление менее привлекательным, что позволяет удерживать людей от его совершения. К сожалению, этот тезис ни разу в истории не был подтвержден практикой. К примеру, смертная казнь, будучи самым строгим наказанием, просто не применялась бы, поскольку ее страх удерживал бы потенциальных преступников от совершения деяний, за которые она предусмотрена. Однако фактически назначение смертной казни в тех странах, где ее применение предусмотрено законодательством, ничуть не снижается.

Идея исправления в социологической школе воспринимается весьма неоднозначно и увязывается с влиянием среды на человека.

По мнению Г. Тарда, антропологические и физические факторы оказывают лишь импульсивное влияние и толкают к неопределенным формам деятельности, между тем как социальные факторы направляют эту деятельность. «В одной и той же социальной среде, – писал он, – накопление социальных влияний может быть весьма различным: у одних преобладает нравственное взаимодействие от честных людей, у других – подражание людям порочным или преступным. Поэтому, прежде чем пытаться сделать человека „хорошим“, необходимо добиться, чтобы он захотел стать хорошим, чтобы это отвечало его интересам» [9, с. 99].

Э. Дюркгейм писал, что для выяснения причин преступности необходимо исследовать не состояния отдельных людей, а условия, в которых находится «социальное тело в целом». Причина этого заключается в том, что группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены [6, с. 60]. Исправление, по Э. Дюркгейму, не может быть универсальной целью. Он писал, что «если преступление есть болезнь, то наказание является лекарством и не может рассматриваться иначе; поэтому все вопросы, возбуждаемые им, сводятся к тому, чтобы узнать, чем оно должно быть для выполнения своей роли лекарства. Если же в преступлении нет ничего болезненного, то наказание не должно иметь целью исцелить от него и его истинная функция должна быть отыскиваема в другом месте» [4, с. 79]. В другой своей работе о наказании он пишет так: «Оно играет полезную роль. Только роль эта не в том, в чем ее обычно видят. Она не служит – или служит второстепенным образом – для исправления виновного или для устрашения его возможных подражателей; с обеих этих точек зрения польза его, по справедливости, сомнительна и во всяком случае посредственна. Его истинная функция – сохранить в целостности общественную связь, удерживая всю ее жизненность в социальном сознании» [5, с. 85].

В XIX в. итальянские криминологи Э. Ферри и Р. Гарофало разработали концепцию опасного состояния преступника, суть которой заключается в том, что преступника надо не карать, а выводить из состояния повышенной склонности к преступлению (и до тех пор, пока это не сделано, изолировать). Это имеет весьма отдаленное отношение к исправлению, а скорее, связано с исцелением, поскольку преступность рассматривалась как социальная болезнь. Особенностью клинической криминологии является попытка сформировать особую систему мер коррекции личности, которая была бы самодостаточной, то есть выступала основным методом воздействия на преступность. Представители данного направления практически отрицали кару как превентивное сдерживающее средство. Они пытались превратить криминологию в своеобразную антикриминогенную медицину, а тюрьму – в клинику. Наиболее весомый вклад в формирование на базе теории социальной защиты клинической криминологии внес итальян-

ский ученый Филиппо Граматика. Основные положения его концепции сводились к тому, что уголовная политика на основе социальной защиты должна ориентироваться в большей степени на индивидуальное, а не на общее предупреждение преступлений. Ресоциализация правонарушителя – главная цель, поскольку перевоспитание и социализация преступника более эффективно защищают общество от преступлений, нежели жесткие карательные меры [9, с. 140].

Итак, понимая преступность как социальное явление, детерминированное обстоятельствами внешней (социальной) среды, представители социологической школы рассматривают исправление как феномен в связке с таким понятием, как причины преступности. При этом проблемы коррекции преступных наклонностей, и то, скорее, в психобиологическом, а не социальном смысле, разрабатывались в рамках клинической криминологии. Что касается социологической криминологии, то она не рассматривает наказание как сколь-нибудь эффективное средство исправления или предупреждения преступности. Так, американский криминолог Э. Сатерленд объяснял преступность, опираясь исключительно на факторы социальной жизни. Он писал, что преступное поведение ничем принципиально не отличается от других форм человеческой деятельности, человек становится преступником лишь в силу своей способности к обучению. Он обучается преступному поведению не потому, что имеет к этому особые преступные задатки, а потому, что криминальные образцы чаще попадают к нему на глаза, и у него устанавливается более тесная связь с такими людьми, у которых он может перенять криминогенные взгляды и умения. Если бы тот же самый подросток с детства был включен в другой круг общения, он вырос бы совсем другим человеком [9, с. 178–179].

Отчасти соглашаясь с этой позицией в аспекте социальной обусловленности преступности, отметим, что, по нашему мнению, ее детерминизм имеет социально-биологический характер. Рождаясь как биологическое существо, в базисе своей психики человек имеет определенные животные начала (инстинкты). С течением жизни они никуда не пропадают и лишь меняют свою интенсивность под влиянием физиологических процессов организма, связанных с его формированием, взрослением,

старением. Однако, испытывая с самого раннего возраста влияние общества, человек проходит этап социализации, то есть усвоения принятых в этом обществе норм и правил, которые становятся личностно значимыми для него, а их соблюдение приобретает характер его собственной потребности. Результатом успешной социализации становится эффективный самоконтроль на основе своеобразной оболочки, формируемой усвоенными социальными нормами, запечатывающей биологическое начало человека, ставящей его под контроль сознания. В случае же неуспешной социализации данная оболочка либо получается недостаточно прочной, либо имеет определенные бреши, позволяющие животным инстинктам завладеть сознанием человека, управлять им. Именно в этом проявляется взаимосвязь социальных и биологических детерминант преступного поведения. При этом очевидно, что единственно надежными методами его предупреждения являются восполнение недостатков социализации и минимизация влияния на личность деструктивных факторов внешней среды. В рамках уголовного наказания возможности ресоциализации существенно ограничены психологическим состоянием осужденного, подвергаемого карательному воздействию (при лишении свободы – практически отсутствуют). В этот период можно говорить только о подготовке почвы для приспособления человека к жизни в обществе. Очевидно, что весьма сложно почувствовать себя полноправным членом социума, испытывая карательные правоограничения, налагаемые наказанием.

В настоящее время исправление прочно связано с понятием наказания и включено в число его целей (ст. 43 УК РФ). Вместе с тем вопрос о его достижении остается дискуссионным. В. А. Уткин анализирует две крайние позиции по этому вопросу. Одна из них сводится к тому, что исправление представляет собой недопустимое вторжение во внутренний «суверенитет» осужденного, а сама по себе исправительная терминология есть не что иное как идеологическое прикрытие всевозможных (в том числе латентных, незаконных) способов подавления личности, восходящих к эпохе ГУЛАГа. Вторую позицию образуют суждения о ненужности цели исправления как недостижимой, бессмысленной и дезориентирующей практикой. Сам же ученый полагает, что исключение исправления из числа целей

наказания приведет к резкому снижению гуманистического потенциала последнего, а само исправление определяет через два взаимосвязанных аспекта: а) формирование осужденного субъективной готовности к сознательному добровольному соблюдению норм уголовного закона; б) формирование в его личности объективных качеств, свойств, способствующих ответственному законопослушному (точнее – уголовно-законопослушному) поведению. При этом он отмечает, что отождествлять исправление и устрашение неверно [20, с. 36, 40–41]. С уважением относясь к высказанному мнению, все же отметим некоторую его идеалистичность. Очевидно, что исправление должно пониматься не формально, а содержательно – как формирование у личности неких позитивных качеств, перечисленных в весьма абстрактной форме в ст. 9 УИК РФ. Однако ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве не названо критериев достижения этой цели, а именно не определено, по каким проявлениям поведения можно констатировать исправление. Да и вряд ли можно рассчитывать на позитивную трансформацию личности под влиянием кары, являющейся, как известно, сущностью наказания.

Исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной склонности как внутренней патологии, корректируемой посредством изменения отношения преступника к социальным ценностям. При этом, на наш взгляд, игнорируется социальная детерминация преступности, то есть влияние на личность преступника внешней среды. Когда говорят об исправлении, почему-то забывают о внешних факторах. Вернемся к основам: как формируется преступник? чем детерминируется преступность? Эти проблемы отнюдь не современные и стали краеугольным камнем оппозиции классической и социологической школ уголовного права еще в XIX в. От ответа на эти вопросы зависит и решение относительно цели исправления и целесообразности ее сохранения. Если исходить из социальной обусловленности преступности, то видеть корень зла только в личности преступника и ставить во главу угла его исправление было бы неправильно. Для этого надо допустить, что после достижения исправления на бывшего преступника не будут действовать криминогенные факторы, либо рассматривать исправление абстрактно, в отрыве от

реальных условий жизни лица, в том числе после отбытия наказания.

Следует сказать, что за рубежом наказание ассоциируется с карой и возмездием за содеянное. Это имеет определенную не лишнюю рациональности аргументацию. Если обязанность понести наказание за содеянное возникает только у достигшего определенного возраста вменяемого человека, то очевидно, что он отдает отчет в своих действиях и руководит ими. Следовательно, он должен понимать, что за преступление его ждет наказание. А раз так, то он осознанно идет на риск и платит своеобразную цену за свое деяние. С прагматической точки зрения все так и есть. Человека надо сначала наказать, а уже потом требовать от него изменения поведения. Так, норвежский криминолог Нильс Кристи рассматривал наказание как боль, вынужденно причиняемую преступнику: «Одно из правил, которому нужно было следовать, таково: если есть сомнения, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания. Часто нет необходимости реагировать: преступник так же, как и окружающие, знает, что то, что он совершил, – плохо. Многие отклоняющиеся поступки представляют собой экспрессивную, неадекватную попытку что-то сказать. Пусть преступление послужит исходным пунктом для подлинного диалога, а не столь же неадекватного ответа посредством причинения боли полной мерой» [13, с. 20]. Иными словами, в момент причинения боли трудно ожидать от человека осознания своей вины.

На Западе большую популярность приобрели теории ресоциализации преступника. Соответственно, важными направлениями социальной работы за рубежом выступают: а) постпенитенциарная социальная работа (работа с лицами, освобожденными из пенитенциарных учреждений); б) работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Еще раз повторим, что отечественная доктрина основана на сочетании карательного воздействия с исправительным, что налагает отпечаток на сам процесс исполнения наказаний, в том числе условия отбывания, режимные требования, полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы. Справедливости ради следует сказать, что в последние два десятилетия наблюдаются

некие отступления от нее. Так, с принятием УИК РФ в 1997 г. на законодательном уровне перестало употребляться сочетание «исправительно-трудовой», что подчеркивает скорее формально-юридическую, а не содержательную сторону исполнения наказания. Преимущество если и сохраняется, то лишь частично. Из названия учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, исчезло слово «трудовые», и они из ИТК превратились в ИК.

Исправление упоминается в законодательстве как цель наказания (ст. 43 УК РФ) и как цель уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Легальное определение содержится в ч. 1 ст. 9 УИК РФ: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Данное определение дает основания для нескольких выводов. Во-первых, исправление раскрывается через понятие «уважительное отношение». Далее содержится исчерпывающий перечень социальных благ, которым осужденный должен уважительно относиться. Указание на собственные качества личности, которые могли бы свидетельствовать об исправлении (правопослушание, порядочность, совесть, сострадание, честность, доброта и т. п.), законодательная дефиниция не дает.

Во-вторых, использование существительных, образованных от глаголов несовершенного вида (формирование и стимулирование), определяет исправление как процесс, протяженный во времени и не имеющий финальной точки. Иными словами, что делать – формировать, стимулировать, но не что сделать – сформировать, добиться. Таким образом, цель формулируется как процесс, но не как результат. Очевидно, что в такой редакции достижения исправления как окончательной сформированности каких-то качеств у осужденного не требуется, а реализация исправления означает деятельность субъектов, исполняющих наказания и иные уголовно-правовые меры по такому формированию и стимулированию (с любой эффективностью, поскольку иное из определения не вытекает).

В этой связи возникает еще одна дискуссионная проблема – о сущности исправления. По поводу ее решения в науке сложи-

лись две позиции. Первая гласит, что цель исправления считается достигнутой, если осужденный после отбытия наказания (не важно, в силу каких причин) больше не совершает преступлений (так называемое юридическое или формальное исправление) [19, с. 24].

Разумеется, такое исправление не предполагает подлинных изменений правосознания и личностных качеств осужденного в лучшую сторону, поскольку он может продемонстрировать уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также правопослушное поведение, например, для того, чтобы условно-досрочно освободиться из исправительного учреждения. Напомним, что согласно ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению (УДО), если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. В. И. Селиверстов в этой связи справедливо отмечает, что, исходя из ст. 79 УК РФ, приоритетным критерием для УДО является поведение осужденного в местах лишения свободы. При оценке поведения осужденного в качестве определяющего показателя выступает наличие взысканий за нарушение режима в исправительном учреждении. Нарушителю режима, а тем более злостному нарушителю режима, трудно претендовать на УДО. В этом есть определенный профессионально-целевой смысл: УДО является наиболее сильным стимулом правопослушного поведения во время отбывания наказания. Однако является ли правопослушное поведение осужденного гарантией несвершения нового преступления после УДО? Автор полагает, что нет, ссылаясь при этом на цифры постпенитенциарного рецидива. В настоящее время об уровне рецидива можно косвенно судить по данным официальной статистики, а именно по доле лиц, ранее совершивших преступления, в расчете на общий массив лиц, совершивших преступление. В среднем этот показатель колеблется от 30 до 33 %. Однако уровень рецидива не позволяет судить об эффективности деятельности исправительных учреждений и (или) ее отдельных направлений, включая и подготовку к УДО [16, с. 126].

Согласно выборочным научным исследованиям, проведенным в 2006–2009 гг. учеными Томского госуниверситета, в течение трех лет после освобождения совершает новое преступление в среднем 55 % освобожденных из колонии общего режима и 29,6 % освобожденных из колонии строгого режима (данные по колониям общего и строгого режимов Томской и Кемеровской областей). Кроме того, выявлены значимые различия в постпенитенциарном рецидиве в зависимости от оснований освобождения от отбывания наказания. Например, постпенитенциарный рецидив среди освобожденных из колонии общего режима условно-досрочно составил 68,5 %, в связи с заменой лишения свободы более мягким видом наказания – 66,7 %, а по отбытии срока наказания в виде лишения свободы – 46,8 %. При освобождении из колонии строгого режима – 30,6, 47,1 и 20,5 % соответственно. Эти цифры характеризуют тот период времени, когда удовлетворение ходатайств осужденных об УДО доходило до 85 % [3, с. 8].

Из приведенной статистики видно, что обязательный учет исправления, осуществляемый как на стадии подготовки характеристики на осужденного администрацией исправительного учреждения, так и на стадии судебного рассмотрения этого вопроса, не является гарантией достоверности соответствующего вывода. Следовательно, практическая верификация достижимости цели исправления может быть поставлена под сомнение.

Цель предупреждения совершения новых преступлений

В заявленной цели объединяются фактически две подцели: общая и специальная превенция.

Предупреждение как цель наказания является продуктом классической школы уголовного права. Соответствующая теоретическая концепция была разработана еще в трудах Ч. Беккариа. Красивая и благородная, данная цель практически не была подкреплена методологией. Как писал о представителях классической школы Э. Сатерленд, единственным методом этих ученых было кресло, на котором они сидели во время написания своих книг [9, с. 20]. Ч. Беккариа отмечал: «Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь прине-

сти вред обществу и удержать других от совершения того же» [1, с. 43]. Как видим, это в чистом виде формулировка целей общей и специальной превенции. При всей прогрессивности и благородстве идеи предупреждения преступлений, особенно на рубеже XVIII–XIX вв., она не вышла из ореола благонамеренности на тернистую тропу практической реализации. Более того, эта идея, будучи современной на тот период, является, к сожалению, весьма архаичной сегодня.

Общая превенция основана на постулате, что людей удерживает от совершения преступления страх наказания. Теория психического устрашения наказанием была разработана еще Паулем Иоганном Ансельмом Фейербахом.

Таким образом, по прошествии двух десятилетий XXI в. мы по-прежнему руководствуемся средневековой максимой, что люди мало чем отличаются от животных, а управление ими возможно посредством выработки условных рефлексов, основанных на страхе.

Преступление и грех, как правило, не разделялись, поэтому в наказание и исправление зачастую вкладывался религиозный смысл. Наиболее характерные примеры сочетания карательного и религиозного воздействия на преступность можно найти в Древнем Египте, Вавилоне, Индии (в IV–III тыс. до н. э.). Образцом такого взаимопроникновения, в частности, являются законы Ману – памятник древнеиндийской литературы, сборник предписаний. В них говорится: «Наказание управляет человеческим родом, наказание его охраняет, наказание бодрствует, когда все спит» [7, с. 47].

В период Средневековья (до XV в.) уголовное право находилось под мощным влиянием религиозных воззрений, с одной стороны, римского права и философских учений античности – с другой.

В последующем, с возрастанием роли святой инквизиции, наблюдается отход от гуманистических принципов с одновременным углублением теоретических изысканий в области природы преступления. Соответствующие (во многом мистико-религиозные) идеи разрабатывались в трудах Иоанна Дамаскина, Фомы Аквинского, Шпренгера, Крамера и др. Теоретиками инквизиции было сформулировано понятие о преступнике как пособнике злых сил и разработаны практические приемы по их выявлению. К числу таких приемов, как известно, относи-

лись жестокие пытки, поиск особых «меток дьявола» (родимых пятен, бледности лица, мест на теле, из которых при иглоукаливании не идет кровь, и т. п.). В 1486 г. монахи-инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис опубликовали руководство по борьбе с преступностью «Молот ведьм», в котором анализировали причины появления «дьяволизма» в поведении людей, раскрывали различные аспекты инквизиционного процесса.

Разумеется, в рамках такой парадигмы говорить об исправлении преступника не представлялось возможным. Более того, казнь являлась благом для него самого, ибо избавляла от греха. К числу наиболее гуманных видов наказания инквизиторы относили сжигание на костре, который считался земным прообразом чистилища. При наличии смягчающих обстоятельств сжигаемых предварительно подвергали удушению [9, с. 17].

Однако еще в древние времена люди пришли к пониманию того, что предупреждение преступлений не может быть основано только на страхе. Конфуций, Пифагор, Демокрит, Сократ, Платон и другие мыслители придавали большое значение воспитанию. В частности, Пифагор заложил основы системы гражданского воспитания в Древней Греции, а Демокрит развивал идеи воздействия на преступность с помощью воспитания. Последний считал, что причиной преступлений являются нравственные и умственные пороки, что неправильное поведение человека является следствием отсутствия у него знаний о более правильном. С пороками воспитания и возникающими как их следствие искаженными потребностями (алчностью, развратом и т. д.) связывали преступное поведение Диоген, Антисфен и другие древнегреческие философы.

Сегодня, в 2021 г., закономерен вопрос: а как же правосознание, воспитание, социализация, совесть, нравственность, чувство солидарности и социальной ответственности? Вряд ли наказание как исключительно карательная мера может способствовать их формированию. Цель общей превенции, по сути, игнорирует эти качества личности, выработанные долгой эволюцией человеческой цивилизации, опираясь только на страх.

Что касается специальной превенции, то она, как уже ранее отмечалось, представляется не чем иным, как практической реализацией цели исправления, точнее опре-

деляемым ее достижением положительным эффектом – несовершенством новых преступлений лицом, уже подвергнутому наказанию.

Выводы

Проблемы целеполагания в пенологии при всем их теоретическом характере имеют вполне практическое значение. Эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы, ее сотрудников непосредственно оценивается по достижении целей наказания. Концептуальная неопределенность существующих целей и практическая неподтверждаемость их достижения, по сути, лишают смысла такую деятельность, не оставляют шанса для ее успешности и оправданности (благородности) с точки зрения общественного мнения. Поэтому корректировка целей наказания, четкая законодательная формулировка критериев достигаемого результата должна способствовать успешности и эффективности

уголовной политики государства, обретению ею социальной поддержки.

В нынешнем виде цели наказания имеют декларативный характер. Это означает, что при благородности посылки они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности и практической неверифицируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция).

Если наказание – это реакция государства на преступность, то эта реакция должна быть современной и релевантной реальным проявлениям криминала и социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также государственное порицание преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа. – Москва : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1939. – 182 с.
2. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / [соч.] И. Д. Беляева. – Москва : Типолитограф. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. – 728 с.
3. Горюновская, В. В. Постпенитенциарный рецидив : монография / В. В. Горюновская ; под научной редакцией В. А. Уткина. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 165 с. – ISBN 978-5-4396-0074-8.
4. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм. – Киев ; Харьков : Ф. А. Иогансон, 1899. – 153 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда : этюд об организации высших обществ / [соч.] Эмиля Дюркгейма. – Одесса : Тип. Г. М. Левинсона, 1900. – 332 с.
6. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм / Перевод с французского, составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с. – ISBN 5-88373-037-X.
7. Законы Ману / перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1960. – 362 с.
8. Иеринг, Р. Цель в праве / [соч.] Рудольфа фон-Иеринга. Том 1. – Санкт-Петербург : Н. В. Муравьев, 1881. – 412 с.
9. Иншаков, С. М. Зарубежная криминология : учебное пособие для студентов вузов / С. М. Иншаков. – 2-е издание. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. – 374 с. – ISBN 5-238-00616-0.
10. Калашникова, А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: компромисс идеологии и науки : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калашникова Анжелика Ирековна. – Казань, 2009. – 192 с.
11. Кант, И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 6. Религия в пределах только разума / Иммануил Кант. – Москва : Чоро, 1994. – 613 с. – ISBN 5-8497-000-6-4.
12. Козаченко, И. Я. Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания / И. Я. Козаченко, Е. Б. Козаченко // Наказание в условиях гуманизации уголовной политики России : сборник материалов межведомственного научно-практического семинара / ответственный редактор кандидат юридических наук, доцент В. Ф. Лапшин. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2011. – С. 17.
13. Кристи, Н. Причинная боль: роль наказания в уголовной политике / Нильс Кристи ; под общей редакцией Я. И. Гилинского. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 162 с. – ISBN 978-5-91419-457-1.
14. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.
15. Ременсон, А. Л. Является ли кара целью наказания? / А. Л. Ременсон // Ременсон А. Л. Избранные труды. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 115–125. – ISBN 5-7511-1728-X.
16. Селиверстов, В. И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения / В. И. Селиверстов // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 126–130.
17. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая / [соч.] Н. Д. Сергеевского. – 6-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1905. – 368 с.
18. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / ответственный редактор Л. Л. Круликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 592 с. – ISBN 5-466-00080-9.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / под редакцией доктора юридических наук, профессора Г. А. Есакова. – Изд. 7-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с. – ISBN 978-5-392-24417-1.
20. Уткин, В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций / В. А. Уткин. – Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 239 с. – ISBN 978-5-94621-680-7.

21. Филиппов, А. Н. О целях наказания по узаконениям Петровского царствования / Александр Филиппов // Юридический вестник. – 1890. – Том V, № 5–6. – С. 3–41.

REFERENCES

1. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR, 1939. 182 p.
2. Belyaev I.D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the history of Russian legislation]. Moscow: Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. 728 p.
3. Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitentsiarnyi retsidiv: monografiya* [Postpenitentiary relapse: monograph]. Moscow: YurLitinform, 2012. 165 p.
4. Durkheim E. *Metod sotsiologii* [The Rules of Sociological Method]. Kyiv; Kharkiv: F.A. Ioganson, 1899. 153 p.
5. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda: etyud ob organizatsii vysshikh obshchestv* [The Division of Labor in Society]. Odessa: Tip. G.M. Levinsona, 1900. 332 p.
6. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon, 1995. 352 p.
7. *Zakony Manu* [The Laws of Manu]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960. 362 p.
8. Jhering R. *Tsel' v prave. Sochineniya. Tom 1* [The Purpose in Law. Works. Volume 1]. Saint Petersburg: N.V. Murav'ev, 1881. 412 p.
9. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Foreign criminology: a textbook for university students]. Second edition. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. 374 p.
10. Kalashnikova A.I. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1926 g.: kompromiss ideologii i nauki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal Code of the RSFSR 1926: a compromise of ideology and science: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2009. 192 p.
11. Kant I. Religion within the Limits of Reason Alone. In: Kant I. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom 6* [Collected works in eight volumes. Volume 6]. Moscow: Choro, 1994. 613 p. (In Russ.).
12. Kozachenko I.Ya., Kozachenko E.B. Criminal law calculation of the goals of criminal punishment. In: Lapshin V.F. (Ed.). *Nakazanie v usloviyakh gumanizatsii ugolovnoi politiki Rossii: sbornik materialov mezhdodomstvennogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Punishment in the context of humanization of criminal policy in Russia: proceedings of the interagency research-to-practice seminar]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2011. P. 17. (In Russ.).
13. Christie N. *Prichinyaya bol': rol' nakazaniya v ugolovnoi politike* [Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy]. Ed. by Ya.I. Gilinskii. Saint Petersburg: Aleteiya, 2011. 162 p.
14. On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation: Federal Law 182-FZ of June 23, 2016. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 26 (Part I). Art. 3851. (In Russ.).
15. Remenson A.L. Is retribution the purpose of punishment? In: Remenson A.L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. 98 p. (In Russ.).
16. Seliverstov V.I. Criminal-legal and criminal-executive issues of conditional early release. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, 2015, no. 3, pp. 126–130. (In Russ.).
17. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law. The General Part]. Sixth edition. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 1905. 368 p.
18. Kruglikov L.L. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnyk dlya vuzov* [Russian criminal law. The General Part: a textbook for universities]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Volters Kluver, 2005. 592 p.
19. Esakov G.A. (Ed.). *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateyni kommentarii* [The Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary]. Seventh edition, revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2017. 736 p.
20. Utkin V.A. *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektsii* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 239 p.
21. Filippov A.N. On the goals of punishment under the legalities during the reign of Peter the Great. *Yuridicheskii vestnik*=Law Bulletin, 1890, vol.5, no. 5–6. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Статья поступила 21.01.2021

Цифровая валюта и новации Уголовного кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы

И. С. МОЧАЛКИНА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

Реферат

Введение: статья посвящена анализу понятия, правовой природы цифровой валюты и предлагаемых в последние несколько лет для введения в Уголовный кодекс Российской Федерации новаций, которые так или иначе связаны с цифровой валютой. *Цели:* изучение и обобщение законодательных инициатив, связанных с цифровой валютой; определение понятия и сущности цифровой валюты; установление ее места в системе гражданских прав; анализ возможности признания цифровой валюты как предмета и (или) средства совершения преступлений. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; юридико-догматический метод и метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ развития российского законодательства, регулирующего правовой статус новых цифровых объектов экономических отношений, показал, что признаки, которые составляют общее понятие цифровой валюты, не позволяют в полной мере определить круг объектов, подходящих под данное законодательное определение, однозначно отнести ее к объектам гражданских прав, выявить, какие операции и сделки с ней являются законными. Вышесказанное определяет невозможность установления уголовной ответственности за совершение деяний с цифровой валютой. *Выводы:* выявлены тенденции, с одной стороны, к легализации цифровой валюты, с другой – к воспрепятствованию ее использованию для оплаты товаров и услуг, в том числе путем установления уголовно-правовых запретов. Понятие цифровой валюты нуждается в доработке путем исключения из определения указания на оператора, узлы информационной системы. Наиболее верным решением видится введение понятия криптовалюты для обозначения децентрализованного средства выражения стоимости, а под цифровой валютой понимать централизованные средства, например цифровой рубль. Цифровую валюту необходимо признать объектом гражданских прав, отнеся к категории иного имущества. Это позволит минимизировать трудности при ее признании предметом или средством преступления и ввести в уголовный закон социально обусловленные запреты.

Ключевые слова: цифровая валюта; цифровые права; криптовалюта; поправки в УК РФ; новации УК РФ; преступления против собственности; преступления в сфере экономической деятельности; хищение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Мочалкина И. С. Цифровая валюта и новации Уголовного кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 260–268. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-260-268.

Digital Currency and Novelties in the Criminal Code of the Russian Federation: Topical Issues

IRINA S. MOCHALKINA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

Abstract

Introduction: the article analyzes the concept and legal nature of digital currency and certain novelties related to digital currency, which were put forward in the last few years so as to be introduced in the Criminal Code of the Russian Federation. *Aims:* to study and summarize legislative initiatives related to digital currency; to define the concept and essence of digital currency; to establish its place in the civil rights system; to analyze the possibility of recognizing digital currency as an object and (or) a means of committing crimes. *Methods:* historical, comparative-legal, empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; legal-dogmatic method, and interpretation of legal norms. *Results:* having analyzed the development of Russian legislation regulating the legal status of new digital objects of economic relations we see that the features that make up the general concept of digital currency do not allow us to determine the range of objects that fit this legislative definition; moreover, these features do not allow us to define digital currency as an object of civil rights and identify which operations and transactions with it are legal. Due to the above, it is impossible to establish criminal liability for committing acts involving digital currency. *Conclusions:* we have revealed certain tendencies toward legalization of digital currency on the one hand, and prevention of its use for payment for goods and services, including the imposition of criminal-legal prohibitions, on the other hand. The concept of digital currency needs to be revised: its definition should not contain a reference to the operator and the nodes of the information system. The most correct solution seems to be the introduction of the concept of cryptocurrency to denote a decentralized means of expressing value; as for digital currency, it should be understood as centralized funds, for example the digital ruble. Digital currency must be recognized as an object of civil rights, being classified as other property. This will help to minimize the difficulties in recognizing it as a subject or means of crime and introduce socially determined prohibitions into the criminal law.

Key words: digital currency; digital rights; cryptocurrency; amendments to the Criminal Code of the Russian Federation; novelties in the Criminal Code of the Russian Federation; crimes against property; crimes in the field of economic activity; theft.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Mochalkina I.S. Digital currency and novelties in the Criminal Code of the Russian Federation: topical issues. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 260–268. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-260-268.

Введение

В 2008 г. в сети Интернет была опубликована статья, посвященная биткойну. Автором ее являлся некий Сатоши Накамото [28]. Речь шла о таких электронных монетах, в основу функционирования которых была положена технология блокчейн. Сам термин «криптовалюта» закрепился и вошел в обиход после выхода в свет в 2011 г. статьи «Crypto currency» [30]. Со временем этот новый цифровой объект приобретал все большую популярность и все чаще использовался сторонами для заключения сделок и проведения соответствующих операций. Вместе с тем прогресс в сфере цифровизации всегда относителен, поскольку имеет и некоторые негативные последствия [25].

Так, в 2017 г. в США было возбуждено одно из первых уголовных дел по факту мошенничества, обстоятельства которого свидетельствовали о разворачивании Максимом Заславским рекламы токенов RECoin как первой в мире криптовалюты, обеспеченной недвижимостью, а токена Diamond как обе-

спеченного алмазами, что не соответствовало действительности [32]. В результате бизнесмен собрал около трех миллионов долларов с обманутых граждан. Еще одним примером является американское дело Николаса Трулья, который в 2018 г. смог похитить криптовалюту на общую сумму около миллиона долларов, используя довольно простую схему – SIM Swapping (подмена сим-карты) [31]. Количество преступлений, где так или иначе фигурировала криптовалюта, растет не только в зарубежных странах, но и в России [4].

Методы исследования

В статье используется исторический метод, позволяющий изучить некоторые этапы становления и развития криптовалюты и цифровой валюты; сравнительно-правовой метод, который помогает сопоставить понятия цифровой валюты, закрепленные в рекомендациях FATF и в законодательстве Российской Федерации, выявить общее и различное между ними. Применяются также эмпирические методы описания, метод ин-

терпретации, благодаря чему можно судить о законодательной задумке в части понятия и правового статуса цифровой валюты в России. Использование теоретических методов формальной и диалектической логики позволяет выявить тенденции развития норм уголовного закона в связи с нормативным оформлением и закреплением новых цифровых объектов. Юрико-догматический метод служит выработке понятий криптовалюты и цифровой валюты.

Обсуждение

Правовой статус новых средств выражения и сохранения стоимости до недавнего времени никак не регулировался действующим законодательством Российской Федерации, что порождало многочисленные трудности как в частноправовых отношениях, например в связи с включением таковых в наследственную или конкурсную массу при банкротстве, так и в публично-правовых отношениях, например при признании их предметом или средством преступления [10].

Кроме того, по результатам анализа судебной практики по уголовным делам можно заключить, что правоприменительными органами так и не было выработано единого подхода в части обозначения исследуемого нами объекта. Так, в одном из судебных решений указывается, что «Гаврилов А. А. совершил покушение на мошенничество, то есть покушение на хищение чужого имущества путем обмана в особо крупном размере, попросив потерпевшего передать ему 50 000 долларов США, что эквивалентно не менее 2 954 275 рублям, а также совершить финансовую операцию в виде конвертации требуемой суммы денежных средств в криптовалюту биткойн» [18]. В другом случае суд установил, что Ш. и О. вступили в предварительный преступный сговор с целью хищения чужого имущества, а именно BTC-е кодов (аббревиатура без официальной расшифровки), посредством сети Интернет [3]. Согласно еще одному решению суда Перфильев А. С. совершил легализацию (отмывание) денежных средств, осуществив финансовые операции с денежными средствами, полученными в результате незаконного сбыта наркотических средств, которые затем были преобразованы в форму виртуальных активов, после чего – в безналичную форму с последующим переводом в наличные денежные средства [19].

Специалисты в области права и информационных технологий также по-разному

определяют природу и сущность криптовалюты: как легитимационного знака [23], денежного суррогата [29], электронных денег [1], валютной ценности [7], обязательственного права [11], иного имущества [6] и т. п. Все это свидетельствует о необходимости разрешить юридическую судьбу новых цифровых объектов экономических отношений и обуславливает тенденцию к их нормативному закреплению, которая наиболее ярко начала прослеживаться в 2019 г.

Одним из первых шагов законодателя в обозначенном направлении явилось определение категории цифровых прав в ст. 141.1 ГК РФ [13], а затем их отнесение к объектам гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ [2]. Для закрепления утилитарных цифровых прав следом был принят федеральный закон «О краудфандинге», регламентировавший их правовой статус [14]. В продолжение нормативного урегулирования данной сферы уже в 2020 г. был принят федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – федеральный закон «О цифровых активах») [15], который определил понятия цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

Интересен тот факт, что в пояснительной записке к последнему речь идет о необходимости закрепления правового статуса криптовалюты, которая в конечном итоге на законодательном уровне трансформировалась в цифровую валюту [17]. Насколько удачным является такой подход, мы рассмотрим далее, а пока, определив место цифровой валюты среди иных новых цифровых объектов экономических отношений, остановимся на тех инициативах со стороны государства, которые выступили в качестве предлагаемых поправок к УК РФ, так или иначе связанных с цифровой валютой.

Практически сразу же после принятия федерального закона «О цифровых активах» Министерство финансов Российской Федерации по поручению Правительства Российской Федерации представило проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [12]. В этом документе предлагалось в ст. 187.1 УК РФ установить уголовную ответственность за организацию незаконного оборота цифровых прав, в ст. 187.2 УК РФ –

за организацию незаконного оборота цифровой валюты, в ст. 187.3 УК РФ – за незаконный прием цифровых прав и цифровой валюты в качестве встречного предоставления при осуществлении торговой деятельности, деятельности по выполнению работ и (или) оказанию услуг. Несмотря на то что поправки так и не были приняты, вектор законодательного движения уже был направлен фактически в сторону запрещения осуществления любых операций с цифровой валютой (за некоторыми исключениями). Поэтому не удивительно, что дальнейшие попытки законодателя урегулировать отношения, возникающие по поводу новых цифровых объектов, имели сходный характер.

На момент написания данной статьи Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении был принят проект закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [21]. В этом документе предлагается ввести в ст. 23 п. 35, которым предусматривается обязанность определенных категорий лиц сообщать о получении права распоряжаться, в том числе через третьих лиц, цифровой валютой, представлять отчеты об операциях (гражданско-правовых сделках) с цифровой валютой и об остатках цифровой валюты.

Одновременно в целях придания максимально императивного характера указанной норме Министерством финансов Российской Федерации был предложен законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – законопроект «О внесении изменений в УК РФ») с дополнением гл. 22 УК РФ ст. 199.5 [20]. Однако, по заключению Министерства экономического развития Российской Федерации, разработчик проекта не представил убедительных доводов в пользу необходимости признания рассматриваемого правонарушения преступлением, поэтому поддержан он быть не может [5]. Анализ формулировки этого заключения позволяет отнести к ней с сомнением, поскольку главная проблема в данном случае заключается не столько в недостаточности доводов, сколько вообще в возможности введения уголовной ответственности в тех случаях, когда предметом или средством преступления является цифровая валюта.

Вышесказанное в некотором смысле определяет дальнейший сценарий развития

событий, при котором с наибольшей степенью вероятности появятся схожие проекты уголовно-правовых норм, заранее обреченные на неуспех. А поскольку ст. 199.5 УК РФ в настоящее время является последним предложением со стороны государства, так или иначе связанным с цифровой валютой, то далее представляется целесообразным именно на примере данной нормы показать реальные причины отсутствия возможности введения уголовной ответственности за рассматриваемые деяния без однозначного определения правового статуса такого цифрового объекта.

Согласно нововведению уголовно наказуемым предлагалось признать злостное уклонение от исполнения предусмотренной законодательством Российской Федерации о налогах и сборах обязанности представлять в налоговые органы отчет об операциях (гражданско-правовых сделках) с цифровой валютой и об остатках цифровой валюты путем непредставления такого отчета или включения в отчет заведомо ложных сведений, если сумма операций по поступлению или списанию цифровой валюты за период в пределах трех лет подряд превышает крупный размер. В ч. 2 был предусмотрен квалифицирующий признак «то же деяние, превышающее особо крупный размер, либо если оно совершено группой лиц по предварительному сговору или организованной группой», а в примечаниях к статье пояснялось, что понимать под злостным уклонением и крупным размером. При этом самое строгое наказание составляло до двух лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Далее будет логичным рассмотреть правовую статус цифровой валюты. С 2003 г. наша страна является членом FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering) – группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, которая в своем отчете за 2014 г., посвященном виртуальным валютам, установила понятие цифровой валюты. Так, под последней понимается средство цифрового выражения либо виртуальной валюты (нефиатной валюты), либо электронных денег (фиатной валюты) [33]. Получается, что, согласно рекомендациям FATF, цифровая валюта представляет собой достаточно широкое понятие, поскольку включает в себя как средство выражения стои-

мости, не обладающее статусом законного платежного средства – не являющееся официально действующим и законным средством платежа при расчетах с кредиторами, так и цифровые средства выражения фиатной валюты, используемые для электронного перевода валюты и обладающие статусом законного платежного средства. Таким образом, во избежание путаницы в части разграничения виртуальной валюты, цифровой валюты и электронных денег FATF не рекомендовал использовать понятие «цифровая валюта» для регламентации новых цифровых объектов в законодательстве стран, входящих в эту межправительственную организацию [8].

Несмотря на то что такие предписания для государств-участников носят консультативный характер, представляется, что страны должны по возможности придерживаться данного понимания новых цифровых объектов. На этапе же нормативного закрепления криптовалюты в Российской Федерации законодатель пошел не по пути ее одноименного определения [9] или признания виртуальной валютой согласно рекомендациям FATF, а более неоднозначным путем: она была определена в законе слишком широко – в качестве цифровой валюты. Заметим, что проблемы в части понимания правового статуса цифровой валюты на этом не заканчиваются.

Во-первых, как уже было отмечено выше, в федеральном законе «О цифровых активах» была предпринята попытка определения понятия цифровой валюты как совокупности электронных данных. Для целей, например, антикоррупционного, антиотмывочного законодательства, исполнительного производства цифровая валюта уже признана имуществом [27], и это же предлагается сделать в соответствии с предлагаемыми поправками в Налоговый кодекс Российской Федерации. Однако интересен тот факт, что среди объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, цифровая валюта отсутствует, хотя в рамках налогового законодательства имущество понимается, как и в ГК РФ. С другой стороны, признание цифровых валют объектом налогообложения подтверждает признание законодателем их оборотоспособности. Возникает некая коллизия в части желания получать налоги при нежелании считать цифровую валюту объектом гражданского права. В этом усматривается какая-то

половинчатость: для определенных целей цифровая валюта признается имуществом, а глобально – нет. Представляется, что привлечение к уголовной ответственности за непредоставление отчета об операциях с цифровой валютой было бы крайне сомнительным мероприятием, учитывая зыбкий правовой статус такого средства выражения и сохранения стоимости.

Во-вторых, согласно ч. 3 ст. 1 упомянутого выше закона, цифровой валютой признается такая совокупность цифрового кода, которая может быть принята в качестве средства платежа. Однако уже в соответствии с ч. 5 ст. 14 федерального закона «О цифровых активах» перечисленные там субъекты гражданских правоотношений не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления, то есть в качестве оплаты за товары, работы, услуги. Парадокс, но до сих пор непонятно, является ли цифровая валюта средством платежа или нет. Если не является, прием цифровой валюты в результате проведения гражданско-правовой сделки будет признан незаконным и об этом правонарушении лицо еще и обязано будет сообщить в налоговые органы. Таким образом, чтобы предлагать введение уголовной ответственности за уклонение от обязанности предоставления отчета об операциях с цифровой валютой, необходимо определить сферу ее допустимого и недопустимого использования.

В-третьих, понятие цифровой валюты предусматривает признак, в соответствии с которым в отношении каждого ее обладателя оператор и (или) узлы информационной системы обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществлять действия по внесению записей в такую информационную систему (их изменению). Но данная черта не характерна ни для одной известной децентрализованной криптовалюты, существующей в распределенных реестрах [26]. Дело в том, что у криптовалют в подавляющем большинстве случаев нет никаких операторов, а под узлом же информационной сети понимается часть компьютерной сети или устройство, соединенное с другими узлами данной сети. Это может быть как компьютер, так и специальный коммутатор, маршрутизатор или концентратор [22]. Не совсем понятно, как и чем такой узел может быть обязан обладателям цифровой валюты. В связи с этим не представляется возможным опре-

делить тот круг объектов, которые бы попали под понятие цифровой валюты, а установление налогового режима и введение уголовной ответственности в соответствии со ст. 199.5 УК РФ без такого уточнения невозможно. Нельзя последнее признать обоснованным и с позиций уголовной социологии, поскольку отсутствуют социальные основания для возникновения уголовно-правового запрета [16].

Заключение

Так, пока цифровая валюта прочно не обособится среди объектов гражданских прав, пока не будет понятен тот круг гражданско-правовых сделок и операций, которые возможно заключать и проводить в отношении нее, пока не будет определено точно, что понимается под цифровой валютой, введение уголовной ответственности за деяния, предметом или средством которых она будет являться, нецелесообразно. Вышесказанное касается и уже предусмотренных УК РФ составов преступления, когда, например, при признании цифровой валюты в качестве предмета хищения первоначально необходимо дать ответы на вопросы, в частности, о месте такого цифрового объекта в соответствии со ст. 128 ГК РФ [24].

Не менее интересным являлось предложение в законопроекте «О внесении изменений в УК РФ» дополнить ст. 63 УК РФ таким отягчающим обстоятельством, как совершение преступления с использованием цифровой валюты. Только непонятно, насколько это оправдано, ведь получается, что оно должно было бы стоять в одном ряду с другими отягчающими обстоятельствами, например совершением преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ. И в чем тогда заключается разница с другими видами средств сохранения и накопления стоимости, использование которых не признается отягчающим обстоятельством?

Выводы

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. В результате рассмотрения предлагаемых поправок в УК РФ становится ясно, что сегодня государство стремится урегулировать отношения по поводу цифровой валюты далеко не самым либеральным способом. Не исключено, что в обозримом будущем появятся новые предложения по вве-

дению в УК РФ норм, где так или иначе будет фигурировать цифровая валюта, но пока не будет определен правовой статус этого цифрового объекта, введение уголовной ответственности за соответствующие деяния не представляется возможным.

2. В связи с возможным появлением в Российской Федерации еще одного цифрового объекта экономических отношений – цифрового рубля, который в отличие от традиционных криптовалют имеет своего официального эмитента в лице государства, представители банковской сферы высказывают предположение о том, что под цифровыми валютами законодатель понимает именно национальные цифровые валюты, а не распространенные криптовалюты, которые добываются майнерами. Представляется, что такая позиция не может быть поддержана по ряду причин.

Во-первых, А. Г. Аксаков, который является одним из авторов закона «О цифровых активах», неоднократно пояснял в СМИ, что под цифровыми валютами необходимо понимать именно криптовалюты. При этом не делалось никакой оговорки в части того, является ли такой цифровой объект результатом эмиссии государства.

Во-вторых, Совет при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в своем экспертном заключении от 20.07.2020 № 199/оп-1/2020 по проекту федерального закона «О цифровых активах» также склоняется к тому, что цифровая валюта призвана выступить в качестве правовой формы криптовалют.

В-третьих, в пояснительной записке к закону «О цифровых активах» не идет речи о каких-либо валютах, процесс выпуска которых связан только с деятельностью государства. Таким образом, очевиден вывод, что по своей сути цифровая валюта не может сводиться исключительно к государственным криптовалютам.

3. Понятие и правовой статус цифровой валюты не позволяют считать таковой децентрализованную криптовалюту, которая не имеет какого-либо определенного эмитента. Вероятнее всего, именно такая криптовалюта и понималась законодателем под цифровой валютой. Осуществляемые с ней транзакции являются анонимными, в них участвуют только обладатель и приобретатель, поэтому никакие операторы или узлы не могут иметь обязательств перед

собственником этого цифрового объекта. В связи с этим представляется логичным исключить из определения указание на оператора и узлы информационной системы.

4. Ресурсозатратным, но наиболее подходящим решением проблемы видится принятие самостоятельного понятия криптовалюты. Следует определить ее как децентрализованное средство выражения стоимости, созданное при помощи криптографических методов и основанное на технологии распределенного реестра. При таком подходе под цифровой валютой необходимо будет понимать централизованное средство выражения стоимости, примером которого мог бы стать цифровой рубль.

5. С учетом указанных изменений цифровая валюта (в контексте децентрализованной криптовалюты) должна быть признана в качестве объекта гражданского права в соответствии со ст. 128 ГК РФ и отнесена к иному имуществу. Это, во-первых, позволит минимизировать трудности в признании цифровой валюты предметом или средством преступного посягательства, поскольку понятие имущества в уголовном праве трактуется в соответствии с гражданским законодательством, а во-вторых, только после этого можно будет говорить о реформировании УК РФ путем введения новых составов преступлений, связанных с цифровой валютой. При этом появление уголовно-правовых норм должно быть социально обусловленным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахрушев, Д. С. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления / Д. С. Вахрушев // *Науковедение*. – 2014. – № 5 (24). – С. 291–300.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1994. – № 32. – Статья 3301.
3. Долгиева, М. М. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты / М. М. Долгиева // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2019. – № 4 (48). – С. 125–131.
4. Елфимова, П. Е. Криптовалюта как предмет преступления / П. Е. Елфимова // *Фемиды. Science*. – 2020. – № 8. – URL: <https://femida-science.ru/index.php/home/vypusk-8/item/242-kriptovalyuta-kak-predmet-prestupleniya> (дата обращения: 05.03.2021).
5. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Федеральный портал проектов нормативных правовых актов*. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108952> (дата обращения: 05.03.2021).
6. Коренная, А. А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А. А. Коренная, Н. В. Тыдыков // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2019. – Том 13, № 3. – С. 408–415. – doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415.
7. Корчагин, А. Г. К вопросу о правовой природе криптовалюты / А. Г. Корчагин, А. А. Яковенко // *Теология. Философия. Право*. – 2018. – № 1 (5). – С. 35–42.
8. Кочетков, А. В. Характеристика свойств и классификация виртуальных валют / А. В. Кочетков // *Финансовые исследования*. – 2016. – № 4 (53). – С. 29–37.
9. Мочалкина, И. С. ЦФА как предмет совершения преступления. О правовом регулировании криптовалюты и токенов / И. С. Мочалкина // *Адвокатская газета*. – 2019. – № 20 (301). – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsfa-kak-predmet-sovsheniya-prestupleniya/> (дата обращения: 05.03.2021).
10. Немова, М. И. Криптовалюта как предмет имущественных преступлений / М. И. Немова // *Закон*. – 2020. – № 8. – С. 145–154.
11. Новоселова, Л. О. О правовой природе биткойна / Л. О. Новоселова // *Хозяйство и право*. – 2017. – № 9. – С. 3–15.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : проект федерального закона. – URL: <https://racib.com/assets/img/news/pdf-37279083.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).
13. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2019. – № 12. – Статья 1224.
14. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.
15. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // *Российская газета*. – 2020. – № 173.
16. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дагель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина [и др.]; ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. – 303 с.
17. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О цифровых финансовых активах» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 05.03.2021).
18. Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-46/2018 // *Судебные и нормативные акты РФ*. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G3csJCuqqNzd6/> (дата обращения: 04.03.2021).
19. Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 13 февраля 2020 г. по делу № 1-44/2020 // *Судебные и нормативные акты РФ*. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/> (дата обращения: 04.03.2021).

20. Проект закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=108952> (дата обращения: 28.02.2021).
21. Проект закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 28.02.2021).
22. Рыбальченко, М. В. Архитектура информационных систем : учебное пособие для среднего профессионального образования / М. В. Рыбальченко. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 91 с. – ISBN 978-5-534-01252-1.
23. Сидоренко, Э. Л. Особенности квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалют / Э. Л. Сидоренко // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 3 (27). – С. 149–155.
24. Сидоренко, Э. Л. Хищение криптовалюты: парадоксы квалификации / Э. Л. Сидоренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 6. – С. 166–171.
25. Хиллота, В. В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о реформатировании предмета преступления против собственности) / В. В. Хиллота // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2018. – № 2 (26). – С. 58–68.
26. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Scribd. – URL: https://ru.scribd.com/document/494273416/Проект-заключения#from_embed (дата обращения: 01.02.2021).
27. Янковский, Р. М. Криптовалюта в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги / Р. М. Янковский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43–77.
28. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. – URL: <http://satoshiakamoto.me/whitepaper/> (дата обращения: 25.02.2021).
29. Dabrowski, M. Virtual currencies and central banks monetary policy: challenges ahead / Marek Dabrowski, Lukasz Janikowski. – Brussels : European Parliament, 2018. – 33 p. – URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/149900/CASE_FINAL%20publication.pdf (дата обращения: 09.03.2021).
30. Greenberg, A. Crypto Currency / Andy Greenberg // Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=37f4ce04353e> (дата обращения: 03.03.2021).
31. Morse, J. The sad story of an alleged SIM swapper who boosted millions / Jack Morse // Mashable. – URL: <https://mashable.com/article/sim-swap-cryptocurrency-theft-nicholas-truglia/?europe=true> (дата обращения: 03.03.2021).
32. Nikolova, M. US Govt clashes with ICO fraudster Maksim Zaslavskiy over restitution / Maria Nikolova // FNG. – URL: <https://fxnewsgroup.com/forex-news/cryptocurrency/us-govt-clashes-with-ico-fraudster-maksim-zaslavskiy-over-restitution/> (дата обращения: 03.03.2021).
33. Virtual Currencies Key Definitions and Potential AML/CFT Risks : FATF report. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).

REFERENCES

1. Vakhrushev D.S. Cryptocurrency as a phenomenon of the modern information economy: problems of theoretical reflection. *Naukovedenie=Science Studies*, 2014, no. 5 (24), pp. 291–300. (In Russ.).
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 no. 51-FZ. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1994. No. 32. Article 3301. (In Russ.).
3. Dolgieva M.M. Problems of qualification of crimes committed in the sphere of cryptocurrency turnover. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii=Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (48), pp. 125–131. (In Russ.).
4. Elfimova P.E. Cryptocurrency as a subject of crime. *Femida. Science=Themis. Science*, 2020, no. 8. Available at: <https://femida-science.ru/index.php/home/vypusk-8/item/242-kriptovalyuta-kak-predmet-prestupleniya> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
5. Conclusion on the regulatory impact assessment on the draft federal law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. *Federal portal of projects of normative legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#пра=108952> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
6. Korennaya A.A., Tydykov N.V. Crypto currency as an object and instrument of committing crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal= Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 408–415. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415. (In Russ.).
7. Korchagin A.G., Yakovenko A.A. To the question of the legal nature of cryptuals. *Teologiya. Filosofiya. Pravo=Theology. Philosophy. Law*, 2018, no. 1 (5), pp. 35–42. (In Russ.).
8. Kochetkov A.V. Characterization of the properties and classification of virtual currencies. *Finansovye issledovaniya=Financial Research*, 2016, no. 4 (53), pp. 29–37. (In Russ.).
9. Mochalkina I.S. Digital financial assets as the subject of committing a crime. On the legal regulation of cryptocurrencies and tokens. *Advokatskaya gazeta=Lawyers' Newspaper*, 2019, no. 20 (301). Available at: <https://www.advogazeta.ru/mneniya/tsfa-kak-predmet-soversheniya-prestupleniya/> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
10. Nemova M.I. Cryptocurrency as a subject of property crimes. *Zakon=The Law*, 2020, no. 8, pp. 145–154. (In Russ.).
11. Novoselova L.O. On the legal nature of bitcoin. *Khozyaistvo i pravo=Economy and the Law*, 2017, no. 9, pp. 3–15. (In Russ.).
12. O vnesenii izmenenii v Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'yu 151 Uголовno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: proekt federal'nogo zakona [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: draft federal law]. Available at: <https://racib.com/assets/img/news/pdf-37279083.pdf> (accessed March 5, 2021).
13. On Amendments to Parts 1, 2 and Article 1124 of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law 34-FZ of March 18, 2019. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No. 12. Article 1224. (In Russ.).
14. On raising investments using investment platforms and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law 259-FZ of August 2, 2019. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No. 31. Article 4418. (In Russ.).

15. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law 259-FZ of July 31, 2020. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2020, no. 173. (In Russ.).
16. Dageľ P.S., Zlobin G.A., Kelina S.G. et al. *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka, 1982. 303 p.
17. Explanatory note to the draft federal law "On digital financial assets". *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti* [System for providing support to legislative activity]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
18. Verdict of the Kalininsky District Court of Cheboksary, Chuvash Republic, dated February 6, 2018, case no. 1-46/2018 In: *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/G3cJCuqgNzd6/> (accessed March 4, 2021). (In Russ.).
19. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Kirov of February 13, 2020, case no. 1-44/2020. In: *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/> (accessed March 4, 2021). (In Russ.).
20. Draft law "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Federal portal of draft normative legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108952> (accessed February 28, 2021). (In Russ.).
21. Draft law 1065710-7 "On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation". *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti* [System for providing support to legislative activity]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (accessed February 28, 2021). (In Russ.).
22. Rybal'chenko M.V. *Arkhitektura informatsionnykh sistem: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Architecture of information systems: a textbook for secondary vocational education]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 91 p.
23. Sidorenko E.L. Features of the qualification of crimes related to the theft of cryptocurrencies. *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii=Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 3 (27), pp. 149–155. (In Russ.).
24. Sidorenko E. L. Cryptocurrency as the subject of theft and fraud: the problem of qualification. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki=Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2018, no. 6, pp. 166–171. (In Russ.).
25. Khilyuta V.V. Cryptocurrency as a subject of theft (or to the question of reformatting the subject of crimes against property). *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii=Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 2 (26), pp. 58–68. (In Russ.).
26. *Ekspertnoe zaklyuchenie po projektu federal'nogo zakona № 1065710-7 "O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii"* [Expert opinion on draft federal law 1065710-7 "On amendments to Parts 1 and 2 of the Tax Code of the Russian Federation"]. Available at: https://ru.scribd.com/document/494273416/Proekt-zaklyucheniya#from_embed (accessed February 1, 2021).
27. Yankovskiy R.M. Cryptovalues in the Russian law: surrogates, "other property" and digital money. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 43–77. (In Russ.).
28. *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. Available at: <http://satoshinakamoto.me/whitepaper/> (accessed February 25, 2021).
29. Dabrowski M., Janikowski L. *Virtual currencies and central banks monetary policy: challenges ahead. Brussels: European Parliament*, 2018. 33 p. Available at: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/149900/CASE_FINAL%20publication.pdf (accessed March 9, 2021).
30. Greenberg A. Cryptocurrency. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=37f4ce04353e> (accessed March 3, 2021).
31. Morse J. The sad story of an alleged SIM swapper who boosted millions. *Mashable*. Available at: <https://mashable.com/article/sim-swap-cryptocurrency-theft-nicholas-truglia/?europa=true> (accessed March 3, 2021).
32. Nikolova M. US Govt clashes with ICO fraudster Maksim Zaslavskiy over restitution. *FNG*. Available at: <https://fxnewsgroup.com/forex-news/cryptocurrency/us-govt-clashes-with-ico-fraudster-maksim-zaslavskiy-over-restitution/> (accessed March 3, 2021).
33. Virtual currencies key definitions and potential AML/CFT risks: *FATF report*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (accessed February 28, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МОЧАЛКИНА – аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

IRINA S. MOCHALKINA – postgraduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

Статья поступила 26.03.2021

Правомерные и неправомерные деяния в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права: теория вопроса

Е. Е. НОВИКОВ

Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Реферат

Введение: в статье рассмотрены правомерные и неправомерные деяния как виды юридических фактов, влияющих на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений. В теории права данные правовые явления остались без внимания, что не удовлетворяет потребностям уголовно-исполнительной науки и практики. *Цель:* на основе анализа правомерных и неправомерных деяний выделить свойства, признаки и внутреннее содержание рассматриваемых юридических фактов, выявить проблемы закрепления анализируемых правовых явлений в нормах права и определить направления их решения. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики, метод толкования правовых норм. *Результаты:* анализ правомерных деяний позволил выделить их признаки, внутреннее содержание и рекомендации к их закреплению. Исследование неправомерных деяний дало возможность рассмотреть сущность, виды и признаки объективно-противоправных деяний осужденных. *Выводы:* при изучении правомерных деяний был сформулирован вывод о том, что законодатель должен исключить правомерное бездействие там, где оно пересекается с обязанностью субъекта уголовно-исполнительных правоотношений действовать (когда право субъекта, по сути, является его обязанностью). Резюмируется, что совершение осужденным объективно-противоправного деяния не должно являться основанием для привлечения его к ответственности. Юридические факты, свидетельствующие об ином (не объективно-противоправном) правонарушающем поведении осужденных вне зависимости от его вида должны влечь за собой альтернативное наступление ответственности. Однако законодатель не фиксирует данные правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и всех видов наказаний, предназначенных для военнослужащих, что, полагаем, существенно затрудняет развитие уголовно-исполнительных правоотношений.

Ключевые слова: юридические факты; правомерные деяния; неправомерные деяния; уголовно-исполнительные правоотношения; объективно-противоправные деяния; неправомерное бездействие; правомерное бездействие.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Новиков Е. Е. Правомерные и неправомерные деяния в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права: теория вопроса. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 269–279. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-269-279.

Lawful and Unlawful Acts in the System of Legal Facts of Penal Law: Theory of the Issue

EGOR E. NOVIKOV

University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers lawful and unlawful acts as major types of legal facts that influence the functioning of penal relations. In the theory of law, these legal phenomena have remained virtually outside the scope of scientific attention; such a situation is contrary to the needs of penal science and application practice. *Aim:* by analyzing lawful and unlawful acts, we seek to identify features, signs and internal content of these legal facts, to identify issues related to enacting the analyzed legal phenomena in the norms of law, and to determine ways to address these issues. *Methods:* comparative legal method, empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, interpretation of legal norms. *Results:* the analysis of lawful acts allowed us to identify their features, internal content and recommendations for their consolidation. Having studied unlawful acts, we were able to consider the essence, types and features of objectively illegal acts committed by convicts. *Conclusions:* when studying lawful acts, we formulated a conclusion that the legislator should exclude lawful omission where it "intersects" with the obligation of the subject of penal legal relations to act (when the right of the subject is, in fact, their duty). The article summarizes, that the commission of an objectively illegal act by the convict should not be the basis for bringing them to liability. Legal facts that indicate a different (not objectively illegal) delinquent behavior of a convict, regardless of its type, should entail that the convict be held liable mandatorily. However, the legislator does not record these infringing legal facts in the chapters that regulate the execution and serving of sentences in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, in the form of arrest and all types of punishments intended for military personnel; all this, we believe, significantly complicates the development of penal legal relations.

Key words: legal facts; lawful acts; unlawful acts; penal legal relations; objectively illegal acts; unlawful omission; lawful omission.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Novikov E. E. Lawful and unlawful acts in the system of legal facts of penal law: theory of the issue. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 269–279. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-269-279.

Введение

Теория юридических фактов не является новым разделом юридической науки – проблемы фактов исследовались дореволюционным и советским правоведением, учеными-юристами современной России [3; 6; 15; 19] и зарубежных стран [16–18].

Несмотря на высокую степень научной разработанности вопроса в теории права, юридические факты, влияющие на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений, остались без должного внимания, что не может в полной мере удовлетворить потребности уголовно-исполнительной науки и практики применения. Только некоторые ученые-юристы, в частности Н. М. Ибрагимова, Н. И. Полищук, В. И. Пинчук, А. С. Севрюгин, основательно проанализировали некоторые аспекты интересующих нас правовых явлений.

Следует отметить, что законодатель в нормах уголовно-исполнительного права закрепляет как правомерные, так и неправомерные юридические деяния, которые могут быть разделены на действия или бездействия.

Правомерные и неправомерные действия и бездействия как юридические факты, влияющие на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений

Правомерность деяний субъектов уголовно-исполнительных правоотношений определяет наличие в законе дозволения, обязывания или запрета определенного поведения. Другими словами, правомерным юридическим действием/бездействием будет являться активное/пассивное поведение субъектов права, реализующих установленные в законе нормы дозволения, обязывания и запрета.

Раскрывая особенности правомерных действий субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, отметим, что они направлены на использование дозволяющих и исполнение обязывающих норм (рис. 1). Законодатель, исходя из содержания позиции Н. Г. Александрова о том, что «возможное поведение и требуемое должное поведение закреплены в юридических нормах и даны в виде моделей юридических субъективных прав и юридических обязанностей» [13, с. 541], направляет деятельность субъектов правоотношений на достижение целей, за-

крепленных в уголовно-исполнительном законодательстве.

Правомерные юридические факты-действия субъектов уголовно-исполнительных правоотношений с использованием дозволяющих норм отвечают следующим требованиям:

– возникновение данных юридических фактов не должно быть продиктовано принуждением субъекта правоотношения к реализации дозволяющих предписаний;

Рис. 1. Правомерные деяния

– отказ субъекта права от использования рассматриваемых фактов-действий не должен способствовать привлечению участника уголовно-исполнительного правоотношения к какому-либо виду ответственности;

– субъект уголовно-исполнительных правоотношений должен иметь возможность реализовать правомерные факты-действия беспрепятственно;

– данные юридические факты должны повлечь за собой возникновение у управомоченных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений следующих возможностей: 1) пользоваться материальным или духовным благом и/или 2) требовать от других лиц выполнения действий, отвечающих содержанию юридического факта и соответствующему правоотношению.

Признаки, присущие правомерным юридическим фактам-действиям, основывающимся на исполнении субъектами права обязывающих норм, качественно отличаются от рассмотренных выше. К ним можно отнести следующие:

– субъект уголовно-исполнительных правоотношений обязан инициировать возникновение данного юридического факта-действия вне зависимости от личного отношения к совершаемым действиям и правоотношениям, которые они могут породить;

– отказ субъекта от совершения правомерных юридических фактов-действий, основывающихся на исполнении обязывающих норм, должен способствовать альтернативному привлечению субъекта уголовно-исполнительных правоотношений к ответственности;

– выполнение данных юридических фактов-действий может как удовлетворять интересы и потребности лиц, их совершающих, так и не удовлетворять (например, выход осужденного к лишению свободы на работу может как являться правомерным юридическим фактом-действием, порождающим правоотношения, удовлетворяющие интересы и потребности осужденного, так и не являться таковым).

Рассмотренная группа юридических фактов представлена в уголовно-исполнительном праве большим количеством правовых предписаний. Так, в случае приобретения осужденным продуктов питания (ст. 88 УИК РФ) юридически значимым будет являться факт приобретения, который направлен на реализацию соответствующего права осужденного (то есть нормы дозволения) на получение собственности, а действия лица, связанные с возмещением ущерба (ст. 102 УИК РФ), причиненного ИУ, представляют собой юридический факт, обеспечивающий соответствующую обязывающую норму.

Полагаем, что правомерное действие не предполагает использование запрещающих норм, так как они предписывают субъекту не совершать определенных в законе действий: нельзя назвать правомерным действием поведение субъекта, который нарушил требование, вытекающее из запрещающей нормы.

Правомерные юридические факты-бездействия влияют на правоотношения, ориентированные на соблюдение норм запрета и использование дозволяющих норм.

В уголовно-исполнительной науке вопросы, связанные с анализом правомерного бездействия как юридического факта, ранее не рассматривались. Но анализ юридической доктрины позволяет сделать вывод о том, что в ограниченном количестве научных трудов допускается существование правомерного бездействия. Так, согласно позиции В. Н. Казакова, правомерное бездействие – это такое поведение субъектов права, которое направлено на «реализацию подавляющего большинства норм-запретов» [3, с. 20].

Значимость правомерных юридических фактов-бездействий, ориентированных на соблюдение запрещающих предписаний, сложно переоценить. Как справедливо отметил Н. Н. Рыбушкин, «в ходе соблюдения запрещающих норм субъект права как бы отграничивает себя от вытесняемых отношений, не вступает в них» [12, с. 17].

Так, например, осужденным, отбывающим наказание в виде исправительных работ, запрещается увольнение с работы по собственному желанию (ч. 3 ст. 40 УИК РФ); администрации ИУ запрещается использовать осужденных для выполнения работ (например, по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и надзора и т. п.), установленных Правилами внутреннего распорядка ИУ (приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295). Пассивное поведение в приведенных примерах является общественно полезным, необходимым, требуемым и играет положительную роль, выступает условием нормального функционирования уголовно-исполнительных правоотношений. Соблюдая запреты, направленные на предотвращение возможных последствий, нежелательных для общества, государства, отдельных лиц, субъекты избегают конфликтов, считаются с общественными интересами [10, с. 159].

Поведение субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, связанное с неиспользованием дозволяющих норм, также может являться правомерным юридическим фактом-бездействием, влияющим на уголовно-исполнительные правоотношения.

Об обязательности вычленения правомерного бездействия говорил В. Н. Кудрявцев. При этом ученый справедливо отмечает, что в ряде случаев польза от нереализации дозволяющих норм сомнительна. Он констатировал, что если соблюдение запретов не вызывает сомнений с точки зрения полезности и соразмерности, то второй вид правомерного бездействия, состоящий в неиспользовании своего права, неоднороден [4, с. 137]. Другими словами, бездействии субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, не использующих дозволяющие предписания, не всегда необходимо, оправдано и полезно.

Можно привести следующие примеры юридических фактов-бездействий, которые, с одной стороны, являются правомерными, а с другой – сомнительными, не способствующими нормальному функцио-

нированию уголовно-исполнительных правоотношений:

- обращение осужденного, отбывающего наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, с заявлением об обеспечении его личной безопасности (ч. 2 ст. 13 УИК РФ). 76 % опрошенных сотрудников СИЗО и ИУ отметили, что в случаях отсутствия соответствующего заявления от осужденного не всегда получается своевременно устранить угрозу личной безопасности;

- согласимся с мнением большинства сотрудников УИИ (82 %), которые указали, что обращение беременной осужденной в суд с ходатайством об отсрочке отбывания наказания в виде обязательных (ч. 3.1 ст. 26 УИК РФ) или исправительных (ч. 5 ст. 42 УИК РФ) работ отрицательно влияет на правоотношения в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний;

- ненаправление больными осужденными к обязательным (ч. 3 ст. 26 УИК РФ) или исправительным (ч. 4 ст. 42 УИК РФ) работам обращения в суд об освобождении от отбывания наказания в связи с наличием тяжелой болезни также негативно сказывается на уголовно-исполнительных правоотношениях.

Таким образом, отказ осужденного от использования своего права в ряде случаев отрицательно влияет на развитие уголовно-исполнительных правоотношений, но ответственности за подобное поведение лицо не несет.

Уголовно-исполнительное законодательство содержит подобные юридические факты-бездействия (то есть факты, основывающиеся на неиспользовании права, но порождающие негативные последствия), свидетельствующие о поведении субъектов, исполняющих уголовные наказания (меры), например неприменение уполномоченными сотрудниками ИУ мер поощрения к осужденным при наличии достаточных оснований, таких как хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях (ч. 1 ст. 113 УИК РФ).

Однако справедливо будет отметить, что чаще всего указанное бездействие сотрудников учреждений, исполняющих уголовные наказания (меры), не просто негативно сказывается на развитии уголовно-исполнительных правовых связей, но и может явиться основанием для привлечения к ответственным

ности. Это происходит, когда право субъекта является его служебной обязанностью. В таком случае лицо не может отказаться от реализации закрепленного в законе права. В противном случае бездействие участников правоотношений, основывающихся на данных специфических нормах, будет являться юридическим фактом, порождающим правоотношения ответственности. В. Н. Кудрявцев, рассматривая данное явление, отмечал, что для избежания негативного результата правоприменителю следует ответить на следующий вопрос: не совпадает ли использование своих прав с неиспользованием своих обязанностей? [4, с. 137]

В уголовно-исполнительном праве существует обширный перечень юридических фактов, имеющих подобную двойственную природу, например:

– администрация ИУ не может отказаться от своего права производить досмотр находящихся на территории ИУ и прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы (ч. 6 ст. 82 УИК РФ);

– администрация ИУ не может отказаться от своего права использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других правонарушений (ч. 1 ст. 83 УИК РФ) и др.

Такое совпадение использования своих прав с исполнением своих обязанностей в уголовно-исполнительном праве встречается только у субъектов, исполняющих уголовные наказания (меры).

Следует отметить, что наличие в уголовно-исполнительном праве подобных норм может привести к неправильному их толкованию практическими работниками и последующему бездействию, отрицательно сказывающемуся на функционировании уголовно-исполнительных правоотношений. Данный тезис подтверждают результаты опроса сотрудников ИУ: 22 % указали, что они могут не применять меры взыскания за совершение осужденным нарушения, так как это является их правом, а не обязанностью.

Решение данного вопроса осуществляется, во-первых, не только через правовое воспитание (как считал В. Н. Кудрявцев), но и через пересмотр содержания подобных норм. Полагаем, что отрицательные

последствия правомерного бездействия, возникшие в результате необращения больного осужденного к обязательным работам с просьбой об освобождении от отбывания наказания, можно ликвидировать, если УИИ будут наделены правом ходатайствовать перед судом об освобождении.

Во-вторых, перенесение законодателем некоторых прав в разряд обязанностей также способно ликвидировать часть отрицательного бездействия. Например, в ч. 6 ст. 82 УИК РФ должно быть закреплено, что администрация ИУ не вправе, а обязана производить досмотр находящихся на территории исправительного учреждения и на прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования, лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Отдельно следует отметить, что не каждое правомерное бездействие представляет собой юридический факт. Данное поведение будет являться таковым, когда оно напрямую не влияет на функционирование уголовно-исполнительных правоотношений, не является юридически значимым, то есть не порождает, не изменяет, не приостанавливает и не прекращает правоотношения. Так, например, неиспользование осужденным права на телефонный разговор является правомерным бездействием, но не юридически значимым фактом, так как не влияет на функционирование каких-либо уголовно-исполнительных правоотношений.

Правомерное бездействие – это такие юридические факты, которые могут выступать только как элементы фактического состава. В уголовно-исполнительном праве бездействие вне связи с иными юридическими фактами не будет порождать правоотношений. Но это не умаляет роли рассматриваемого поведения, так как каждый из элементов фактического состава важен по своему и имеет самостоятельное значение.

Приведем следующий пример. Уголовно-исполнительные правоотношения, связанные с переводом осужденного из обычных условий отбывания наказания в облегченные, не возникнут без наличия фактов, которым законодатель придал юридическое значение, закрепив их в законе: добросо-

вестное отношение к труду и отсутствие взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания (ч. 2 ст. 120 УИК РФ).

В данном случае нас интересует факт отсутствия взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания, который может быть сформирован только при наличии правового симбиоза активного правомерного действия, связанного, как было сказано ранее, с исполнением обязывающих норм (добросовестное отношение к труду), и правомерного бездействия, ориентированного на соблюдение норм, запрещающих, например, употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ, неповиновение представителям администрации ИУ, организацию группировок осужденных, направленных на совершение правонарушений, и т. д. В данном случае правомерное бездействие будет являться юридическим фактом, обязательное наличие которого влечет за собой образование соответствующих уголовно-исполнительных правоотношений.

Приступая к рассмотрению неправомерных деяний (рис. 2), в первую очередь следует отметить, что в теории права неправомерное поведение подразделяется на объективно-противоправные деяния и правонарушающие юридические факты.

Рис. 2. Неправомерные деяния

Несмотря на очевидный интерес отдельных ученых-юристов, в частности С. С. Алексеева, В. Б. Исакова, С. И. Самищенко, А. М. Хужина, к объективно-противоправным деяниям, они так и не стали предметом основательного исследования в отечественной науке. Согласимся с мнением И. А. Минни-

кеса о том, что лишь в некоторых учебниках по теории государства и права упоминается данный вид деяний [6, с. 19]. Не является исключением и уголовно-исполнительная наука, в которой вопросы объективно-противоправного поведения как юридического факта не рассматривались вообще.

Практически все представители юридической науки, подразделяющие неправомерные деяния на два указанных вида, отмечают, что объективно-противоправное поведение – это противоправное, неодобряемое, вредное, но невинное деяние, выражающееся в неисполнении юридических обязанностей и несоблюдении запретов [1, с. 353].

Объективно-противоправные деяния, содержащиеся в уголовно-исполнительном праве, можно разделить на две группы:

1) к первой относятся объективно-противоправные деяния, которые содержатся в уголовно-исполнительном праве, но правоотношения, на которые они влияют, находятся за рамками предмета уголовно-исполнительного правового регулирования. Это «классические» подобного рода юридические факты, и они содержатся в интересующем нас законодательстве в ограниченном количестве. К ним можно, например, отнести невинное причинение осужденным материального ущерба исправительному центру (ч. 2 ст. 60.20 УИК РФ) или неумышленное причинение вреда собственному здоровью (ч. 2 ст. 102 УИК РФ). В первую очередь сюда относятся деяния, повлекшие за собой несчастные случаи на производстве. Например, за 2018 г. численность осужденных, получивших травмы на производстве, составила 228 чел. [8, с. 60];

2) особенностью второй группы юридических фактов является то, что они оказывают непосредственное воздействие на правоотношения, функционирующие в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний (мер). К данным юридическим фактам можно отнести объективно-противоправные деяния, которые являются таковыми в связи с наличием «той или иной причины, которая помешала осужденному выполнить требования, определенные законом» [11, с. 118]. Речь идет об уважительных причинах, наличие которых исключает возможность привлечения лица к ответственности за совершение им неодобряемого деяния. В качестве примера приведем следующие объективно-противоправные деяния, явля-

ющиеся таковыми в связи с наличием уважительных причин: невыход более двух раз в течение месяца на обязательные работы (п. «а» ч. 1 ст. 30 УИК РФ), несоблюдение осужденным к ограничению свободы установленных судом ограничений (п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ), неявка осужденного в УИИ для регистрации (п. «г» ч. 1 ст. 58 УИК РФ) [7, с. 45–51]; отказ от работы или прекращение работы (ч. 1 ст. 116 УИК РФ) и т. д.

Деяния, входящие в обе группы, обладают всеми признаками, свойственными объективно-противоправному поведению.

Во-первых, формальным признаком такого поведения является противоправность, выражающаяся в нарушении норм права. Поведение осужденного противоправно, если оно не отвечает требованиям обязывающих или запрещающих норм. Например, причинение осужденным материального ущерба исправительному центру или вреда собственному здоровью нарушает предписания федерального законодательства (ч. 2 ст. 11 УИК РФ) и подзаконных актов, в которых отмечается, что осужденный обязан «бережно относиться к имуществу ИЦ и другим видам имущества» (п. 15 разд. IV приказа Минюста России от 29.12.2016 № 329) и не причинять «вред своему здоровью» (п. 17 разд. III приказа Минюста России от 16.12.2016 № 295).

Во-вторых, рассматриваемые объективно-противоправные деяния совершаются невиновно, то есть лицо не осознает и по обстоятельствам дела не может осознавать противоправность своих действий, либо не предвидит возможность наступления негативных последствий и по обстоятельствам дела не может и не должно их предвидеть [4, с. 62], либо не может предотвратить наступление негативных последствий в связи с наличием исключительных обстоятельств. Полагаем, что законодатель, закрепляя категорию «уважительная причина», предполагает, что осужденный, согласно общему правилу, осознает и предвидит наступление последствий, но наличие исключительных обстоятельств не дает ему возможности исполнить обязанность или соблюсти запрет.

В-третьих, такое поведение оказывает негативное влияние на функционирование учреждений, исполняющих уголовные наказания (меры), причиняет вред.

В-четвертых, рассматриваемые объективно-противоправные деяния, являясь юридическими фактами, не могут не вли-

ять на функционирование правоотношений. Первая выделенная группа юридических фактов, как уже было отмечено выше, влияет на функционирование правоотношений, находящихся за пределами уголовно-исполнительного правового регулирования. Объективно-противоправные деяния, относящиеся ко второй группе юридических фактов, порождают, изменяют или прекращают правоотношения, находящиеся в сфере непосредственного влияния норм уголовно-исполнительного права.

В-пятых, осужденный после объективно-противоправного деяния может не участвовать в восстановлении нарушенных уголовно-исполнительных отношений, не привлекаться к ответственности. В юридической литературе справедливо отмечается, что в некоторых случаях объективная ответственность имеет место в правоотношениях, регулируемых государственным гражданским (частным) и международным правом [5, с. 44]. В данном случае согласимся с А. М. Хужиным в том, что ответственность должна наступать только за совершение лицом правонарушения, включающего все присущие неправомерному поведению признаки, в том числе и вину [14, с. 20; 15].

Волевое поведение осужденного, препятствующее нормальному функционированию уголовно-исполнительных правоотношений, является правонарушающим юридическим фактом, влекущим за собой привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности. Л. И. Петражицкий, высказываясь о данных правовых явлениях, справедливо указывал, что под «недозволенными, запрещенными действиями разумеют такие действия или упущения, которые противны требованиям (“велениям”) права и вследствие этого вызывают известные (для нарушителя невыгодные) юридические последствия, например обязанность возместить причиненный вред или потерпеть наказание» [2, с. 361].

Наличие данных юридических фактов свидетельствует о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязывающих норм и несоблюдении запрещающих предписаний. Исходя из содержания данного утверждения, можно выделить три группы юридических фактов, свидетельствующих о правонарушающем поведении осужденного:

1) неисполнение обязанностей. Данные юридические факты представлены в уголовно-исполнительном законодательстве

в наибольшем количестве, что логично, так как законодатель в большей степени ориентирован на закрепление в УИК РФ обязанностей осужденного, факт неисполнения которых влечет за собой возникновение, изменение или прекращение уголовно-исполнительных правоотношений;

2) ненадлежащее исполнение обязанностей. Указанные юридические факты по своей юридической природе максимально схожи с рассмотренными выше. Однако их наличие свидетельствует о том, что осужденный де-юре не отказался от исполнения предписанной ему обязанности, но осуществляет это не в полном объеме, несвоевременно, неправильно, неточно. По мнению сотрудников ИУ, к юридическим фактам подобного рода можно отнести, например, факты ненадлежащей уборки осужденным своего спального (рабочего) места или соблюдение правил личной гигиены не в полном объеме;

3) несоблюдение запретов. Наличие данного юридического факта свидетельствует о том, что цель запрета, содержащаяся в удержании осужденного от неправомерного поступка («и тем самым добиться бесконфликтного состояния общественных отношений» [11, с. 12]), не достигнута.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства показал, что несоблюдение осужденным запретов порицается законодателем в большей степени. Другими словами, наличие выделенного юридического факта, по общему правилу, является основанием для привлечения осужденного к более серьезному виду ответственности, что отчетливо выражено в нормах, регламентирующих исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы. Например, все деяния, закрепленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ (закрепляет правонарушающее поведение осужденного, за которое он может быть признан злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания в виде лишения свободы), являются юридическими фактами, возникающими в связи с нарушением запрета.

Правонарушающие юридические факты также можно разделить на два вида: 1) незначительные проступки и 2) юридические факты, наличие которых детерминирует признание осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания (меры), а равно злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания (к

данной категории также следует отнести юридический факт, дающий основания для признания условно осужденного лицом, систематически нарушающим предъявляемые к нему требования).

Правонарушающие юридические факты, относящиеся к первой группе, представляют собой деяния осужденных, которые порицаются законом, но в меньшей степени. Данные юридические факты вне зависимости от того, какому виду наказаний они свойственны, содержат поведение, причиняющее незначительный вред уголовно-исполнительным правоотношениям. Осужденный признается обычным, а не злостным нарушителем. Однако совершение повторного подобного проступка в ряде случаев квалифицируется как юридический факт второй группы.

Например, разовое нарушение осужденным к обязательным работам трудовой дисциплины является юридическим фактом, порождающим правоотношения в сфере признания лица нарушителем условий отбывания соответствующего наказания. Данное поведение осуждается, но признается несущественно нарушающим уголовно-исполнительные правоотношения. Но совершение повторного нарушения трудовой дисциплины в течение месяца будет являться фактом признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания обязательных работ (ч. 1 ст. 30 УИК РФ), что порождает правоотношения в сфере замены обязательных работ на другой вид наказания (ч. 2 ст. 29 УИК РФ).

Юридические факты схожего содержания также есть в главах УИК РФ, регламентирующих исполнение (отбывание) наказания в виде исправительных работ (ч. 3 ст. 46), ограничения свободы (п. «а» ч. 4 ст. 58), принудительных работ (ч. 3 ст. 60.15).

Кроме того, к юридическим фактам второй группы следует относить правонарушения, появление которых существенно нарушает уголовно-исполнительные правоотношения. Совершение даже одного подобного проступка является основанием для возникновения правоотношений в сфере признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания (меры), а равно злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. К подобным юридическим фактам можно отнести, например, неуплату штрафа (ч. 1 ст. 32 УИК РФ), сокрытие места своего нахождения

(жительства) (п. «в» ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 46, п. «в» ч. 4 ст. 58 УИК РФ), отказ осужденного от использования технических средств надзора и контроля (п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ), употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ (п. «а» ч. 2 ст. 60.15, ч. 1 ст. 116, ч. 7 ст. 178 УИК РФ), отказ от работы или прекращение работы (ч. 6 ст. 103 УИК РФ), все деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, и т. д.

Следует отметить, что законодатель не фиксирует правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и всех видов наказаний, предназначенных для военнослужащих.

Правонарушающие юридические факты, как и правомерные, могут быть выражены в активной и пассивной формах поведения. Неправомерные действие и бездействие могут быть ориентированы на отказ от исполнения обязывающих или соблюдения запрещающих норм. Например, неправомерные действия осужденного, направленные на оскорбление сотрудника ИУ, сопровождаются активным поведением лица, ориентированного на нарушение обязывающей нормы (ч. 4 ст. 11 УИК РФ); проступок осужденного, связанный с употреблением спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ (ч. 1 ст. 116 УИК РФ), свидетельствует об активном отрицании запрещающей нормы.

Неправомерным бездействием можно назвать неявку лица по вызову администрации ИУ (ч. 5 ст. 11 УИК РФ). В данном случае осужденный нарушает обязывающую норму. А пассивное поведение, связанное с прекращением работы для разрешения трудового конфликта, не соответствует требованию, определенному в соответствующей запрещающей норме (ч. 6 ст. 103 УИК РФ).

Заключение

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Правомерные действия участников уголовно-исполнительных правоотношений направлены на использование дозволяющих и исполнение обязывающих норм. Признаки, которые свойственны правомерному действию, основанному на использовании дозволяющих норм, и признаки, свойственные

исполнению обязывающих норм, в обязательном порядке должны учитываться субъектами уголовно-исполнительного права. При этом правомерное действие не предполагает использования запрещающих норм, так как данный вид предписаний декларирует несовершение определенных в законе действий: нельзя назвать правомерным действием поведение субъекта, который нарушил требование, вытекающее из запрещающей нормы, закрепленной в уголовно-исполнительном законодательстве.

Правомерные юридические факты-бездействия субъектов уголовно-исполнительного права влияют на правоотношения, ориентированные на соблюдение норм запрета и использование дозволяющих норм.

2. Из уголовно-исполнительного законодательства должны быть исключены нормы, способствующие появлению правомерного бездействия там, где оно пересекается с обязанностью участника уголовно-исполнительных правоотношений действовать (когда право субъекта, по сути, является его обязанностью).

3. Наличие объективно-противоправного поведения осужденного не должно вызывать привлечение его к ответственности. Однако объективно-противоправное поведение способно порождать иные уголовно-исполнительные правоотношения, вытекающие из порядка исполнения и отбывания уголовного наказания. Например, неявка осужденного в УИИ для регистрации при наличии уважительных причин порождает правоотношения, связанные с установлением достоверности представленной осужденным информации, осуществлением дополнительного контроля над поведением осужденного, принятием мер, направленных на дальнейшее исключение возникновения объективно-противоправного поведения осужденного.

4. Юридические факты, свидетельствующие о правонарушающем поведении осужденных, вне зависимости от их вида (активное / пассивное, незначительное / значительное, основанное на неисполнении обязанности / несоблюдении запрета) должны влечь за собой ответственность. Однако законодатель в УИК РФ не фиксирует данные правонарушающие юридические факты в главах, регламентирующих исполнение и отбывание наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью,

ареста и всех видов наказаний, предназна- существенно затрудняет развитие уголов-
ченных для военнослужащих, что, полагаем, но-исполнительных правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций. В 2 томах. Том 1. Основные вопросы общей теории социалистического права / С. С. Алексеев. – Свердловск : [б. и.], 1972. – 396 с.
2. Антонян, А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Антонян Азат Галустович. – Томск, 2016. – 232 с.
3. Казаков, В. Н. Правомерное поведение и правопорядок : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Казаков Владимир Николаевич. – Москва, 1999. – 185 с.
4. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1982. – 289 с.
5. Кузьмин, И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности / И. А. Кузьмин // Вестник Омского университета. Серия : Право. – 2011. – № 1 (26). – С. 39–44.
6. Минникес, И. А. Объективно-противоправное деяние / И. А. Минникес // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2 (59). – С. 19–23.
7. Мурсалимов, К. А. Проблемные аспекты производства по делам об административных правонарушениях в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / К. А. Мурсалимов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – № 4 – С. 45–51.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2018 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. – 294 с.
9. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург : Лань, 2000. – 608 с. – ISBN 5-8114-0224-4.
10. Прусаков, А. Д. Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Прусаков Александр Дмитриевич. – Саратов, 2008. – 238 с.
11. Радько, Т. Н. Запрещающие нормы в механизме правового регулирования / Т. Н. Радько // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 3 (52). – С. 9–17.
12. Рыбушкин, Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве / Н. Н. Рыбушкин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 113 с. – ISBN 5-7464-0274-5.
13. Теория государства и права : учебник / под редакцией Н. Г. Александрова. – Изд. 2-е, переаб. и доп. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 640 с.
14. Хужин, А. М. Объективно-противоправное поведение в российском праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хужин Альфир Мисхатович. – Нижний Новгород, 2000. – 23 с.
15. Хужин, А. М. Объективно-противоправное поведение в российском праве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хужин Альфир Мисхатович. – Нижний Новгород, 2000. – 158 с.
16. Classification of jural facts in the legal system: experience of the legislation of the countries of the commonwealth of independent states / E. Yu. Bakirova et al. // Talent Development and Excellence. – 2020. – Volume 12, no. 3. – Pp. 1311–1317.
17. Hage, J. Dick w.p. ruiter. institutional legal facts: legal powers and their effects / J. Hage // Artificial Intelligence and Law. – 1999. – Volume 7, no. 4. – Pp. 377–385.
18. Ramm, Th. Einführung in das Privatrecht / Allgemeiner Teil des BGB / Thilo Ramm. – München : Deutschen Taschenbuch, 1974. – 916 p.
19. Voronin, I. K. Ways of fixing legal facts in roman law / I. K. Voronin // Smart Innovation, Systems and Technologies. – 2019. – Volume 139. – Pp. 676–681.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava*. T. 1. [Issues of the law theory. Volume 1]. Sverdlovsk, 1972. 396 p.
2. Antonyan A.G. *Otsenochnye kategorii v ugovolno-ispolnitel'nom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Evaluation categories in penal law: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Tomsk, 2016. 232 p.
3. Kazakov V.N. *Pravomernoe povedenie i pravoporyadok: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Lawful behavior and legal order: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 1999. 185 p.
4. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow: Izdatel'stvo nauka, 1982. 289 p.
5. Kuz'min I.A. Objectively-illegal act as the basis of objective (innocent) responsibility. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2011, no. 1 (26), pp. 39–44. (In Russ.).
6. Minnikes I.A. Objectively unlawful act. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Law Journal*, 2008, no. 2 (59), pp. 19–23. (In Russ.).
7. Mursalimov K.A. Problematic aspects of proceedings in cases of administrative offenses in the activities of penal inspections. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii=Public Safety, Lawfulness and Legal Order in the Third Millennium*, 2018, no. 4, pp. 45–51. (In Russ.).
8. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2018 g. Informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system for January – December 2018. Information and analytical collection]. Tver, 2018. 294 p.
9. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nrvstvvennosti* [Theory of the law and state in relation with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan', 2000. 608 p.
10. Prusakov A.D. *Deistvie i bezdeistvie kak formy yuridicheski znachimogo povedeniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Action and omission as forms of legally significant behavior: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Saratov, 2008. 238 p.

11. Rad'ko T.N. Prohibiting norms in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Akademii prava i upravleniya=Bulletin of Academy of Law and Management*, 2018, no. 3 (52), pp. 9–17. (In Russ.).
12. Rybushkin N. N. *Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave* [Prohibiting norms in the Soviet law]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1990. 113 p.
13. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of law and state]. Ed. by N.G. Aleksandrov. Moscow, 1974. 640 p.
14. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2000. 23 p.
15. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2000. 158 p.
16. Bakirova E.Yu., Kuksin I.N., Lepeshkina O.V., Umarova A.A., Vlasenko N.A. Classification of jural facts in the legal system: experience of the legislation of the countries of the Commonwealth of Independent States. *Talent Development and Excellence*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 1311–1317.
17. Hage J. Dick W.P. Ruiter. Institutional legal facts: legal powers and their effects. *Artificial Intelligence and Law*, 1999, vol. 7, no. 4, pp. 377–385.
18. Ramm Th. *Einführung in das Privatrecht. Allgemeiner Teil des BGB*. München: Deutschen Taschenbuch, 1974. 916 p.
19. Voronin I.K. Ways of fixing legal facts in Roman law. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2019, vol. 139, pp. 676–681.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕГОР ЕВГЕНЬЕВИЧ НОВИКОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

EGOR E. NOVIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, University of FSIN Russia, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Статья поступила 15.05.2020

Некоторые вопросы реализации права на защиту лицами, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления

О. П. АЛЕКСАНДРОВА

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

Л. Ю. БУДАНОВА

Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Р е ф е р а т

Введение: в статье рассматриваются всегда находящиеся в центре внимания прогрессивной мировой общественности и законодателя вопросы защиты прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления. *Цели:* анализ законодательства и правоприменительной практики России и некоторых зарубежных стран в области реализации права на защиту лицами, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления, выявление в этой части проблемных вопросов правового характера и формулирование научно обоснованных рекомендаций по их решению (минимизации). *Методы:* методологическую основу данного исследования составляет диалектический метод научного познания. Решению исследовательской задачи способствовало использование методов научного познания: систематического, формально-логического, сравнительно-правового и др. *Результаты:* практика обеспечения права на защиту от подозрения или обвинения, в том числе с учетом решений Европейского Суда по правам человека, свидетельствует о том, что не все вопросы правовой регламентации в этой сфере решены в удовлетворяющей науку и практику степени, имеют место нарушения прав человека, закрепленных в международных правовых стандартах, принцип состязательности сторон в уголовном процессе реализуется не в полной мере, особенно на досудебном производстве. *Обсуждение:* в настоящее время дискуссионными являются следующие вопросы: о возможности участия защитника до выдвижения в отношении лица по возбужденному уголовному делу официального подозрения или обвинения (с момента начала осуществления в отношении лица процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении и его причастности к совершению данного преступления, до возбуждения уголовного дела, а также с момента осуществления процессуального действия по возбужденному уголовному делу, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого оно производится, и направленного на его изобличение в совершении преступления); возможном участии в качестве защитника иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а также объеме требований, предъявляемых к таким лицам, наборе критериев, с учетом которых должно приниматься решение по поводу заявленного ходатайства о допуске в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката. *Выводы:* по результатам проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на расширение сферы возможного участия защитника в уголовном судопроизводстве на этапе до выдвижения официального подозрения или обвинения и определение порядка рассмотрения ходатайств о допуске в качестве защитника иных лиц, не обладающих статусом адвоката.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовное преследование; защитник; адвокат; ходатайство.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Александрова О. П., Буданова Л. Ю. Некоторые вопросы реализации права на защиту лицами, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 280–290. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-280-290.

Some Issues Related to the Implementation of the Right to Protection by Individuals in Respect of Whom Criminal Proceedings Are Carried Out to Prove Them Guilty of Committing a Crime

OL'GA P. ALEKSANDROVA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

LYUDMILA YU. BUDANOVA

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Abstract

Introduction: the article deals with the issues of protection of the rights and freedoms of persons against whom criminal proceedings are carried out to prove them guilty of committing a crime; these issues have always been in the focus of attention of the progressive world community and the legislator. *Aims:* to analyze the legislation and law enforcement practice of Russia and some other countries in the field of the implementation of the right to protection by persons against whom criminal procedural activities are carried out to prove them guilty of committing a crime, to identify problem issues of a legal nature in this field, and to formulate scientifically substantiated recommendations to address them (minimization). *Methods:* the dialectical method of scientific knowledge forms the methodological basis of our study. We also use the following methods of scientific cognition: systematic, formal-logical, comparative-legal, etc. *Results:* the practice of ensuring the right to protection from suspicion or charge, including the decisions of the European Court of Human Rights, shows that not all issues of legal regulation in this area have been resolved to a degree that satisfies science and practice; human rights established by international legal standards are still being violated, the principle of adversarial parties in criminal proceedings is not implemented to the fullest extent, especially in pre-trial proceedings. *Discussion:* currently, the following issues are debatable: about the possibility of participation of the defender before an official suspicion or charge is brought against the person in an initiated criminal case (from the moment of the beginning of the implementation of procedural actions against a person, aimed at verifying the report of a crime and the involvement of the person in the commission of this crime, before the initiation of a criminal case, as well as from the moment of the implementation of a procedural action in an initiated criminal case affecting the rights and freedoms of the person against whom it is being carried out, and aimed at proving them guilty of committing the crime); about the possible participation of another person as a defender upon the request of the defendant, as well as the scope of the requirements such persons should comply with, and a set of criteria, according to which a decision should be made to allow the individual who does not have the status of defense attorney to act as a defender. *Conclusions:* based on the results of the study, we formulate proposals for improving the criminal procedure legislation aimed at expanding the scope of possible participation of a defender in criminal proceedings at the stage before the official suspicion or charge is brought, and determining the procedure for considering applications for allowing other persons who do not have the status of defense attorney to act as a defender.

Key words: criminal prosecution; defender; defense attorney; petition.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Aleksandrova O.P. Budanova L. Yu. Some issues related to the implementation of the right to protection by individuals in respect of whom criminal proceedings are carried out to prove them guilty of committing a crime. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 280–290. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-280-290.

Введение

В любом правовом государстве высшей ценностью являются права и свободы человека и гражданина. Их признание, соблюдение и защита – обязанность государства, его правоохранительных органов. Обеспечение прав и интересов личности, защита лиц, подвергнутых уголовному преследованию, сопряжено с проблемами реализации принципа состязательности сторон на досудебном производстве, обеспечения баланса правовых возможностей стороны защиты и стороны обвинения, отвечающего представлениям о справедливом правосудии [3, с. 66–67].

Нередко внимание законодателя и процессуалистов привлекают проблемные аспекты, связанные с изобличением лица в совершении преступления до выдвижения в отношении его по возбужденному уголовному делу официального подозрения или обвинения (с момента начала осуществления в отношении лица процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении и его причастности к совершению данного преступления до возбуждения уголовного дела, а также с момента осуществления процессуального действия по возбужденному уголовному делу, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого оно производится, и направленного на его изобличение в совершении преступления), а также вопросы участия в качестве защитников иных лиц, не обладающих статусом адвоката, и объема требований, предъявляемых к последним.

Так, в 2013 г. ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации была дополнена п. 6, предусматривающим участие защитника не только с момента выдвижения официального подозрения или обвинения, а с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [12]. В 2017 г. в УПК РФ были внесены изменения, направленные на расширение полномочий защитника в уголовном судопроизводстве [13].

Материалы и методы

Теоретическую основу работы составили труды авторов, исследовавших защиту в уголовном производстве (А. Беланге [22], Б. Дж. Брок [22], А. В. Ендольцева [9], А. М. Коганов [23], Г. М. Резник [17], Е. В. Скоба [18], Дж. Темминг Туинстра [24]), проблемы участия защитника на досудебном производстве и понятие «подозрение» (В. Н. Авдеев [1], К. С. Агабеков [2], С. С. Безруков [11], Б. Б. Булатов [4], О. А. Волторнист [5], И. О. Воскобойник [1], А. С. Вражнов [6], А. В. Гриненко [7], А. А. Давлетов [8], Л. М. Дусейнова [25], В. В. Николюк [11], И. В. Овсянников [14], С. Тыныбеков [25], Г. П. Химичева [19], О. В. Химичева [20], Д. В. Шаров [20]), вопросы участия лица, не обладающего статусом адвоката, в качестве защитника на досудебном производстве (С. М. Аснат [21], С. А. Кузор [15], Е. Г. Ларин [10], Ю. Г. Овчинников [15], Е. Т. Нурмаганбет [21]) и др.

Методологическую основу данного исследования составляет диалектический метод научного познания. Решению исследовательской задачи способствовало использование методов научного познания: систематического, формально-логического, сравнительно-правового и др.

Обсуждение

Несмотря на большое количество проведенных исследований и предпринимаемые законодателем шаги в области совершенствования вопросов защиты лиц, в отношении которых стороной обвинения осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления, практика обеспечения права на защиту лиц от выдвинутого подозрения или обвинения, в том числе и с учетом решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), свидетельствует о том, что не все вопросы правовой регламентации в данной сфере решены в удовлетворяющей науку и практику степени.

Анализ решений ЕСПЧ свидетельствует о том, что жалобы на нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, фиксирующей право на защиту себя лично или через предста-

вительство защитника, не являются редкостью среди жалоб против Российской Федерации и ЕСПЧ находит нарушения международного законодательства и завершает рассмотрение таких жалоб вынесением решения о присуждении денежных компенсаций. Так, ЕСПЧ выявлялись нарушения, связанные с необеспечением права пользоваться помощью защитника или несвоевременным обеспечением указанного права (Постановление ЕСПЧ от 26.03.2015 по делу «Волков и Адамский (Yolkoy and Adamskiy) против Российской Федерации» (жалобы № 761409 и 30863/10); Постановление ЕСПЧ от 06.10.2015 по делу «Турбылев (Turbylev) против Российской Федерации» (жалоба № 472209); Постановление ЕСПЧ от 11.12.2018 по делу «Родионов (Rodionov) против Российской Федерации» (жалоба № 9106/09)).

Рассуждения

Основные права и свободы человека признаются и защищаются международными правовыми актами. Подавляющее большинство правовых норм, содержащихся в международных актах (ст. 7 и 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948; ст. 2 и 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966; ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950; Основные принципы, касающиеся роли юристов, принятые Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.)), направлены на защиту и обеспечение прав, свобод и законных интересов личности, в особенности при осуществлении в отношении нее уголовного преследования.

Международные стандарты в области обеспечения защиты от уголовного преследования нашли свое воплощение и в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, в том числе стран Содружества Независимых Государств.

Так, например, в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации (УПК РФ), Республики Казахстан (УПК РК), Республики Беларусь (УПК РБ), Республики Узбекистан (УПК РУ), Республики Молдова (УПК РМ) содержатся нормы-принципы об обеспечении права на защиту (ст. 16 УПК РФ,

ст. 26 УПК РК, ст. 17 УПК РБ, ст. 24 УПК РУ, ст. 17 УПК РМ). Речь в них идет об обеспечении права на защиту лиц, официально находящихся в статусе подозреваемого или обвиняемого, которое они могут осуществлять как лично, так и с помощью защитника. При этом в нормах кодексов Казахстана и Молдовы перечень участников процесса, которым гарантируется право на защиту, не ограничивается подозреваемыми и обвиняемыми.

Так, согласно ст. 26 УПК РК право на защиту имеет и свидетель, если в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении на него указано как на лицо, совершившее это правонарушение, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к нему не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым.

В соответствии со ст. 17 УПК РМ на протяжении всего уголовного судопроизводства стороны (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик) вправе пользоваться помощью защитника или быть представленными выбранным ими защитником или адвокатом, который предоставляет юридическую помощь, гарантируемую государством.

Кроме того, необходимо отметить, что в уголовно-процессуальных кодексах Казахстана и Беларуси дается более широкое и соответствующее международным стандартам понятие уголовного преследования, нежели в УПК РФ. Так, в соответствии с п. 22 ст. 7 УПК РК уголовное преследование (обвинение) – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, виновности последнего в совершении уголовного правонарушения, а также для обеспечения применения к такому лицу наказания или иных мер уголовно-правового воздействия. Схожее определение содержится и в п. 48 ст. 6 УПК РБ.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Отечественный законодатель и в ст. 16 УПК РФ, содержащей нормы-принципы уголовного процесса, указывает, что подо-

зреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя, и в ч. 1 ст. 49 УПК РФ определяет защитника как лицо, которое осуществляет в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

С учетом обозначенных норм участие защитника в уголовном деле российский законодатель связывает с наличием по возбужденному уголовному делу официального подозрения или обвинения, закрепленного в установленном законом процессуальном документе, то есть с осуществлением уголовного преследования. Однако в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ предусмотрена возможность участия защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, то есть когда уголовного дела еще нет и уголовное преследование в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ еще не осуществляется.

Указанная выше норма не корреспондирует с положениями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, предоставляющими возможность лицу, участвующему в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, производимой до возбуждения уголовного дела, а соответственно, не имеющему процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого с учетом положений ст. 46 и 47 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, то есть речь идет не об адвокате-защитнике, а об адвокате – представителе интересов лица, участвующего в процессуальных действиях до возбуждения уголовного дела, оказывающем ему юридическую помощь.

Кроме того, УПК РФ различает понятия «адвокат» и «защитник», предусматривает возможность участия по решению суда в качестве защитника наряду с адвокатом (а при производстве у мирового судьи и вместо адвоката) одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (ч. 1 ст. 49), закрепляет право подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно (ст. 16, п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 8 ч. 4 ст. 47).

Возникает закономерный вопрос о возможности участия защитника до момен-

та выдвижения официального подозрения или обвинения, закрепленного в предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством документах. Здесь целесообразно обратиться к практике ЕСПЧ, а также высших судов Российской Федерации.

ЕСПЧ понятие «обвинение» рассматривается как автономная концепция и употребляется независимо от содержания, которое вкладывается в него с позиции национального права. Под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27.02.1980 по делу Девеера, решение от 15.07.1982 по делу Экле, решение от 10.12.1982 по делу Фоти), то есть считает необходимым применять содержательный, а не формальный подход.

Классическим в данном вопросе является решение по делу «Девеер против Бельгии», в котором указано, что суд должен склоняться к выбору в пользу «содержательного», а не «формального» понятия обвинения и призван видеть, что скрывается за внешней стороной дела, и исследовать реалии рассматриваемой процедуры. Далее понятие «обвинение» ЕСПЧ определено как официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение, что существенным образом сказалось на положении данного лица.

Таким образом, под обвиняемыми (подозреваемыми) ЕСПЧ понимает не только тех лиц, которым формально предъявлено обвинение или которые формально признаются обвиняемыми или подозреваемыми, но и тех, в отношении которых предпринимаются какие-либо действия, подразумевающие такое подозрение и способные серьезно повлиять на положение данного лица.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 2000 г. предпринял попытку расширить дефиниции терминов «подозрение» и «обвинение». В своем постановлении от 27.06.2000 № 11-П он указал, что в целях реализации конституционного права на помощь адвоката (защитника) необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение

лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться фактом проведения в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться и предупреждающие в дальнейшем признание полученных в ходе расследования доказательств недопустимыми (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации).

Данная позиция нашла отражение в дальнейших решениях Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, где понятия «уголовное преследование», «обвинение» толкуются шире, чем в УПК РФ.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 указывается, что обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях, и в соответствии с ним правом на защиту обладают лица, в отношении которых осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

29.03.2016 № 11 и постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 13.06.2019 № 23-П под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч. 1 ст. 47 УПК РФ, в соответствии с которыми оно признается подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым.

Как отмечают Г. П. Химичева, О. В. Химичева и Д. В. Шаров, понятие подозреваемого постепенно размывается [19] и подразумевает в настоящее время не только то лицо, в отношении которого выдвинуто официальное подозрение и осуществляется уголовное преследование, но и любое иное лицо, которое фактически преследуется за совершение преступления, изобличается в этом [20].

По мнению В. Н. Авдеева и И. О. Воскобойника, участвующий на этапе проверки сообщения о преступлении адвокат приобретает процессуальный статус, обусловленный фактическим положением своего доверителя и выполняемой процессуальной функцией, являясь в одних случаях представителем, в других – защитником [1].

Б. Б. Булатов приходит к выводу, что современная реальность идет по пути распространения права на защиту от фактически ведущегося преследования на лиц, которые еще не находятся в соответствующем процессуальном положении [4, с. 4].

С учетом изложенного выше представляются необходимыми корректировка понятия защитника в национальном законодательстве и закрепление возможности его участия не только с момента выдвижения официального подозрения или обвинения, но и с момента осуществления процессуального действия, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого оно производится, и направленного на изобличение последнего в совершении преступления.

Множество споров у процессуалистов вызывает норма о возможном участии в качестве защитника близкого родственника или иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а также не получили

однозначного решения вопросы, касающиеся объема требований, предъявляемых к таким лицам, критериев, с учетом которых суд принимает решение по поводу заявленного ходатайства о допуске в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката.

Принимая Основные принципы, касающиеся роли юристов, Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отдельно подчеркнул, что указанные принципы при необходимости также применяются к лицам, которые выполняют функции юристов, не имея официального статуса таковых.

Уголовно-процессуальные законодательства Казахстана, Беларуси, Узбекистана предусматривают возможность допуска в качестве защитников наряду с адвокатом близких родственников (ч. 2 ст. 66 УПК РК, ч. 3 ст. 44 УПК РБ, ст. 49 УПК РУ).

Кроме того, в соответствии со ст. 42 и 44 УПК РУ в судебном разбирательстве могут участвовать общественные защитники, направляемые общественными объединениями и коллективами.

Согласно ст. 47 УПК РМ выступать в качестве защитника могут другие лица, которым законом предоставляются полномочия защитника с момента принятия на себя обязательства защищать интересы проходящего по делу лица и с его согласия.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ защите в уголовном судопроизводстве может осуществлять не только адвокат, но и один из близких родственников обвиняемого, а также иное лицо, о допуске которого он ходатайствует, однако такое участие возможно лишь наряду с адвокатом (при производстве у мирового судьи указанное лицо может быть допущено и вместо адвоката). Участие близкого родственника или иного лица возможно по решению суда.

Указанное положение закона имеет неоднозначную трактовку и содержит в себе ряд дискуссионных моментов.

Согласно ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому человеку гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Часть 2 данной нормы закрепляет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Хотелось бы обратить внимание на присутствие в формулировке двух понятий – адвокат и защитник. Таким образом, Основной закон не запре-

щает лицу, не имеющему статуса адвоката, оказывать юридическую помощь.

Законодательство не содержит четкого определения понятия «квалифицированная юридическая помощь», поэтому, а возможно опасаясь противоречий между ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 49 УПК РФ, законодатель предусмотрел, что иные лица и близкие родственники могут участвовать в уголовном процессе в качестве защитников лишь наряду с адвокатом, ведь не в каждом случае иное лицо или близкий родственник обладают набором качеств, соотносящихся с понятием «квалифицированная юридическая помощь».

По мнению судьи Конституционного Суда Российской Федерации Э. М. Аметистова, гарантия получения квалифицированной юридической помощи представляет конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень юридической помощи, однако это не предполагает обязанности гражданина пользоваться помощью только такого уровня, если, конечно, при этом не нарушаются конституционные принципы судопроизводства, а также права и интересы других лиц [16].

УПК РСФСР 1960 г. до внесения в него федеральным законом от 15.06.1996 № 73-ФЗ изменений кроме адвокатов в качестве защитников допускал представителей профессиональных союзов и других общественных организаций по делам членов этих организаций, а также иных лиц в случаях, предусмотренных законом. Однако после вступления в силу вышеуказанных изменений в качестве защитников стали допускаться адвокаты и представители профессиональных союзов или других общественных объединений. Близкие родственники, законные представители обвиняемого и другие лица допускались по определению суда или постановлению судьи.

Важно отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ участие близких родственников и иных лиц возможно лишь наряду с адвокатом, за исключением случаев производства по уголовному делу у мирового судьи, в то время как УПК РСФСР 1960 г. предусматривал возможность их самостоятельного участия в уголовном процессе.

Современная правоприменительная практика складывается таким образом, что на досудебном производстве в качестве защитни-

ка выступает, как правило, адвокат, а участие иного лица встречается крайне редко.

Однако обвиняемый может видеть в защитнике не только юриста: иногда психологическая помощь, а также нравственная поддержка, которые не зависят от денежной платы за предоставление услуги, более значимы для человека. Кроме того, качество защиты, например, лицом, которое имеет экономическое образование, по делам экономической направленности в некотором смысле может быть выше, чем при участии лица с юридическим образованием. Привлечение к защите таких лиц способно значительно усилить ее, а также важен фактор участия в деле лиц вне зависимости от денежного вознаграждения.

Конституционным Судом Российской Федерации в 1997 г. по ряду жалоб осуществлялась проверка конституционности положений УПК РСФСР, согласно которым в качестве защитников при производстве по уголовным делам допускались лишь адвокаты и представители профессиональных союзов и других общественных объединений (ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР). Заявители, находившиеся в статусе обвиняемых, желали привлечь в качестве защитников в ходе предварительного следствия юристов, не обладающих статусом адвоката, в чем следователи, осуществлявшие производство по уголовным делам, им отказали, мотивируя это тем, что участие таких лиц не предусмотрено законом. Суд и прокуратура мнение органов, осуществлявших предварительное расследование, признали законным. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 28.01.1997 № 2-П указал, что по своему содержанию право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению подозреваемого или обвиняемого и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника. Участие в качестве защитника в ходе предварительного расследования дела любого лица по выбору подозреваемого или обвиняемого может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь.

Особое мнение высказали четыре судьи Конституционного Суда Российской Федерации, участвовавшие в рассмотрении данных жалоб.

Судья В. О. Лучин признал, что положения ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР ограничивают право подозреваемых и обвиняемых пользоваться квалифицированной юридической помощью со стороны лиц, не являющихся членами коллегий адвокатов, и не соответствуют Конституции Российской Федерации.

Судья Э. М. Аметистов подчеркнул, что допуск юристов, не обладающих статусом адвокатов, к защите подозреваемых и обвиняемых не противоречит целям последней. С учетом позиции законодателя, допускающего к защите лиц, от которых вообще не требуется подтверждения их квалификации, и даже позволяющего обвиняемым отказываться от защиты и защищать себя самостоятельно, это также не противоречит основам судопроизводства, закрепленным в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации.

Особые мнения судей Н. Т. Ведерникова и В. И. Олейник также подтверждают, что допуск к участию в защите лица, не обладающего статусом адвоката, не наносит вреда ее качеству.

Кроме того, в названных выше международных правовых актах право подозреваемого, обвиняемого на выбор защитника, в том числе иного лица, не обладающего статусом адвоката, не ограничивается.

С учетом изложенного представляется, что допуск по ходатайству обвиняемого близких родственников и иных лиц в качестве защитников наряду с адвокатом весьма оправдан с точки зрения усиления защиты, однако в законодательстве отсутствует четкое закрепление процессуальных процедур такого допуска, а также требований, предъявляемых к этим лицам, что на практике порождает определенные проблемы.

Заключение

Проведенный анализ международных стандартов, норм уголовно-процессуального законодательства России и некоторых зарубежных стран в области обеспечения права на защиту от уголовного преследования позволил сформулировать предложения по совершенствованию института защиты.

В целях расширения возможностей использования помощи защитника и усиления состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса представля-

ется целесообразным внести в УПК РФ следующие изменения:

1. Закрепить в ч. 1 ст. 49 понятие защитника в следующей формулировке: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, в отношении которых начато производство процессуального действия в ходе проверки сообщения о преступлении, затрагивающего их права и свободы, либо лиц, в отношении которых начато производство следственного действия, направленного на их изобличение в совершении преступления и предшествующего признанию подозреваемыми или обвиняемыми, и оказывающее им юридическую помощь».

2. В ч. 3 ст. 49 слова «в уголовном деле» заменить словами «в уголовном судопроизводстве».

3. Пункт 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: «б) с момента начала осуществления процессуального действия, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса, либо следственного действия, направленного на изобличение лица в совершении преступления».

4. Дополнить УПК РФ ст. 49.1 «Порядок рассмотрения ходатайства обвиняемого, подозреваемого о допуске близкого родственника или иного лица в качестве защитника в уголовном процессе» в следующей редакции:

«1. Допуск в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица осуществляется по ходатайству обвиняемого, подозреваемого дознавателем, следователем или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

2. Ходатайство обвиняемого, подозреваемого о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса.

3. При рассмотрении и разрешении ходатайства о допуске в качестве защитника

наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица следователю, дознавателю и суду необходимо учитывать возможность участия в деле такого защитника, наличие или отсутствие препятствий, предусмотренных статьей 72 УПК РФ, а также другие возможные препятствия для участия такого защитника в уголовном процессе, в том числе состояние здоровья, возраст, занятость на основной работе, образование, дееспособность такого лица и иные.

4. Дознаватель, следователь, судья выносят постановление об удовлетворении ходатайства о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица либо об отказе в его удовлетворении, а суд – определение, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство.

5. В качестве защитника наряду с адвокатом не могут участвовать лица:

- 1) не достигшие возраста 18 лет;
- 2) признанные судом недееспособными или ограниченными судом в дееспособности;
- 3) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;
- 4) подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, осужденные;
- 5) не владеющие языком, на котором ведется уголовное судопроизводство;
- 6) имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в уголовном судопроизводстве.

6. Решение по ходатайству может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса».

Внесенные рекомендации направлены на совершенствование института защиты от уголовного преследования, усиление самостоятельности сторон на досудебном производстве и реализацию назначения уголовного судопроизводства, заключающегося не только в защите лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев, В. Н. К вопросу об участии адвоката-защитника в ходе получения объяснений и осуществления иных процессуальных действий с участием лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении / В. Н. Авдеев, И. О. Воскобойник // Адвокатская практика. – 2017. – № 3. – С. 32–37.

2. Агабеков, К. С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия / К. С. Агабеков // Мировой судья. – 2019. – № 1. – С. 14–18.
3. Баева, Н. А. Международно-правовые и конституционные стандарты защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве / Н. А. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 4. – С. 60–67.
4. Булатов, Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Булатов Борис Борисович. – Омск, 2011. – 26 с.
5. Волторнист, О. А. Некоторые вопросы обеспечения права на защиту в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / О. А. Волторнист // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 2. – С. 56–59.
6. Вражнов, А. С. Проблемные ситуации защитника на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А. С. Вражнов // Адвокатская практика. – 2019. – № 2. – С. 31–34.
7. Гриненко, А. В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе / А. В. Гриненко // Адвокатская практика. – 2017. – № 4. – С. 35–40.
8. Давлетов, А. А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Давлетов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 61–67.
9. Ендольцева, А. В. Реализация конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России / А. В. Ендольцева // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 4. – С. 25–30.
10. Ларин, Е. Г. Допуск лица, не являющегося адвокатом, в качестве защитника в стадии предварительного расследования: законодательство и практика / Е. Г. Ларин // Законодательство и практика. – 2010. – № 2. – С. 21–24.
11. Николюк, В. В. Концептуальные и прикладные вопросы постановления Пленума ВС РФ о применении норм о праве на защиту / В. В. Николюк, С. С. Безруков // Уголовный процесс. – 2015. – № 8. – С. 26–33.
12. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 9. – Статья 875.
13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 17. – Статья 2455.
14. О внесении изменений и решения на начальном этапе досудебного производства должны быть тоже законными / И. В. Овсянников // Законность. – 2017. – № 4. – С. 45–49.
15. Овчинников, Ю. Г. Проблемы участия «иного» лица в качестве защитника в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Ю. Г. Овчинников, С. А. Кузора // Российская юстиция. – 2014. – № 11. – С. 43–44.
16. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.1997 № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 7. – Статья 871.
17. Резник, Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» / Г. М. Резник // Адвокат. – 2007. – № 4. – С. 25–27.
18. Скоба, Е. В. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в досудебном производстве по уголовным делам : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Скоба Елена Владимировна. – Москва, 2010. – 28 с.
19. Химичева, Г. П. К вопросу о корректировке принципа презумпции невиновности / Г. П. Химичева // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 83–86.
20. Химичева, О. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О. В. Химичева, Д. В. Шаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 56–61.
21. Asmat, S. M. Provision of qualified legal aid defence counsel to the suspect and accused persons / S. M. Asmat, E. T. Nurmaganbet // Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP. – 2015. – № 8. – С. 66–70.
22. Belanger, A. The practice of criminal defence: Why we fight and defend those most imperilled, every day / A. Belanger, B. J. Brock // International Journal of Public Law and Policy. – 2012. – Volume 2, issue 4. – Pp. 352–356.
23. Kogamov, A. M. Juridical personality of a defense lawyer in the context of international contractual and other obligations of the republic of Kazakhstan in criminal practice / A. M. Kogamov // World Applied Sciences Journal. – 2013. – Volume 26, no. 8. – Pp. 1094–1099.
24. Temminck Tuinstra, J. P. W. Assisting an accused to represent himself: appointment of amici curiae as the most appropriate option / J. P. W. Temminck Tuinstra // Journal of International Criminal Justice. – 2006. – Volume 4, no. 1. – Pp. 47–63.
25. Tynybekov, S. The concept, value, and the procedural position of defense attorney at the preliminary investigation / S. Tynybekov, E. T. Nurmaganbet, L. M. Duysenova // Life Science Journal. – 2014. – Volume 11, special issue 5. – Pp. 239–247.

REFERENCES

1. Avdeev V.N., Voskoboynik I.O. On participation of defense counsel in course of receipt of explanations and performance of other procedural actions at participation of person notification of whose crime is verified. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2017, no. 3, pp. 32–37. (In Russ.).
2. Agabekov K.S. On the beginning of criminal prosecution in the conditions of protective justice. *Mirovoi sud'ya=Justice of the Peace*, 2019, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.).
3. Baeva N.A. International legal and constitutional standards for the protection of citizens' rights and interests in criminal proceedings. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess=Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.).
4. Bulatov B.B. *Protsessual'noe polozhenie lits, v otnoshenii kotorykh osushchestvlyayetsya obvinitel'naya deyatel'nost': avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Procedural position of the persons subject of the indictment activity: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Омск, 2011. 26 p.
5. Voltornist O.A. Issues of exercising the right to defense amid the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii=Siberian Law Review*, 2016, no. 2, pp. 56–59. (In Russ.).

6. Vrazhnov A.S. Challenging situations for an attorney for the defense on criminal case initiation and preliminary investigation stages. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2019, no. 2, pp. 31–34. (In Russ.).
7. Grinenko A.V. Parity of rights of parties in pre-trial criminal procedure. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2017, no. 4, pp. 35–40. (In Russ.).
8. Davletov A.A. The problem of defining a status of criminally prosecuted person in the stage of institution of a criminal case. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Juridical Journal*, 2015, no. 4, pp. 61–67. (In Russ.).
9. Endol'tseva A.V. Exercising of the constitutional right to receive qualified legal assistance in Russian criminal proceedings. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2019, no. 4, pp. 25–30. (In Russ.).
10. Larin E.G. Admission of a person who is not a lawyer as a defender at the stage of preliminary investigation: legislation and practice. *Zakonodatel'stvo i praktika=Legislation and Practice*, 2010, no. 2, pp. 21–24. (In Russ.).
11. Nikol'yuk V.V., Bezrukov S. S. Conceptual and applied issues related to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms on the right to protection. *Ugolovnyi protsess=Criminal Process*, 2015, no. 8, pp. 26–33. (In Russ.).
12. On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law 23-FZ of March 4, 2013. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2013. No. 9. Article 875. (In Russ.).
13. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law 73-FZ of April 17, 2017. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 17. Article 2455. (In Russ.).
14. Ovsyannikov I.V. Actions and decisions taken at the initial stage of pre-trial proceedings to be legal as well. *Zakonost'=Legality*, 2017, no. 4, pp. 45–49. (In Russ.).
15. Ovchinnikov Yu.G., Kuzora S.A. Problems of participation of the "other" person as a defender in the pre-trial stages of criminal proceedings *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2014, no. 11, pp. 43–44. (In Russ.).
16. In the case of checking the constitutionality of Part Four of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens B.V. Antipov, R.L. Gitis and S.V. Abramov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 1997 no. 2-P. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 7. Article 871. (In Russ.).
17. Reznik G.M. To the issue concerning the constitutional content of the term "qualified legal assistance". *Advokat=Lawyer*, 2007, no. 4, pp. 25–27. (In Russ.).
18. Skoba E.V. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v dosudebnom proizvodstve po ugolovnym delam: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Implementation of the constitutional right to qualified legal assistance in pre-trial proceedings in criminal cases: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 28 p.
19. Khimicheva G.P. On the issue of correcting the principle of presumption of innocence. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti=Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 5, pp. 83–86. (In Russ.).
20. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Some aspects of ensuring the rights of a person when detained on suspicion of committing a crime. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika=Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 5, pp. 56–61. (In Russ.).
21. Asmat S.M., Nurmaganbet E.T. Provision of qualified legal aid defence counsel to the suspect and accused persons. *Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP*, 2015, no 8, pp. 66–70.
22. Belanger A., Brock B.J. The practice of criminal defence: Why we fight and defend those most imperilled, every day. *International Journal of Public Law and Policy*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 352–356.
23. Kogamov A.M. Juridical personality of a defense lawyer in the context of international contractual and other obligations of the republic of Kazakhstan in criminal practice. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 26, no. 8, pp. 1094–1099.
24. Temminck Tuinstra J.P.W. Assisting an accused to represent himself: appointment of amici curiae as the most appropriate option. *Journal of International Criminal Justice*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 47–63.
25. Туньбеков С., Нурмаганбет Е.Т., Дуьсенова Л.М. The concept, value, and the procedural position of defense attorney at the preliminary investigation. *Life Science Journal*, 2014, vol. 11, special issue 5, pp. 239–247.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЬГА ПАВЛОВНА АЛЕКСАНДРОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА БУДАНОВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

OL'GA P. ALEKSANDROVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Law Enforcement Activity, Criminal Law and Process, Pskov State University, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

LYUDMILA YU. BUDANOVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Regime and Intelligence-Gathering Activities in the Penal System, Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Статья поступила 21.03.2021

Организация государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений некоторых стран Западной Европы, Северной Америки и Азии

О. В. КИРИЛОВСКИЙ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Р е ф е р а т

Введение: статья посвящена изучению опыта некоторых стран Западной Европы (Италии, Германии, Австрии и Нидерландов), Северной Америки (Соединенных Штатов Америки и Канады) и Азии (Монголии и Японии) в сфере обеспечения государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений. *Целью* данного обобщения является выявление актуальных примеров правового регулирования и организации государственной защиты государственных служащих, в том числе персонала пенитенциарных учреждений, для внедрения в отечественную практику. *Методы:* в работе использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция и т. д.) и конкретно-социологические (сравнительно-правовой, социологический, статистический, компаративистский) методы познания. *Результаты:* по итогам компаративистских исследований установлено, что правовая основа государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений Монголии и Японии не имеет обособленной унифицированной формы. Нормы, закрепляющие правовые и социальные гарантии сотрудников, содержатся в нескольких законах и конкретизирующих их подзаконных актах. Опыт стран Западной Европы и Америки указывает на то, что деятельность по обеспечению государственной защиты сконцентрирована и реализуется специально созданным органом, имеющим широкий круг полномочий. Особое внимание в данных государствах уделяется вопросу обособленного финансирования программ защиты государственных служащих и лиц, оказывающих содействие правосудию. *Обсуждение:* особое внимание обращается на то, что правовые и организационные аспекты обеспечения государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений некоторых зарубежных стран имеют положительные черты. Отдельные примеры зарубежного опыта могут быть использованы в правоприменительной деятельности Российской Федерации.

Ключевые слова: персонал пенитенциарных учреждений; зарубежный опыт; государственная защита; уголовно-исполнительная система; меры безопасности; меры правовой и социальной защиты.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кириловский О. В. Организация государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений некоторых стран Западной Европы, Северной Америки и Азии. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 291–300. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-291-300.

Organizing State Protection of the Personnel of Penal Institutions in Some Countries of Western Europe, North America and Asia

OLEG V. KIRILOVSKII

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Abstract

Introduction: the paper investigates the experience of some countries of Western Europe (Italy, Germany, Austria and The Netherlands), North America (the U.S. and Canada) and Asia (Mongolia and Japan) in the field of state protection of penitentiary personnel. The *aim* of summarizing the experience of these countries is to identify relevant examples of legal regulation and organization of state protection of civil servants, including prison staff, for the purpose of implementation of this experience in Russian practice. *Methods:* we use general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.) and specific sociological methods of cognition (comparative-legal, sociological, statistical, comparative). *Results:* having conducted the comparative study, we find that Mongolia and Japan do not have a separate unified legal framework for state protection of penitentiary personnel. The norms that establish the legal and social guarantees of employees are contained in several laws and by-laws that specify them. The experience of the countries of Western Europe and America indicates that the activities aimed at ensuring state protection are concentrated and implemented by a specially created body with a wide range of powers. In these countries, special attention is paid to the issue of separate funding of programs for the protection of state servant and persons who assist justice. *Discussion:* we highlight the fact that the legal and organizational aspects of ensuring state protection of the personnel of penitentiary institutions in some foreign countries have positive aspects. Some examples of foreign experience can be used in law-making and law enforcement activities in the Russian Federation.

Key words: penitentiary personnel; foreign experience; state protection; penal system; security measures; legal and social protection measures.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

For citation: Kirilovskii O.V. Organizing state protection of the personnel of penal institutions in some countries of Western Europe, North America and Asia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 291–300. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-291-300.

Введение

Современное состояние уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также ее реформирование в условиях нестабильной геополитической обстановки, оптимизации государственных расходов указывает на новые вызовы, а также подчеркивает актуальность вопросов государственной защиты интересов сотрудников УИС и их близких.

Сотрудники УИС наиболее подвержены преступному посягательству со стороны криминально настроенных граждан, поскольку находятся в непосредственном контакте с осужденными. Актуальность вопроса об обеспечении безопасности персонала учреждений и органов УИС не вызывает сомнений, что подтверждается ведомственными статистическими данными. Так, в 2019 г. в учреждениях УИС зарегистрировано 300 (в 2018 г. – 175, 2017 г. – 175, 2016 г. – 194) фактов противоправных действий (насилия, угроз, оскорблений) со стороны лиц, содержащихся в данных учреждениях, в отношении персонала. Только за первый квартал 2020 г. совершено 98 случаев посягательств (АППГ – 64).

Особую озабоченность вызывают случаи преступных посягательств, в результа-

те которых сотрудникам были причинены телесные повреждения различной степени тяжести. В их числе 86 фактов, связанных с посягательством на личную неприкосновенность сотрудников УИС [13, с. 19–34] (2018 г. – 55 [12, с. 38], 2017 г. – 46 [11, с. 39], 2016 г. – 41 [10, с. 33]). Только за последний год рост указанных противоправных деяний составил 36 %.

В социологическом исследовании данной сферы правоотношений приняли участие 1200 аттестованных сотрудников различных служб и отделов учреждений из 55 территориальных органов УИС, которые представляют все федеральные округа Российской Федерации (Центральный округ – 13 органов, Северо-Западный округ – 7 органов, Южный округ – 4 органа, Северо-Кавказский округ – 3 органа, Приволжский округ – 11 органов, Уральский округ – 4 органа, Сибирский округ – 8 органов, Дальневосточный округ – 5 органов). По его результатам выяснилось, что каждый четвертый респондент (26 %) оценивает свой уровень защищенности как высокий, остальная часть – как низкий и средний, что говорит о наличии проблем в правовом регулировании и организации деятельности по обеспечению государственной защиты сотрудников УИС.

Под системой такого правового явления, как государственная защита сотрудников УИС и их близких, следует понимать внутреннее ее строение, совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов и частей: субъектов, содержания, оснований, целей и процедуры. Субъектами выступают подразделения собственной безопасности, отделы специального назначения и др. Содержание ее образует система мер безопасности, социальной и правовой защиты, предусмотренных Федеральным законом от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Закон о государственной защите). Правовым основанием является подтвержденный статус защищаемого лица, а фактическим – посягательство на жизнь, здоровье и имущество сотрудников УИС и их близких в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей. Цель защиты – это обеспечение прав и законных интересов, защита жизни, здоровья и имущества сотрудников УИС и их близких, а также возмещение причиненного вреда. Процедура – установленный Законом о государственной защите или иными нормативными правовыми актами порядок.

Обсуждение

Для более обстоятельного исследования вопроса организационного обеспечения государственной защиты сотрудников УИС необходимо обратиться к зарубежному опыту в данной сфере, используя компаративистский метод познания.

В отечественном правовом поле существует ряд нормативных правовых актов по обеспечению государственной защиты государственных служащих правоохранительных органов, однако с полной уверенностью сказать, что они эффективно реализуются на практике, нельзя. Особую роль в развитии законодательства в данной сфере должны играть нормы международного права и успешный опыт зарубежных стран, который можно использовать в России.

Исследование зарубежного опыта организации обеспечения защиты персонала пенитенциарных учреждений с учетом общности государственных правовых систем и особенностей функционирования систем управления пенитенциарными учреждениями в различных странах позволяет условно выделить три значительные группы:

- 1) страны Содружества Независимых Государств (далее – СНГ);
- 2) страны Азиатско-Тихоокеанского региона;
- 3) страны Европы и Северной Америки.

На постсоветском пространстве институт государственной защиты развивался параллельно с законодательством России, в силу чего отечественное законодательство в данной области выступает базовым, исходным правовым инструментом. Так, в конце 1998 г. на одном из заседаний стран – участниц СНГ был принят Модельный закон о государственной защите государственных служащих в правоохранительной сфере (далее – Модельный закон). В основе указанного документа лежат общепризнанные принципы и стандарты ООН и Совета Европы в области государственной защиты государственных служащих, свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного процесса.

Сравнительный анализ данного нормативного акта и Закона о государственной защите показал, что Модельный закон точно воспроизводит первоначальную редакцию отечественного Закона о государственной защите [8, с. 112].

Законодательство стран СНГ в сфере государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов основано на положениях Модельного закона. Поэтому полагаем, что дальнейшее исследование целесообразно вести в направлении изучения опыта по обеспечению государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений на примере некоторых стран из двух оставшихся групп.

Обратимся к соответствующей практике стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Исполнение уголовных наказаний в Монголии осуществляет Главное управление исполнения судебных решений, которое входит в состав Министерства юстиции и внутренних дел Монголии (ГУИСП МЮ и ВД Монголии). Сотрудники пенитенциарных учреждений Монголии относятся к персоналу полиции, поэтому исследование вопросов их государственной защиты будет рассмотрено на примере сотрудников полиции Монголии.

Государственная защита сотрудников полиции Монголии основана на положениях Конституции Монголии. Она содержит нормы, обеспечивающие социальные гарантии сотрудникам полиции по старости, при

утрате трудоспособности, в случае ухода за родившимся ребенком до трех лет и в силу других причин. Имущественный ущерб, причиненный сотруднику полиции в связи с выполнением им своих служебных обязанностей, возмещается органами полиции, а впоследствии в порядке регресса взыскивается с виновного лица.

Гарантии государственной защиты судей и государственных служащих в правоохранительной сфере Монголии можно охарактеризовать как меры опосредованной защиты. По мнению М. Батаева, они «предусматривают защиту прав и законных интересов сотрудников правоохранительных органов посредством реализации осуществления правоприменительной деятельности. Меры непосредственной защиты прав и законных интересов должностных лиц правоохранительных органов рассматриваются как предоставленное государством право в определенных случаях применять личное оружие, физическую силу, специальные средства, а также использовать иные не запрещенные законом способы защиты» [1, с. 25].

З. Цэрэнбат в своем диссертационном исследовании подчеркнул актуальность и определил значение государственной защиты сотрудников полиции Монголии, пришел к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования ее механизмов. Автор отметил, что нормативное закрепление мер правовой и социальной защиты государственных служащих правоохранительных органов не носит консолидированного характера. Меры государственной защиты данной категории закреплены в нескольких законах Монголии: «Об органах полиции», «О государственной службе», «О службе в полиции», «О социальном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, служащих внутренних, пограничных войск, сотрудников полиции, государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, разведчиков», «О пенсиях, субсидиях военнослужащих» и др. [14, с. 55–56].

Закон Монголии от 01.02.2014 № 46 «О службе в полиции» дополняется подзаконными актами, ведомственными приказами, инструкциями, распоряжениями, которые конкретизируют и разъясняют его общие положения, в частности вопросы социальной и правовой защиты сотрудников полиции.

На основании данного закона в 2010 г. издан приказ Главного управления полиции (ГУП) Монголии № 3691, которым утверждено Руководство по защите интересов должностных лиц органов полиции и внутренних войск. Этот документ содержит цели, задачи, направления указанной деятельности, правовые и организационные аспекты ее реализации, а также ставит целью увеличение финансирования обозначенных категорий государственных правоохранительных служащих. Задачами в сфере государственной защиты являются:

- обеспечение трудовой безопасности, снижение производственного травматизма;
- усовершенствование менеджмента, управления и кадрового обеспечения;
- защита законных интересов сотрудников полиции, а также военнослужащих внутренних войск.

Для выполнения требований, закрепленных в приказе, в 2012 г. был создан отдел защиты законных интересов должностных лиц органов полиции и внутренних войск, решающий такие задачи, как:

- разработка и принятие правовых и организационных механизмов охраны основных прав, свобод должностных лиц внутренних войск и органов полиции;
- разработка предложений по совершенствованию механизма защиты законных интересов служащих внутренних войск и сотрудников полиции;
- разработка проектов нормативных актов, анализ и обработка предложений, связанных с устранением нарушений прав и законных интересов в служебной деятельности служащих внутренних войск и сотрудников полиции [15, с. 148–150].

Также государственная защита сотрудников полиции включает в себя социальное обеспечение. Меры социальной защиты персонала пенитенциарных учреждений Монголии, которые закреплены в Кодексе об исполнении судебных решений, таковы:

- в случае смерти (гибели) сотрудника исправительного учреждения при исполнении им служебных обязанностей его родным и близким производится единовременная выплата в размере должностного оклада за пять лет;
- персонал учреждений, выполняющий обязанности в круглосуточном режиме, обеспечивается за счет заведения бесплатным питанием;

– дополнительные надбавки к окладу денежного содержания (за службу с заключенными, выслугу в государственной специальной службе, исключительные условия службы, специальное звание и т. д.).

Меры социальной поддержки в рамках пенсионного обеспечения сотрудников полиции Монголии, предусмотренные законом о пенсиях и пособиях, играют существенную роль в укреплении престижа государственной службы в полиции. К их числу относятся:

– право на получение пенсии с трудовым стажем не менее 25 лет для мужчин и не менее 20 лет для женщин;

– размер пенсии определяется из расчета 80 % от среднемесячного оклада денежного содержания;

– устанавливается надбавка к пенсии в размере 1,5 % за каждый год службы сверх срока, дающего право на пенсию;

– при выходе на пенсию выплачивается единовременное пособие в размере 36 денежных окладов, половину из которого по желанию можно получить заранее – до освобождения от службы после возникновения права на пенсию [9, с. 50].

Таким образом, защитные меры в отношении сотрудников в Монголии практически затрагивают только социальную сферу, оставляя в тени обеспечение личной безопасности (кроме необходимой обороны). Это говорит о том, что в Монголии следует более тщательно урегулировать на законодательном уровне вопрос о защите сотрудников при угрозе их жизни и здоровью.

В Японии обеспечение государственной защиты судей, должностных лиц полиции, сотрудников исправительных учреждений регламентировано рядом правовых актов, в числе которых Основной закон государства, уголовный и процессуальный кодексы, законы о прокуратуре, полиции и др. Консолидированного нормативного акта, регулирующего отношения, возникающие по поводу обеспечения государственной защиты должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, нет. Соответствующая работа осуществляется в рамках повседневной правоохранительной деятельности национальной полиции.

Как утверждает М. Баттон, распространенной практикой в ряде зарубежных стран является обращение сотрудников правоохранительных органов для обеспечения личной безопасности в частные охранные

структуры [20, с. 39–55]. При возникновении угроз в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений на основании их письменного обращения полиция может применить усиленные защитные меры. Нормативно закрепленного перечня государственных служащих, подлежащих государственной защите, в Японии нет. Правом на повседневную защиту силами специального подразделения полиции (*special police*) обладают только действующий премьер-министр страны и император [6, с. 45].

Таким образом, правовая основа государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений Монголии и Японии не приобрела унифицированной формы. Нормы, закрепляющие правовые и социальные гарантии сотрудников, содержатся в нескольких законах и конкретизирующих их подзаконных актах.

Исследовав опыт Монголии и Японии по исполнению защитных мер в отношении персонала исправительных учреждений, остановимся на рассмотрении практики представителей заключительной группы – стран Западной Европы и Америки.

Прообраз российского института государственной защиты существует во многих развитых странах Европы и США.

Стоит рассмотреть опыт организации государственной защиты в Италии, где для этого сформировалась определенная система органов и сложился механизм включения в нее лиц, подлежащих государственной защите.

В Италии исполнением мер безопасности в отношении защищаемых лиц занимается Центральная служба защиты. Данное подразделение учреждено в составе Департамента общественной безопасности в 1991 г. В его состав входят дивизионы, осуществляющие специфические функции, такие как охрана осведомителей, охрана свидетелей, дивизион общих дел, управление и бухгалтерия. Дивизион общих дел занимается сопровождением деятельности всех остальных дивизионов, поддерживает взаимодействие с иностранными государствами, реализует юридическое, кадровое и документационное, медицинское обеспечение, а также осуществляет научно-исследовательскую работу.

Центральная служба защиты является непосредственным исполнителем конкретной меры (комплекса мер) безопасности в отношении защищаемого лица, а разраба-

тывает программы по защите и принимает решение о применении меры безопасности (комплекса мер) комиссия – коллегиальный (совещательный) орган.

Руководство совещательным органом осуществляет должностное лицо МВД Италии в ранге заместителя министра, в его состав входят судьи, специалисты, обладающие необходимыми познаниями в области борьбы с мафией, а также прокурор, который предлагает кандидатуру лица, в отношении которого реализуются защитные меры.

Комплекс защитных мероприятий включает в себя меры безопасности и социальные гарантии, а именно:

1. Основной защитной мерой является сокрытие охраняемого лица в безопасном месте. С учетом открытости границ внутри Евросоюза с реализацией данной меры проблем нет.

2. В совокупности с помещением в безопасное место может осуществляться замена документов. Указанная мера предусматривает замену всех имеющихся у защищаемого лица документов, которые выдаются на новую фамилию. Новые данные выбираются в соответствии с разработанной легендой, которой должны строго придерживаться защищаемые лица и их близкие. Отступление от установленных правил является основанием для отмены мер безопасности.

3. Изменение личных данных в информационных базах.

4. Оказание материальной помощи (ежемесячное пособие и оплата жилья) и др. [3, с. 32].

Реализация программы не привязана к срокам ее осуществления, основанием для ее прекращения является только полное устранение угрозы. Решение о прекращении программы также принимает центральная комиссия.

Финансирование данной программы ограничений не имеет. Служба защиты ежегодно представляет финансовый отчет в центральную комиссию, при необходимости привлекаются средства федерального бюджета.

Материально-ресурсное обеспечение государственной защиты, в том числе реализации мер безопасности персонала учреждений и органов УИС, в России производится за счет средств федерального бюджета, выделяемых на содержание учреждений и органов УИС. Применение мер государ-

ственной защиты в отношении персонала УИС на практике не носит повседневного характера, государственные органы функционируют в режиме бюджетной экономии, что свидетельствует о том, что финансирование рассматриваемой статьи расходов осуществляется по остаточному принципу. Институт государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов не имеет самостоятельной государственной программы финансирования, тогда как, к примеру, институт государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства обладает таковой: государственная программа финансирования на период 2019–2023 гг., утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 25.10.2018 № 1272, содержит конкретные финансовые показатели затрат на указанные цели и принципы распределения средств между органами, обеспечивающими безопасность.

47,8 % респондентов из числа сотрудников УИС высказались за финансирование государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, в том числе сотрудников УИС, в рамках самостоятельной федеральной программы.

Интересным представляется опыт обеспечения безопасности защищаемых лиц в Германии. По мнению Г. Межко, внимания здесь прежде всего заслуживает реализация защитной меры в виде сохранения в тайне персональных данных об охраняемом лице. При исполнении защитных мер компетентные органы часто сталкиваются с проблемой использования методов биометрической идентификации в различных коммерческих организациях [19, с. 189–199]. Отпечатки пальцев рук, сканирование радужной оболочки глаз, система распознавания голоса, иные биометрические данные используются как идентификатор для пропуска на объекты либо в определенные помещения. Постоянный технологический рост в данной области негативно отражается на сохранении в тайне персональных данных легендированных персон, правоохранительным органам становится все сложнее обеспечить безопасность защищаемых [3, с. 32]. Государственные органы должны двигаться в ногу с развитием технологий и совершенствовать техническое обеспечение оперативно-служебной деятельности.

В связи с указанными обстоятельствами российским органам, обеспечивающим безопасность защищаемых лиц, необходимо совершенствовать используемые механизмы с учетом развития сферы высоких технологий, при этом вопрос о государственном финансировании и его объемах приобретает первостепенное значение.

В Германии в ходе реализации программы защиты свидетелей специальными подразделениями, входящими в состав Федерального ведомства криминальной полиции, земельных ведомств криминальной полиции, были выявлены проблемы, связанные с применением такой меры безопасности, как обеспечение конфиденциальности и замена документов в отношении защищаемых лиц, а именно: когда защищаемое лицо меняло анкетные данные, соответственно и документы, при наличии обязательств у защищаемого лица перед третьими лицами (алименты, кредитные обязательства, налоги и т. д.) права последних не принимались во внимание, попросту нарушались. В связи с этим было введено положение о том, что защищаемое лицо обязано сообщать о наличии возможных правоприязнаний третьих лиц, а в обязанность подразделений вменяется обеспечение контакта защищаемого лица с третьим лицом в условиях конфиденциальности с тем, чтобы урегулировать возникшие претензии [7, с. 53–54].

В Австрии, Голландии, Германии решение об осуществлении государственной защиты принимается в течение трех месяцев, в Российской Федерации – в течение трех дней. Продолжительный срок позволяет компетентным правоохранительным органам более тщательно проверять информацию о наличии угрозы и ее реальности и принимать более обоснованные решения. Обратная сторона такого подхода состоит в том, что преступникам для реализации своих угроз не требуется много времени.

Во многих странах мира деятельность по повышению уровня защищенности должностных лиц контролирующих и правоохранительных органов и лиц, оказывающих содействие правосудию, сконцентрирована в руках специально созданного органа, единого координационного центра. Так, в США это служба маршалов Министерства юстиции, в Италии и Германии – специальные подразделения уголовной полиции. Многоплановость проводимых мероприятий по обеспечению безопасности защища-

емых лиц, осуществление согласованной аналитической и методической работы обуславливает необходимость сосредоточения единых организационных и правовых механизмов в одном месте [17, с. 64–65]. По мнению О. А. Зайцева, подобная структура в России может именоваться Управлением государственной защиты должностных лиц и некоторых категорий граждан.

С экономической точки зрения существование в России системы правоохранительных органов, осуществляющих государственную защиту, лишь на первый взгляд обеспечивает экономию средств. Как показывает практика, реализация государственной защиты является не свойственной указанным правоохранительным органам функцией, что значительно снижает продуктивность проводимых мероприятий, а также повышает расходы на обучение персонала, обеспечение материальными ресурсами [4, с. 53].

Создание отдельной структуры рационально и с точки зрения эффективности управленческой деятельности, так как раздробленная система правоохранительных органов в России не отвечает требованию единообразного подхода в правоприменительной практике.

Так, 43,2 % респондентов из числа сотрудников УИС видят решение проблемы повышения эффективности государственной защиты в осуществлении указанной деятельности единым органом исполнительной власти, в частности МВД России (10,2 % опрошенных) или ФСБ России (30,0 % опрошенных). Одним из альтернативных решений может быть создание специальных подразделений по обеспечению государственной защиты защищаемых лиц на базе Федеральной службы войск национальной гвардии (далее – Росгвардия), поскольку некоторые специальные подразделения (ОМОН, СОБР и др.) переподчинены именно ей.

Вопрос о значении обучения персонала специфическим приемам и методам обеспечения государственной защиты в правоприменительной практике США и Канады был изучен Мелиссой Ковальски. Автор отметила, что на начальном этапе формирования подразделений государственной защиты США (маршальская служба) и Канады (Канадская королевская конная полиция) в рамках реализации программ защиты свидетелей столкнулись с такой проблемой, как

отсутствие подготовленных кадров. В нескольких случаях это стало причиной провала защитных мер в отношении ключевых свидетелей: в результате посягательств представителей организованных преступных сообществ погибли защищаемые лица и сотрудники правоохранительных органов, обеспечивавшие их защиту. В связи с этим были образованы подразделения по подготовке и повышению квалификации для сотрудников отделов защиты участников уголовного судопроизводства [18, с. 98–125].

В процессе профессиональной подготовки должностных лиц правоохранительных органов многих иностранных государств, в том числе Америки, используются программы «Педагогика индивидуальной безопасности», «Воля к выживанию», «Выживание на улице» и др. Обучение по ним является обязательным для каждого сотрудника ФБР и других правоохранительных органов [2, с. 34]. Начинается оно с формирования установки на готовность к ситуации по принятию мер по обеспечению личной безопасности в профессиональном и психологическом плане [16, с. 7]. Иначе говоря, сотрудника мотивируют на принятие личных (индивидуальных) мер для обеспечения собственной безопасности.

Еще одним способом повышения эффективности и обоснованности реализации мер безопасности, по мнению И. С. Иванова, может стать установление обязательного судебного порядка вынесения решения о применении мер безопасности. В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 14 Закона о государственной защите такое решение принимает должностное лицо органа, обеспечивающего безопасность [5, с. 38–42].

Результаты

Подводя итог, необходимо отметить, что правовые и организационные аспекты обеспечения государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений некоторых зарубежных стран содержат как

негативные, так и положительные моменты. На основании анализа иностранного опыта следует сделать вывод о том, что огромное внимание за границей уделяется институту государственной защиты лиц, содействующих правосудию. Отдельные черты организации защиты государственных служащих в таких странах, как США, Германия, Италия и др., могут получить распространение в Российской Федерации.

В целях эффективного управления и рационального расходования денежных средств, на наш взгляд, необходимо сосредоточить имеющийся потенциал института государственной защиты в рамках единого федерального органа, который может функционировать на базе Росгвардии.

Для повышения эффективности реализации положений Закона о государственной защите, должного финансового и материально-технического обеспечения выполнения мер государственной защиты предлагается на правительственном уровне принять государственную программу финансирования мер безопасности в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов сроком на пять лет (2022–2027 гг.). В ней следует предусмотреть конкретные денежные ассигнования для осуществления всех запланированных мероприятий, распределение средств на реализацию конкретных мер безопасности.

На основании опыта коллег из Германии следует заключить, что интересы иных лиц, которые имеют имущественные и неимущественные претензии (налоги, алименты, кредиты и т. д.) к защищаемым, должны быть приняты во внимание и по возможности максимально разрешены. Для реализации данного положения на практике необходимо законодательно дополнить обязанности защищаемого лица положением об обязательном извещении о наличии к нему имущественных и неимущественных требований третьих лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батаев, М. Правовой статус сотрудника монгольской полиции: теоретико-правовой аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батаев Майдар. – Санкт-Петербург, 2005. – 25 с.
2. Буданов, А. В. Обучение сотрудников правоохранительных органов тактике и методам обеспечения личной безопасности : учебно-практическое пособие / А. В. Буданов. – Москва : Методический центр при Главном управлении кадров МВД России, 1997. – 56 с.
3. Василевский, А. Опыт европейских государств по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (на примере Италии и Германии) / А. Василевский // Профессионал. – 2015. – № 3 (128). – С. 32–34.
4. Зайцев, О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зайцев Олег Александрович. – Москва, 1999. – 446 с.

5. Иванов, И. С. Административно-правовое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в России / И. С. Иванов // Административное право и процесс. – 2011. – № 11. – С. 38–42.
6. Иванов, И. С. Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве / И. С. Иванов // Российский следователь. – 2013. – № 6. – С. 41–47.
7. Лукинский, А. В. Становление и развитие института государственной защиты (историко-правовое исследование) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лукинский Антон Владимирович. – Москва, 2013. – 184 с.
8. Мельникова, Н. А. Зарубежный опыт стран СНГ в обеспечении государственной защиты персонала пенитенциарных учреждений / Н. А. Мельникова, О. В. Кириловский // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. – 2016. – Том 14, № 3. – С. 112–116. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28082708_91867043.pdf (дата обращения : 24.02.2021).
9. Наваан, Г. Особенности пенитенциарной системы Монголии: тенденции ее реформирования / Гантулга Наваан // Международный пенитенциарный журнал. – 2015. – № 1. – С. 49–51. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24927411_77694680.pdf (дата обращения: 24.02.2021).
10. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2016 год : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2017. – 385 с.
11. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2017 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. – 393 с.
12. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2018 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2019. – 328 с.
13. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2019 г. : информационно-аналитический сборник. – Тверь : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2020. – 359 с.
14. Цэрэнбат, З. Административно-правовая защита сотрудников полиции Монголии : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Цэрэнбат Зэвэгийл. – Москва, 2014. – 205 с.
15. Цэрэнбат, З. Основы административно-правовой защиты сотрудников полиции Монголии / З. Цэрэнбат // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 12. – С. 148–150.
16. Чернов, А. И. Организация личной безопасности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / А. И. Чернов. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2001. – 76 с.
17. Ширитов, А. Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: проблемы уголовно-процессуального регулирования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ширитов Арсен Барасбиевич. – Краснодар, 2011. – 215 с.
18. Kowalski, M. Hiring and Training Requirements for Correctional Officers: A Statutory Analysis / Melissa A. Kowalski // *The prison journal*. – 2020. – Volume 100, no 1. – Pp. 98–125. – DOI 10.1177/0032885519882342. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0032885519882342> (дата обращения: 20.02.2021).
19. Me ko, G. On some aspects of cybercrime and cybervictimization / Gorazd Me ko // *European journal of crime, criminal law and criminal justice*. 2018. – Volume 26, no. 3. – Pp. 189–199. – DOI 10.1163/15718174-02603006. – URL: <https://www.deepdyve.com/lp/brill/on-some-aspects-of-cybercrime-and-cybervictimization-QzXh8LLMr0?key=brill> (дата обращения: 24.02.2021).
20. Button, M. The «New» private security industry, the private policing of cyberspace and the regulatory questions / Mark Button // *Journal of contemporary criminal justice*. – 2020. – Volume 36, no. 1. – Pp. 39–55. – DOI 10.1177/1043986219890194. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1043986219890194#articleShareContainer> (дата обращения: 24.02.2021).

REFERENCES

1. Bataev M. *Pravovoi status sotrudnika mongol'skoi politzii: teoretiko-pravovoi aspekt: avtoferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal status of an employee of the Mongolian police: theoretical and legal aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2005. 25 p.
2. Budanov A.V. *Obuchenie sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov taktike i metodam obespecheniya lichnoi bezopasnosti: uchebno-prakticheskoe posobie* [Training of law enforcement officers in tactics and methods of ensuring personal security]. Moscow: Metodicheskii tsentr pri Glavnom upravlenii kadrov MVD Rossii, 1997. 56 p.
3. Vasilevskii A. The experience of European states in ensuring the security of persons subject to state protection (on the example of Italy and Germany). *Professional*, 2015, no. 3 (128), pp. 32–34. (In Russ.).
4. Zaitsev O.A. *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical and legal foundations of state protection of participants in criminal proceedings: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1999. 446 p.
5. Ivanov I.S. Administrative and legal support for the security of participants in criminal proceedings in Russia *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Process*, 2011, no. 11, pp. 38–42. (In Russ.).
6. Ivanov I.S. Relocation of the protected person to another permanent place of residence in domestic and foreign law. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2013, no. 6, pp. 41–47. (In Russ.).
7. Lukinskii A.V. *Stanovlenie i razvitie instituta gosudarstvennoi zashchity (istoriko-pravovoe issledovanie): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the institution of state protection (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 184 p.
8. Mel'nikova N.A., Kirilovskii O.V. Foreign experience of the CIS countries in providing state protection of personnel of penitentiary institutions. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 112–116. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28082708_91867043.pdf (accessed February 24, 2021).
9. Navaan G. Features of the penitentiary system of Mongolia: tendencies of its reform. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 1, pp. 49–51. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24927411_77694680.pdf (accessed February 24, 2021). (In Russ.).
10. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2016 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2016: information and analytical collection]. Tver: FКУ НИИИТ ФСИН России, 2017. P. 33.

11. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noisistemy FSIN Rossii za 2017 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2017: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2018. P. 39.
12. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossiiza 2018 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2018: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2019. P. 38.
13. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2019 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2019: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2020. Pp. 19–34.
14. Tserenbat Z. *Administrativno-pravovaya zashchita sotrudnikov politzii Mongolii: dissertatsiyanasoiskanieuchenostep enikandidatayuridicheskikh nauk* [Administrative and legal protection of police officers in Mongolia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 205 p.
15. Tserenbat Z. Fundamentals of administrative and legal protection of police officers in Mongolia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 12, pp. 148–150. (In Russ.).
16. Chernov A.I. *Organizatsiya lichnoi bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: uchebnoeposobie* [Organization of personal security of employees of internal affairs bodies: a textbook]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2001. 76 p.
17. Shiritev A.B. *Gosudarstvennaya zashchita uchastnikov ugovovnogo sudoproizvodstva: problem ugovovno-protseessual'nogo regulirovaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [State protection of participants in criminal proceedings: problems of criminal procedure regulation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2011. 215 p.
18. Kowalski M.A. Hiring and training requirements for correctional officers: a statutory analysis. *The Prison Journal*, January 2020, vol. 100, no 1, pp. 98–125. DOI: 10.1177/0032885519882342. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0032885519882342> (accessed February 20, 2021).
19. Mesko G. On some aspects of cybercrime and cybervictimization. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 189–199. DOI: 10.1163/15718174-02603006. Available at: <https://www.deepdyve.com/lp/brill/on-some-aspects-of-cybercrime-and-cybervictimization-QzXh8LLMr0?key=brill> (accessed February 24, 2021).
20. Button M. The “New” private security industry, the private policing of cyberspace and the regulatory questions. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2020, vol. 36, no. 1, pp. 39–55. DOI: 10.1177/1043986219890194. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1043986219890194#articleShareContainer> (accessed February 24, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОЛЕГ ВАЛЕРЬЕВИЧ КИРИЛОВСКИЙ – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

OLEG V. KIRILOVSKII – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Статья поступила 24.02.2021

О противодействии расследованию пенитенциарных преступлений: особенности предварительного этапа

А. В. АКЧУРИН

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению содержания и типичных приемов и способов противодействия расследованию пенитенциарных преступлений, осуществляемого осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. *Цель:* на основе анализа следственно-судебной практики по делам, возбужденным в отношении лиц, совершивших преступления в период содержания под стражей либо отбывания наказания в виде лишения свободы, предпринимается попытка выявить наиболее характерные особенности противодействия расследованию пенитенциарных преступлений. *Методы:* диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и обобщения, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* с использованием научного подхода в статье раскрываются отдельные типичные способы противодействия, оказываемого пенитенциарными преступниками. *Выводы:* к способам противодействия раскрытию пенитенциарных преступлений, которые наиболее часто используются непосредственно виновными лицами, относятся уничтожение, утаивание, инсценировка, фальсификация. Опосредованное отношение виновных лиц к противодействию расследованию пенитенциарных преступлений успешно реализуется путем создания эффекта толпы, а также через использование средств массовой информации и деятельности правозащитных организаций.

Ключевые слова: пенитенциарное преступление; противодействие расследованию; исправительное учреждение; следственный изолятор; осужденный; подозреваемый; обвиняемый.

12.00.12 – Криминалистика; оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Акчурин А. В. О противодействии расследованию пенитенциарных преступлений: особенности предварительного этапа. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 301–307. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-301-307.

On Counteracting the Investigation of Prison-Related Crimes: Features of the Preliminary Stage

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes the content and typical methods and ways that convicts, suspects, and defendants held in correctional institutions and pre-trial detention centers use to counter the investigation of penitentiary crimes. *Aim:* using the analysis of investigative and judicial practice for criminal cases initiated against persons who

committed crimes while in custody or while serving their prison terms, we make an attempt to identify the most distinctive features of counteracting the investigation of prison-related crimes. *Methods*: dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results*: using a scientific approach that highlights the preliminary stage of investigation of crimes, we reveal some typical counteraction techniques used by prison offenders. *Conclusions*: destruction, concealment, staging, and falsification are among the most popular methods used directly by offenders to prevent prison-related crimes from being solved. The indirect attitude of offenders toward counteracting the investigation of prison-related crimes is successfully implemented by creating a crowd effect, as well as using the media and the activities of human rights organizations.

Key words: prison-related crime; counteracting crime investigation; correctional institution; pre-trial detention center; convicted person; suspect; defendant.

12.00.12 – Criminalistics; law enforcement intelligence-gathering activities; forensic expert activities.

For citation: Akchurin A. On counteracting the investigation of prison-related crimes: features of the preliminary stage. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 301–307. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-301-307.

Введение

Пенитенциарные преступники всегда стремились оказать противодействие расследованию преступлений. Сама сущность неофициальных норм тюремной субкультуры, которых придерживается доминирующая часть пенитенциарных преступников, сводится к противопоставлению официальным нормам поведения в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. В этой связи В. А. Ищенко довольно точно проводит параллели между официальной деятельностью органов предварительного расследования и закономерно сопутствующей ей деятельностью преступников по противодействию этому процессу [3, с. 48–56].

Процесс нейтрализации противодействия, оказываемого при расследовании пенитенциарных преступлений, осложняется тем, что в тюремной среде опыт противодействия правоохранительным органам постоянно накапливается. Б. А. Поликарпов весьма метко подметил, что первые уроки противодействия процессу расследования пенитенциарные преступники получают еще в следственном изоляторе от своих сокамерников [9, с. 22].

Предварительный этап расследования

Анализ криминалистической литературы и следственно-судебной практики позволяет судить о том, что противодействие расследованию пенитенциарных преступлений, как правило, не ограничивается каким-то отдельным этапом процесса предварительного расследования и нередко встречается

в ходе судебного разбирательства. Однако в рамках одной статьи невозможно обстоятельно рассмотреть особенности противодействия расследованию пенитенциарных преступлений на всех этапах. Поэтому мы ограничились исследованием предварительного этапа расследования, который, как правило, наиболее приближен к деятельности администрации исправительного учреждения (следственного изолятора), реализующего свои немногочисленные уголовно-процессуальные полномочия [10].

Принимая позицию Н. Г. Шурухнова относительного предварительного этапа [11, с. 152], отметим, что, на наш взгляд, последний необходимо рассматривать не просто как проверку сообщения о готовящемся или совершенном преступлении, а именно как самостоятельный этап процесса расследования. В этом случае его содержание наполняется не только деятельностью, направленной на проведение проверочных мероприятий с целью установления признаков состава преступления либо их отсутствия, но и деятельностью по накоплению определенного объема доказательственной информации, получаемой в результате производства соответствующих следственных действий.

Способы и приемы противодействия

В результате изучения научной литературы и следственно-судебной практики нам удалось выявить ряд типичных способов и приемов противодействия расследованию пенитенциарных преступлений, характерных для предварительного этапа.

Наиболее распространенным способом является уничтожение, суть которого сводится к ликвидации материальных следов совершенного преступления. Анализ уголовных дел по пенитенциарным преступлениям показал, что уничтожению подлежат материальные объекты, способные впоследствии выступить в качестве вещественных доказательств. Более 62 % преступлений являются преступлениями, связанными с насилием (ст. 105, 110, 111, 112, 115, 318, 321 УК РФ), в результате чего на месте происшествия образуются многочисленные следы человека, следы-предметы, следы-вещества и др.

Весьма наглядным в этой связи выглядит следующий случай из практики деятельности исправительных учреждений. Осужденный П., отбывающий наказание в виде лишения свободы, на основе личной неприязни к осужденному Ж. совершил убийство последнего в производственном помещении исправительного учреждения. Вначале, используя заточку в виде ножа, он нанес Ж. не менее 10 ударов в область шеи и туловища. Затем, взяв лежавший на полу молоток и сдавив Ж. одной рукой шею, нанес другой рукой, в которой держал молоток, не менее 20 ударов в область головы Ж., причинив тем самым увечья в виде ран лица с повреждением костей лицевого скелета, внедрением костей лицевого скелета в мозговую череп, повреждением оболочек и вещества головного мозга, а также тупую закрытую травму шеи. От нанесенных ран Ж. скончался.

Пользуясь отсутствием очевидцев, П. предпринял меры к уничтожению следов крови, оставшихся на полу. Сам помылся, сменил одежду. Одежду со следами крови, а также орудия убийства попытался сжечь в печи кузницы исправительного учреждения (Архив Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края. Уголовное дело № 1-28/2015).

Опрошенные нами следователи СК РФ указали, что в своей следственной практике встречались с уничтожением осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) следующих материальных следов преступления:

- следов человека (следов рук, ног, зубов и др.) – 16,9 %;
- следов-веществ (следов крови и др.) – 74,3 %;
- следов-предметов (предметы, приспособленные для нанесения колюще-режущих повреждений, предметы, исполь-

зующие ударно-раздробляющий эффект, и т. п.) – 87,9 %;

- иных следов – 5,3 %.

Другим типичным способом противодействия расследованию пенитенциарных преступлений является инсценировка. Преступник, осознавая неизбежность наступления негативных последствий в виде появления трупа потерпевшего либо ран или наступления иных событий, стремится изменить обстановку совершения преступления таким образом, чтобы максимально правдоподобно представить наступившие последствия результатом несчастного случая, естественного события либо суицида потерпевшего. Для пенитенциарных преступлений использование данного способа не является редкостью. Анкетирование сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов показало, что осужденные (подозреваемые, обвиняемые) в 48,4 % случаев склонны инсценировать суицид потерпевшего, а в 35,7 % – несчастный случай или естественную смерть потерпевшего.

Характерным является следующий случай из практики деятельности следственных изоляторов. Так, 3 февраля 2011 г. около 19 часов 25 минут в помещении камеры психиатрического отделения следственного изолятора был обнаружен труп обвиняемого К. Предварительно в ходе осмотра места происшествия были выявлены признаки суицида путем самоповешения. Однако, согласно акту судебно-медицинского исследования трупа К., смерть последнего наступила от асфиксии в результате закрытой тупой травмы шеи, предположительно от рук другого лица (Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга. Уголовное дело № 290535).

Следующий способ противодействия расследованию пенитенциарных преступлений – это утаивание. По мнению М. Г. Бушинской, утаивание может осуществляться как в активной, так и в пассивной формах [1, с. 61].

Активная форма утаивания связана, как правило, с отказом виновных лиц и свидетелей давать объяснения или показания о случившемся. Авторы, исследовавшие проблемы расследования пенитенциарных преступлений, выделяют в первую очередь так называемое пассивное противодействие осужденных (подозреваемых, обвиняемых), которое в силу распространенности и стой-

кости неформального общения среди осужденных, характерно для большинства лиц, содержащихся в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества [6; 12].

Фальсификация как способ противодействия расследованию преступления вполне успешно используется пенитенциарными преступниками. В 93,6 % случаев этот способ фальсификации реализуется путем распространения заведомо недостоверной информации.

Так, результаты интервьюирования сотрудников следственных изоляторов, обучавшихся в Академии ФСИН России на курсах повышения квалификации в 2017–2018 гг., показали распространенность такого приема, как дискредитация сотрудника уголовно-исполнительной системы. Осужденный (подозреваемый, обвиняемый), заинтересованный в исходе разрешения неправомерного события, ставшего известным определенному сотруднику исправительного учреждения (следственного изолятора), принимает активные меры для нейтрализации наступательного характера доследственной проверки. Для этого осужденный (подозреваемый, обвиняемый) выясняет номер мобильного телефона данного сотрудника, а также факт наличия банковской карты, привязанной к данному номеру, производит зачисление денежных средств (20–50 тыс. руб.) на такой счет и одновременно направляет жалобу в прокуратуру (или иную правозащитную организацию). В жалобе приводятся ложные сведения о том, что сотрудник исправительного учреждения (следственного изолятора) якобы вымогал денежные средства у осужденного (подозреваемого, обвиняемого) под предлогом решения вопроса о прекращении уголовного преследования. Следствием этого является проведение подразделением собственной безопасности многочисленных проверочных мероприятий в отношении данного сотрудника исправительного учреждения (следственного изолятора), что существенно осложняет его работу в силу того, что он вынужден давать необоснованные объяснения вместо полноценного выполнения своих функциональных обязанностей.

Практика подобных фальсификаций показывает, что даже в случае, когда сотрудник исправительного учреждения (следственного изолятора), своевременно выявив необоснованное пополнение собственного счета, обратится в подразделение собственной

безопасности или к вышестоящему руководителю, он не в состоянии избежать проверочных мероприятий по поступившему сообщению. Заметим, что в условиях масштабной борьбы с коррупцией данные проверочные мероприятия проводятся довольно тщательно. При этом сотрудники исправительных учреждений (следственных изоляторов), попавшие в подобную ситуацию, отмечают, что помимо колоссальной траты времени подобные проверки (даже при положительном их исходе для сотрудника) подрывают настрой на дальнейшую активную и инициативную работу по поддержанию правопорядка в исправительном учреждении (следственном изоляторе).

В условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов особо излюбленным приемом оказания противодействия является создание эффекта толпы. В. В. Николаиченко именуется этот прием методом зажигания толпы. Суть его заключается в том, что лица, как правило обладающие статусом лидера группы отрицательной направленности, используя психическое состояние других осужденных (подозреваемых, обвиняемых), прибегают к приему психологического заражения, осуществляемого истошными криками с надрывом, душераздирающими стонами, призывами к неповиновению сотрудникам администрации исправительного учреждения (следственного изолятора). В условиях зараженной толпы у отдельных ее участников «исчезает чувство личной ответственности за свои поступки, снижается уровень сознания и критичности по отношению к ситуации. Он готов на все, он фанатик. Здесь можно выкрикнуть любой подстрекательский лозунг, любую угрозу» [7, с. 350–356].

Отдельно следует остановиться на таком способе противодействия, как использование средств массовой информации и правозащитных организаций в качестве своеобразного инструмента общественного давления на администрацию исправительного учреждения (следственного изолятора), органы следствия и дознания.

Демократические процессы, активизировавшиеся в нашей стране в начале 90-х гг. прошлого столетия, постепенно привели к открытости и доступности для гражданского общества пенитенциарной системы и демонстрации всего того, что в ней происходит. Очевидно, что подобного рода процессы играют позитивную роль в деле

обеспечения и защиты прав и свобод осужденных, содержащихся в подобных учреждениях.

Общественные, правозащитные организации и средства массовой информации, пользуясь таким положением дел, зачастую весьма активно освещают деятельность исправительных учреждений либо выстраивают свою работу в тесном контакте с ними.

К сожалению, подобного рода интерес не так часто предполагает выстраивание конструктивного диалога с администрацией и направленность на решение насущных жизненных вопросов и совершенствование процесса исправления оступившихся лиц, содержащихся в местах лишения свободы: как правило, он вызван банальной потребностью в скандальных новостях, позволяющих поднимать собственные рейтинги, формировать у общества ложное представление об антигуманности, коррумпированности, бюрократизме государственной машины. Таким образом отрабатываются денежные средства, выделяемые отдельными негосударственными организациями, преследующими деструктивные цели в отношении государственного устройства Российской Федерации. Оппозиционные политические силы при этом зачастую выступают в роли «правдорубов», которые стремятся на фоне скандальных заявлений и «разоблачений» просто заработать голоса электората.

Не проводя серьезных исследований, а используя даже поверхностный анализ информации, которая размещается в печатных изданиях, на телевидении, радио и в сети Интернет, можно убедиться в односторонности освещения деятельности уголовно-исполнительной системы. В широком медийном пространстве в крайне негативном свете представлено множество сообщений о деятельности ФСИН России и администрации отдельных исправительных учреждений. Однако средства массовой информации, к большому сожалению, неохотно информируют общественность о той большой общественно значимой и полезной работе, которая проводится исправительными учреждениями в сфере не только исправления осужденных, предотвращения и предупреждения совершения ими новых преступлений, но и в патриотической, ветеранской, спортивной, просветительской и иных. Подобные достижения подробно и практически ежедневно освещаются на официальных сайтах учреждений и органов ФСИН России

в сети Интернет, а также в ведомственных печатных изданиях. Однако информация о положительных фактах и примерах из жизни сотрудников исправительных учреждений и их служебной деятельности растворяется в том объеме негатива, который широко представлен в медийном пространстве.

Лидеры отрицательной направленности из числа осужденных очень чутко реагируют на активность указанных организаций и средств массовой информации и используют их в своих преступных целях, оказывая влияние на общественное мнение и организуя посредством этого давление на процесс расследования преступлений и деятельность администрации исправительного учреждения.

Общественные и правозащитные организации проявляют ложную заинтересованность в отстаивании прав и законных интересов осужденных в сети Интернет. Искусственное формирование общественного мнения направлено на оправдание любых противозаконных действий осужденных, противостоящих администрации исправительного учреждения (широкой общественности такое противодействие преподносится в виде якобы вынужденных мер со стороны осужденных, которые стремятся преодолеть «бюрократизм», «бесчинство», «карательную деятельность» администрации исправительного учреждения и т. п.).

И. Ф. Гилязов, В. Н. Кудашов замечают, что противодействие требованиям администрации со стороны осужденных, направляемое лидерами преступной среды, в последние годы довольно активно связано с вмешательством в деятельность учреждений «недобросовестных псевдоправозащитников и ангажированных средств массовой информации» [2].

Подобное воздействие на администрацию способно привести к дезорганизации деятельности исправительного учреждения, созданию условий для массовых беспорядков, уходу от ответственности лиц из числа осужденных, осуществляющих противоправные деяния.

Наглядным примером служит бунт в исправительной колонии в г. Ангарске Иркутской области 9–10 апреля 2020 г., когда группа осужденных оказала неповиновение законным требованиям сотрудников ФСИН России, нанесла себе телесные повреждения, осуществила насильственные действия в отношении сотрудника исправительного

учреждения, после чего были организованы массовые неповиновения, имели место многочисленные поджоги производственных объектов исправительного учреждения, умышленное уничтожение имущества и т. п.

Данные события сопровождалась всплеском активности различных правозащитных организаций и благотворительных фондов, флешмобом в социальных сетях, призывающим правозащитников, активистов, журналистов оказать воздействие на расследование событий в ИК-15 г. Ангарска.

Министр юстиции России К. А. Чуйченко, комментируя эту ситуацию, отметил, что «данный бунт был срежиссирован извне, эти же люди проплатили так называемых “правозащитников”, которые до сих пор пытаются раскачать ситуацию в масс-медиа» [4].

Следует отметить, что для успешного противодействия, оказываемого пенитенциарными преступниками, характерно весьма типичное обстоятельство – получение консультаций как от юристов (адвокатов-защитников) [5; 8], так и от других осужденных (подозреваемых и обвиняемых), как прави-

ло обладающих значительным личным опытом участия в уголовном судопроизводстве, проявляющих способности к сбору информации и осмыслению чужого преступного опыта. Зачастую последние оказываются даже более профессиональными, чем юристы по образованию [9].

Заключение

В статье была предпринята попытка раскрыть содержание и отдельные особенности противодействия, оказываемого пенитенциарными преступниками. К способам противодействия раскрытию пенитенциарных преступлений, которые наиболее часто используются непосредственно виновными лицами, относятся уничтожение, утаивание, инсценировка, фальсификация. Опосредованное отношение виновных лиц к противодействию расследованию пенитенциарных преступлений успешно реализуется путем создания эффекта толпы, а также через использование средств массовой информации и деятельности правозащитных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушинская, М. Г. Криминальное противодействие и пути его преодоления при расследовании мошенничества : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бушинская Марина Геннадьевна. – Москва, 2006. – 211 с.
2. Гилязов, И. Ф. Перспективы развития социально-психологических форм работы с несовершеннолетними осужденными / И. Ф. Гилязов, В. Н. Кудашов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2013. – № 3. – С. 4–5.
3. Ищенко, В. А. Противодействие предварительному расследованию в местах лишения свободы и основные направления его нейтрализации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ищенко Владислав Анатольевич. – Москва, 2007. – 176 с.
4. Куликов, В. С. Глава Минюста: Бунт в колонии Ангарска был срежиссирован извне / Владислав Куликов // Российская газета. – 2020. – 15 апреля (№ 81).
5. Малышкин, П. В. Понятие и сущность противодействия расследованию преступлений со стороны адвоката-защитника / П. В. Малышкин // Мир науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 14–27.
6. Морозов, Р. М. Особенности преодоления противодействия, осуществляемого подозреваемыми (обвиняемыми) на первоначальном этапе расследования дистанционных мошенничеств, совершенных в пенитенциарных учреждениях / Р. М. Морозов, В. Н. Остапенко // Пенитенциарная наука. – 2019. – Том 13, № 4. – С. 543–551.
7. Николаиченко, В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Николаиченко Виктор Викторович. – Саратов, 2006. – 453 с.
8. Павлов, А. А. Формы противодействия расследованию преступлений со стороны защитника / А. А. Павлов // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики : сборник статей. – Москва : Академия управления МВД России, 2004. – С. 173–183.
9. Поликарпов, Б. А. Противодействие уголовному преследованию в следственных изоляторах и криминалистические средства его преодоления : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Поликарпов Борис Артурович. – Улан-Удэ, 2017. – 292 с.
10. Спиридонова, Ю. Н. Об отдельных вопросах правового регулирования уголовно-процессуального статуса должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний / Ю. Н. Спиридонова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 4. – С. 34–38.
11. Шурухнов, Н. Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений / Н. Г. Шурухнов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сборник научных трудов. – Рязань : Академия ФСИН России, 2007. – Выпуск 2. – С. 147–156.
12. Шурухнов, Н. Г. Факторы, влияющие на расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях / Н. Г. Шурухнов // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел (вопросы криминалистики). – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1990. – С. 101–107.

REFERENCES

1. Bushinskaya M.G. *Kriminal'noe protivodeistvie i puti ego preodoleniya pri rassledovanii moshennichestva: dis. ... kand. yurid. nauk*. [Criminal counteraction and ways to overcome it in the investigation of fraud: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 211 p.
2. Gilyazov I.F., Kudashov V.N. Prospects for the development of socio-psychological forms of work with convicted minors. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 3, pp. 4-5. (In Russ.).
3. Ishchenko V.A. *Protivodeistvie predvaritel'nomu rassledovaniyu v mestakh lisheniya svobody i osnovnye napravleniya ego neitralizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Counteraction to preliminary investigation in places of deprivation of liberty and the main directions of its neutralization: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 176 p.
4. Kulikov V.S. Head of the Ministry of Justice: The revolt in the Angarsk colony was orchestrated from the outside (Code of health). *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2020, April 15, no. 81. (In Russ.).
5. Malyshkin P.V. Concept and essence of counteraction to the investigation of crimes by a defense lawyer. *Mir nauki i obrazovaniya=World of Science and Education*, 2015, no. 4, pp. 14–27. (In Russ.).
6. Morozov R.M., Ostapenko V.N. Features of overcoming the counteraction carried out by suspects (accused) at the initial stage of investigation of remote fraud committed in penitentiary institutions. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 543-551. (In Russ.).
7. Nikolaichenko V. V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya : kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Penitentiary and post-penitentiary crimes: criminalistic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. Pp. 350-356.
8. Pavlov A.A. Forms of counteraction to the investigation of crimes by the defender. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki=Topical Issues of the Theory and Practice of Criminal Justice and Criminalistics*, 2004, pp. 173-183. (In Russ.).
9. Polikarpov B.A. *Protivodeistvie ugovolnomu presledovaniyu v sledstvennykh izolyatorakh i kriminalisticheskie sredstva ego preodoleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Counteraction to criminal prosecution in pre-trial detention centers and criminalistic means for its overcoming: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ulan-Ude, 2017. 292 p.
10. Spiridonova Yu.N. On certain issues of legal regulation of the criminal procedure status of officials of the Federal Penitentiary Service. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.).
11. Shurukhnov N.G. Influence of criminal procedure legislation on the structure of crime investigation. In: *Ugovolnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimereniya: sb.nauch.tr.* [Criminal proceedings: problems of theory, norm-making and law enforcement: Collection of scientific works]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. Issue 2. Pp. 147–156. (In Russ.).
12. Shurukhnov N.G. Factors affecting the investigation of crimes committed by convicts in correctional labor institutions. In: *Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya dostizhenii nauki i tekhniki v rassledovanii prestuplenii organami vnutrennikh del* [Actual issues of using the achievements of science and technology in the investigation of crimes by internal affairs bodies]. Moscow, 1990. Pp. 101–107. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Статья поступила 12.05.2020

Ограничение свободы передвижения в условиях режима повышенной готовности

Н. П. ЗАРЯЕВА

Воронежский институт повышения квалификации сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

И. Л. ОЛИЙНЫК

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена рассмотрению режима повышенной готовности и сопутствующих ему ограничительных мер в части свободы передвижения, введенных в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции COVID-19. *Цель:* на основе теоретико-правового анализа исследовать сущность режима повышенной готовности и комплекса противоэпидемиологических мероприятий, реализуемых для предотвращения распространения пандемии COVID-19, конституционность, обоснованность ограничений права личности на свободу передвижения и соразмерность вводимых ограничительных мероприятий (карантин, полная самоизоляция) в отношении особо уязвимой категории – пожилых лиц. *Методы:* диалектический, теоретические методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой, системно-структурный, метод толкования правовых норм и др. *Результаты:* проведенное исследование позволяет установить существующую правовую неопределенность терминологического аппарата режима повышенной готовности, а также отсутствие законодательно ограниченного правового предела его действия (периода существования) и механизма непосредственной реализации. Аргументируется несоразмерность ограничения свободы передвижения для лиц в возрасте 65 лет и старше в контексте интересов охраны их здоровья. Определяются гарантии ограничения реализации права личности на свободу передвижения: правомерность, обоснованность временных административно-правовых мер; баланс между частными (сохранение защищенности правового статуса) и публичными (предупреждение распространения инфекции) интересами; особенности эпидемиологической обстановки; комплекс своевременных мероприятий, направленных на обеспечение особо уязвимых категорий граждан всем жизненно необходимым. *Выводы:* предлагается трактовать ограничение реализации прав личности в условиях режима повышенной готовности как основанное на законодательстве вмешательство государства (посредством принятия соразмерных мер ограничительного характера) в сферу частной автономии индивида с целью защиты национальной безопасности, общественного порядка, жизни и здоровья человека. Обоснована актуальность регламентации в отраслевом законодательстве положений, определяющих круг обстоятельств введения режима повышенной готовности, пределы, границы, объем дополнительных полномочий специальных субъектов и рамки возможного усмотрения; средства, обеспечивающие данный административно-правовой режим; перечень прав и свобод, подлежащих ограничению при его установлении, а также механизм их защиты.

Ключевые слова: права и свободы граждан; свобода передвижения; пандемия COVID-19; режим повышенной готовности; ограничительные меры; соразмерность; граждане пожилого возраста (лица 65 лет и старше).

12.00.14 – Административное право, финансовое право, информационное право.

Для цитирования: Заряева Н. П., Олийнык И. Л. Ограничение свободы передвижения в условиях режима повышенной готовности. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 308–320. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-308-320.

Restriction of the Freedom of Movement under a High-Alert Regime

NATAL'YA P. ZARYAEVA

Voronezh institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

INNA L. OLIYNYK

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers the high-alert regime and the associated restrictive measures related to the freedom of movement and introduced in connection with the threat of the spread of COVID-19. *Aim:* with the help of theoretical and legal analysis, we investigate the nature of the high-alert regime and the set of anti-epidemic measures implemented to prevent the spread of the COVID-19 pandemic; we also analyze the constitutionality and validity of restrictions on the right of an individual to freedom of movement and the proportionality of the restrictive measures imposed (quarantine, complete lockdown) in relation to the elderly, a particularly vulnerable population group. *Methods:* dialectical method, theoretical methods of formal and dialectical logic, comparative legal method, system-structural method, method of interpretation of legal norms, and others. *Results:* the research allows us to say that the set of terms related to the high-alert regime is not clearly defined from the legal perspective; moreover, there is no legally bounding limit to its operation (the period of its being in effect) and a mechanism for its direct implementation. We argue that the restriction of the freedom of movement for persons aged 65 and older is disproportionate in the context of their health protection interests. The article defines the following guarantees of restricting the exercise of the individual's right to freedom of movement: the legality and validity of temporary administrative and legal measures, the balance between private interests (preserving the protection of the legal status) and public interests (preventing the spread of the infection), specifics of the epidemiological situation, a set of timely measures aimed at providing particularly vulnerable categories of citizens with everything vital. *Conclusions:* we propose to interpret the restriction of the exercise of an individual's rights under a high-alert regime as a legally justified state intervention (through the adoption of proportionate restrictive measures) in the sphere of an individual's private autonomy in order to protect national security, public order, human life and health. We consider it necessary that legislation should specify the provisions defining the range of circumstances when a high-alert regime is to be introduced, the limits, boundaries and scope of additional powers of special actors, and the scope of possible discretion; the means to ensure this administrative and legal regime; the list of rights and freedoms subject to restriction when it is established, as well as the mechanism for their protection.

Keywords: citizens' rights and freedoms; freedom of movement; COVID-19 pandemic; high alert regime; restrictive measures; proportionality; elderly citizens (persons aged 65 and older).

12.00.14 – Administrative law, financial law, information law.

For citation: Zaryaeva N.P., Oliynyk I.L. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 308–320. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-308-320.

Введение

Наивысшей социальной ценностью в Российской Федерации признаются человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство,

неприкосновенность и безопасность. Именно права и свободы человека и гражданина, уровень их обеспечения определяют содержание и демократическую направленность

деятельности государства. Способность лица в полной мере реализовать предоставляемые ему права и свободы обусловлена наличием значительного количества благоприятных условий для его самореализации как конкретной личности и члена демократического общества.

При этом существуют ситуации, при которых для предотвращения угрозы и обеспечения безопасности и здоровья граждан могут быть введены определенные ограничения, затрагивающие конституционные права, свободы человека и гражданина. Так, пандемия COVID-19 стала одним из крупнейших вызовов XXI в., коснувшись практически всех аспектов бытия человечества. Ведение противоэпидемиологических мероприятий (карантина), направленных на минимизацию негативных последствий коронавирусной инфекции, повлекло за собой временные запреты и ограничения ряда основных прав граждан. Особые ограничения, выражающиеся в режиме полной самоизоляции, коснулись людей старшего поколения. Внесенные в их жизнь коррективы существенно снизили уровень коммуникации, жизненной активности, усилили тревожность и страх перед социальной изоляцией.

Между тем в контексте преследования легитимной цели ряд важных вопросов решается при отсутствии должного нормативного основания путем публичного администрирования. Обстоятельства новой реальности диктуют необходимость проведения анализа обеспечения защиты прав и интересов граждан пожилого возраста, а также определения соразмерности ограничительных мер, вводимых в рамках режима повышенной готовности.

Основная часть

Свобода представляет собой возможность избрать ту или иную модель поведения по своему усмотрению. Границы свободы индивида в обществе нужны для организации совместной жизни. В широком смысле свобода характеризует общее состояние человека, его социальный статус. В более узком, правовом, понимании она характеризуется возможностью человека совершать те или иные конкретные действия в пределах, установленных правом.

Свобода человека является естественной, неотчуждаемой и существует независимо от государства и права. Вместе с тем государство и право необходимы для обе-

спечения беспрепятственной реализации прав и свобод личности.

Свобода передвижения физических лиц является основополагающим понятием правовой системы любого демократического государства, ведь именно степень защиты и пределы реализации свободы передвижения выступают индикатором уровня развития общества в целом, а также его правовых, экономических и социально-культурных институтов в частности.

Право на свободу передвижения и свободный выбор места пребывания (жительства) декларировано в ст. 27 Конституции Российской Федерации. Данное право относится к фундаментальным свободам человека, удовлетворяющим его индивидуальные потребности. Оно отражает степень социально оправданной свободы поведения человека, его личной автономии от государственного принуждения, предоставляется и охраняется государством. Занимая важное место в числе личных прав, свобода передвижения тесно связана с другими группами прав и свобод.

Отдельные аспекты права человека на свободу передвижения, а также вопросы ограничения данного права со стороны государственных институтов не теряют своей актуальности и постоянно привлекают внимание исследователей [4–8; 12–14; 18–20]. Между тем проблема соразмерности ограничений как средства правового воздействия в период действия режима повышенной готовности на территории нашей страны исследована недостаточно.

Термин «свобода передвижения» используется в научной литературе и законодательстве в широком и узком смыслах. В широком смысле он включает в себя право на свободу передвижения и свободный выбор места жительства в пределах государства, право свободно выезжать за пределы территории государства, право беспрепятственно возвращаться на территорию своего государства. В узком смысле это право лица на законных основаниях находиться на территории какого-либо государства, свободно и беспрепятственно передвигаться по этой территории с учетом ограничений, установленных законом. В статье мы будем вести речь о свободе передвижения в узком ее понимании.

Конституция Российской Федерации защищает гражданина, ограничивая публичную власть в возможности посягать на его

права и сферу свободы. Конституционные ограничения и ограничения конституционных прав не являются тождественными понятиями, так как Основной закон является определенным ограничителем деятельности государства, государственных органов, общества и человека. Закрепленные в Конституции Российской Федерации основания правового ограничения прав и свобод человека и гражданина базируются на принципе сочетания частных и публичных интересов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ограничению подлежит не само право, а лишь его реализация.

Правовым подтверждением этого выступает Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «осуществление прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц» (ст. 8, 10, 11).

Термин «ограничение» трактуется как «грань, предел, рубеж; удержание в известных рамках; правило, ограничивающее какие-либо права, действия; стеснение определенными условиями; ограничение сферы деятельности, сужение возможностей и т. п.» [1].

Как отмечает В. И. Крусс, «в праве в широком смысле – включая его позитивную базу и юридическую практику – действительно могут быть показаны и классифицированы самые разнообразные ограничения как элементы системы права и средства (функционалы) механизма обеспечения правопорядка. Однако до и помимо таких изысканий и "достижений" развивающаяся на основе конституционного правопонимания юридическая наука призвана, прежде всего, отвечать на вопросы о том, насколько и почему легальные ограничения являются правовыми как одновременно допустимыми, приемлемыми и практически состоятельными, то есть конституционными» [11].

С точки зрения С. С. Алексеева, ограничение – это «вопрос об объеме регулирования, о границах имеющих у лиц прав, которые характеризуют результат юридического регулирования». Достигается такой результат путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний [3]. Иными словами, правовое ограниче-

ние может выступать как в форме запрета, так и в форме обязанности. А. Н. Кокотов указывает, что любое установление нормативным актом юридических обязанностей или юридической ответственности индивидов является прямым или косвенным ограничением прав и свобод человека и гражданина [10].

Ограничения носят превентивный характер и представляют собой исключительную меру, основанную на законе и устанавливающую допустимые пределы реализации индивидом своих прав и свобод.

Определенные ущемления свободы поведения, вызываемые ограничительными мерами, избавляют от возможных неблагоприятных последствий как субъектов, в отношении которых действуют ограничения, так и иных лиц. Базовый критерий ограничений прав личности – законность. Основная их функция – охрана общественных отношений в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Нормы, предусматривающие возможность ограничения реализации прав и свобод человека, содержатся как в национальных (Конституция Российской Федерации, закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»), так и в международных нормативных правовых актах. При этом способы такого ограничения определяются непосредственно нормами национального законодательства.

Среди действующих международных стандартов, предусматривающих определенные ограничения свободы передвижения и свободного выбора места жительства, можно выделить Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (далее – Декларация).

Важно подчеркнуть, что в Декларации конкретно не определена возможность ограничения права личности на свободу передвижения и свободный выбор места жительства. В ней содержатся общие положения об ограничениях, которые касаются всех гарантированных прав и свобод, а значит, и свободы передвижения (п. 2 и 3 ст. 29). Как указано в Декларации, при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям,

какие установлены законом, исключительно в целях:

- обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц;
- удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе;
- невозможности осуществления прав и свобод, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Между тем ограничение свободы передвижения прямо предусмотрено в п. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт). Для применения такого ограничения необходимо «наличие угрозы государственной безопасности, общественному порядку, здоровью или нравственности населения или правам и свободам других лиц, и они должны быть совместимы с другими правами, определенными в этом Пакте». Также положения о возможности ограничения свободы передвижения содержатся в п. 3 ст. 2 протокола № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

На сегодняшний день не сложилось единого подхода к определению перечня принципов правового ограничения прав человека. Например, А. А. Подмарев, рассматривая конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина, предлагает выделять такие принципы, как признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважения достоинства личности; соответствие и соразмерность ограничений конституциональным целям; принцип равенства; ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; требование определенной правовой формы закрепления ограничений; соответствие ограничений международным стандартам [17, с. 74]. При этом среди всего многообразия принципов ограничения прав и свобод ключевым следует считать принцип законности, поскольку именно он обеспечивает оптимальный баланс интересов субъектов правового ограничения.

К основным признакам правовых ограничений можно отнести: 1) сужение содержания и (или) объема прав и свобод человека; 2) формальную определенность ограничения; 3) конституционно определенные цели ограничения; 4) возможность применения ограничения государством.

Правомерное вмешательство в реализацию прав человека возможно при наличии определенных условий и оснований. В юридической литературе выделяют формальные (неопределенный круг субъектов, в отношении которых применяются правовые ограничения, четкость, стабильность, предсказуемость, доступность, соответствие процедуре принятия и ряд других) и материальные (сохранение содержания конституционных прав и свобод человека и гражданина) основания ограничений.

Среди важных условий, предъявляемых к ограничительным мерам, можно назвать: 1) законодательную закреплённость возможности ограничения реализации права; 2) объективную необходимость ограничений в демократическом обществе; 3) легитимность цели ограничения.

Практика многих стран показывает, что на сегодня наибольшую опасность правам и свободам человека представляет глобальная пандемия COVID-19, поскольку в ответ на ее распространение демократические государства повсеместно ограничили реализацию права на свободу передвижения, личную жизнь, право собственности и ряд других фундаментальных прав, гарантированных национальными конституциями и международными договорами. Данный факт был отмечен Генеральным секретарем ООН Антониу Гутеррешем. В его докладе подчеркивается, что «пандемия COVID-19 представляется кризисом не только охраны здоровья, но экономическим и социальным, которые в мире быстро становятся кризисом прав человека» [24].

Можно сказать, что глобальная пандемия COVID-19 создала серьезные вызовы государственным механизмам реализации и защиты основных прав и свобод человека. При этом, как подчеркивают А. Бурлаку, Р. Крисан-Дабижа и др., единых подходов к реагированию со стороны законодателя и правоприменителя в мире выработано не было [25].

Так, жесткие ограничения, включающие почти полное закрытие границы, были инициированы Чешской Республикой, Польшей, Эстонией и Норвегией. Другая группа стран, в которую входят Германия, Швейцария и Дания, ввела абстрактное различие между необходимыми и необязательными поездками, основанное на причине пересечения границы. Тем, кто живет или работает в стране, а также тем, кто находится в

пути, обычно разрешается въезд, в то время как другим отказывается в этом праве, если они не могут продемонстрировать законные причины. Венгрия и Литва ограничили право на въезд лицам из регионов с высоким риском. Несколько стран ввели жесткие ограничения на внутреннюю мобильность, однако систематически не ограничивали доступ в страну (Италия, Франция, Бельгия и Испания) [28].

В Украине ограничения права на свободу передвижения, применяемые на территории государства для предотвращения распространения инфекции, оцениваются рядом исследователей как неконституционные и нарушающие фундаментальные человеческие свободы [27].

И. Фрекеттон, рассматривая решения судов в Австралии и Кении (*The Victorian Supreme Court judgment of Loielo v Giles (2020) VSC 722, Kenyan judgment of Law Society of Kenya v Mutuambai (2020)*), указывает на то, что принятие решения о длительном введении комендантского часа в целях сокращения распространения вируса COVID-19 было обоснованным [23].

Федеральное правительство Бельгии приняло ряд решений о введении жестких ограничений во время пандемии COVID-19, которые, как отмечают Т. Вансуевельт и Ф. Девалленс, являются отступлением от действующего законодательства об основных правах и свободах (свободы ассоциаций и свободы передвижения) [29].

Дж. Рамджи-Ногалес и И. Гольднер Ланг характеризуют ограничения свободы передвижения, введенные США и Европейским Союзом, как серьезный вызов фундаментальным принципам, указывая на то, что свободное передвижение людей без пограничного контроля является основной причиной существования Европейского Союза, а защита лиц, спасающихся от преследований, была основным обязательством Соединенных Штатов с момента их основания. Последствия закрытия, по мнению указанных исследователей, подвергают серьезному риску уязвимые группы населения, которые якобы защищены этими внутренними и международными правовыми обязательствами [26].

Публичная власть в России впервые столкнулась с подобной ситуацией, а следовательно, в стране отсутствовал опыт управленческой деятельности в такого рода условиях. Однако сдерживание масштабов

и снижение распространения коронавирусной инфекции COVID-19 объективно потребовали от компетентных органов режимного регулирования с последующим принятием неординарных мер реагирования.

Правовые ориентиры в области защиты жизни и здоровья граждан в ситуациях, связанных с распространением заболеваний в России, содержатся в административном законодательстве. Базовым здесь является Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее – ФЗ-№ 52). В нем закреплено понятие «ограничительные мероприятия (карантин)», под которыми следует понимать «административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных».

Коронавирусная инфекция (COVID-19) отнесена к перечню заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В подобных ситуациях законодатель предусматривает несколько вариантов реагирования со стороны государства, а именно возможность введения особого правового режима чрезвычайного положения, режима повышенной готовности, а также дополнительных ограничительных и санитарно-противоэпидемических мероприятий. Указанные режимы различаются по степени ограничительного воздействия, что позволяет государству выбрать оптимальный сценарий реагирования.

Ситуации, требующие введения специального административно-правового регулирования, вызваны действием разных факторов. Профессором И. Л. Петрухиным предложена классификация, которая включает три основные группы:

1. Стихийные бедствия (землетрясения и извержения вулканов, наводнения и цунами, ураганы и смерчи, сильные и продолжительные засухи или морозы, обвалы, лавины и сели, необычно повышенная солнечная радиация, выпадение метеоритов и других космических тел).

2. Крупные катастрофы, связанные с эксплуатацией техники, испытаниями (взрывы, крушения поездов, кораблей, летательных аппаратов, пожары, представляющие осо-

бую опасность для населения и причиняющие значительный вред, катастрофы на атомных электростанциях, других объектах использования атомной энергии в мирных или военных целях, повлекшие значительное повышение радиационного излучения, крупные катастрофы на заводах, фабриках, нефте- и газопроводах, обнаружение захоронений радиоактивных и ядовитых веществ, представляющих опасность для жизни и здоровья населения данной местности, значительное и стабильное превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ в воздухе, воде и земле, повлекшее остановку производства и гибель людей).

3. Биологические факторы (эпидемии, эпизоотии, нашествия саранчи и других вредных насекомых) [16, с. 46].

Как справедливо отмечает ученый, данные факторы могут создавать различные опасные ситуации как непосредственно для личности, так и в целом для общества и государства, что влечет необходимость специального административно-правового регулирования со стороны власти.

Для административных режимов в рамках государственного управления характерна возможность использования специфических правовых средств, форм и методов государственного управления, ограничения прав и свобод граждан, возложения дополнительных обязанностей, расширения полномочий органов публичной власти.

Множественность факторов, являющихся основанием для введения административно-правового режима, усложняет конструирование обобщенных административных режимов.

Как правило, введение специального правового регулирования обосновывается обеспечением защиты личности и государства в ситуациях, связанных с социальными конфликтами, обстоятельствами природного, техногенного и биологического характера. Примером тому служит упомянутая ранее вспышка коронавирусной инфекции COVID-19. Так, принимая во внимание масштабы последствий пандемии, во всех 85 субъектах Российской Федерации был введен режим повышенной готовности, получивший закрепление в ст. 4.1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ-№ 68). При этом в 44

субъектах нашей страны данный режим был признан обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором).

Режим повышенной готовности предусматривает возможность введения ограничительных мероприятий на основании «предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей решением Правительства Российской Федерации или органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органа местного самоуправления, а также решением уполномоченных должностных лиц федерального органа исполнительной власти или его территориальных органов, структурных подразделений, в ведении которых находятся объекты обороны и иного специального назначения» (ч. 2 ст. 31 ФЗ-№ 52).

Непосредственный перечень ограничительных мероприятий закреплен в п. 10 ст. 4.1 ФЗ-№ 68. В частности, на основании данного закона власти вправе ограничивать доступ людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации; приостанавливать деятельность организаций при существовании угрозы безопасности жизнедеятельности работников и иных граждан; осуществлять иные меры, не ограничивающие права и свободы человека и гражданина; создавать необходимые условия для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия. Также органы управления устанавливают порядок использования различных резервов, в том числе транспортных средств и средств оповещения, на случай возникновения чрезвычайной ситуации.

Анализ показал, что режим повышенной готовности занимает особое положение, отличное по жесткости и объему правоограничений, и уступает мерам, предусмотренным режимом чрезвычайного и военного положения.

Наряду с этим проведенное исследование позволяет констатировать существующую правовую неопределенность терминологического аппарата режима повышенной готовности, круга обстоятельств его введения, а также отсутствие законодательно ограниченного правового предела действия (периода существования) указанного режима и непосредственного механизма его реализации. Представляется, что отсутствие

формально определенных границ использования особого правового режима может повлечь административный произвол и дисбаланс в системе разделения властей, а также вызвать конфликт основных прав человека, предусмотренных отечественным законодательством и международным правом.

Проблема конституционности и обоснованности ограничения прав и свобод личности актуальна для любого правового и демократического государства. Не вдаваясь в детали, отметим, что подходы ученых к ее рассмотрению разнятся. В юридической литературе доминирует точка зрения о том, что «не существует абсолютных прав и свобод, все они могут быть ограничены», а «в условиях чрезвычайных ситуаций осуществление субъективных конституционных прав может быть приостановлено» [21, с. 133–134]. Данный взгляд вполне согласуется с положениями, содержащимися в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Специалисты прогнозируют возможность повторения глобальных пандемий и вспышек разного рода социально значимых заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В кризисной, экстраординарной ситуации риски непропорционального ограничения прав и свобод человека растут, следовательно, дополнительного внимания заслуживает контроль со стороны общества.

Правовая действительность демонстрирует проблему не только правовых пределов использования особого правового режима, но и пропорциональности объема должностных обязанностей лиц, наделенных публично-властными полномочиями. Исходя из этого особое звучание приобретает законодательное закрепление круга обстоятельств введения режима повышенной готовности и его границ, четкого перечня прав и свобод, которые могут быть ограничены, механизмов защиты при нарушении прав и свобод, сил и средств, обеспечивающих этот административно-правовой режим.

В современных условиях особое научно-теоретическое значение приобретает ясность и понятность критериев, позволяющих определить правоприменителю соразмерность, обоснованность и допустимость правовых пределов ограничения реализации прав человека, в том числе и на свободу передвижения.

Особенное внимание привлекают к себе граждане пожилого возраста, для которых

в регионах установлены особые ограничения (запреты) на передвижение и социальную коммуникацию. Власти, преследуя превентивные цели в борьбе с пандемией COVID-19, по факту в разы усложнили возможность осуществления основных прав и свобод для лиц в возрасте 65 лет и старше.

Решения уполномоченных лиц о введении различных ограничительных мер (режима самоизоляции) вызывают страх и некоторое недопонимание у населения. Между тем конституционность принимаемых на местах актов была рассмотрена Конституционным Судом Российской Федерации. В его правовой позиции, изложенной в постановлении от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области», указывается, что введение временных ограничительных мер, вызванных распространением коронавирусной инфекции, не противоречит Основному закону. Конституционный Суд Российской Федерации «признает право граждан на передвижение, но уточняет, что при реальной общественной угрозе жители должны проявлять "разумную сдержанность", реализуя это право». В постановлении отмечается, что «ограничение свободы передвижения – не то же самое, что ограничение личной свободы».

Представляется, что в контексте рассматриваемого вопроса дополнительного обсуждения требует не сама возможность введения ограничительных мер в условиях глобальной пандемии COVID-19, а лишь правовые пределы и соразмерность таких ограничений, защищающие права граждан пожилого возраста от выхолащивания.

Рассмотрим вопрос на примере положений указа губернатора Воронежской области от 13.05.2020 № 184-у «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Воронежской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Так, согласно п. 4.3

«граждане в возрасте 65 лет и старше обязаны не покидать место жительства либо место пребывания, фактического нахождения, в т. ч. жилые и садовые дома, размещенные на садовых земельных участках». Вместе с тем в положениях указа определены исключительные случаи, среди которых «обращение за экстренной медицинской помощью и иной прямой угрозы жизни и здоровью; следование к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, выгул домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 м от места жительства (пребывания), вынос отходов; следование к месту (от места) работы (службы), выполнения служебных обязанностей, помощи лицам, нуждающимся в постороннем уходе; посещения государственных органов на основании их вызовов; посещения судебно-экспертных учреждений, адвокатов, нотариусов; посещения медицинских, аптечных, ветеринарных организаций».

Как видно из примера, ограничительные меры не носят характера абсолютного запрета, поскольку допускают возможность передвижения граждан пожилого возраста при наличии уважительных обстоятельств. Вместе с тем особая ограничительная мера – обязанность не покидать место жительства – на территории региона имеет тенденцию к пролонгации, что не может не вызывать определенной обеспокоенности. Проблема усматривается в том, что указанные меры продлеваются с марта 2020 г., а это существенно затрудняет реализацию не только свободы передвижения, но и иных личных прав.

Подобная ситуация характерна для большинства субъектов Российской Федерации. По сути, введение для указанной категории лиц полной изоляции не сопровождается адекватными мерами поддержки, что не исключает проблем, связанных с несбалансированным рационом питания (или его дефицитом), безопасным доступом к деньгам, лекарствам, поддержанием физического здоровья, социальной помощью.

Многие граждане в возрасте 65 лет и старше одиноки либо живут на расстоянии от своих родственников, поэтому полная изоляция (даже с оправданной целью) создает для них дополнительные сложности. Так, активизация процесса цифровизации в период пандемии COVID-19 продемонстрировала наличие у большинства людей старшего возраста сложностей с доступом

к цифровым платформам и отсутствие у них необходимых навыков пользования средствами цифровой коммуникации. Внедряя и активно используя современные цифровые решения, нельзя упускать тот факт, что в силу возраста (из-за потери зрения, слуха или в связи с другими возрастными особенностями) для многих людей даже привычные средства связи недоступны.

В аналитической записке «COVID-19 и права человека», подготовленной экспертами ООН, подчеркивается особая уязвимость людей старшего возраста, указывается, что во многих странах «пожилые люди подвергаются: дискриминации по признаку возраста, а также при оказании медицинской помощи; небрежному отношению и семейно-бытовому насилию; изоляции без доступа к основным услугам» [22].

Понятно, что в условиях пандемии COVID-19 государство оперативно отреагировало на сложившиеся правовые реалии и воплотило новые механизмы реализации прав человека. Хотя такие меры имеют решающее значение для обеспечения безопасности населения страны, очевидно, что они не должны усугублять социальную изоляцию и ухудшать состояние здоровья указанной категории граждан.

Проблема поддержки и сохранения качества жизни людей старшего поколения в условиях самоизоляции носит междисциплинарный характер [2; 15].

Так, согласно утверждениям ряда специалистов в области медицины, длительные ограничения, связанные с возможностью свободного передвижения на свежем воздухе (двигательной активностью), и стресс составляют куда более серьезную угрозу для человеческой жизни, нежели непосредственно коронавирусная инфекция (COVID-19). Следовательно, в этом вопросе крайне важно уделять внимание балансу, который заключается во взвешивании вводимых на длительный период особых ограничительных мер (полной самоизоляции) и основных свобод и здоровья граждан пожилого возраста.

Бесспорно, что принимаемые ограничительные меры не могут отрицать сущностное содержание основных свобод, а именно исключать их осуществление. К примеру, доказано, что инфекция не распространяется на открытом воздухе (кроме случаев близкого контакта здорового человека с больным или носителем вируса болезни),

поэтому не может быть совместимым с существенным содержанием права вводимый запрет для граждан пожилого возраста на прогулки в парках, скверах (на открытом воздухе) по соображениям предотвращения распространения инфекции. В данных обстоятельствах соразмерными являются меры по ограничению предельного количества совместно находящихся лиц в возрасте 65 лет и старше, определение социальной дистанции между ними и продолжительности общения.

Таким образом, защита особо уязвимой категории граждан должна осуществляться не столько в рамках установления более строгих ограничений в части свободы передвижения, а преимущественно путем предоставления им адекватных поддерживающих мер и социальной защиты (доступ к социальной поддержке и предметам первой необходимости для граждан пожилого возраста, находящихся в условиях карантина или самоизоляции, соразмерный и недискриминационный подход к ограничению свободы передвижения, например выделение отдельных временных периодов для посещения ими магазинов, аптек или парковых территорий).

Нельзя не упомянуть существенную помощь людям старшего возраста, оказываемую волонтерами. Акция «МыВместе» проводится с момента введения противоэпидемиологических мероприятий. Организаторами ее выступили Общероссийский народный фронт, «Волонтеры-медики» и Ассоциация волонтерских центров.

Как справедливо отмечает Н. А. Ковтун, «волонтерство выступает новой формой социального обслуживания населения» [9, с. 44]. В частности, в Воронежской области работают мобильные бригады, в составе которых активисты регионального отделения ВОД «Волонтеры Победы», представители студотрядов и регионального Ресурсного центра поддержки добровольчества. Предварительно волонтеры проходят образовательный курс по оказанию помощи пожилым людям в борьбе с коронавирусом на платформе Skill Cup.

Однако оказываемая гражданам пожилого возраста помощь со стороны как работников социальной сферы, так и волонтеров, к сожалению, недостаточна. Люди старшего возраста продолжают нуждаться в получении доступа к социальным пособиям, другим мерам защиты (особенно если не

владеют цифровыми технологиями), а это значит, что и государство, и общество должны активизировать усилия по оказанию своевременной поддержки данной категории граждан, сделать все возможное для сохранения их прав и достоинства, в том числе в период действия режима самоизоляции.

Выводы

Вышеизложенное позволяет заключить, что обеспечение прав человека в той или иной степени представляет собой вызов для каждого демократического государства, поскольку кризис в области общественного здравоохранения на фоне пандемии COVID-19 стремительно превращается в кризис социально-экономический и право-защитный.

Мы считаем, что ограничение реализации прав личности в условиях режима повышенной готовности можно понимать как основанное на законодательстве вмешательство государства (посредством принятия соразмерных мер ограничительного характера) в сферу частной автономии индивида с целью защиты национальной безопасности, общественного порядка, жизни и здоровья человека.

Масштаб и острота пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 свидетельствуют о необходимости и оправданности введения в России режима повышенной готовности для достижения общественной пользы – замедления распространения вируса и защиты здоровья всего населения.

Между тем сложившаяся правовая неопределенность особого правового режима создает затруднения в правоприменении и требует от законодателя безотлагательной регламентации высокого технико-юридического качества в административном законодательстве. Закреплению подлежат: точность и определенность терминологического аппарата; круг обстоятельств введения режима повышенной готовности, временные пределы действия указанного режима; четкий перечень прав и свобод, подлежащих ограничению; механизмы защиты при нарушении прав и свобод; объем дополнительных полномочий специальных субъектов, грани возможного усмотрения; перечень сил и средств, обеспечивающих данный административно-правовой режим.

Перспективу любой глобальной пандемии выстраивать достаточно сложно. Ясно одно: ситуация с коронавирусной инфекцией COVID-19 поставила перед публичной

властью (в рамках государственной политики) не только оперативные, но и системные задачи повышения защищенности граждан старшего поколения. Здесь следует подчеркнуть, что граждане 65 и более лет составляют существенную часть населения страны. Поэтому в принимаемых решениях критически важно поддержание баланса между частными (сохранение защищенности правового статуса) и публичными (предупреждение распространения инфекции) интересами. При его определении базовым является достижение такой согласованности данных интересов, чтобы ценность высшего порядка получила свою защиту. Обеспечение общественного интереса за счет частного возможно лишь при условии, что это способствует обеспечению конституционной демократии.

Таким образом, при введении ограничительных мероприятий, сопряженных с режимом повышенной готовности, должны соблюдаться пределы и условия ограничения прав и свобод граждан 65 лет и старше:

– взвешенная оценка эпидемиологической обстановки;

– значимость, соразмерность и обоснованность проводимых временных административно-правовых мер;

– четкие временные рамки ограничений;

– комплекс адекватных мероприятий, направленных на обеспечение данной категории лиц всем жизненно необходимым.

Общество вынуждено адаптироваться к сложившимся в период действия режима повышенной готовности обстоятельствам, но только при условии соблюдения соразмерности в части принимаемых ограничительных мер. Соразмерность, включающая в себя критерии пропорциональности, обоснованности и допустимости правоограничений, будет выступать своеобразным правовым барьером относительно рисков произвольного ограничения основных прав и свобод человека.

Смеем надеяться, что предпринятая попытка исследования отдельных проблемных аспектов особого правового режима послужит научным подспорьем для дальнейшего совершенствования отраслевого законодательства и практики его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА М, 2014. – ISBN 978-5-91768-483-3.
2. Активное долголетие: многолетнее клиническое наблюдение / Жданов Р. И., Хабибуллин И. М., Хамматова Э. Ф. и др. // Российский журнал гериатрической медицины. – 2020. – № 4. – С. 339–349. – DOI 10.37586/2686-8636-4-2020-339-349.
3. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев; под редакцией Л. А. Плеханова – Москва : Юридическая литература, 1989. – 288 с. – ISBN 5-7260-0086-2.
4. Алешкова, И. А. Право на свободу передвижения: вопросы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Алешкова Ирина Александровна. – Москва, 2005. – 172 с.
5. Громыко, А. А. Коронавирус как фактор мировой политики / Алексей Громыко // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – С. 5–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-kak-faktor-mirovoyu-politiki> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Дураев, Т. А. Свобода передвижения в доктрине Конституционного Суда Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дураев Таулан Азреталиевич. – Саратов, 2007. – 25 с.
7. Иванова, М. А. Проблемы реализации права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства / М. А. Иванова // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 1 (12). – С. 159–161.
8. Казанцева, Е. В. Реализация права на свободу передвижения / Казанцева Е. В. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Том 5 (71), № 4. – С. 350–357.
9. Ковтун, Н. А. Эволюция законодательного регулирования социального обслуживания в России / Н. А. Ковтун // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 7. – С. 40–44.
10. Кокотов, А. Н. Конституционное право России : курс лекций / А. Н. Кокотов. – Москва : Проспект, 2007. – 296 с. – ISBN 978-5-482-01326-7-6.
11. Крусс, В. И. Ограничения прав человека и правовые ограничения: проблемы доктринального разграничения / В. И. Крусс // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-cheloveka-i-pravovye-ogranicheniya-problemy-doktrinalnogo-razgranicheniya> (дата обращения: 03.03.2021).
12. Лимонова, Н. А. Проблемы злоупотребления правами в области свободы передвижения / Н. А. Лимонова // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 56–58.
13. Миролюбова, С. Ю. Право на свободу передвижения в пределах Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / С. Ю. Миролюбова. – Москва : Статут, 2013. – 154 с. – ISBN 978-5-8354-0948-8.
14. Озель, В. І. Конституційність обмежень прав і свобод людини в умовах карантину / Озель Віталіна Іванівна // DICTUM FACTUM. – 2020. – № 2 (7). – С. 43–51.
15. Петросян, В. А. Новый вектор защиты интересов пожилых людей в условиях самоизоляции: от патогенного к салютогенному пространству / В. А. Петросян // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2020. – № 4. – С. 143–145.

16. Петрухин, И. Л. Правовой режим в условиях социального бедствия / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 46–50.
17. Подмарев, А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Подмарев Александр Александрович. – Саратов, 2001. – 235 с.
18. Потемкина, О. Ю. Влияние COVID-19 на свободу передвижения и миграцию в Евросоюзе / Ольга Потемкина // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 88–94.
19. Славна, О. В. Нормативно-правовая регламентация обмеження свободи пересування в умовах надзвичайної ситуації в Україні / Славна О. В. // Вісник Пенітенціарної асоціації України. – 2020. – № 2 (12). – С. 30–37.
20. Сорокина, Е. А. Государственная противозидемическая политика: опыт Швеции по противодействию корона-вирусу / Е. А. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 3 (87). – С. 42–53. – DOI 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53.
21. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции : монография / Т. Я. Хабриева, В. Е. Чиркин. – Москва : Норма, 2005. – 319 с. – ISBN 5-89123-904-3.
22. COVID-19 и права человека: это наше общее дело. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (дата обращения: 03.02.2021).
23. Freckelton, I. COVID-19 Curfews: Kenyan and Australian Litigation and Pandemic Protection / Ian Freckelton // Journal of Law and Medicine. – 2020. – Volume 28, no. 1. – Pp. 117–131.
24. Guterres, A. We are all in this Together: Human Rights and COVID-19 Response and Recovery / António Guterres // United Nations. – URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response-and> (дата обращения: 03.02.2021).
25. Pandemic lockdown, healthcare policies and human rights: Integrating opposed views on COVID-19 public health mitigation measures / Alexandru Burlacu, Radu Adrian Crisan-Dabija, Adrian Covic, Catalin Raiu, Ionut Mavrichi, Iolanda Valentina Popa, Manuel Lillo Crespo // Reviews in Cardiovascular Medicine. – 2020. – Volume 21, no. 4. – Pp. 509–516.
26. Ramji-Nogales, J. Freedom of movement, migration, and borders / Jaya Ramji-Nogales, Iris Goldner Lang // Journal of Human Rights. – 2020. Volume 19, no. 5. – Pp. 593–602.
27. The impact of the pandemic COVID-19 on the human right to freedom of movement / Valentyn Zolka, OlhaTsarenko, Iryna Kushnir, Serhii Tsarenko, Roman Havrik // European Journal of Sustainable Development. – 2021. – Volume 10, no. 1. – Pp. 376–388.
28. Thym, D. Travel Bans Europe: A Legal Appraisal / Daniel Thym // US Immigration and Asylum Law and policy. – URL: <http://eumigrationlawblog.eu/travel-bans-in-europe-a-legal-appraisal-part-i/> (дата обращения: 03.02.2021).
29. Vansweevelt, T. Healthcare law and the COVID-19 outbreak in Belgium / T. Vansweevelt and F. Dewallens // Medicine and Law. – 2020. – Volume 39, no. 2. – Pp. 131–150.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 tomakh* [Constitutional law of Russia. Training course: textbook: in 2 volumes]. 5th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA M, 2014.
2. Zhdanov R.I., Khabibullin I.M., Khammatova E.F., Aidarov V.I., Zhdanova S.I., Dvoenosov V.G., Khairullin R.N. Active longevity: long-term clinical observation. *Rossiiskii zhurnal geriatricheskoi meditsiny=Russian Journal of Geriatric Medicine*, 2020, no. 4, pp. 339–349. DOI 10.37586/2686-8636-4-2020-339-349. (In Russ.).
3. Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permission, and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 288 p.
4. Aleshkova I.A. *Pravo na svobodu peredvizheniya: voprosy teorii i praktiki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Right to freedom of movement: theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2005. 172 p.
5. Gromyko A.A. Coronavirus as a factor in world politics. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 2, pp. 5–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-kak-faktor-mirovoy-politiki> (accessed February 25, 2021). (In Russ.).
6. Duraev T.A. *Svoboda peredvizheniya v doktrine Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Freedom of movement in the doctrine of the constitutional Court of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2007. 25 p.
7. Ivanova M.A. Problems of the realization of the citizens' rights to freedom of movement, choice of location and residence. *Mariiskii yuridicheskii vestnik=Mari Law Vestnik*, 2015, no. 1 (12), pp. 159–161. (In Russ.).
8. Kazantseva E.V. Realization of the right to freedom of movement. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 350–357. (In Russ.).
9. Kovtun N.A. Evolution of legislative regulation of social services in Russia. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie=Science and Education: Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2020, no. 7, pp. 40–44. (In Russ.).
10. Kokotov A.N. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: kurs lektsii* [Constitutional law of Russia: a course of lectures]. Moscow: Prospekt, 2007. 296 p.
11. Kruss V. I. Restrictions of human rights and legal restrictions: problems of doctrinal differentiation. *Yuridicheskaya tekhnika=Juridical Technique*, 2018, no. 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-cheloveka-i-pravovye-ogranicheniya-problemy-doktrinalnogo-razgranicheniya> (accessed March 3, 2021). (In Russ.).
12. Limonova N.A. The problem of the abuse of rights in the field of freedom of movement. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2014, no. 6, pp. 56–58. (In Russ.).
13. Mirolyubova S.Yu. *Pravo na svobodu peredvizheniya v predelakh Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoi aspekt* [The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect]. Moscow: Statut, 2013. 154 p.
14. Ozel' V.I. Constitutionality of restrictions on human rights and freedoms in quarantine conditions. *DICTUM FACTUM*, 2020, no. 2 (7), pp. 43–51.

15. Petrosyan V.A. A new vector of protecting the interests of older people in self-isolation: from pathogenic to salutogenic. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya=Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2020, no. 4, pp. 143–145. (In Russ.).
16. Petrukhin I. L. The legal regime in the conditions of social disaster. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 1993, no. 2, pp. 46–50. (In Russ.).
17. Podmarev A.A. *Konstitutsionnye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Constitutional foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2001. 235 p.
18. Potemkina O.Yu. The impact of COVID-19 on freedom of movement and migration in the European Union. *Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 3, pp. 88–94. (In Russ.).
19. Slavna O.V. Regulatory regulation of restriction of freedom of movement in the conditions of emergency situation in Ukraine. *Bulletin of the Penitentiary Association of Ukraine*, 2020, no. 2 (12), pp. 30–37.
20. Sorokina E.A. State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (87), pp. 42–53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53. (In Russ.).
21. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii: monografiya* [Theory of the modern constitution: monograph]. Moscow: Norma, 2005. 319 p.
22. *COVID-19 and Human Rights. We are all in this together*. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (accessed February 3, 2021). (In Russ.).
23. Freckelton I. COVID-19 curfews: Kenyan and Australian litigation and pandemic protection. *Journal of Law and Medicine*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 117–131.
24. Guterres A. *We are all in this together: human rights and COVID-19 response and recovery*. Available at: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response-and> (accessed February 3, 2021).
25. Burlacu A., Crisan-Dabija R.A., Covic A., Raiu C., Mavrichi I., Popa I.V., Crespo M.L. Pandemic lockdown, healthcare policies and human rights: Integrating opposed views on COVID-19 public health mitigation measures. *Reviews in Cardiovascular Medicine*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 509–516.
26. Ramji-Nogales J., Lang I.G. Freedom of movement, migration, and borders. *Journal of Human Rights*, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 593–602.
27. Zolka V., Tsarenko O., Kushnir I., Tsarenko S., Havrik R. The impact of the pandemic COVID-19 on the human right to freedom of movement. *European Journal of Sustainable Development*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 376–388.
28. Thym D. Travel bans Europe: a legal appraisal. *US Immigration and Asylum Law and Policy*. Available at: <http://eumigrationlawblog.eu/travel-bans-in-europe-a-legal-appraisal-part-i/> (accessed February 3, 2021).
29. Vansweevelt T., Dewallens F. Healthcare law and the COVID-19 outbreak in Belgium. *Medicine and Law*, 2020, vol. 39, no. 2, pp. 131–150.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА ЗАРЯЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной подготовки Воронежского института повышения квалификации сотрудников Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryeva@yandex.ru

ИННА ЛЕОНИДОВНА ОЛИЙНЫК – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки специалистов для судебной системы Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

NATAL'YA P. ZARYAEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Special Training, Voronezh Institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryeva@yandex.ru

INNAL. OLIYNYK – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Training Specialists for the Judicial System, Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Статья поступила 20.02.2021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-321-327

УДК 159.9:343.8

Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования)

Й. М. НЕДЯЛКОВА

Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, г. Варна, Республика Болгария

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

Реферат

Введение: в статье представлено исследование, проведенное путем анкетирования находящихся в тюрьме г. Варны осужденных. Правовой статус осужденных влияет на психологические и поведенческие характеристики личности. При изучении процесса формирования определенных личностных качеств преступника необходимо проследить взаимодействие на уровне «общество – личность», в частности важно выявить негативное влияние изоляции на личность с целью работы над его устранением. В работе с осужденным необходимо учитывать такие особенности его личности, как направленность, способности, возрастные характеристики. Такие люди отчуждены от общества и его ценностей, имеют негативный Я-образ. В статье внимание сосредоточено как на моральных установках и знаниях осужденного, так и на использовании его способности и стремления к личностным изменениям. В этом процессе образуется сложный комплекс интеллектуальных и волевых качеств, в котором самооценка является важным фактором, определяющим поведение и индивидуальные особенности лица. *Целью* настоящего исследования является изучение уровня агрессии у осужденных и ее проявлений в условиях изоляции, а также разработка мероприятий по сведению к минимуму влияния мест лишения свободы на человека и его отношения с другими. *Методы:* тест А. Басса и А. Дарки, измеряющий агрессию, и анкета, позволяющая опросить людей, в изучении поведения которых исследователи заинтересованы. Подобные опросные листы предназначены для оценки особенностей личности в конкретных ситуациях и позволяют задать вопросы непосредственно. Исследования подтверждают тезис, что теснота пребывания осужденных в условиях изоляции порождает негативные чувства, которые при специфических условиях могут трансформироваться в агрессивное поведение. *Результаты:* исследование агрессивных проявлений личности осужденного и соответствующих методов работы с ней дает возможность получить информацию для решения целевой задачи. Это может послужить основой для построения программы психокоррекции поведения лиц, помещенных в условия изоляции.

Ключевые слова: личность; изоляция; агрессия; коммуникация; самопознание.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Недялкова Й. М. Индивидуальные особенности личности осужденного (результаты психологического исследования). *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 321–327. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-91-321-327.

Individual Features of the Convict's Personality (Results of a Psychological Research)

YOANNA M. NEDYALKOVA

Varna Free University "Chernorizets Hrabar", Varna, Bulgaria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

Abstract

Introduction: the article presents a study conducted by means of a questionnaire survey among convicts in the Varna prison. The legal status of convicts affects their psychological and behavioral features. When studying the process of forming certain personal qualities in a criminal, we find it necessary to trace the interaction between society and personality. In particular, it is necessary to identify the negative impact of isolation on the convict's personality in order to work on their reformation. When working with a convicted person, it is necessary to take into account such features of their personality as orientation, abilities, and age characteristics. Such people are alienated from society and its values and have a negative self-image. The present paper focuses on the moral attitudes and knowledge of convicts and on the use of their potential and desire for personal change. In this process, a comprehensive set of intellectual and volitional qualities is formed, in which self-esteem is an important factor that determines behavior and individual features. The aim of our research is to study the level of aggression in convicts and its manifestations under the conditions of isolation; we also try to work out measures to minimize the impact of places of deprivation of liberty on an individual and their relations with others. *Methods:* we use the Buss-Durkee Hostility Inventory that measures aggression, and a questionnaire that helps to interview people whose behavior is of interest to researchers. Such questionnaires are designed to assess an individual's features in specific situations and allow us to ask questions directly. They are relatively straight and do not require complex electronic equipment. The studies confirm the thesis that the closeness of the convicts' stay in isolation conditions generates negative feelings, which, under specific conditions, can transform into aggressive behavior. *Results:* summarizing the results for aggressive manifestations of convicts' personality traits and the corresponding methods of working with convicts allow the researcher to obtain information for solving the target task. We believe that these methods can serve as a basis for building a program for psychological correction of the behavior of an individual kept in isolation.

Key words: personality; isolation; aggression; communication; self-knowledge.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Nedyalkova Y.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 321–327. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-321-327.

Введение

Личностью является человек, выстраивающий свою жизнь и контролирующий свое поведение, подтверждая тем самым свое уникальное присутствие в мире. Под девиантностью понимается поведение, противоположное общепринятому [12, с. 8]. Для понимания личностных характеристик осужденных важно использовать разные критерии. Например, с точки зрения социально-правовой ситуации необходимо характеризовать такие параметры, как возраст, пол, тяжесть преступления, судимость и др. [9].

У осужденных нередко наблюдается развитие индивидуальных антиобщественных

черт, взглядов, что проявляется в недисциплинированности, распушенности, аморальности и т. д. [19]. Поведенческий акт у осужденных протекает в соответствии со схемой: стимул – воздействие – незамедлительная реакция. По В. Франклу, ноогенные неврозы возникают не из-за конфликта между первичными и другими видами инстинктов, а скорее, из-за экзистенциальных проблем [17].

Пребывание в исправительном учреждении блокирует способность личности собственными силами справляться с компенсацией дефицитов, которые возникают в таких условиях [13; 18]. Тем не менее некоторые правонарушители берут на себя ответствен-

ность за свои поступки и выражают желание исправить свое поведение.

Основной целью исследования является изучение агрессии и личностных проявлений в условиях изоляции. Задачи: 1) изучение литературных источников по заявленной теме; 2) организация и проведение эмпирического исследования, составление анкеты для определения уровня агрессии; 3) фиксация проявлений вербальной и невербальной агрессии и взаимосвязи между ними; 4) формулирование конкретных вопросов, на которые должны ответить осужденные; 5) обобщение полученных эмпирических результатов в зависимости от выдвинутых в исследовании гипотез.

Гипотезы исследования

С учетом сформулированных целей и задач нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. В условиях изоляции ухудшившееся психическое состояние способствует повышенной агрессивности [4; 11].

2. Деятельность инспекторов, занимающихся социальной работой с осужденными в рамках групповых программ, влияет на поведенческие проявления агрессии и способствует формированию самоконтроля [7; 14].

3. Профилактическая и воспитательная работа в местах лишения свободы не исправляет личностные особенности осужденного, но может влиять на его поведенческие проявления [3; 16].

Методы

Анкета как метод выполняет функцию предварительного зондирования психических явлений [10]. Чтобы информация, полученная в ходе опроса, была достоверной, необходимо хорошо знать основные требования к ее составлению. Есть два условия:

– знание респондентом себя в отношении задаваемых вопросов;

– отсутствие у респондента оснований для введения исследователя в заблуждение при ответе на задаваемые вопросы [2; 5; 8].

Самооценка осужденного является важным регулятором, но в то же время и значительным дестабилизатором поведения. Неадекватная самооценка приводит к повышению внутреннего напряжения, что вызывает проявления агрессии. В представленном обзоре основное внимание уделяется учету психологических особенностей личности осужденного и его ценностных ориентаций. По словам В. А. Ядова, искусство проведе-

ния опроса заключается в умении знать, что и как спрашивать [15].

Анкета дает возможность достичь цели исследования посредством получения ответов на поставленные вопросы.

Кроме этого, был также использован тест А. Басса и А. Дарки, измеряющий агрессию. В тюрьме г. Варны для проверки общих гипотез были опрошены 56 осужденных.

Обсуждение

В таблицах представлены результаты анкетирования. Каждая из них отражает статистику ответов на один вопрос. Респонденты имели возможность выбрать более одного ответа.

Таблица 1

Вопрос / Ответы	Количество	%
1. Каковы возможные проявления агрессии в тюрьме?		
а) физическое насилие	53	88,3
б) выражение пренебрежения со стороны другого осужденного	4	6,7
в) препятствие на пути к достижению цели	11	18,3
г) причинение вреда имуществу другого лица	36	60,0
д) словесные нападки и издевательства над другим лицом	2	3,3
е) распространение злобных сплетен	14	23,3
ж) отказ от защиты при обвинении со стороны другого лица	2	3,3

Первый вопрос анкеты был связан с возможными агрессивными проявлениями в местах лишения свободы. После проведенных подсчетов наибольшее значение обнаружил ответ «физическое насилие» (88,3 %). Это означает, что осужденные часто реагируют на стресс применением физической силы. Низкий процент использования словесных выпадов и обвинений свидетельствует о том, что косвенная вербальная агрессивность, выраженная, например, в отказе говорить в защиту другого, вероятно, не является одной из самых сильных тенденций. На втором месте среди возможных агрессивных проявлений находится нанесение ущерба чужому имуществу (60 %).

Следующий вопрос касался поиска возможных причин возникновения агрессивного поведения в тюрьме.

Таблица 2

Вопрос / Ответы	Количество	%
2. Каковы самые важные причины агрессии в тюрьме?		
а) недопонимание между осужденными	47	78,3

б) насилие над осужденным	5	8,3
в) нарушение прав одних осужденных другими	4	6,7
г) нарушение прав со стороны администрации	46	76,7
д) разочарование приговором	2	3,3
е) неприспособленность к тюремным условиям	4	6,7

Полученные данные показывают, что причинами проявления агрессии сами осужденные считают непонимание, нарушение их прав и сложную адаптацию к режиму исправительного учреждения. В условиях пенитенциарной изоляции все особенности личности осужденного усиливаются и обуславливают избрание неадекватной модели поведения, конфронтацию с сотрудниками, проявления ненужной демонстративности и деструктивного поведения [9]. Фиксация на самом себе, своих чувствах и проблемах ведет к быстрым и необдуманным решениям и действиям, которые всегда имеют один и тот же результат – сиюминутное удовлетворение личных амбиций и потребностей. Считается, что осужденные проявляют агрессию, когда их провоцируют или когда окружающие обнаруживают соответствующее поведение.

С точки зрения одной из основных целей наказания в виде лишения свободы, а именно исправления и перевоспитания осужденного, формирования законопослушного поведения, интересны ответы на следующий вопрос анкеты.

Таблица 3

Вопрос / Ответы	Количество	%
3. Какие формы больше всего помогают преодолеть трудности отбывания наказания?		
а) поощрительные меры со стороны администрации учреждения	43	72,9
б) необходимые медицинские меры	3	5,1
в) участие в культурно-просветительских мероприятиях	47	79,7
г) поощрение взаимопонимания в коллективе	4	6,8

Процентное соотношение ответов на третий вопрос показывает, что участие в культурных мероприятиях и занятость в местах лишения свободы помогают преодолеть трудности, связанные с исполнением наказания. Первоначально тюремное сообщество представляет собой диффузную группу, отношения в которой опосредуются только внешними контролирующими факторами. Впоследствии появляются нормы, цели, коммуникация, роли.

Положение индивида в группе определяют количество, содержание, а также функции его социальных контактов, что влияет на динамику социальной поддержки осужденного. Ответы на следующий вопрос дополняют сложившуюся картину.

Таблица 4

Вопрос / Ответы	Количество	%
4. Что больше помогает преодолеть агрессию в тюрьме?		
а) коллективные формы жизни	55	94,8
б) возможность для осужденного остаться наедине с собой	3	5,2

Очевидно, что осужденные положительно относятся к коллективным формам взаимодействия, которые способствуют снижению стресса в повседневной жизни, адекватной самопрезентации и самоутверждению [12]. Это предоставляет возможность в позитивном русле использовать свободное время осужденных.

Анализируя ответы на следующий вопрос, можно сделать выводы и обобщения относительно выполнения задач специализированной социально-воспитательной работы.

Таблица 5

Вопрос / Ответы	Количество	%
5. Какие предусмотренные законом воспитательные и корректирующие меры могут помочь в предотвращении и преодолении агрессии?		
а) индивидуальное консультирование по возникшим проблемам	53	88,3
б) групповое консультирование	11	18,3
в) обучение в целях получения образования	49	81,7
г) обучение в целях повышения грамотности	6	10,0
д) обучение в целях получения профессии	21	35,0
е) удовлетворение религиозных потребностей	2	3,3

Перечисленные меры исправления и профилактики в местах лишения свободы получили высокую степень одобрения со стороны осужденных. Подтверждена гипотеза о том, что предпочтение отдается индивидуальному консультированию при решении проблем и преодолении трудностей, возникающих в повседневной жизни. Другой корректирующей мерой, на которую чаще, чем на другие указывают респонденты, является обучение и повышение уровня образования, позволяющие им понять связи между мыслями и поведением и приобрести навыки творческого мышления.

Для выполнения поставленных в исследовании задач важным является выяснение отношения осужденных к труду.

Таблица 6

Вопрос	Ответы	Количество ответов
6. Вы согласны с тем, что трудовая деятельность в тюрьме помогает предотвратить агрессию среди осужденных?	а) да	59
	б) нет	1

Трудовая деятельность как работа по преодолению агрессии приветствуется всеми, за исключением одного осужденного. Профессиональная квалификация – важный элемент процесса ресоциализации, осуществляемого в местах лишения свободы [1; 6]. Принцип работы как обязанности и права является одной из основных установок последней.

Следующий вопрос дает представление о том, как установленный в учреждении режим влияет на агрессивное поведение осужденного.

Таблица 7

Вопрос / Ответы	Количество	%
7. Какой из следующих режимов учреждения более важен для предотвращения агрессии?		
а) длительное пребывание при более легком режиме	48	80,0
б) краткосрочное пребывание при более строгом режиме	13	21,7

На вопрос о продолжительности отбывания наказания на определенном виде режима в контексте преодоления агрессии респонденты ответили, что предпочитают более легкий режим с более длительным пребыванием в тюрьме, а не противоположный вариант. Осужденный хорошо адаптируется, если он твердо усвоил внутренние нормы совместного пребывания в тюрьме, если его работа эффективна и если он успешно взаимодействует в группе и сообществе.

Таблица 8

Вопрос / Ответы	Количество	%
8. Какие взаимоотношения с точки зрения предотвращения агрессии вы считаете наиболее важными?		
а) подружиться с другим осужденным	23	39,7
б) подружиться с группой осужденных	0	0
в) поддерживать хорошие отношения со всеми осужденными	53	91,4

Что касается межличностных отношений, то отметим, что для того чтобы уменьшить напряженность, облегчить себе пребывание в исправительном учреждении, осужденные предпочитают поддерживать хорошие отношения с окружающими. Приветствуется участие осужденных в проведении бесед, лекций, дискуссий и т. д.

О взглядах осужденных на справедливое наказание можно судить по ответам на следующий вопрос.

Таблица 9

Вопрос / Ответы	Количество	%
9. Что помогает предотвратить или остановить агрессию?		
а) справедливое наказание за правонарушение в тюрьме	37	71,2
б) пропущенное наказание из-за не обнаружения нарушения	15	28,8

Можно уверенно говорить о том, что в целях предотвращения агрессивных реакций респонденты предпочитают получать справедливое наказание за нарушение установленного в тюрьме порядка.

Обобщение результатов опроса

Из анализа результатов анкетирования видно, что наиболее частыми проявлениями агрессии среди осужденных являются физическое насилие по отношению друг к другу, а также нанесение материального ущерба. Полученные данные показывают, что основными причинами агрессивной реакции осужденных являются недопонимание между ними и нарушение их прав со стороны администрации учреждения. Когда человек попадает в тюрьму, наблюдаются значительные изменения в его поведении, соответствующие новой микро-социальной среде. Вероятно, это сложный процесс, и нарушения в нем приводят к агрессии. Этому способствуют личностные особенности и конкретные условия содержания осужденных, а также экстремальность психологической ситуации. В связи с этим встает вопрос о поиске способов не только контроля над осужденными, но и достижения ими личностных изменений, снижающих агрессивное поведение. Участие в культурных мероприятиях и поощрения со стороны администрации учреждения помогают таким лицам легче перенести трудности повседневной жизни, мотивируют их на ролевое взаимодействие с другими членами группы. Ответы на вопросы анкеты однозначно подтверждают гипотезу о предрасположенности осужденных к трудовой деятельности и включению в программы

для получения образования и самопознания. В такой ситуации неоспоримый эффект имели бы организация обучения в исправительных учреждениях и, что не менее важно, социальная поддержка.

Для диагностики причин агрессивности осужденных был использован опросник А. Басса и А. Дарки, в котором выделяются следующие виды агрессивных реакций: физическая агрессия – использование физической силы против другого лица; косвенная агрессия – действия, неявно направленные на другое лицо или неодушевленные предметы; раздражение – повышенная нервность, возбудимость, готовность к проявлению негативных реакций на незначительные раздражители; негативизм – оппозиционная манера в поведении, проявляющаяся в диапазоне от пассивного неприятия до активного сопротивления и борьбы; обида – негативное чувство, в основе которого лежат переживания человека по поводу допущенной по отношению к нему несправедливости (действительной или вымышленной), непонимания со стороны окружающих, ущемления интересов, задетого чувства собственного достоинства; подозрительность – сложный комплекс чувств, проявляющийся в широком диапазоне: от недоверия и осторожности по отношению к другим людям до убежденности в том, что они вредят; вербальная агрессия – выражение негативных чувств посредством словесных реакций (проклятия, угрозы, сарказм); чувство вины – негативно окрашенные переживания, связанные с допущенной ошибкой, причиненным вредом, чувством невыполненного долга, часто приводящие к снижению самооценки.

Диагностика с использованием вышеуказанного теста выявила следующие доминирующие виды агрессивных реакций осужденных: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, обида, вербальная агрессия. Это частично подтвердилось результатами и другого диагностического обследования – анкетирования.

Выводы

По результатам исследования сделаны выводы, подтверждающие выдвинутые гипотезы:

1. Агрессия как форма поведения напрямую зависит от комплекса личностных возможностей, определяющих и обеспечивающих реализацию соответствующего поведения осужденным.

2. Содержание криминогенного комплекса личности составляют акцентуации характера, жизненные перспективы, определяющие цели и будущие идеалы, самооценка и особенности поведения.

Заключение

Посредством анкеты как формы исследования осужденные получили возможность творчески самовыразиться, что способствовало самопознанию и поиску ими смысла существования. Отмечается неудовлетворенность потребностей в обучении, изучении чего-то нового путем возвращения в прошлое, освоении новых ролевых моделей, снижающих внутреннюю тревогу, и это мешает прийти к автономности, уверенности и устремиться к переменам. Эффективное управление агрессией, а также достижение изменения личности осужденного в отношении социальной компетенции должны основываться на более широкой стратегии, чем административно-уголовный подход. Важно, чтобы она включала психокоррекционные и социально-педагогические аспекты. Как отметил Р. Бэрон, грозящее наказание действительно может служить эффективным средством предотвращения агрессии, но лишь в том случае, если агрессор не находится в состоянии крайнего озлобления, если наказание, которое он может ожидать, достаточно сурово, если вероятность его применения действительно высока [4; 11]. Коррекционно-воспитательная работа поддерживает баланс самооценки осужденных, и уровень требований достигает адекватных параметров, что напрямую связано с мотивацией к успеху и изменению личности. Сохранение и утверждение своего «Я» через разрушение «Я» другого является результатом действия ряда бессознательных мотивов, возникающих при наличии агрессивного аффекта, психологической неполноценности и патологических особенностей личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Л. М. Социально познание и междуличностно взаимодействие / Л. М. Андреева. – София : Б. и., 2007. – 528 с. – ISBN 978-954-072-515-4.
2. Батаршев, А. В. Диагностика темперамента и характера / А. В. Батаршев. – 2 изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 368 с. – ISBN 978-5-91180-484-8.
3. Батаршев, А. В. Пълна психодиагностика на човека / А. В. Батаршев. – Москва : Софт-Пресс, 2008. – 496. – ISBN 978-954-685-740-8.

4. Бэрн, Р. Агрессия / Р. Бэрн, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург : Питер, 2014. – 416 с. – 978-5-496-00994-2.
5. Герчева-Несторова, Г. Приложения на психологията в мениджмънта / Г. Герчева-Несторова, Й. Недялкова. – Варна : Черноризец Храбър, 2019. – ISBN 978-954-715-678-4.
6. Герчева-Несторова, Г. Социални комуникации / Г. Герчева-Несторова. – Варна : Черноризец Храбър, 2012. – ISBN 978-954-715-549-7.
7. Дмитриев, Ю. А. Пенитенциарна психология : учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации / Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 681 с. – ISBN 978-5-222-12254-9.
8. Иванов, П. Методология, история и школи на социалната психология / П. Иванов. – Варна : Черноризец Храбър, 2005. – 134 с. – ISBN 954-715-267-X.
9. Недялкова, Й. Агресията – теоретични и емпирични измерения. Стратегии за справяне / Й. Недялкова. – Варна : Черноризец Храбър, 2020. – 132 с. – ISBN 978-954-715-705-7.
10. Психологическая энциклопедия / под редакцией Р. Корсини, А. Ауэрбаха; научное редактирование, перевод на русский язык А. А. Алексеева. – 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 1094 с. – ISBN 5-272-00018-8.
11. Психология человеческой агрессивности : хрестоматия / составитель К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 2005. – 653 с. – ISBN 985-13-0967-2.
12. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – Москва : Политиздат, 1972. – 303 с.
13. Стаматов, Р. Психология на човека / Р. Стаматов, Б. Минчев. – Пловдив : Хермес, 2005. – 504 с. – ISBN 954-26-0101-8.
14. Стаменкова, Н. Професионална психодиагностика / Н. Стаменкова. – Варна : Черноризец Храбър, 2005. – 315 с. – ISBN 954-715-266-1.
15. Стоянов, В. Експериментална психология / В. Стоянов, В. Нешев. – Варна : Черноризец Храбър, 2003. – 183 с. – ISBN 954-75-186-X.
16. Стоянова, С. Методическо ръководство за провеждане на емпирични психологически изследвания / С. Стоянова. – Благоевград : Неофит Рилски, 2014. – 112 с. – ISBN 978-954-680-930-8.
17. Франкъл, В. Лекарят и душата / В. Франкъл. – Плевен : Лега Артис, 2001. – 260 с. – ISBN 954-9933-16-4.
18. Хаджийски, М. Психологичното консултиране в пенитенциарната практика / М. Хаджийски. – Велико Търново : Фабер, 2001. – 283 с. – ISBN 954-9541-89-4.
19. Цолова, М. Личността на правонарушителя – теоретични измерения и емпирични аспекти / М. Цолова. – Варна, 2012. – 156 с. – ISSN 1314-0507.

REFERENCES

1. Andreeva L.M. *Social cognition and interpersonal interaction*. Sofia, 2007. 528 p. ISBN 978-954-072-515-4.
2. Batarshv A.V. *Diagnostika temperamenta i kharaktera* [Diagnostics of temperament and character]. Second edition. Saint Petersburg: Peter, 2007. 368 p. ISBN 978-5-91180-484-8.
3. Batarshv A.V. *Complete psychodiagnostics of an individual*. Soft-press publ., 2008. 496 p. ISBN 978-954-685-740-8.
4. Baron R., Richardson D. *Aggressiya* [Human Aggression]. Saint Petersburg: Piter, 2014. 416 p. ISBN 978-5-496-00994-2.
5. Gercheva-Nestorova G., Nedyalkova Y. *Applications of psychology in management*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2019. ISBN 978-954-715-678-4.
6. Gercheva-Nestorova G. *Social communications*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2012. ISBN 978-954-715-549-7.
7. Dmitriev Yu.A., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya: uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Penitentiary psychology: textbook for educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 681 p. ISBN 978-5-222-12254-9.
8. Ivanov P. *Methodology and history of social psychology*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2005. ISBN 954-715-267-X.
9. Nedyalkova Y. *Aggression: theoretical and empirical measurements. Coping strategies*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2020. ISBN 978-954-715-705-7.
10. Corsini R.J., Auerbach A.J. *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Concise Encyclopedia of Psychology]. Translated from English. Second edition. Saint Petersburg: Piter, 2003. 1094 p. ISBN 5-272-00018-8.
11. *Psikhologiya chelovecheskoi agressivnosti. Khrestomatiya* [Psychology of human aggressiveness. Textbook]. Minsk : Kharvest, 2005. 653 p. ISBN 985-13-0967-2.
12. Spirkin A. *Soznanie i samosoznanie* [Awareness and self-awareness]. Moscow, 1972.
13. Stamatov R., Minchev B. *Human psychology*. Hermes, Plovdiv, 2003, 2005. ISBN 954-26-0101-8.
14. Stamenkova N. *Professional psychodiagnostics*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2005. ISBN 954-715-266-1.
15. Stoyanov V. et al. *Experimental psychology*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2003. ISBN 954-75-186-X.
16. Stoyanova S. et al. *Methodological guidelines for conducting empirical psychological research*. Blagoevgrad: Neofit Rilski Publ., 2014. ISBN 978-954-680-930-8.
17. Frankl V. *The Doctor and the Soul*. Pleven: Lege Artis, 2001. 260 p. ISBN 954-9933-16-4.
18. Khadzhivski M. *Psychological counseling in penitentiary practice*. Veliko Tarnovo: Faber, 2001. 283 p. ISBN 954-9541-89-4.
19. Tsoleva M. *Personality of the offender – theoretical dimensions and empirical aspects*. Varna, 2012. 156 p. ISSN 1314-0507.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЙОАННА МИХАЙЛОВА НЕДЯЛКОВА – доктор психологии, професор кафедры психологии юридического факультета Варненского свободного университета имени Черноризца Храбра, г. Варна, Республика Болгария. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

YOANNA M. NEDYALKOVA – Ph.D., Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Varna Free University "Chernorizets Hrabar", Varna, Bulgaria. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

Статья поступила 29.12.2020

Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы

В. Е. ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

Т. В. ГАЛИЧ

Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Реферат

Введение: в статье рассматривается проблема негативного влияния тюремной субкультуры на личность сотрудника уголовно-исполнительной системы. На волне социального кризиса, вызванного распадом СССР, начался процесс проникновения тюремной субкультуры в массовую культуру, что выразилось в широком распространении жаргонных выражений, повышенном интересе к укладу «воровской» жизни, популяризации и романтизации криминальных авторитетов. За всем этим стояло обесценивание норм права, государства и искажение статуса сотрудника уголовно-исполнительной системы. В настоящее время тюремная субкультура активно внедряется в сознание молодежи через средства массовой информации, интернет-каналы и посредством устной передачи информации. *Цель:* на основе обобщения современного опыта изучения влияния тюремной субкультуры описать основные направления профилактики деструктивного воздействия тюремной субкультуры на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Методы:* в работе использованы методы эмпирического сбора информации (анкетирование, беседа, интервью), а также статистического и системного анализа. *Результаты:* как выяснилось по итогам исследования, подверженными влиянию оказываются не только неблагополучные подростки, но и молодые люди из социально благоприятной среды, которые потом поступают в ведомственные вузы и приходят служить в исправительные учреждения. Зараженность оценивается по степени внутренней вовлеченности молодого человека. В самой легкой форме он просто хорошо информирован о том, что такое тюремная субкультура, знает значение жаргонизмов, понимает логику функционирования группы осужденных и лояльно относится к этим явлениям. В случае более высокой степени зараженности будущие и молодые сотрудники исправительных учреждений не просто демонстрируют информированность и лояльность, но и считают тюремную субкультуру необходимой и полезной, не осуждают коллег, которые обращаются к ней для решения служебных задач, и сами готовы в случае необходимости действовать подобным образом. *Обсуждение:* общая информированность о специфике тюремной субкультуры является необходимой для сотрудника уголовно-исполнительной системы, но это должно оставаться сугубо профессиональным знанием, помогающим правильно оценивать социальные отношения в группе и оперативную обстановку в исправительном учреждении. При этом тюремная субкультура должна объективно рассматриваться как явление антигуманистическое и антиправовое. Поэтому возникает потребность в системной и целенаправленной работе по профилактике распространения и деформирующего воздействия тюремной субкультуры в среде курсантов ведомственных вузов и молодых сотрудников исправительных учреждений.

Ключевые слова: субкультура; тюремная субкультура; осужденные; исправительные учреждения; курсанты; сотрудники исправительных учреждений; профилактика профессиональной деформации; коррекция личности сотрудника исправительного учреждения.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Галич Т. В. Распространение тюремной субкультуры как фактор деструктивного воздействия на личность молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 328–339. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-328-339.

The Spread of the Prison Subculture as a Driver of Its Destructive Influence on the Personality of Young Correctional Officers

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH

Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Abstract

Introduction: we study the negative impact of the prison subculture on the personality of a correctional officer. Amid the social crisis caused by the collapse of the USSR the prison subculture started to penetrate into popular culture. This was reflected in the widespread use of prison slang, increased interest in the way of “thieves’ life”, and the popularization and romanticization of crime bosses. Behind all this was the devaluation of the norms of law and the state, and the distortion of the status of the penal system officer. *Aim:* on the basis of generalization of modern experience in studying the impact of the prison subculture, we describe main directions aimed at preventing the destructive impact of the prison subculture on the personality of young correctional staff. The article deals with the issue of modern dissemination of the prison subculture among young people via the mass media, the Internet and oral transmission of information. *Methods:* we use empirical data collection methods (questionnaires, conversations, interviews), and methods of statistical analysis and system analysis of the data collected. *Results:* the findings of our research show that the prison subculture infects not only disadvantaged teenagers, but also young people from a socially favorable environment, who then enter departmental universities and serve in correctional institutions. Infection is assessed by the degree of internal involvement of a young person in the prison subculture. In the lightest form of this infection, they simply are well informed about what it is, know the meaning of prison slang expressions, understand the logic of the functioning of groups of inmates, and are favorably disposed toward these phenomena. When the infection is more complex, future and young correctional officers not only demonstrate awareness and tolerance, but also consider the prison subculture necessary and useful; they do not condemn colleagues who use it in solving official tasks and are themselves ready, if necessary, to act in this way. *Discussion:* general awareness of the specifics of the prison subculture is necessary for the penal system officer, but it should remain a professional knowledge that helps to assess social relations in the group and the operational situation in the correctional institution adequately. At the same time, the prison subculture should receive an objective assessment as an anti-humanistic and anti-legal phenomenon. Therefore, there is a need for systematic and targeted work to prevent the spread and deforming effects of the prison subculture among cadets of departmental universities and young correctional officers.

Keywords: subculture; prison subculture; inmates; correctional institutions; cadets; correctional officers; prevention of professional deformation; correction of the personality of a penal officer.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Lapshin V.E., Galich T.V. The spread of the prison subculture as a driver of its destructive influence on the personality of young correctional officers. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 328–339. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-328-339.

Введение

Понятие субкультуры впервые появляется в Чикагской школе социологии в контексте исследований на стыке социологии и этнографии и относится к жизни этнических сообществ и маргинальных групп [2].

Говоря о тюремной субкультуре, мы подразумеваем совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы [6, с. 31]. То есть речь идет не просто о наборе условностей, а о социальном регуляторе, который определяет специфику развития социально-психологических явлений в исправительном учреждении и формирует социально-психологический климат внутри него. Большое количество людей, находящихся в исправительных учреждениях, неизбежно определяют свои ценности и требуют от членов сообщества считаться с принятыми в этой среде нормами и традициями [1].

Сами нормы и ценности криминальной и тюремной субкультуры обладают высокой степенью референтности, являются мощными регуляторами индивидуального поведения, так как действуют через механизмы психического заражения, подражания и прессинга [3].

По мнению исследователей, тюремная субкультура является самоорганизующейся системой, которая характеризуется появлением новых свойств у уже имеющих групп субъектов, что сохраняет ее и позволяет ей адаптироваться к новым условиям [12]. При этом в настоящее время тюремная субкультура обретает новые каналы распространения – интернет и социальные сети [11].

Как отмечают исследователи, специфика тюремной субкультуры является следствием особенностей ее формирования и функционирования [4]. Ключевыми факторами выступают закрытость среды учреждения, изоляция, ограничение возможности выбора круга общения или рода занятия. Со-

держание тюремной субкультуры включает в себя не только нормы поведения и стратификацию, но и лексику, фольклор, эстетику [16]. Особую привлекательность для молодежи обеспечивает присущий ей игровой характер [15]. В местах лишения свободы включение в тюремную субкультуру является вынужденным, поскольку выступает одним из способов адаптации к условиям отбывания наказания.

А. Н. Олейник выделяет следующие критерии исследования структуры тюремной субкультуры: степень дифференциации сфер повседневной деятельности, степень персонификации отношений, степень дуализма социальных норм и степень институционализации насилия [10]. В условиях исправительного учреждения осужденный практически не имеет возможности вести частную жизнь. Он все время на виду, среди других осужденных и сотрудников, поэтому постепенно даже помимо своего желания пропитывается тюремной субкультурой и начинает противопоставлять себя уголовно-исполнительной системе, государству и закону.

Как и любая другая субкультура, тюремная отражает ценности и моральные нормы основных своих носителей – осужденных. Поэтому под внешней «романтикой» скрывается мир, который ориентирован на антиправовое и антигуманистическое поведение. Именно такой тип действий, возведенный в идеал, позволяет осужденным сохранять уважение к себе, находить свое место в преступном мире и поддерживать свой авторитет. Само по себе наличие тюремной субкультуры в местах лишения свободы является проблемой, снижающей эффективность воспитательного воздействия и повышающей уровень пенитенциарной преступности, особенно если и сами сотрудники попадают под ее влияние.

Особую опасность в настоящее время представляют выход тюремной субкультуры за пределы исправительных учреждений и

слияние ее с массовой культурой. В современной российской и западной реальности элементы тюремной субкультуры стали частью разнообразных сфер жизнедеятельности. Примеры использования ритуалов, традиций, лексики и норм поведения можно встретить в масс-культуре, политике, бизнесе, повседневном быту [14; 17; 18; 19].

А. И. Солженицын, готовя к изданию повесть «Один день Ивана Денисовича», дополнил текст специальным кратким словарем блатного жаргона, поскольку в 1962 г. с этими пластом лексики была знакома лишь та часть населения, которая была связана с уголовно-исполнительной системой. Достаточно долгое время интерес к тюремной субкультуре носил узкоспециальный характер, но уже в 1990-е гг. на волне социального кризиса это явление стало проникать в общую культуру. С одной стороны, этому способствовала криминализация населения, с другой – популяризация и романтизация тюремной субкультуры в фильмах и сериалах («Бригада», «Бандитский Петербург», «По прозвищу Зверь» и пр.).

В процессе такого слияния тюремная лексика стала общеупотребимой, а нормы «воровского закона» получили распространение среди молодежных группировок, что привело к образованию движения АУЕ, активному использованию соответствующих мотивов в творчестве современных исполнителей, имеющих успех у молодежи. Основной проблемой становится тот факт, что во всех этих проявлениях сохраняется заложенная в 1990-е гг. традиция обеления криминала и оправдания антигуманных и антиправовых действий преступников.

Если необходимость профилактики распространения тюремной субкультуры в среде осужденных (в особенности несовершеннолетних) очевидна и давно уже является объектом активного внимания пенитенциарных педагогов и психологов (М. Г. Дебольского, В. Ф. Пирожкова, В. М. Позднякова и пр.), то об актуальности целенаправленной и системной профилактики негативного влияния тюремной субкультуры на личность молодого человека, не связанного с уголовно-исполнительной системой, заговорили относительно недавно.

Как отмечает С. А. Лузгин, элементы тюремной субкультуры активно внедряются в молодежную среду, что является опасной негативной тенденцией, поскольку этот процесс вызывает разрушительные послед-

ствия для личностного формирования молодого человека [8].

Исследования несовершеннолетних осужденных выявляют, что первичное заражение тюремной субкультурой происходит именно на свободе и подростки поступают в воспитательные колонии с уже сложившимися «воровскими» взглядами и ценностями [13].

Но как показывает практика, сходная тенденция начала выявляться среди абитуриентов ведомственных вузов и молодых сотрудников исправительных учреждений. Если в прошлом зараженность тюремной субкультурой была одним из признаков профессиональной деформации сотрудника исправительного учреждения и проявлялась после нескольких лет работы в учреждении, то на сегодняшний день на службу в уголовно-исполнительную систему приходят молодые люди, которые уже заочно знакомы с тюремной субкультурой по фильмам, песням, статьям и роликам популярных блогеров в Интернете. Как уже отмечалось выше, подавляющая часть этого культурного материала прививает симпатию к криминальной жизни и криминальным ценностям.

Исследование

В 2019–2020 гг. нами было проведено исследование, направленное на определение возможностей коррекции вовлеченности курсантов Владимирского юридического института ФСИН России и молодых сотрудников исправительных учреждений в тюремную субкультуру.

Целью исследования являлось выявление способов коррекции вовлеченности курсантов и молодых сотрудников в тюремную субкультуру. Для достижения этой цели предполагалось решить следующие задачи:

1. Определить уровень вовлеченности курсантов и молодых сотрудников в тюремную субкультуру.

2. На основании этого разработать коррекционную программу, направленную на нейтрализацию негативного воздействия субкультуры.

3. Провести анализ результатов внедрения программы.

Гипотеза исследования: вовлеченность в тюремную субкультуру у курсантов ведомственного вуза и молодых сотрудников исправительных учреждений является поверхностной и стихийной, а потому может быть скорректирована через систему психолого-педагогических мероприятий.

В исследовании участвовали сотрудники исправительных учреждений со стажем службы от 1 года до 3 лет (30 чел.), проходящие обучение на заочном отделении юридического факультета и курсах первоначальной подготовки на факультете профессионального образования и дополнительного образования ВЮИ ФСИН России, а также курсанты 2 курса очного обучения юридического факультета ВЮИ ФСИН России (30 чел.).

Для определения уровня вовлеченности в тюремную субкультуру использовались методы анкетирования, опроса и экспертных оценок. Поскольку мы имели возможность наблюдать респондентов в учебной и служебной деятельности, то могли оценить их взаимоотношения с коллегами, отношение к дисциплине и служебным обязанностям, уровень общей культуры. В качестве экспертов выступали преподаватели ВЮИ ФСИН России и сотрудники исправительных учреждений, занимающие руководящие должности или выступающие в качестве наставников.

При разработке анкеты мы ориентировались на теорию Л. Колберга, согласно которой мораль представляет собой процесс, состоящий из когнитивного, операционального, мотивационного уровней [10].

Когнитивный уровень включает в себя систему усвоенных личностью убеждений, знаний, понятий, правил, оценок, норм, ценностей, а также отношение к этим явлениям. Мотивационный уровень подразумевает внутреннее разрешение применить на практике элементы тюремной субкультуры для удовлетворения своих потребностей. Операциональный уровень связан с тем, что употребление элементов субкультуры входит в практику реальной деятельности.

О поверхностном уровне вовлечения можно говорить в том случае, если респондент имеет общие сведения о тюремной субкультуре как социальном явлении, испытывает к ней профессиональный интерес, продиктованный служебными обязанностями, относится негативно, не представляет себя частью тюремной субкультуры, не использует элементы тюремной субкультуры в повседневной личной или служебной деятельности сам и осуждает их использование другими сотрудниками.

Пограничный уровень вовлечения подразумевает, что респондент осведомлен о тюремной субкультуре, испытывает к ней

не только профессиональный, но еще и личный интерес, относится нейтрально, использует элементы тюремной субкультуры в служебной и личной жизни (употребление жаргона), может считать некоторые нормы тюремной субкультуры справедливыми и оправдывать их существование необходимостью, одобряет случаи использования элементов тюремной субкультуры сотрудниками исправительного учреждения в служебных целях.

Критичный уровень вовлечения имеет место в том случае, если респондент глубоко знает тюремную субкультуру на уровне нюансов, стремится к погружению в нее и видит в ней возможности для самореализации, одобряет ее существование и считает это необходимым для качественного функционирования исправительного учреждения, разделяет ценности тюремной субкультуры, относится к ней позитивно, поддерживает сотрудников, которые не ведут борьбу с тюремной субкультурой, а используют ее для достижения служебных целей.

Вопросы анкеты были направлены на выявление уровня осведомленности респондентов о тюремной субкультуре (общие сведения, специфические нюансы, особенности становления), их отношения к различным случаям проявления тюремной субкультуры среди осужденных и сотрудников (симпатизируют, оправдывают, затрудняются оценить, оценивают негативно и пр.), а также на оценку готовности действовать в спорных служебных ситуациях с позиции норм тюремной субкультуры (предлагалось выбрать вариант действия из готовых либо написать свой вариант).

Экспертов просили оценить, насколько молодые люди, поступающие на службу в исправительные учреждения, вовлечены в тюремную субкультуру, какие сложности это вызывает в их адаптации и профессиональном развитии.

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Обе группы респондентов (курсанты и сотрудники) хорошо знакомы с историей, элементами и структурой тюремной субкультуры. На просьбу перечислить элементы тюремной субкультуры они называли жаргон, жесты, татуировки, фольклор, поделки, своды законов, иерархию осужденных, ритуалы и давали конкретные определения этим явлениям, могли привести примеры.

В группе курсантов часть информации является устаревшей или преувеличенной, поскольку у второкурсников еще не было практики в исправительных учреждениях и все сведения поступили к ним из открытых информационных источников. Молодые сотрудники также отмечали, что пришли на службу в исправительное учреждение, уже обладая знаниями о тюремной субкультуре и ее влиянии на отношения внутри группы осужденных.

На вопрос об источниках получения информации о тюремной субкультуре были получены следующие ответы:

- средства массовой информации – 51 %;
- фильмы и сериалы – 31 %;
- общение со сверстниками в школе – 13 %;
- разговоры в семье – 5 %.

Таким образом, можно видеть, что доля открытых информационных источников достаточно велика. Информация, содержащаяся в них, носит искаженный характер, не соответствует времени, эмоционально окрашена, поддерживает популярную тенденцию создания негативного образа сотрудника силового ведомства.

2. Респонденты из обеих групп хорошо знакомы со сленговыми выражениями, характерными для тюремной субкультуры. Такие выражения, как запахло, беспредел, отрицалово, загаситься, зашквар и пр., активно используются ими в речи. Сами опрошенные не видят ничего предосудительного в употреблении этих слов, воспринимают их как часть повседневности, не считают, что они засоряют речь или предполагают ассоциацию с тюремной субкультурой. Респонденты указали, что помимо отдельных слов употребляют такие устойчивые выражения, как «его место у параша», «пошли на стрелку перетереть вопрос», «кипешнул и слил» и пр.

3. В том блоке вопросов, который касался отношения к тюремной субкультуре, проявилось расхождение во мнениях.

Сотрудники, уже имеющие небольшой опыт работы и непосредственного взаимодействия с криминализированными личностями, указывали на негативные проявления субкультуры. Усредненная оценка проявлений тюремной субкультуры в этой группе может быть сформулирована следующим образом: тюремная субкультура деформирует личность, негативно воздействует на людей, лишает их чувства собственного достоинства, толкает на преступления, но при

этом она удерживает порядок внутри учреждения и с ней трудно бороться.

Респонденты второй группы (курсанты), лично еще не знакомые с носителями тюремной субкультуры, давали разные оценки этому явлению, что не позволяет привести единое усредненное высказывание. Ответы этой группы распределилось следующим образом: 5 % затрудняются выразить свое отношение; 20 % считают тюремную субкультуру важным историческим и культурным элементом уголовно-исполнительной системы, романтизируют, придают ей несуществующую значимость; 25 % видят негатив субкультуры в открытом проявлении насилия и покушении на половую неприкосновенность, но считают, что она должна существовать, чтобы сохранять порядок; 30 % признают антигуманное содержание тюремной субкультуры, но проявляют активный интерес к отдельным личностям (ворам в законе); 50 % нейтрально относятся к тюремной субкультуре, как к любой другой субкультуре.

Еще раз подчеркнем, что для респондентов первой группы (сотрудники) характерно менее позитивное и романтическое отношение к субкультуре. Ими отмечаются ее негативный характер, разлагающее влияние на людей. Это объясняется тем, что данные лица непосредственно взаимодействуют с реальными носителями тюремной субкультуры и не питают иллюзий по поводу бескорыстной защиты слабых невинно осужденных и помощи им. Однако в этой группе также высказывается мнение о том, что сотруднику тяжело противостоять явлениям субкультуры и она может быть полезной для сотрудника.

4. В ответах курсантов можно наблюдать тенденцию к мифологизации и романтизации деятельности воров в законе. Респондентам предлагалось перечислить качества, присущие криминальным. Наиболее употребимыми характеристиками были «смелый», «сильный», «умный», «умеет управлять людьми», «решительный», то есть выделялись позитивные характеристики, которые переводят криминального авторитета с уровня преступника на уровень героя.

В качестве источника знаний о криминальном авторитете упоминались ролики из сети YouTube, запись интервью Александра Северова (НТВ, «Исповедь вора в законе», 2014 г.) и пр.

В группе сотрудников характеристики были либо нейтральными («тоже люди», «сложные»), либо отрицательными («отморозенные», «хитрые», «опасные»). При этом в беседе сотрудники отмечали, что до прихода на службу тоже питали иллюзии и верили недостоверной информации.

5. Общим в ответах сотрудников и курсантов было указание на то, что сама среда исправительного учреждения нередко уравнивает осужденного и сотрудника, поскольку на обоих оказывается давление (со стороны режима и условий реализации служебной деятельности соответственно). Как отмечали респонденты, не всегда администрация исправительного учреждения корректно ведет себя в отношении сотрудников, особенно молодых. Подобное отношение снижает самооценку сотрудника, дезориентирует его в служебных отношениях и приводит к осознанию общих черт в своем положении и положении осужденного. Это приводит к быстрому усвоению тюремной субкультуры.

Таким образом, можно видеть, что у подавляющего числа опрошенных проявляется когнитивная зараженность, то есть на когнитивном уровне тюремная субкультура воспринимается не как часть мира исполнения служебных обязанностей, а как часть общекультурного мира – участники опроса признают ее право на существование и скорее готовы к ней адаптироваться, чем искоренять.

Кроме того, из всего количества опрошенных 34 % положительно оценили случаи, в которых сотрудник решал служебные задачи через средства тюремной субкультуры (договаривался с криминальным авторитетом, например), а 15 % указали, что сами готовы в служебной деятельности не только учитывать проявления тюремной субкультуры, но при необходимости использовать их для решения служебных задач.

Таким образом, у почти трети респондентов наблюдается мотивационное заражение.

К сожалению, отсутствие возможности непосредственного наблюдения за исполнением служебных обязанностей испытуемыми не позволяет сделать вывод об операционной зараженности, но при наличии когнитивной и мотивационной риск проявления соответствующих тенденций в операционной сфере становится достаточно высоким.

Полученные результаты не позволяют говорить о критичном уровне вовлечения в тюремную субкультуру. По итогам анализа анкет и бесед было установлено, что 45 % респондентов поверхностно вовлечены в тюремную субкультуру, из них 65 % – курсанты и 35 % – сотрудники. Преобладание курсантов можно объяснить тем, что они имеют более высокий уровень общей культуры, больше возможностей для саморазвития (участие в научной и творческой деятельности, постоянный личностный рост), а также более широкий круг общения, в который входят люди, не связанные со службой в уголовно-исполнительной системе.

35 % опрошенных имеют пограничный уровень вовлечения, близкий к поверхностному (то есть проявляют повышенный интерес к тюремной субкультуре, могут использовать некоторые ее элементы в жизни, но не одобряют их применение в служебных ситуациях), из них 88 % – сотрудники и 12 % – курсанты. У курсантов это продиктовано высоким уровнем интереса к тюремной субкультуре и наличием искаженных представлений об этом явлении. Что касается сотрудников, то мы видим причину развития вовлечения в восприятии тюремной субкультуры как возможности эмоционально выразить себя (употребление жаргона) или снять стресс от адаптации к службе в исправительном учреждении (используют элементы субкультуры, чтобы не выделяться, выглядеть более опытными).

20 % респондентов обнаружили пограничный уровень вовлечения, близкий к критичному (то есть разделяют ценности субкультуры, оправдывают ее существование, считают ее возможным инструментом своей профессиональной деятельности, но пока не применяют на практике и не живут по соответствующим нормам). В эту категорию вошли только сотрудники. Такой уровень вовлечения объясняется узостью кругозора, ограниченным кругом общения, отсутствием интереса к саморазвитию.

Социально-психологические аспекты, требующие коррекции

На основе полученных результатов нами были выделены основные проблемы, требующие внимания:

1. Многие проявления тюремной субкультуры подаются в современной молодежной среде как норма общения, и молодые сотрудники не видят ничего предосудительного в том, чтобы демонстрировать харак-

терное для тюремной субкультуры антиправовое поведение, неуважение к государству и праву, пренебрежение к людям. Поэтому курсанты и молодые сотрудники заражаются субкультурой стихийно, просто находясь в общем информационном потоке, и часто не в состоянии вычленить проявления тюремной субкультуры в своем общении и поведении.

2. Сотрудники считают тюремную субкультуру важной частью общего механизма социального взаимодействия внутри исправительного учреждения и начинают неосознанно ассоциировать себя с ней, если не обладают сформированными представлениями о себе как о служителях закона и носителях гуманистических ценностей, считают тюремную субкультуру удобным рабочим инструментом и не знают, как выстраивать работу другими методами.

Первая проблема связана с нехваткой объективной полной информации о тюремной субкультуре, а существование второй обусловлено слабостью личности, низким уровнем осознанности и недостаточной сформированностью представлений о возможностях противостояния влиянию тюремной субкультуры.

Профилактика распространения тюремной субкультуры требует реализации системного подхода. Нейтрализацию ее негативного влияния необходимо осуществлять в трех направлениях – общесоциальном, специальном и индивидуальном [5; 7; 9].

Программа профилактических мероприятий

С учетом выявленных проблем была составлена программа коррекционной и профилактической работы.

Целью ее было нейтрализовать негативное воздействие тюремной субкультуры на личность сотрудника на когнитивном и мотивационном уровнях.

Для достижения этой цели требовалось решить следующие задачи:

- информировать об истории, развитии и сущности тюремной субкультуры;
- провести работу по формированию представлений о себе как российском офицере, представляющем закон и обладающем высокой культурой, защитнике гуманистических ценностей;
- сформировать негативное отношение к тюремной субкультуре, которое будет побуждать к дистанцированию от ее норм и проявлений;

– обучить противостоянию влиянию тюремной субкультуры и искоренению ее элементов в служебной деятельности и общении.

В реализацию программы были включены все те, кто был задействован на предыдущем этапе, но основной целевой аудиторией являлись курсанты и сотрудники, которые оказались в зоне риска (то есть имели пограничную степень вовлечения в тюремную субкультуру).

Для участия в программе курсанты и сотрудники были объединены в группы по 20 чел., длительность одного занятия составила 1,5 ч.

Первым этапом программы стало информирование. Этот этап включал в себя два занятия. На первом рассматривались история формирования тюремной субкультуры, становление ее идеологии и философии, ее функции в мире криминала. На втором занятии обсуждались вопросы негативного влияния тюремной субкультуры на личность и жизнь осужденных и сотрудников. Занятие проводилось в форме проблемной лекции с элементами визуализации.

В рамках этого направления были предложены следующие темы для обсуждения: «Проявления негативного влияния криминальной субкультуры в современном исправительном учреждении», «История развития криминальной субкультуры», «Функции, целесообразность и классификация атрибутов тюремной субкультуры», «Негативное влияние тюремной субкультуры на личность и поведение сотрудника», «Правонарушения, продиктованные влиянием криминальной субкультуры».

Теоретическая информация подавалась короткими блоками (по 10 мин), после чего следовал этап обсуждения проблемных вопросов, таких как:

- каким образом условия исправительного учреждения способствуют распространению криминальной субкультуры?
- в чем притягательность криминальной субкультуры для сотрудника?
- какие меры борьбы с распространением криминальной субкультуры могли бы быть эффективными?

Для наглядности демонстрировались видеофрагменты, включающие реальные проявления тюремной субкультуры, показывающие ее негативное влияние на социально-психологический климат в учреждении, личность и жизнь осужденного и сотрудника.

К примеру, большой отклик у аудитории вызвал фильм «Калина красная» (1974 г.), который на протяжении нескольких десятилетий не утрачивает своей актуальности и показывает отдаленные последствия приобщения к воровской жизни: утрату семьи, горе матери, сложности с восстановлением социальных связей, неуважение людей и в итоге невозможность выйти из этого порочного круга.

Второй этап программы был направлен на активное обучение социально важным навыкам поведения, позволяющим противостоять влиянию тюремной субкультуры и искоренять элементы тюремной субкультуры в служебной деятельности и личном общении. Для успешной его реализации было важно активизировать личностные ресурсы сотрудника, сформировать в нем профессиональную самооценку и профессиональную гордость, минимизировать негативные последствия влияния тюремной субкультуры. Работа имела целью формирование у сотрудника представления о себе как об офицере, защитнике правопослушных граждан, служителе закона; закрепление навыков ответственного поведения и умения прогнозировать последствия своих поступков; развитие способности противостоять негативному влиянию среды и группы.

В рамках нашего исследования эта задача решалась в ходе проведения тренинговых занятий. Было реализовано 3 занятия (работа в группах по 20 чел. в течение 1,5 ч).

Первое занятие: осознание причин проявления интереса к тюремной субкультуре и вовлечения в нее (как на уровне общества, так и на личном уровне). Использовались методы мозгового штурма, работа в подгруппах и парах.

Второе занятие: тренировка навыка определения проявлений тюремной субкультуры в деятельности сотрудника. Участникам группы предлагались различные ситуации из практики исправительных учреждений, в которых надо было выявить элементы субкультуры и дать оценку действиям сотрудников, предложить альтернативу. Использовались элементы кейс-метода и ролевые игры.

Третье занятие: формирование и закрепление социально важных форм поведения, направленных на противостояние тюремной субкультуре. На этом занятии прорабатываются краткосрочные и долгосрочные выгоды отказа от тюремной субкультуры, форми-

руется мотивация следования выбранному направлению поведения, определяются ресурсы, которые могут стать поддержкой в этом процессе.

На завершающем этапе программы были проведены заключительные встречи по группам, где были осуществлены подведение итогов, обсуждение результатов, сбор обратной связи и контрольное анкетирование.

По итогам реализации программы были получены следующие результаты:

Количество участников программы, демонстрирующих критичный уровень вовлечения в тюремную субкультуру, сократился с 75 до 30 %. Уменьшение произошло как за счет тех респондентов, кто в начале программы был ближе к поверхностному вовлечению, так и тех, кто был ближе к критичному вовлечению.

Участники программы отметили для себя следующие изменения:

- появилось больше всесторонних знаний о тюремной субкультуре, позволяющих делать собственные выводы о ее сути, функциях в современном мире и необходимости сохранения;

- начали задумываться о долгосрочных последствиях вовлечения в тюремную субкультуру и видеть ее деструктивное воздействие;

- начали отмечать проявления тюремной субкультуры в своем поведении и поведении других людей, массовой культуре и общем информационном пространстве;

- появились понимание серьезности и масштабности проблемы и уверенность в том, что распространение тюремной субкультуры можно контролировать своими личными усилиями: не допускать у себя, давать правильную оценку в обществе, рассказывать о настоящем содержании и пр.;

- пришло желание не ассоциировать себя с миром криминала через применение жаргонных слов, ритуалов и норм поведения;

- появилось понимание того, что сложные ситуации в исправительном учреждении надо решать правовыми методами, захотелось больше узнать об этом, стать настоящим профессионалом своего дела;

- появилось чувство гордости за профессию.

Мы можем заключить, что гипотеза нашего исследования подтвердилась и цель его была достигнута, но для глобальных перемен и обеспечения закрепления изменений

требуется реализация мер общего системного характера со стороны администраций исправительных учреждений и образовательных организаций.

Во-первых, необходим постоянный мониторинг открытых информационных источников. Поскольку молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, важно своевременно реагировать на резонансные материалы, которые появляются в популярных блогах и на видеоканалах. Открытое их обсуждение и профессиональная оценка позволят курсантам и молодым сотрудникам правильно сориентироваться в ситуации и сделать верные выводы.

Во-вторых, следует вести постоянную работу по выявлению и пресечению прояв-

лений элементов тюремной субкультуры в поведении сотрудников. Важно постоянно демонстрировать позицию непримиримости в отношении подобных тенденций, открыто порицая выявленные факты такого рода и поощряя тех, кто систематически придерживается норм правового и гуманистического толка.

В-третьих, необходимо уделять внимание повышению общего культурного уровня сотрудников, формированию привычек здорового образа жизни, привлечению к волонтерству и благотворительности, вовлечению в общественную деятельность (в том числе и по профилактике распространения тюремной субкультуры среди несовершеннолетних).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анфиногенов, В. А. Человеческие потребности, интересы и ценности в тюремной субкультуре / В. А. Анфиногенов // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 98–101. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-potrebnosti-interesy-i-tsennosti-v-tyuremnoy-subkulture> (дата обращения: 19.05.2021).
2. Белоусова, М. М. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 2. Генезис и эволюция субкультур детства и юности / М. М. Белоусова, О. В. Ковальчук, В. П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2010. – № 8 (79), выпуск 12. – С. 30–40.
3. Гусев, М. В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России / М. В. Гусев // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2007. – № 5. – С. 112–115.
4. Клеймёнова, Е. Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия / Е. Г. Клеймёнова // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 4. – С. 33–37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyy-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 12.10.2020).
5. Князева, О. В. Нейтрализация влияния тюремной субкультуры как составляющая процесса предупреждения пенитенциарной преступности / О. В. Князева, М. О. Сивцова // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 607–613.
6. Кожевников, Т. С. Тюремная субкультура : учебное пособие / Т. С. Кожевников. – 2-е изд., доп. и перераб. – Киров : ФКОУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2013. – 90 с.
7. Лузгин, С. А. Направления, стратегии и программы профилактики элементов тюремной субкультуры среди молодежи / С. А. Лузгин // Башкатовские чтения: «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде» : материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова / под общей редакцией М. Н. Филиппова. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2019. – С. 128–133. – ISBN 978-5-98492-435-1.
8. Лузгин, С. А. Профилактика распространения тюремной субкультуры в среде подростков и молодежи / С. А. Лузгин, Т. В. Кириллова, М. И. Кузнецов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 7 (206). – С. 29–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-rasprostraneniya-tyuremnoy-subkultury-v-srede-podrostkov-i-molodezhi> (дата обращения: 01.03.2021).
9. Нарусланов, Э. Ф. Профилактика молодежного экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Э. Ф. Нарусланов, А. В. Новиков, В. В. Горовой // Юридическая наука. – 2019. – № 3. – С. 60–63. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Олейник, А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти / А. Н. Олейник. – Москва : Инфра-М, 2001. – 418 с. – ISBN 5-16-000765-2.
11. Полищук, В. Е. К вопросу об аксиологии тюремной субкультуры / В. Е. Полищук, С. Б. Пономарев // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. – С. 180–182.
12. Пономарев, С. Б. Тюремная субкультура с позиции теории систем / С. Б. Пономарев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 1 (212). – С. 38–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-s-pozitsii-teorii-sistem> (дата обращения: 19.05.2021).
13. Румянцев, Н. В. О состоянии и мерах по профилактике криминальной субкультуры среди несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 112–115. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-kriminalnoi-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-soderzhaschihsya-v-uchrezhdeniyah-ugolovno> (дата обращения: 01.03.2021).

14. Тищенко, Н. В. Тюремная субкультура в пространстве культурных практик : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Тищенко Наталья Викторовна. – Саратов, 2013. – 42 с.
15. Ткачева, Е. П. Функции игры в тюремной субкультуре / Е. П. Ткачева // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 130–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-igry-v-tyuremnoy-subkulture> (дата обращения: 19.05.2021).
16. Юнусов, А. А. Профилактика распространения субкультуры среди осужденных к лишению свободы посредством организации религиозного воспитания / А. А. Юнусов, С. А. Юнусов, Н. В. Жезлов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 4. – С. 51–53.
17. Percival, G. L. *Smart on Crime: The Struggle to Build a Better American Penal System* / Garrick L. Percival. – Boca Raton : CRC Press, 2015. – 265 p. – ISBN 978-1-4987-0313-0.
18. *The Penal System: An Introduction* / Mick Cavadino, James Dignan, George Mair, Jamie Bennett. – Newbury Park : SAGE Publications, 2019. – 413 p. – ISBN 978-1-5264-6069-1.
19. Weston, J. *Medicine, the Penal System and Sexual Crimes in England, 1919–1960s: Diagnosing Deviance* / Janet Weston. – London : Bloomsbury Publishing, 2017. – 263 p. – ISBN 978-1-3500-2109-9.

REFERENCES

1. Anfinogenov V.A. Human needs, interests and values in the prison subculture. *Obshchestvo i pravo=Society and Law*, 2014, no. 1 (47). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-potrebnosti-interesy-i-tsennosti-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
2. Belousova M.M., Koval'chuk O.V., Rimskii V.P. Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 2. Genesis and evolution of subcultures of childhood and youth. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*=*Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2010, no. 8 (79), issue 12, pp. 30–40. (In Russ.).
3. Gusev M.V. The problem of the spread of the criminal subculture in Russia. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Bulletin KuzSTU*, 2007, no. 5, pp. 112–115. (In Russ.).
4. Kleimenova E.G. Prison subculture as a special type of social interaction. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"*=*Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyy-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
5. Knyazeva O.V. Sivtsova M.O. Neutralizing the influence of the prison subculture as a component of the process of preventing prison-related crime In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom. Sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international research-to-practice conference]. 2018. Pp. 607–613. (In Russ.).
6. Kozhevnikov T.S. *Tyuremnaya subkul'tura: ucheb. posobie* [Prison subculture: a textbook]. Second edition, revised and supplemented. Kirov: FKOU DPO Kir. IPKR FSIN Rossii, 2013. P. 31.
7. Luzgin S.A. Directions, strategies and programs for the prevention of elements of prison subculture among young people. In: Filippov M.N. (Ed.). *Materialy devyatnadsatyi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki RF Ivana Pavlovicha Bashkatova* [Proceedings of the nineteenth All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Ivan Pavlovich Bashkatov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation]. 2019. Pp. 128–133. (In Russ.).
8. Luzgin S.A., Kirillova T.V., Kuznetsov M.I. Prevention of the spread of the prison subculture among adolescents and youth. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2019, no. 7 (206). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-rasprostraneniya-tyuremnoy-subkultury-v-srede-podrostkov-i-molodezhi> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
9. Naruslanov E.F., Novikov A.V., Gorovoi V.V. Prevention of youth extremism in institutions of the penal system. *Yuridicheskaya nauka=Legal Science*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitel'noy-sistemy> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
10. Oleinik, A.N. *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow, 2001. 418 p.
11. Polishchuk V.E., Ponomarev S.B. To the issue of the axiology of prison subculture. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2-ukh chastyakh* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, in 2 parts]. Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2019. Pp. 180–182. (In Russ.).
12. Ponomarev S.B. Prison subculture from the standpoint of the theory of systems. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2020, no. 1 (212). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-s-pozitsii-teorii-sistem> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
13. Rumyantsev N.V. On the status and measures for the prevention of criminal subculture among minors held in the institutions of the penitentiary system. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-kriminalnoi-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-soderzhaschihsya-v-uchrezhdeniyah-ugolovno> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
14. Tishchenko N.V. *Tyuremnaya subkul'tura v prostranstve kul'turnykh praktik. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. doktora kul'tur* [Prison subculture in the space of cultural practices. Doctor of Culture dissertation abstract]. Saratov, 2013. 42 p.
15. Ткачева Е.П. Game function in prison subculture. *Vestnik Vyatka State University*, 2008, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-igry-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
16. Yunusov A.A., Yunusov S.A., Zhezlov N.V. Prevention of the spread of subculture among those sentenced to imprisonment through the organization of religious education. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki=Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice*, 2017, no. 4, pp. 51–53. (In Russ.).
17. Percival G.L. *Smart on Crime: The Struggle to Build a Better American Penal System*. CRC Press, 2015. 265 p.

18. Cavadino M., Dignan J., Mair G., Bennett J. *The Penal System: An Introduction*. SAGE Publications, 2019. 413 p.
19. Weston J. *Medicine, the Penal System and Sexual Crimes in England, 1919-1960s: Diagnosing Deviance*. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 263 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ГАЛИЧ – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Статья поступила 10.10.2020

Базисная модель психологического благополучия курсантов ВИПЭ ФСИН России и сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

К. Б. МАЛЫШЕВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

О. А. МАЛЫШЕВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена установлению связи психологического благополучия с профессиональной направленностью личности и построению полной, упорядоченной, измерительной системно-базисной картины профилей психологического благополучия личности. *Цель:* построение трехфакторной базисной модели и оптимизация соответствующей ей измерительной базисной методики психологического благополучия личности. *Методы:* системно-базисное моделирование информации о психологическом благополучии личности. *Гипотеза исследования:* психологическое благополучие личности связано с ее профессиональной направленностью. В исследовании были поставлены следующие задачи: 1) построить трехфакторную базисную модель психологического благополучия и установить связь ее с профессиональной направленностью личности; 2) использовать базисный подход при построении измерительной методики психологического благополучия личности и оптимизировать процедуру ее применения в психодиагностической практике; 3) построить полную, упорядоченную, измерительную системно-базисную картину профилей психологического благополучия личности; 4) определить доминирующий профиль психологического благополучия курсантов ВИПЭ ФСИН России и сотрудников УИС. *Результаты:* полученные данные позволяют оптимизировать измерение психологического благополучия личности, что упрощает диагностическую процедуру. Раскрыто понятие профессионального благополучия и дана полная картина психологического благополучия личности, состоящая из 64 гексаграмм-профилей. *Выводы:* психодиагностическое исследование показало, что профили-гексаграммы психологического благополучия у курсантов и сотрудников УИС имеют отличия. У курсантов отмечается четыре доминирующих типа (на высоком и очень высоком уровне): «Положительные отношения с другими», «Личностный рост», «Цели в жизни» и «Автономия» при соответствующей внутренней самооценке. Не проявились у курсантов вообще или присутствуют на низком уровне типы «Самопринятие», «Управление окружением». У сотрудников УИС выделены четыре доминирующих типа (на высоком и очень высоком уровне): «Положительные отношения с другими», «Самопринятие», «Управление окружением», «Цели в жизни», на низком уровне оказались «Личностный рост», «Автономия».

Ключевые слова: психологическое благополучие; профессиональная направленность; типологический профиль; базис; трехфакторная базисная модель; гексаграмма.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Малышев К. Б., Малышева О. А. Базисная модель психологического благополучия курсантов ВИПЭ ФСИН России и сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 340–349. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-340-349.

Basic Model of the Psychological Well-Being of VIPE FSIN Cadets and Penitentiary Staff

KONSTANTIN B. MALYSHEV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

OLGA A. MALYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

Abstract

Introduction: in the present paper, we establish a connection between psychological well-being and occupational orientation of an individual and build a complete, ordered and comprehensive picture to measure the profiles of psychological well-being of an individual. Aim: to build a three-factor basic model and optimize the corresponding basic measurement technique for psychological well-being of an individual. *Methods:* system-based modeling of information about the psychological well-being of an individual. The hypothesis of the study: the psychological well-being of an individual is associated with their occupational orientation. The study pursues the following research tasks: 1) to build a three-factor basic model for psychological well-being and establish its connection with the occupational orientation of an individual; 2) to use a basic approach when designing a technique to measure the psychological well-being of an individual and to optimize the appropriate procedure for its application in psychodiagnostic practice; 3) to build a complete, ordered and comprehensive picture to assess the profiles of psychological well-being of an individual; 4) to determine the dominant profile of the psychological well-being of VIPE FSIN Russia cadets and penitentiary staff. *Results:* the results of our study help to optimize the measurement of psychological well-being of an individual so as to “simplify” its diagnostic procedure. The article describes the concept of “occupational well-being” and provides a complete picture consisting of 64 hexagram profiles of the psychological well-being of an individual. *Conclusions:* the psychodiagnostic research has shown that the hexagram profiles of psychological well-being in cadets and penitentiary staff are different. VIPE FSIN cadets have four dominant types (at a high and very high level), these are “Positive relations with others”, “Personal growth”, “Purpose in life” and “Autonomy” with appropriate internal self-esteem. “Self-acceptance” and “Environmental mastery” were not observed in cadets at all (or were observed at a low level). There are four dominant types (at a high and very high level) among penitentiary staff, these are “Positive relations with others”, “Self-acceptance”, “Environmental mastery”, and “Purpose in life”; “Personal growth” and “Autonomy” were manifested at a low level.

Key words: psychological well-being; occupational orientation; typological profile; basis; three-factor basic model; hexagram.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Malyshev K.B., Malysheva O.A. Basic model of the psychological well-being of VIPE FSIN cadets and penitentiary staff. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 340–349. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-340-349.

Под психологическим благополучием подразумевается субъективное самоощущение целостности и осмысленности своего бытия. Данное понятие относится к категории понятий экзистенциально-гуманистической психологии. Психологическое благополучие – системное качество чело-

века, обретаемое им в процессе жизнедеятельности на основе психофизиологической сохранности функций, которое проявляется в переживании содержательной направленности и ценности жизни в целом как средства достижения внутренних, социально ориентированных целей и является услови-

ем реализации потенциальных возможностей и способностей [20].

Данное понятие получило распространение в 60-х гг. прошлого века. Соответствующей проблематике посвящены работы Н. М. Брандбурна, Э. Динера, К. Рифф, Б. С. Братуся, И. В. Дубровиной и др. Среди авторов, занимавшихся теоретической разработкой вопроса об основных контурах психологического благополучия, следует назвать Дж. Бюдженталя, А. Маслоу, К. Роджерса, Э. Фромма, Г. Оллпорта [7; 10]. С позиции данного подхода психологическое благополучие рассматривается как «полнота самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение "творческого синтеза" между соответствием запроса социального окружения и развитием собственной индивидуальности» [15; 17].

К. Д. Рифф разработала многомерную модель психологического благополучия. Она включает шесть основных составляющих – типов психологического благополучия:

- 1) наличие цели в жизни,
- 2) положительные отношения с другими,
- 3) личностный рост,
- 4) управление окружением,
- 5) самопринятие,
- 6) автономия [20].

Рис. 1. Представление трехфакторного базиса в виде снежинки (на каждом из шести типологических направлений находится по шесть черточек, соответствующих шести диагностическим суждениям)

Используя принцип семантической близости, спроектируем составляющие характеристики и типы психологического благополучия на профессиональные типы по Д. Голланду [8].

В итоге сопоставления типов устанавливается их взаимно-однозначное соответствие (табл. 1) [16; 19].

В настоящее время многомерная модель К. Д. Рифф применяется многими исследователями, а разработанная ею методика измерения психологического благополучия, содержащая 84 вопроса, активно используется в исследовательской практике разных стран. Шесть типов психологического благополучия в многомерной модели К. Д. Рифф можно взаимно-однозначно сопоставить с шестью типами профессиональной направленности личности по Д. Голланду, используя принцип семантической близости [14; 18].

Типология личности Д. Голланда – это трехфакторная базисная типологическая модель с единой дихотомией «социальное (+) – индивидуальное (-)», фактор F – это пара противоположных типов T (+) – T (-):

- конвенциональный тип (+) – артистический тип (-), фактор F (1) «Аффект»;
- социальный тип (+) – реалистический тип (-), фактор F (2) «Воля»;
- предприимчивый тип (+) – интеллектуальный тип (-), фактор F (3) «Мышление» [9].

При построении типологических структур тестов был использован принцип природосообразности. В природе известны шестиэлементные структурные образования, которые при восприятии оказываются устойчивыми базисными трехфакторными структурами: ячейки пчелиных сот, снежинки (рис. 1, 2) [1; 3; 13].

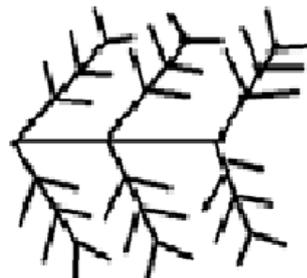

Рис. 2. Каждая из шести черточек-направлений, соответствующих шести диагностическим суждениям, имеет три пары дихотомических, противоположных оценочных измерительных чисел: (-3) – (+3), (-2) – (+2), (-1) – (+1)

Ключи по двум модифицированным авторским методикам приводятся в табл. 2 [5; 12]. Оценочные слова будут переводиться в оценочные числа следующим образом: абсолютно не согласен (-3), не согласен (-2), скорее не согласен, чем согласен (-1), абсолютно согласен (+3), согласен (+2), скорее согласен, чем не согласен (+1) [8].

Таблица 1

Сравнительный анализ профессиональных типов личности и типов психологического благополучия

Характеристики профессиональных типов личности по Д. Голланду с номерами вопросов в модифицированном авторском тесте (18 вопросов)	Характеристики психологического благополучия (Н. М. Брэдбурн, Э. Динер, Б. С. Братусь, И. В. Дубровина и др.)	Типы психологического благополучия по К. Д. Рифф с номерами вопросов в авторском тесте (36 вопросов)
1	2	3
<p><i>Социальный (социальное) (1, 2, 3).</i> Устанавливает хорошие, доброжелательные, доверительные и позитивные межличностные отношения с людьми. Направлен на общее благо. Духовность. Имеет позитивный взгляд на мир и жизненные ситуации. Открыт для общения, коммуникабелен, позитивная оценка себя и своей жизни. Умеет строить детско-родительские отношения в семье. Стремится к душевному комфорту, оптимист, отсутствие зависимостей. Позитивно эмоционален. Стремится к хорошим социальным условиям жизни и рефлексии. Минимизирует потребности. Удовлетворен работой и личной жизнью. Имеет хороший статус в микросоциальном окружении. Психологически здоров. Эффективно решает поставленные задачи, отстаивает собственные границы и ценности, принимает себя и другого человека, социально благополучен, удовлетворен социальным статусом, состоянием общества, хорошо строит межличностные отношения. Психологическое благополучие. Жизнерадостен, счастлив в семье, дружелюбные отношения с коллегами, оказывает помощь, хорошие отношения с руководством, умеет высказать свое мнение, эмпатичен, коммуникабелен, способен проявлять заботу о близких, хорошее чувство юмора, не боится противопоставить свое мнение мнению большинства, открыт для общения, удовлетворен собой, собственной жизнью, своим социальным статусом, часто в хорошем настроении. Стремится к самореализации, обладает психологическим здоровьем. Забота о благополучии других, удовлетворенность взаимодействием, компетентность, наличие семьи и близких друзей. Уверенность в близких людях, может дать критическую самооценку и оценку окружающих обстоятельств, чувство привязанности и ответственности по отношению к близким людям, альтруизм, направленность на общественно полезное дело, гармоничность, жизнерадостность. Хорошо выстраивает отношения с людьми, проявляет о них заботу, эмпатичен, часто использует в общении стратегию взаимных уступок. 1. Воспитываю и опекаю людей. 2. Даю советы и помогаю людям. 3. Сопереживание и сочувствие людям – это черты моего характера</p>	<p>Доброжелательные, доверительные и хорошие межличностные отношения. Стремится к общему благу. Духовен. Позитивный взгляд на жизненные ситуации, мир, общителен, коммуникабелен, может дать позитивную оценку себе и своей жизни. Хороший семейный педагог. Душевно комфортен, оптимистичен, отсутствие зависимостей. Эмоционален. Настроен на хорошие социальные условия жизни, рефлексивен. Минимизирует потребности. Удовлетворен работой и личной жизнью. Имеет хороший социальный статус и психическое здоровье. Хорошо решает задачи, отстаивает собственные границы и ценности, принимает себя и другого человека, социально благополучен, удовлетворен состоянием общества, межличностными связями. Духовно и психологически благополучен. Жизнерадостен, счастлив в семье, дружелюбные отношения с коллегами, оказывает помощь, хорошие отношения с руководством, умеет высказать свое мнение, обладает эмпатией, заботится о близких, есть чувство юмора, имеет всегда свое мнение, общителен, удовлетворен собой, собственной жизнью, своим социальным статусом, часто пребывает в хорошем настроении. Стремится к самореализации, имеет психологическое здоровье, забота о благополучии других, компетентен, хороший семьянин, много друзей. Умеет дать критическую самооценку и оценку окружающих обстоятельств, ответственен по отношению к людям, альтруист, хороший общественник, стремится к гармонии, жизнелюб</p>	<p>«Положительные отношения с другими» (1, 2, 3, 4, 5, 6). Удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими. Заботится о благополучии других, способен сопереживать, допускает привязанности и близкие отношения, понимает, что человеческие отношения строятся на взаимных уступках. 1. Большинство моих знакомых считают меня любящим и преданным человеком. 2. Я люблю задушевные беседы с родными или друзьями. 3. Мне кажется важным быть хорошим слушателем, когда близкие друзья делятся со мной своими проблемами. 4. Поддержание близких отношений было связано для меня с трудностями и разочарованиями. 5. Мне часто бывает одиноко из-за того, что у меня мало друзей, с кем я могу поделиться своими проблемами. 6. У меня не так много знакомых, готовых выслушать меня, когда мне нужно выговориться</p>
<p><i>Реалистический (индивидуальное) (4, 5, 6).</i> Хорошо оперирует предметами, вещами в окружающем мире. Стремится контролировать окружающую обстановку, развито самоуправление своим поведением. Физически энергичная активная личность.</p>	<p>Чувство освоения в окружающей среде (ощущение своей компетенции в управлении вещами в окружающей среде).</p>	<p>«Самопринятие» (7, 8, 9, 10, 11, 12).</p>

1	2	3
<p>Телесный комфорт, ощущение телесного здоровья и комфорта. Проявляет заботу о своем здоровье. Прагматизм. Волевой тип поведения. Компетентность и уверенность в себе. Работа энергетизирует и вдохновляет на успех. Физически и психически здоров. Стремится к материальным благам в жизни. Верит в свои силы. Хорошо реализует себя в труде. В жизни любит опираться на личные предпочтения. Большой личностный ресурс для достижения своих целей. Высокая работоспособность. Опирается в жизни на принцип получения удовольствия. Самопринятие и самооценочность. Хорошо справляется с бытовыми делами и умеет удовлетворять свои потребности. Хорошие психосоматические данные организма. Эмоционально устойчивое поведение в социуме. Отсутствие страха, а также реактивной и личностной тревожности. Доминируют материальные ценности в жизни. Самодостаточность и удовлетворенность своей жизнью. К себе относится положительно, адекватно принимает как хорошие, так и плохие качества в своем поведении, дает удовлетворительную оценку своему прошлому.</p> <p>4. Мне нравится контролировать и критиковать действия или поведение других людей, проявляя требовательность и принципиальность.</p> <p>5. По отношению к людям я часто проявляю авторитарную позицию.</p> <p>6. Мои взгляды непоколебимы, и каждый должен выполнять свои обязанности и нормативные указания</p>	<p>Контроль над окружающей средой, способность эффективно управлять своей жизнью. Хорошая физическая активность. Высокие резервные возможности организма. Физическое (телесное) благополучие (телесный комфорт, ощущение здоровья). Забота о своем здоровье, прислушивается к своим ощущениям. Максимизация полезности. Волевая способность добиваться желаемого. Компетентность в определенном виде деятельности. Уверенность в себе. Удовлетворенность работой. Хорошее физическое и психическое самочувствие. Удовлетворенность материальной стороной своего существования. Вера в собственные силы. Умение реализоваться в деятельности. Оценивает себя исходя из собственных предпочтений. Большое и осознанное количество ресурсов для достижения своих целей. Работоспособность. Получение удовольствия от жизни. Положительное отношение к себе (самопринятие и самооценочность). Умение справляться с повседневными делами, изменять условия жизни в соответствии со своими потребностями. Хорошая психосоматика. Сбалансированное поведение. Отсутствие страха и тревожности. Стремление к материальному благополучию. Удовлетворенность собой и жизнью</p>	<p>Позитивно относится к себе, знает и принимает различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивает свое прошлое.</p> <p>7. Когда я оглядываюсь назад, мне нравится, как сложилась моя жизнь.</p> <p>8. В целом я уверен в себе.</p> <p>9. В целом я себе нравлюсь.</p> <p>10. Мне кажется, что многие из моих знакомых преуспели в жизни больше, чем я.</p> <p>11. Если бы у меня была такая возможность, я бы многое в себе изменил.</p> <p>12. Во многом я разочарован своими достижениями в жизни</p>
<p><i>Предприимчивый (социальное) (7, 8, 9).</i></p> <p>Заинтересованность в общественно-политической информации. Эффективный, знающий и умеющий руководитель, обладающий хорошими навыками в области оперативного руководства. Управленческо-организаторская уверенность. Высокий уровень притязаний и высокая мотивация в плане достижения цели. Стремится к социальному статусу. Завышенная самооценка. Решительная, оперативная, уверенная личность. Достигает больших успехов в области самоуправления. Утверждает себя как личность. Самоотверженность в принятии и реализации управленческих решений. Хорошо может использовать внешние ресурсы в окружающей обстановке. Стремится к власти, обладает управленческой компетенцией, часто находится в эгосостоянии родителя, контролирующего в организующей деятельности, используя для этого все возможности, стремится удовлетворить личные потребности и реализует свои цели.</p> <p>7. Мне нравится заниматься организацией и руководством другими людьми.</p>	<p>Заинтересованность происходящим в окружающем мире. Самоотверженность. Компетентное управление. Уверенность в себе. Уверенность в собственных силах. Высокая мотивация достижения цели. Удовлетворенность своим социальным статусом. Высокая самооценка. Решительность. Способность эффективно управлять своей жизнью. Способность эффективно использовать внешние ресурсы. Способность эффективно управлять</p>	<p>«Управление окружением» (13, 14, 15, 16, 17, 18).</p> <p>Обладает властью и компетенцией в управлении окружением, контролирует всю внешнюю деятельность. Эффективно использует представляющиеся возможности. Способен улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей.</p> <p>13. Как правило, я считаю себя в ответе за то, как я живу.</p> <p>14. Я вполне справляюсь со своими повседневными заботами.</p> <p>15. Если бы я был несчастен в жизни, я предпринял бы эффективные меры, чтобы изменить ситуацию.</p>

1	2	3
<p>8. В поведении я проявляю предприимчивость, экспрессивность, властность, эмоциональность, а порой и агрессивность. 9. Я чаще доминирую в отношениях, стремясь к общественному признанию</p>		<p>16. Требования повседневной жизни часто угнетают меня. 17. Я не очень вписываюсь в сообщество окружающих меня людей. 18. Я часто чувствую, что мои обязанности угнетают меня</p>
<p><i>Интеллектуальный (индивидуальное) (10, 11, 12).</i> Хорошее сочетание души и разума. Стремление к личностному развитию. Интеллектуальная направленность в поведении, самореализация и саморазвитие. Отличная умственная работоспособность. Стремление к интеллектуальному самосовершенствованию. Способность к осмыслению жизни. Максимизация умственных способностей. Наличие чувства осмысленности жизни. Стремится учиться, познавать, воспринимать новую информацию и решать интеллектуальные задачи. Способность следовать своим собственным убеждениям. Когнитивная направленность в поведении. Постоянно стремится к личностному развитию, самореализации, новому опыту, обладает высоким интеллектуальным потенциалом, получает удовлетворение от познавательной деятельности. 10. Люблю решать задачи, требующие абстрактного мышления. 11. Мне всегда нравится чему-либо учиться. 12. Меня привлекает работа исследователя</p>	<p>Способность существовать в согласии души и разума. Направленность на личностный рост. Личностный рост как чувство непрекращающегося развития и самореализации. Адекватная самооценка. Отличная умственная работоспособность. Стремление к самосовершенствованию. Способность к осмыслению жизни. Наличие личностного роста. Максимизация способностей. Наличие чувства осмысленности существования. Стремится развиваться, учиться и воспринимать новое. Осмысленность жизни. Способность следовать своим собственным убеждениям. Личностный рост. Когнитивная составляющая в поведении. Личностная интеллектуальная развивающая самореализация. Ориентация на постоянное саморазвитие</p>	<p>«Личностный рост» (19, 20, 21, 22, 23, 24). Обладает чувством непрекращающегося развития. Воспринимает себя «растущим» и самореализующимся. Открыт к новому опыту, испытывает чувство реализации своего потенциала, наблюдает улучшения в себе и своих действиях с течением времени, изменяется в соответствии с собственными познаниями и достижениями. 19. В принципе я считаю, что со временем узнаю о себе все больше и больше. 20. Я отношусь к тем людям, которым нравится пробовать все новое. 21. Мне кажется, что новый опыт, способный изменить мои представления о себе и об окружающем мире, очень важен. 22. Меня не интересуют занятия, которые принесут результат в отдаленном будущем. 23. Я не хочу пробовать новые виды деятельности – моя жизнь и так меня устраивает. 24. Если задуматься, то с годами я не стал намного лучше</p>
<p><i>Конвенциональный (социальное) (13, 14, 15).</i> Выстраивание целевой программы жизни. Социально нормативное и социально одобряемое поведение. Адекватная самооценка. Эмоциональная устойчивость в поведении. Осмысленная направленная целеустремленность в жизни. Служебная компетентность. Адекватная реакция на внешние раздражители. Удовлетворенность своей жизнью. Минимизация сложности. Способность к быстрой адаптации к изменениям в окружающем мире. Личностная адаптивность. Стрессоустойчивость, низкий уровень конфликтности. Уважительное, внимательное, щадящее отношение к себе. Присутствует ощущение целостности, внутреннего равновесия. Получает удовлетворение от достижения значимых целей. Низкий уровень конфликтности. Забота о своем здоровье. Прислушивается к своим ощущениям. Внутренний контроль. Удовлетворенность жизнью. Наличие жизненных перспектив, целей, придающих жизни направленность и смысл. Ощущение своего предназначения в жизни.</p>	<p>Наличие определенных целей в жизни. Адекватная самооценка. Эмоциональная стабильность. Целеустремленность, наличие целей и перспектив, придающих направленность и смысл жизни. Компетентность. Адекватная реакция на внешние раздражители. Удовлетворенность жизнью. Минимизация сложности. Способность к быстрой адаптации к изменениям в окружающем мире. Стрессоустойчивость. Навыки бесконфликтного общения и низкий уровень конфликтности. Отношение к себе: уважительное, внимательное, щадящее.</p>	<p>«Цель в жизни» (25, 26, 27, 28, 29, 30). Имеет цель в жизни и чувство направленности, считает, что прошлая и настоящая жизнь имеет смысл, придерживается убеждений, которые являются источниками цели в жизни, имеет намерения и цели на всю жизнь. 25. Мне приятно думать о том, что я совершил в прошлом и надеюсь совершить в будущем. 26. Моя жизнь имеет смысл. 27. Мне доставляет удовольствие составлять планы на будущее и воплощать их в жизнь.</p>

1	2	3
<p>Позитивное отношение к себе. Психическое гармоничное, адаптивное равновесие. Адекватное восприятие отражаемых предметов, явлений и обстоятельств. Способность к организации и адекватному изменению поведения в соответствии с переменами окружающей обстановки. Способность составлять и осуществлять свой жизненный план. Навыки бесконфликтного общения. Целеустремленность в жизни и четкая смысловая направленность в поведении, убежденность в правильности своих жизненных целевых установок. Осуществляет намерения в жизни.</p> <p>13. В поведении соблюдаю правила, нормы и требования общества.</p> <p>14. Могу адаптироваться, изменить свое поведение под влиянием социума или могу проявить зрелую самостоятельность.</p> <p>15. Я люблю рассуждать, но в споре проявляю холодное спокойствие, сдержанность</p>	<p>Ощущение целостности, внутреннего равновесия. Получает удовлетворение от достижения значимых целей. Личностная адаптивность. Забота о своем здоровье. Прислушивается к своим ощущениям. Внутренний контроль. Ощущение своего предназначения в жизни. Психическое равновесие, гармоничность. Способность составлять и осуществлять свой целевой жизненный план</p>	<p>28. Я живу сегодняшним днем и не особо задумываюсь о будущем.</p> <p>29. Я стараюсь сосредоточиться на настоящем, потому что будущее почти всегда приносит какие-то проблемы.</p> <p>30. Мои повседневные дела часто кажутся мне банальными и незначительными</p>
<p><i>Артистический (индивидуальное) (16, 17, 18).</i></p> <p>Независимое поведение. Поступает так, как считает нужным согласно внутренним убеждениям. В принятии решений проявляет самостоятельность, зачастую идет на поводу эмоций и чувств. Открытость к переживаниям. Стремление к самоактуализации, завышенная самооценка. Может позволить себе нестандартное мышление и поведение. Независимость от мнений и оценок социума. Обостренное чувство юмора. Свобода в действиях и поступках. Эмоциональная сфера доминирует над интеллектуальной. В поведении старается не придерживаться каких-то социальных нормативов. Обладает богатой творческой фантазией. Стремится к музыке, поэзии, художественному искусству. Проявляет самостоятельность и стремится к независимости, старается отойти от общественных норм и стереотипов в поведении, направлен на саморегуляцию и строит поведение, опираясь на свои личные критерии.</p> <p>16. Люблю выражать свои желания без всякой их цензуры, ссылок на правила и требования общества.</p> <p>17. Я часто проявляю себя в спонтанном поведении, непослушании, а порой в бунте.</p> <p>18. У меня богатая фантазия и воображение, что проявляется в моем творчестве</p>	<p>Независимость. Автономия (способность следовать своим собственным убеждениям). Наличие чувств. Автономия в поведении. Эмоциональный комфорт. Открытость к переживаниям. Высокий уровень самоактуализации, самооценки, автономии. Придерживается нестандартного мышления и поведения. Находится в эмоциональном комфорте. Независимость от мнений и оценок социума. Обладает хорошим чувством юмора. Свободное поведение</p>	<p>«Автономия» (31, 32, 33, 34, 35, 36).</p> <p>Самостоятельный, независимый, способный противостоять попыткам общества заставить думать и действовать определенным образом, самостоятельно регулирует собственное поведение, оценивает себя в соответствии с личными критериями.</p> <p>31. Я не боюсь высказывать свое мнение, даже если оно противоречит мнению большинства.</p> <p>32. На мои решения обычно не влияет то, что делают другие.</p> <p>33. Для меня важнее быть в согласии с самим собой, чем получать одобрение окружающих.</p> <p>34. Иногда я меняю свое поведение или образ мышления, чтобы не выделяться.</p> <p>35. Меня беспокоит то, что думают обо мне другие.</p> <p>36. На меня оказывают влияние сильные люди</p>

Правило перевода дихотомических числовых ответов в положительные содержится в табл. 2:

Таблица 2

Перевод	Шкала для ответов					
	-3	-2	-1	+1	+2	+3
	1	2	3	4	5	6

Эта числовая оценочная шкала представляет трехфакторный числовой базис: (-1) - (+1); (-2) - (+2); (-3) - (+3). Это числовые дихотомические факторы F (1), F (2), F (3). В результате перехода от дихотомической числовой шкалы (от -3 до +3) к шкале положительных чисел (от +1 до +6) мы получаем

уровни выраженности базисных типов личности [8].

В методике «Профессиональная направленность личности», содержащей 18 утверждений, выделяются следующие уровни: 3-6 (низкий), 7-11 (средний), 12-15 (высокий), 16-18 (очень высокий) [9].

В методике «Психологическое благополучие личности», содержащей 36 утверждений, выделяются уровни: 6–13 (низкий), 14–22 (средний), 23–29 (высокий), 30–36 (очень высокий) [9].

Наличие или отсутствие типа психологического благополучия личности в гексаграмме обозначается сплошной или разорванной чертой (рис. 3).

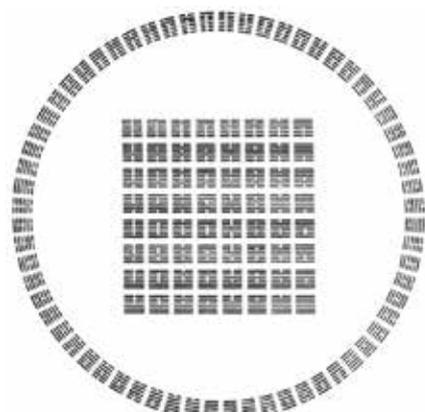

Рис. 3. Типологические профили психологического благополучия личности, состоящие из 64 гексаграмм

Перепроверка на базисность, то есть полноту, упорядоченность и измеримость набора типов психологического благополучия, осуществлялась с помощью сравнения с эталонным семантическим типологическим профессиональным базисом (по Д. Голланду) [2; 4; 6; 11]. В итоге была построена трехфакторная базисная типология психологического благополучия [9]. Следует заметить, что определенный тип психологического благополучия будет ярко проявляться в определенном доминирующем типе профессиональной направленности личности [9]. Валидизация новой авторской модифицированной методики на измерение пси-

хологического благополучия личности проводилась в направлении конструктивной валидности. Этот тип валидности отражает степень репрезентации исследуемого психологического конструкта в результатах теста. В качестве психологического конструкта выступают типы психологического благополучия личности [8; 9].

Результаты тестирования курсантов ВИПЭ ФСИН России и сотрудников УИС, полученные с помощью новой модифицированной методики определения психологического благополучия, коррелируют с диагностическими результатами применения авторской методики на определение профессиональной направленности личности следующим образом: «Цель в жизни» (1) – конвенциальный тип (7), «Автономия» (2) – артистический тип (8), «Положительные отношения с другими» (3) – социальный тип (9), «Самопринятие» (4) – реалистический тип (10), «Управление окружением» (5) – предприимчивый тип (11), «Личностный рост» (6) – интеллектуальный тип (12), где (1), (2), (3), (4), (5), (6), (7), (8), (9), (10), (11), (12) – это номера типов психологического благополучия и профессиональных типов личности (табл. 3). Диапазон коэффициентов корреляции от 0,42 до 0,71 между типами теста на определение психологического благополучия личности и аналогичного по типологическому конструкту теста, измеряющего типы профессиональной направленности личности и являющегося валидным, подтверждает то, что разработанный новый модифицированный тест измеряет те же характеристики личности, что и трехфакторный базисный тест-эталон на определение профессиональной направленности личности (табл. 3) [8].

Таблица 3

Корреляции между типами психологического благополучия и профессиональными типами личности

		Типы психологического благополучия						Профессиональные типы личности					
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Типы психологического благополучия	1	1,00	0,03	0,29	-0,04	0,05	0,15	0,71	0,21	-0,12	0,04	0,19	0,35
	2		1,00	-0,17	0,15	-0,04	0,14	0,05	0,59	-0,20	0,21	0,14	-0,18
	3			1,00	0,03	-0,07	0,16	0,21	0,30	0,42	-0,12	-0,06	0,21
	4				1,00	0,17	-0,06	0,13	-0,07	0,21	0,52	-0,13	0,17
	5					1,00	0,16	0,18	-0,05	0,13	-0,11	0,57	-0,05
	6						1,00	0,18	0,21	-0,01	0,14	0,18	0,65
Профессиональные типы личности	7						1,00	-0,23	0,15	-0,06	0,28	0,14	
	8							1,00	0,19	0,13	-0,08	0,13	
	9								1,00	0,05	-0,06	0,19	
	10									1,00	0,31	0,21	
	11											1,00	-0,27
	12												1,00

Эталонный валидный тест является независимым критерием и в данном случае позволяет проверить критериальную валидность вновь созданного теста [8]. Проведенное психодиагностическое исследование показало, что профили-гексаграммы психологического благополучия курсантов ВПЭ ФСИН России и сотрудников УИС отличаются друг от друга. У курсантов отмечается четыре доминирующих типа (на высоком и очень высоком уровне): «Положительные отношения с другими», «Личностный рост», «Цели в жизни» и «Автономия» при соответствующей внутренней самооценке. Не проявились у курсантов вообще или проявились на низком уровне «Самопринятие» и «Управление окружением». У сотрудников УИС от-

мечается четыре доминирующих типа (на высоком и очень высоком уровне): «Положительные отношения с другими», «Самопринятие», «Управление окружением», «Цели в жизни». На низком уровне проявились «Личностный рост» и «Автономия».

Наложение двух трехфакторных типологических базисов личности (профессиональной направленности и психологического благополучия) на основе использования принципа семантической близости имеет большую смысловую общность и порождает новое субстратное понятие «профессиональное благополучие», что требует дополнительного исследования в будущем. Цель исследования была достигнута, задачи решены и гипотеза подтвердилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейль, Г. Симметрия / Г. Вейль. – Москва : Наука, 1968. – 132 с.
2. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Ленинград : ЛГУ, 1984. – 176 с.
3. Кеплер, И. О шестиугольных снежинках / И. Кеплер. – Москва : Наука, 1983. – 123 с.
4. Кузьмин, В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода / В. П. Кузьмин // Психологический журнал. – 1982. – Том 3, № 3. – С. 3–14; Том 3, № 4. – С. 3–13.
5. Кулагин, Б. В. Основы профессиональной психодиагностики / Б. В. Кулагин. – Ленинград : Медицина, 1984. – 149 с.
6. Ломов, Б. Ф. О системном подходе в психологии / Б. Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–45.
7. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: история и современность / В. А. Мазиллов. – Ярославль : ЯГПУ, 2017. – 419 с.
8. Малышев, К. Б. Системно-факторный анализ в психологии / К. Б. Малышев, О. А. Малышева. – Курск ; Вологда : ВоГУ, 2019. – 180 с. – ISBN 978-5-907205-43-7.
9. Малышев, К. Б. Системные описания типологий / К. Б. Малышев, О. А. Малышева. – Курск : Университетская книга, 2019. – 226 с. – ISBN 978-5-907205-42-0.
10. Мамедова, Ж. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Мамедова Жанна Сабировна. – Москва, 2007. – 26 с.
11. Принцип системности в психологических исследованиях / под редакцией Д. Н. Завалишиной, В. А. Барабанщикова. – Москва : Наука, 1990. – 178 с. – ISBN 5-02-013361-2.
12. Солонкина, О. В. Психодиагностика в социально-культурном сервисе и туризме / О. В. Солонкина, Д. М. Рамендик – Москва : Academia, 2004. – 224 с. – ISBN 5-7695-1721-2.
13. Шафрановский, И. И. Симметрия в природе / И. И. Шафрановский. – Ленинград : Недра, 1968. – 154 с.
14. Carroll, V. J. Testing Communicative performance. An Interim study / Brendan J. Carroll. – Oxford : Oxford University Press, 1980. – 149 p.
15. Common European Framework for Reference: Learning, Teaching, Assessment. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 260 p.
16. European Portfolio for Student Teachers of Languages / David Newby, Rebecca Alan, Anne-Brit Fenner, Barry Jones, Hanna Komorowska, Kristine Soghikyan. – Graz : European Centre for Modern Languages, 2007. – 89 p.
17. Miller, G. A. Psycholinguistics / G. A. Miller, D. McNeill // The Handbook of Social Psychology. Volume 3: The individual in a social context. – New York : Addison-Wesley press, 1969. – 978 p.
18. Nuttall, C. Teaching Reading Skills in a Foreign Language / Christine E. Nuttall. – Oxford : Macmillan Books for Teachers, 2005. – 282 p.
19. Resource Books for Teachers / Series Editor: Alan Maley. – London : Oxford University Press, 1997. – 167 p.
20. Ryff, C. D. Psychological Well-Being / Carol D. Ryff // Encyclopedia of Gerontology. – 1996. – Volume 2. – Pp. 365–369.

REFERENCES

1. Weyl H. *Simmetriya* [Symmetry]. Moscow: Nauka, 1968. 132 p.
2. Ganzen V.A. *Sistemnye opisaniya v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: LGU, 1984. 176 p.
3. Kepler J. *O shestiugol'nykh snezhinkakh* [The Six-Cornered Snowflake]. Moscow: Nauka, 1983. 123 p.
4. Kuz'min V.P. Historical background and epistemological bases of system approach. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 1982, vol. 3, no. 3, pp. 3–14; vol. 3, no. 4, pp. 3–13. (In Russ.).
5. Kulagin B.V. *Osnovy professional'noi psikhodiagnostiki* [Fundamentals of professional psychodiagnostics]. Leningrad: Meditsina, 1984. 149 p.
6. Lomov B.F. On the system approach in psychology. *Voprosy psikhologii=Issues of Psychology*, 1975, no. 2, pp. 31–45. (In Russ.).

7. Mazilov V.A. *Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavl: YaGPU, 2017. 419 p.
8. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Sistemno-faktornyi analiz v psikhologii* [System- and factor-based analysis in psychology]. Vologda-Kursk, 2019. 180 p.
9. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Sistemnye opisanija tipologii* [System descriptions of typologies]. Vologda-Kursk, 2019. 226 p.
10. Mamedova Zh.S. *Vzaimosvyaz' tsennostnykh orientatsii i vremennoi perspektivy lichnosti: avtoref. dis... kand. psikhol. nauk* [The relationship between value orientations and the time perspective of an individual: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 16 p.
11. Zavalishina D.N., Barabanshchikov V.A. (Eds.). *Printsipy sistemnosti v psikhologicheskikh issledovaniyakh* [The principle of consistency in psychological research]. Moscow: Nauka, 1990. 178 p.
12. Solonkina O.V., Ramendik D.M. *Psikhodiagnostika v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme* [Psychodiagnostics in socio-cultural service and tourism]. Moscow: ACADEMA, 2004. 224 p.
13. Shafranovskii I.I. *Simmetriya v prirode* [Symmetry in nature]. Leningrad: Nedra, 1968. 154 p.
14. Carroll B.J. *Testing Communicative Performance. An Interim Study*. Oxford: Oxford University Press, 1980. 149 p.
15. *Common European Framework for Reference: Learning, Teaching, Assessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Newby D., Alan R., Fenner A.-B., Jones B., Komorowska H., Soghikyan K. *European Portfolio for Student Teachers of Languages*. Graz: European Centre for Modern Languages, 2007. 89 p.
17. Miller G.A., McNeill D. Psycholinguistics. In: *The Handbook of Social Psychology. Volume 3: The Individual in a Social Context*. New York: Addison-Wesley press, 1969. 978 p.
18. Nuttal C. *Teaching Reading Skills in a Foreign Language*. Oxford: Macmillan Books for Teachers, 2005. 282 p.
19. Maley A. (Ed.). *Resource Books for Teachers*. London: Oxford University Press, 1997. 167 p.
20. Ryff C.D. Psychological well-being. In: *Encyclopedia of Gerontology*. 1996. Vol. 2. Pp. 365–369.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОНСТАНТИН БОРИСОВИЧ МАЛЫШЕВ – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА МАЛЫШЕВА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

KONSTANTIN B. MALYSHEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

OLGAA. MALYSHEVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of General Psychology, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

Статья поступила 25.01.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-350-362

УДК 378.14.015.62

**Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников
уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении
чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации
компетентностного подхода в образовательном процессе**

Е. С. ЛОБАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenushka-248@yandex.ru

Т. В. КИРИЛЛОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

В. В. СМЫКОВСКИЙ

УФСИН России по Архангельской области, г. Архангельск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

Реферат

Введение: статья посвящена анализу возможностей и актуальных проблем формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в образовательном процессе учебных заведений с учетом требований компетентностного подхода. *Цель:* на основе обобщения педагогического опыта применения компетентностного подхода в образовании, требований профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, анализа содержания образовательных программ и программ учебных дисциплин определить проблемы формирования готовности курсантов к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в учреждениях уголовно-исполнительной системы и способы их решения. *Методы:* метод теоретического анализа проблемы исследования, теоретические методы формальной и диалектической логики, анализ документов и статистических данных, опрос, интерпретационный метод. *Результаты:* анализ содержания образовательных программ, реализуемых в образовательных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний, требований профессиональной и служебной деятельности, диктуемых повышенным уровнем криминальной опасности лиц, отбывающих наказания в условиях лишения свободы, уровня профессиональной подготовки сотрудников, ожиданий руководителей пенитенциарных учреждений в отношении профессиональной компетентности сотрудников – выпускников образовательных учреждений – показал необходимость реализации комплексного подхода для формирования когнитивного, поведенческого и мотивационно-ценностного компонентов готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах, дополнения профессиональных компетенций, отражающих обсуждаемую готовность, в отно-

шении различных специальностей, регулярности проведения подготовки в данном направлении, особенно на старших курсах обучения. *Выводы:* для эффективного формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы целесообразно уделять внимание не только когнитивному и деятельностному компонентам, на которые преимущественно направлено содержание учебных дисциплин, но и мотивационно-ценностному. Эта работа предполагает наряду с изучением специальных дисциплин организацию психологической подготовки курсантов, что способствует реализации комплексного подхода. Уместно формирование общей профессиональной компетенции курсантов, отражающей аспекты готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств, вне зависимости от получаемой специальности. Важна актуализация знаний и навыков действий при возникновении чрезвычайных обстоятельств на заключительном этапе обучения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : чрезвычайные обстоятельства; готовность к действиям; компетентностный подход; компетентность; профессиональные компетенции; образовательный процесс; образовательная программа; комплексный подход.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Лобанова Е. С., Кириллова Т. В., Смыковский В. В. Актуальные вопросы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в условиях реализации компетентностного подхода в образовательном процессе. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 350–362. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-350-362.

Developing the Readiness of Correctional Officers to Act in Emergency Situations in the Context of Implementation of the Competence-Based Approach in Educational Process

ELENA S. LOBANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenushka-248@yandex.ru

TAT'YANA V. KIRILLOVA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

VASILII V. SMYKOVSKII

Directorate of FSIN Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes possibilities and topical issues of developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in educational process in educational institutions, taking into account requirements of the competence-based approach. *Aim:* to identify problems and ways to address them in the framework of developing cadets' readiness to act in emergency situations in penal institutions; the aim is achieved with the help of the following means: generalization of pedagogical experience in the application of the competence-based approach in education and the requirements of professional activity of penitentiary system staff; and analysis of the content of educational programs and programs of academic disciplines. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, theoretical methods of formal and dialectical logic, analysis of documents and statistical data, survey, interpretation. *Results:* analysis of the content of educational programs implemented in educational institutions of the Federal Penitentiary Service, analysis of the requirements of professional and official activities dictated by the

increased level of criminal danger of persons serving sentences in conditions of deprivation of liberty, analysis of the level of professional training of staff, analysis of the expectations of the heads of penitentiary institutions regarding the professional competence of graduates of educational institutions who are then employed as correctional staff – all this has shown the need to implement a comprehensive approach so as to form cognitive, behavioral, and motivational-value components of readiness for emergency situations, the need to supplement professional competencies that reflect the discussed readiness in relation to various specialties, and the need to conduct regular training in this area, especially in senior courses. *Conclusions:* in order to develop readiness in correctional staff efficiently, it is advisable to pay attention not only to the formation of cognitive and activity-based components, which are mainly focused on the content of educational disciplines, but also to the motivational and value-based components; the formation of the readiness involves, along with the study of special disciplines, organization of psychological training of cadets, which contributes to the implementation of an integrated approach; it is appropriate to develop general professional competence in cadets that would reflect aspects of readiness to act in emergency situations regardless of the specialty obtained; it is important to update the knowledge and skills of how to act in the event of emergencies at the final stage of training.

Key words: emergency situations; readiness for action; competence-based approach; competence; professional competencies; educational process; educational program; integrated approach.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Lobanova E.S., Kirillova T.V., Smykovskii V.V. Developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in the context of implementation of the competence-based approach in educational process. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 350–362. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-350-362.

Введение

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы реализуется в условиях повышенной опасности, неопределенности и рисков, что выдвигает в качестве одного из основных требований к уровню их профессиональной подготовки готовность к организации действий при возникновении внештатных ситуаций кризисного, чрезвычайного характера. За последние несколько лет на объектах УИС чрезвычайные обстоятельства возникали неоднократно, при этом основную их часть продолжают составлять групповые эксцессы и массовые противоправные действия осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

К числу чрезвычайных обстоятельств в УИС относятся групповые неповиновения, массовые беспорядки, захват заложников, побеги из-под охраны, вооруженные нападения на учреждения. При этом ситуации групповых неповиновений, носящие условно пассивный характер, выражающиеся в групповом отказе принимать пищу, выходить из помещения, на работу, групповом акте членовредительства, имеющем демонстративно-шантажный смысл и ставящем целью добиться послаблений режимных требований, могут перерасти в активные разрушительные действия, обладающие высокой

степенью опасности для жизни и здоровья ее участников. Групповые неповиновения могут привести к массовым беспорядкам и сопровождаться пожарами, погромами, драками, расправой с неугодными, взятием заложников. Примером перехода групповых неповиновений в массовые беспорядки являются события, произошедшие в апреле 2020 г. в ИК-15 г. Ангарска ГУФСИН России по Иркутской области. Подобные события характеризуются как стрессогенные, выходящие за пределы норм и установленных правил, что требует от сотрудников умения быстро ориентироваться в обстановке, оценивать ее и прогнозировать дальнейшие события, принимать решения, выполнять регламентированные нормативно-правовыми актами алгоритмы действий по пресечению чрезвычайных обстоятельств, обеспечивать личную безопасность с учетом конкретной обстановки, организовывать взаимодействие не только с сотрудниками УИС, но и с представителями других органов, проявлять навыки самоконтроля и мобилизации ресурсов для выполнения служебных задач в изменившихся условиях и т. д.

Готовность к действиям в экстремальных ситуациях определяется учеными как комплексное явление, не имеющее единого толкования. Так, понятие готовности трактуется

как способности и свойства личности [7], как состояние перед выполнением конкретной деятельности или под влиянием какого-либо фактора [9], как сложное психологическое образование психических процессов, эмоциональных компонентов, мотивов поведения [13], как состояние, сформированное на основе приобретенных знаний, опыта, качеств, а также включающее психологические компоненты, к которым необходимо отнести мотивы, установки, стратегии совладающего поведения и др. [19]

Д. В. Егоренков в структуре готовности к преодолению экстремальных ситуаций выделяет три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный, каждый из которых реализуется через соответствующую ему функцию [3]. В рамках этого подхода мотивационно-ценностный компонент включает в себя совокупность мотивов, установок, приоритетов, ценностей, определяющих отношение к необходимости выполнения деятельности в экстремальных условиях. Когнитивный компонент складывается из системы знаний по анализу ситуации экстремального характера, проектированию и выбору действий в данных условиях, субъективных представлений о выполнении задач, основанных на собственном или чужом опыте работы в ситуациях экстремального характера. Деятельностный компонент проявляется в умениях, навыках решения профессиональных задач, реализуемых в имитируемых и реальных чрезвычайных обстоятельствах, в том числе при принятии решений, организации индивидуальных и совместных действий в составе функциональных групп, взаимодействии с другими участниками ситуации.

Готовность к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств рассматривается как одна из компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы, которая находит отражение в образовательных программах учебных заведений ФСИН России. Ее аспекты формируются в рамках отдельных учебных дисциплин специализации. Однако стоит обратить внимание на то, что перечень этих дисциплин (а следовательно, объем и содержание формируемых знаний) неравнозначен для различных специальностей. Например, в учебных планах для специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность профессиональная компетенция, отражающая готовность сотрудников к действиям при возникновении

чрезвычайных обстоятельств, формируется при изучении таких дисциплин, как «Деятельность исправительных учреждений при чрезвычайных обстоятельствах», «Организация охраны», «Организация конвоирования», «Обеспечение безопасности», «Психологическая подготовка к действиям в экстремальных условиях», «Специальная профессиональная подготовка», в то время как для специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности соответствующие профессиональные компетенции находят отражение в дисциплинах «Психология толпы и массовых беспорядков», «Психология безопасного поведения», «Психология общения и переговоров». Общая дисциплина – «Тактико-специальная подготовка», а также едины учения. Данный факт может отразиться в дальнейшем при выполнении задач служебной деятельности при возникновении чрезвычайных обстоятельств в учреждениях УИС. Безусловно, специальные знания учитываются при назначении на определенные роли, например, психолог обязательно входит в состав группы ведения переговоров, однако в силу объективных ситуативных обстоятельств сотрудник может быть включен практически в любую функциональную группу вне зависимости от специальности по диплому.

Формирование компетенций в рамках учебных дисциплин традиционно реализуется через элементы знаний, умений и владений, поэтому можно сказать, что в образовательном процессе акцент делается на развитии когнитивного компонента, формируются аспекты деятельностного компонента, но не в полной мере реализуются задачи по становлению мотивационно-ценностного компонента готовности к деятельности в чрезвычайных обстоятельствах. Именно когнитивный и деятельностный компоненты проверяются в учебном процессе, поскольку здесь можно определить более конкретные параметры, признаки, подвергающиеся оцениванию в соответствии с измеряемой шкалой.

В целом термин «готовность» в формулировках профессиональных компетенций определяется как совокупность знаний, приемов, правил организации действий, навыков их реализации, то есть «подготовлен» означает «снабжен набором необходимых знаний и умений». Такой подход нивелирует личностную составляющую профессиональной компетентности, что может отраз-

иться на качестве выполнения служебных задач.

В связи с вышеизложенным становятся актуальными задачи по анализу имеющихся условий для формирования компонентов готовности сотрудников УИС к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в образовательном процессе, а также поиску оптимальных и эффективных средств и способов развития личностной профессиональной компетентности в указанной сфере профессиональной деятельности в рамках реализации компетентностного подхода.

Методы

Для реализации поставленных исследовательских задач использовался ряд методов. С целью изучения понятия готовности к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций, современного состояния компетентностного подхода в образовании применялся метод теоретического анализа проблемы. Одновременно осуществлялся анализ статистических данных, отражающих характеристику лиц, содержащихся в исправительных учреждениях ФСИН России, количество преступлений и чрезвычайных обстоятельств, в частности групповых неповиновений и массовых беспорядков, за последние пять лет. При определении содержания профессиональных компетенций, отражающих готовность к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств, применялся анализ документов (образовательных программ, учебных планов, программ дисциплин, реализуемых в образовательных организациях ФСИН России). Для конкретизации содержания компетенций сотрудников, необходимых для реализации задач по пресечению и ликвидации чрезвычайных обстоятельств в учреждениях и органах УИС с учетом должностной категории, использовались результаты констатирующего эксперимента. Дополнительно применялся опрос руководителей учреждений ФСИН России, направленный на выявление их ожиданий и предложений по поводу подготовки курсантов к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств.

Анализ и обсуждение результатов

Чрезвычайные обстоятельства на объектах УИС, к числу которых относятся групповые неповиновения, массовые беспорядки, захваты осужденными заложников, побеги

из-под охраны, вооруженные нападения на учреждения, представляют собой криминальные явления повышенной общественной опасности. Они характеризуются открытостью и демонстративностью действий, физическим и психологическим насилием, причинением материального вреда с целью оказать давление на администрацию, представителей власти; создают реальную угрозу безопасности общества, сотрудников учреждения, лиц, осужденных к лишению свободы; приводят к непредсказуемым криминальным последствиям, дезорганизации деятельности учреждений УИС, для ликвидации чего необходимы огромные затраты человеческих и материальных ресурсов. Об этом свидетельствуют массовые беспорядки, произошедшие в Кировоградской воспитательной колонии ГУФСИН России по Свердловской области, ИК-5 УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Жигулевской воспитательной колонии ГУФСИН России по Самарской области.

Несмотря на снижение общей численности лиц, осужденных к лишению свободы, можно отметить ежегодное ухудшение их криминогенной характеристики. Согласно данным, опубликованным на официальном сайте ФСИН России, на протяжении шести лет растет такой показатель, как уровень преступности на 1000 чел. спецконтингента: с 1,59 в 2015 г. до 2,59 в 2020 г. Несмотря на снижение количества осужденных с 671 649 в 2015 г. до 482 888 в 2020 г., увеличилось число совершенных в исправительных учреждениях преступлений (с 838 в 2015 г. до 1011 в 2020 г.). Изменение количества преступлений по ч. 3 ст. 321 УК РФ (действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения) не имеет четкой тенденции (в 2015 г. – 13, в 2016 г. – 8, в 2017 г. – 6, в 2018 г. – 13, в 2019 г. – 17, в 2020 г. – 13).

Большая часть содержащихся в исправительных учреждениях осужденных – это лица, криминально зараженные, зачастую социально и психологически неблагополучные. Риск возникновения по их инициативе опасных ситуаций существует постоянно, вне зависимости от условий отбывания наказаний.

Согласно статистическому анализу правонарушений и преступлений в пенитенциарных учреждениях различных стран одним из наиболее опасных деяний является нападение на персонал. При этом наименьшее значение показателя зафиксировано в

России (0,5 %), наибольшее – во Франции (24,61 %). Проблемы с безопасностью персонала имеют место в таких странах, как Франция, Латвия, Испания и Великобритания. К опасным преступлениям относятся побег из-под стражи или при конвоировании. Так, в Норвегии доля побегов составляет 1,05 % от общего количества правонарушений и преступлений, в США – 0,585 %, в Латвии – 0,027 %, в Великобритании – 0,013 %, в России – 0,004 %. Низкие величины данных показателей могут интерпретироваться как свидетельство высокого уровня действий

сотрудников при возникновении чрезвычайного обстоятельства [4, с. 20–21].

Согласно сведениям управления охраны и конвоирования ФСИН России количество побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, из-под охраны временных караулов в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения с 2016 по 2020 г. составило два случая. В таблице приведена статистическая информация о чрезвычайных обстоятельствах в УИС за последние пять лет.

Таблица

Сведения о количестве случаев массовых беспорядков и групповых неповиновений осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в учреждениях УИС

Чрезвычайные обстоятельства	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Массовые беспорядки	2	2	3	2	1
Групповые неповиновения	20	13	21	20	12
Всего	22	15	24	22	13

Несмотря на относительно низкие значения показателей указанной преступности и снижение количества случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств в учреждениях ФСИН России, они имеют место быть. Следовательно, вопрос о выработке у сотрудников умений оперативно и эффективно действовать в ситуациях кризисного, экстремального характера остается актуальным.

В вопросе о готовности важно обратить внимание не только на необходимость быстрого включения в ситуацию, но и на важность сохранения физической и умственной работоспособности в течение длительного времени [16; 20], поскольку чрезвычайные обстоятельства могут длиться довольно долго. Так, например, в зарубежной практике (США) известны случаи двух- и четырехдневного бунтов в пенитенциарных учреждениях, унесших жизни 33 и 43 чел. соответственно. В современной истории России на особом месте стоят массовые неповиновения в ИК-2 г. Салават ГУФСИН России по Республике Башкортостан, где обстановка стабилизировалась силами и средствами нескольких территориальных органов ФСИН России более месяца.

Таким образом, формирование аспектов готовности к действиям в экстремальных ситуациях у сотрудников УИС остается необходимым условием успешной реализации ими профессиональной деятельности.

При этом становятся актуальными вопросы о возможностях такого формирования с учетом современных требований образовательного процесса. Представляется целесообразным проанализировать образовательные программы на предмет отражения в них задач по формированию изучаемого вида готовности, а учебные планы, содержание программ дисциплин и условий образовательного процесса – в ракурсе требований компетентностного подхода.

Реализуемый в настоящее время компетентностный подход в образовании соответствует современным международным требованиям и нацелен на достижение результата, выражающегося в развитии личности, профессионализации, самореализации. Проблема изучения компетентностного подхода в педагогике отражена в работах И. А. Зимней, А. В. Хуторского, Л. М. Митиной, А. К. Марковой и др. Идеи компетентностного подхода в рамках высшего образования исследовались В. И. Байденко, В. Д. Шадриковым, С. В. Шмелевой и др.

В исследованиях И. А. Зимней понятие «компетентность» рассматривается как совокупность личностных, мотивационно-ценностных и когнитивных составляющих [5]. А. В. Хуторской определяет компетенцию как «задаваемую по отношению к определенному кругу предметов и процессов необходимую совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений,

способов деятельности, системы ценностей и отношений), обеспечивающую ее потенциальную способность продуктивно решать определенный класс задач» [15].

Компетентность рассматривается не просто как набор компетенций, система знаний, реализуемых в определенной сфере деятельности, – ученые подчеркивают важность именно личностной ее составляющей. Так, В. И. Назаров и Г. А. Засобина выделяют личностно-профессиональную компетентность как комплексную характеристику развивающейся личности специалиста, которая обеспечивает высокие результаты его профессиональной деятельности, а также саморазвитие и самоопределение в профессии [12].

Как отмечает Л. В. Куклина, компетентный подход в образовании предполагает его приоритетную ориентацию на цели, конечный результат, в качестве которых в системе профессионального образования выступает компетентный специалист, обладающий всеми необходимыми компонентами, способный принимать решения в ситуациях профессиональной деятельности с высокой степенью неопределенности [8].

Необходимо подчеркнуть, что формированию личностного компонента профессиональной компетентности по сравнению с когнитивным в образовательном процессе уделяется меньше внимания. Так, состав формируемых профессиональных компетенций традиционно определяется как перечень необходимых знаний, умений и навыков, поскольку именно они в первую очередь отражают содержание науки и практики и контролируются в учебном процессе.

Трудности возникают в сфере формирования и оценки развития личностного компонента. Формирование личностных свойств, как правило, рассматривается в качестве задачи психологической подготовки, и действительно сложно составить педагогический инструмент, измеряющий уровень сформированности личности как составляющей профессиональной компетентности. Даже оценка сформированности когнитивного компонента не дает точной картины, поскольку она осуществляется в учебной, а не в реальной практической ситуации профессиональной деятельности. Перечисленные моменты актуальны для большинства формируемых профессиональных компетенций, но в отношении развития готовности к деятельно-

сти в экстремальных условиях становятся еще более выраженными.

А. А. Герасимов рассматривает подготовку сотрудников УИС к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств как «системный процесс, направленный на формирование у сотрудников необходимых компетенций и профессионально важных качеств личности, способствующих осуществлению грамотных и эффективных действий в случаях возникновения чрезвычайных обстоятельств». Им подчеркивается, что наибольшая часть подготовки сотрудников УИС к действиям при чрезвычайных обстоятельствах осуществляется при проведении служебной подготовки по месту службы, а примерно треть всего объема подготовки – в ходе реализации программ высшего и дополнительного профессионального обучения в образовательных учреждениях ФСИН России.

В опубликованных в 2017 и 2019 гг. результатах эмпирических исследований, направленных на изучение мнения сотрудников УИС о качестве подготовки к деятельности при возникновении чрезвычайных обстоятельств, в рамках обсуждаемой темы представляют интерес следующие моменты: 43 % опрошенных указали на «необходимость пересмотра содержания учебных и учебно-тематических планов служебной подготовки сотрудников УИС в части увеличения занятий по направлению правовой и психологической подготовки», около 70 % респондентов подчеркнули «необходимость организации комплексного обучения сотрудников к действиям при чрезвычайных обстоятельствах как в образовательных организациях ФСИН России, так и в ходе служебной подготовки» [2, с. 87].

С целью формирования компонентов готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств традиционно реализуется практическое обучение [17, с. 64–73], методы которого позволяют создать у обучающихся четкое представление об алгоритме действий в экстремальных условиях, направленных на решение конкретных задач, развивают практические навыки [18]. Практическая работа в этом случае заключается в выполнении обучающимися функциональных обязанностей в составе сводных отрядов в течение продолжительного времени и в условиях, максимально приближенных к реальным [6]. Практические тренировки и упражнения представля-

ют собой комплексные занятия по закреплению теоретических знаний и выглядят как система учебных ситуаций, которые могут возникнуть в условиях чрезвычайных обстоятельств [11].

Важным при реализации компетентного подхода является развитие когнитивных способностей в части умения оперативно анализировать информацию, определять главную, второстепенную и недостающую составляющие в информационном потоке, устанавливать причинно-следственные связи, делать прогноз развития ситуации, принимать обоснованные решения с учетом имеющихся ресурсов и особенностей ситуации в условиях недостатка информации о реальной обстановке. Для этого наиболее эффективны, как представляется, методы активного и проблемного обучения. Так, для развития у курсантов оперативного мышления и формирования практических действий в чрезвычайных обстоятельствах В. В. Манышев и А. А. Брагин предлагают использовать деловую игру, поскольку она позволяет организовать работу по поиску решения проблемной ситуации. Авторы отмечают, что «приемами и способами для создания проблемных ситуаций будут являться побуждение курсантов к объяснению условий сложившейся оперативной обстановки, непосредственно сама оценка обстановки и решение противоречий между возможными способами выполнения поставленной задачи». В зависимости от своей сложности деловая игра предполагает анализ оперативной обстановки, проведение расчетов и выбор решения в рамках конкретного случая, выполнение определенных должностных обязанностей сотрудников оперативного штаба в процессе разыгрывания ролей, возможность психологически подготовиться к решению задач, возникающих в реальной обстановке, и в целом обеспечивает наглядность принимаемых решений и их последствий при имитации оперативной обстановки [10, с. 23–24]. Примером деловой игры, применяемой в рамках подготовки сотрудников к действиям при чрезвычайных обстоятельствах, является разработанная сотрудниками Самарского юридического института ФСИН России игра «Побег из мест лишения свободы или из-под стражи» [1].

В учебном процессе невозможно полностью воссоздать потенциально опасную и реалистичную экстремальную ситуацию со всеми деталями и особенностями об-

становки, и, как следствие, не проявляются естественные психологические реакции обучающихся в ответ на угрозу, необходимость принимать решения и действовать в условиях рисков и неопределенности. Поэтому обучающийся не может осознать собственные реальные ресурсы и ограничения для осуществления деятельности в нестандартных критических обстоятельствах. В качестве основных направлений подготовки сотрудников ФСИН России к действиям в экстремальных ситуациях рассматриваются создание при обучении условий, близких к таковым, и «глубокая актуализация социальной значимости решаемых задач в экстремальных условиях исполнения служебных обязанностей» [14]. При этом возникает вопрос о том, как это реализовать на практике, поскольку смоделировать можно лишь часть предметной, информационной и психологической обстановки. Стоит отметить, что в качестве фактора психологического напряжения у обучающихся в подобных моделируемых обстоятельствах в большей степени будет выступать ситуация экспертной оценки действий со стороны преподавателя, нежели ощущение угрозы жизни и здоровью, так как реальной опасности в учебной ситуации не существует.

Для определения актуальных задач по совершенствованию процесса подготовки будущих сотрудников органов и учреждений УИС целесообразно проанализировать имеющиеся проблемы, недочеты, которые усматривают непосредственно в своей деятельности по предупреждению и пресечению чрезвычайных обстоятельств практикующие сотрудники, выпускники образовательных учреждений. С этой целью В. В. Смыковским было проведено эмпирическое исследование, анализ результатов которого, а также опыт практической работы позволили нам определить некоторые проблемы, обозначенные на уровне компетентности сотрудников разных должностных и функциональных категорий.

Компетенция органов управления включает в себя набор знаний, практического опыта и личностных качеств руководителей, входящих в орган управления учреждения ФСИН России, позволяющих качественно решать задачи координации и контроля для стабилизации оперативной обстановки в учреждении или пресечения и ликвидации чрезвычайных обстоятельств. Данная компетенция предполагает развитие ана-

литическое мышление, прогностические способности, умение делать выбор среди альтернативных вариантов с оценкой каждого из них, умение принимать решение, четко его формулировать и доводить до начальников функциональных групп, контролировать его выполнение, планировать тактику и стратегию действий с учетом поступающей информации и оценкой имеющихся ресурсов и т. д.

Компетенция среднего начальствующего состава соответствует обязанностям руководителя функциональной группы, формируемой в условиях чрезвычайных обстоятельств. Данная роль заключается в управлении временно подчиненными исполнителями для выполнения задач, поставленных органом управления по стабилиза-

ции оперативной обстановки в учреждении ФСИН России или пресечению и ликвидации чрезвычайных обстоятельств.

Компетенция исполнителя предполагает наличие знаний, навыков, практического опыта, психологических свойств у сотрудника, входящего в ту или иную функциональную группу, формируемую в соответствии с характером выполняемых задач по стабилизации оперативной обстановки в учреждении ФСИН России или пресечению и ликвидации чрезвычайных обстоятельств.

Указанные три компетенции были сформулированы на основании эмпирического исследования. Они обнаруживают взаимосвязь в процессе пресечения и ликвидации чрезвычайных обстоятельств в учреждениях УИС, как это показано на рисунке.

Рис. Схема взаимодействия компетенций сотрудников УИС при пресечении и ликвидации чрезвычайных обстоятельств через своих носителей

В рамках обучения курсантов в образовательных учреждениях ФСИН России преимущественно реализуются задачи по формированию компетенций исполнителей и среднего начальствующего состава. В связи с этим в программы дисциплин включают задачи для получения знаний о тактико-технических характеристиках и порядке применения вооружения и специальных средств, используемых подразделениями уголовно-

исполнительной системы, тактике действий служебных нарядов и элементов оперативной группировки при выполнении задач в условиях чрезвычайных обстоятельств и при ведении специальной операции, основных положениях по организации и ведению специальных операций на объектах ФСИН России, а также умений индивидуально и в составе подразделений выполнять оперативно-служебные и служебно-боевые за-

дачи в любых условиях обстановки, оценивать оперативную обстановку, принимать целесообразные решения в роли начальников групп боевого порядка при ведении специальных операций, грамотно ставить задачи подчиненным, организовывать деятельность служебных нарядов и элементов оперативной группировки при выполнении задач при чрезвычайных обстоятельствах и при проведении специальных операций и руководить ею, навыков управленческой деятельности в условиях чрезвычайных обстоятельств и т. д.

В образовательных программах, реализуемых в учебных заведениях ФСИН России, аспекты готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств отражены в рамках профессиональных компетенций с учетом содержания профессиональной деятельности будущих специалистов. Например, в образовательной программе высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (ведомственная специализация – организация режима в УИС) данная компетенция определена как «способность выполнять профессиональные задачи в особых условиях, чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайных ситуациях, в условиях режима чрезвычайного положения и в военное время, оказывать первую помощь, обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения служебных задач» (ПК-23). В образовательной программе высшего образования по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности соответствующие моменты отражены в ПК-16: «способность эффективно взаимодействовать с сотрудниками правоохранительных органов, военными специалистами по вопросам организации психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности, в том числе в условиях террористических актов, массовых беспорядков, чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, катастроф и боевой деятельности».

Возможно, данный факт является причиной того, что во время тактико-специальных занятий в процессе служебной подготовки в пенитенциарных учреждениях при выполнении обязанностей в составе иных функциональных групп выпускники ведомственных вузов нередко испытывают затруднения. Еще одной причиной возникновения последних может являться тот факт, что ос-

новной (общей для разных специальностей) дисциплиной, ориентированной на формирование обсуждаемой компетенции, является тактико-специальная подготовка, изучение которой, согласно учебным планам, проходит, как правило, на втором курсе. Получается, что при поступлении на службу выпускники обнаруживают так называемые остаточные знания спустя более трех лет после освоения темы. Плюс к этому к выпускным курсам акцент в образовательном процессе делается на дисциплинах специализации, и сами курсанты фокусируют внимание на совершенствовании компетенций, отражающих содержание непосредственно получаемой профессии, а не служебной деятельности.

По прибытии в учреждение выпускники назначаются на должности среднего начальствующего состава, инспекторов отделов режима, охраны и т. д., и им вменяется в обязанности проведение занятий с личным составом по служебной подготовке, инструкторско-методических занятий. Следовательно, в образовательном процессе важно уделять внимание формированию компетенций, отражающих навыки методической и педагогической деятельности в области тактико-специальной подготовки. Отдельное направление подготовки будущих сотрудников УИС составляет формирование управленческих навыков, необходимых для осуществления руководства функциональными группами, организуемыми при возникновении чрезвычайных обстоятельств в учреждениях.

По мнению руководителей ряда учреждений, достичь сформированности элементов готовности курсантов к действиям при чрезвычайных обстоятельствах можно в случае выполнения следующих условий:

- в максимальной мере реализовывать практико-ориентированное обучение на занятиях по вышеперечисленным дисциплинам;
- широко использовать моделирование оперативной обстановки при возникновении чрезвычайных обстоятельств;
- привлекать для проведения занятий практических работников из территориальных органов, в которых подготовка к действиям при чрезвычайных обстоятельствах находится на высоком уровне;
- внести изменения в программы практик курсантов старших курсов, дополнив их участием в тактико-строевых занятиях, прово-

димых в учреждении, а также проведением пробных инструктивных занятий с личным составом учреждений;

– проводить в территориальных органах ФСИН России трехдневные учебные сборы выпускников образовательных учреждений, направленные на совершенствование элементов готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах.

Одной из актуальных проблем современного образования в условиях пандемии является ограниченность возможности реализовать практико-ориентированное обучение в рамках дистанционного подхода, когда акцент делается на изучении теории. Этот факт может негативно отразиться и на уровне сформированности готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Кроме того, в процессе обучения в ведомственных образовательных организациях можно сформировать лишь часть компетенций, отражающих готовность к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Это обусловлено большими перерывами между занятиями такого рода по дисциплинам профиля, а также сложностью освоения материала обучаемыми.

Заключение

Формирование готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств является актуальной задачей, которая реализуется в учебном процессе образовательных учреждений ФСИН России и далее в рамках служебной подготовки сотрудников в пенитенциарных учреждениях. Компетентностный подход, осуществляемый в образовательном процессе, предполагает формирование профессиональных компетенций, в содержание которых включены и компоненты готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Акцент традиционно делается на формировании когнитивного и деятельностного компонентов указанной готовности, которые обеспечиваются за счет теоретического и практического обучения специальным дисциплинам. При этом получаемые знания и навыки в большей степени отражают задачи профессиональной деятельности, соответствующей получаемой специальности. Этот факт имеет одновременно и положительное, и отрицательное значение. С одной стороны, специализированные знания помогают дифференцировать служеб-

ные задачи сотрудников и обеспечивают их эффективное выполнение представителями конкретных профессиональных групп. С другой стороны, отсутствие дополнительных знаний создает препятствия для эффективного выполнения служебных задач в составе иных функциональных групп, индивидуально или в составе подразделений.

Основной задачей и одновременно проблемой формирования готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств является моделирование эпизодов, максимально отражающих реальные ситуации подобных обстоятельств. В связи с этим в образовательном процессе целесообразно использовать методы активного обучения, в частности деловые игры и учения. Однако возможности частого применения подобных методов ограничены по причине их большого удельного веса в тематическом планировании, а также требованиями материально-технического обеспечения (имеется в виду наличие дополнительных специализированных помещений и пространств, необходимость выезда на загородные учебные базы и т. д.).

Наибольшие сложности обнаруживаются в отношении мотивационно-ценностного компонента готовности к действиям при возникновении чрезвычайных ситуаций. Они связаны с поиском оптимальных и эффективных способов его формирования, а также контроля и оценки уровня сформированности. Исследователями и практиками подчеркивается важность организации психологической подготовки в формировании готовности к действиям при чрезвычайных обстоятельствах. Следовательно, возникает вопрос о том, включать указанную психологическую подготовку в содержание учебных дисциплин или реализовывать ее в рамках отдельного направления деятельности психологических служб образовательных учреждений. Тем не менее необходимость комплексного подхода к формированию готовности к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств является обоснованной. Учет наряду с компонентами знаний, умений и навыков формирования профессиональных мотивов, ценностей и профессионально важных качеств позволяет в полной мере реализовать компетентностный подход в образовании.

Проведенный анализ позволил выявить возможности и проблемы формирования готовности сотрудников уголовно-исполни-

тельной системы к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств в учебном процессе образовательных учреждений ФСИН России, значимые с точки зрения реализации компетентного подхода. Рас-

смотренные моменты могут стать темой для обсуждения и условием совершенствования учебно-воспитательного процесса в направлении формирования профессиональной компетентности сотрудников УИС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вотинов, А. А. О применении педагогических интерактивных технологий в процессе профессиональной подготовки будущего офицера УИС / А. А. Вотинов, Е. А. Тимофеева // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия : Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 3 (27). – С. 60–71.
2. Герасимов, А. А. Актуальные вопросы подготовки сотрудников УИС к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств / А. А. Герасимов // Вопросы современной науки и практики. – 2020. – № 2 (3). – С. 86–88.
3. Егоренков, Д. В. Формирование готовности старшеклассника к преодолению экстремальных ситуаций : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Егоренков Дмитрий Владимирович. – Волгоград, 2013. – 25 с.
4. Зарубежный опыт профилактики негативных процессов, происходящих в пенитенциарных учреждениях, и совершения содержащимися в них лицами правонарушений и преступлений : аналитический обзор / Л. Ф. Пертли [и др.] – Москва : НИИ ФСИН России, 2017. – 108 с.
5. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. № 5. – С. 34–42.
6. Кареев, В. В. Тактико-специальные занятия как форма практической подготовки сотрудников ФСИН России к действиям при чрезвычайных обстоятельствах / В. В. Кареев // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы международной научно-практической межведомственной конференции / под общей редакцией А. А. Вотинова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – С. 268.
7. Крутецкий, В. А. Основы педагогической психологии / В. А. Крутецкий. – Москва : Просвещение, 1972. – 255 с.
8. Куклина, Л. В. Особенности становления ключевых компетенций у обучающихся с разной профессиональной направленностью / Л. В. Куклина, И. И. Корягина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 4 (97). – С. 234–243.
9. Левитов, Н. Д. Психология характера / Н. Д. Левитов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1969. – 424 с.
10. Манышев, В. В. Деловая игра как один из способов реализации проблемного обучения в учебном ситуационном центре оперативного управления / В. В. Манышев, А. А. Брагин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2014. – № 2. – С. 22–25.
11. Мачехин, М. С. Массовые беспорядки и групповые неповиновения, совершаемые в исправительных учреждениях: характеристика, причины и меры противодействия : монография / М. С. Мачехин. – Пермь : Пермский институт ФСИН России, 2020. – 105 с.
12. Назаров, В. И. Становление личностно-профессиональной компетентности будущих специалистов в условиях заочного обучения / В. И. Назаров, Г. А. Засобина. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2010. – 216 с. – ISBN 978-5-7807-0848-3.
13. Рудик, П. А. Психология / П. А. Рудик. – Москва : Физкультура и спорт, 1976. – 239 с.
14. Хомяков, О. В. Подготовка сотрудников специальных подразделений ФСИН России по конвоированию к действиям при экстремальных условиях / О. В. Хомяков // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Пермь : Пермский институт ФСИН России, 2018. – С. 356–358.
15. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 59–64.
16. Baldi, K. A. An overview of Physical Fitness of Female Cadets at the Military Academies / K. A. Baldi // Military Medicine. – 1991. – № 10. – Pp. 537–539.
17. Coyle, D. CLIL: Content and Language Integrated Learning / Do Coyle, Philip Hood, David Marsh. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2010. – 184 p. – ISBN 9780521112987.
18. Graevenitz, G. G.-W. Ausbildung des amerikanischen Offiziers. Beispiel: US Air Force Academy / G. G.-W. Graevenitz // Truppenpraxis. – 1988. – № 1. – Pp. 72–75.
19. Smykovsky, V. Opportunities of readiness formation of the criminal-executive system employees to actions in the emergency circumstances / Vasily Smykovsky, Elena Lobanova, Alexander Kiselev // Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference «Psychology of Extreme Professions» (ISPCPEP 2019). – URL: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/ispcpep-19/125909644> (дата обращения: 26.02.2019).
20. Thomas, Y. Woman's Sports and fitness programs of the US Air Force Academy / Y. Thomas // Physician and Sportsmedicine. – 1979. – № 7. – Pp. 59–68.

REFERENCES

1. Votinov A.A., Timofeeva E.A. About the application of interactive teaching technologies in the process of professional training of future officers of the penitentiary system. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*=*Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 2015, no. 3 (27), pp. 60–71. (In Russ.).
2. Gerasimov A.A. Topical issues of training of correctional staff to act in emergency situations. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki*=*Issues of Modern Theory and Practice*, 2020, no. 2(3), pp. 86–88. (In Russ.).

3. Egorenkov D.V. *Formirovanie gotovnosti starsheklassnika k preodoleniyu ekstremal'nykh situatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of high school student's readiness to overcome emergency situations: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2013. 40 p.
4. Pertli L.F. et al. *Zarubezhnyi opyt profilaktiki negativnykh protsessov, proiskhodyashchikh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh, i soversheniya soderzhashchimysya v nikh litsami pravonarushenii i prestuplenii: analiticheskii obzor* [Foreign experience in the prevention of negative processes occurring in penitentiary institutions and the commission of offenses and crimes by incarcerated persons: an analytical review]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. 108 p.
5. Zimnyaya I.A. Key competencies – a new paradigm of education results. *Vysshee obrazovanie segodnya=Higher Education Today*, 2003, no. 5, pp. 34–42. (In Russ.).
6. Kareev V.V. Special tactical classes as a form of practical training of staff of the Federal Penitentiary Service of Russia for actions during emergencies. In: Votnova A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennoy etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi mezhdvodomstvennoi konferentsii* [Penal system at the present stage: the interaction of science and practice: materials of the international research-to-practice interdepartmental conference]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2016. P. 268. (In Russ.).
7. Krutetskii V.A. *Osnovy pedagogicheskoi psikhologii* [Fundamentals of pedagogical psychology]. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 255 p.
8. Kuklina L.V., Koryagina I.I. Features of the formation of key competencies in students with different professional orientation. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Cherepovets State University*, 2020, no. 4 (97), pp. 234–243. (In Russ.).
9. Levitov N.D. *Psikhologiya kharaktera* [Psychology of character]. Third edition, revised and supplemented. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 424 p.
10. Manyshv V.V., Bragin A.A. Business game as one of the ways to implement problem-based learning in the training situational center of operational management. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti=Problems of Law Enforcement Activity*, 2014, no. 2, pp. 22–25. (In Russ.).
11. Machekhin M.S. *Massovye besporyadki i gruppovye nepovineniya, sovershaemye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: kharakteristika, prichiny i mery protivodeistviya: monografiya* [Mass riots and group disobedience committed in correctional institutions: characteristics, causes and measures of counteraction: a monograph]. Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2020. 105 p.
12. Nazarov V.I., Zasobina G.A. *Stanovlenie lichnostno-professional'noi kompetentnosti budushchikh spetsialistov v usloviyakh zaonchnogo obucheniya* [Formation of personal and professional competence of future specialists in the conditions of distance learning]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2010. 216 p.
13. Rudik P.A. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1976. 239 p.
14. Khomyakov O.V. Training of staff of special divisions of FSIN Russia on escorting to act in emergency situations. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sbornik materialov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Penal system and society: experience of interaction: collection of materials of the 5th international research-to-practice conference]. Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2018. Pp. 356–358. (In Russ.).
15. Khutorskoi A.V. Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education. *Narodnoe obrazovanie=Public Education*, 2003, no. 2, pp. 59–64. (In Russ.).
16. Baldi K.A. An overview of physical fitness of female cadets at the military academies. *Military Medicine*, 1991, no. 10, pp. 537–539.
17. Coyle D., Hood P., Marsh D. *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 184 p.
18. Graevenitz G. G.-W. Ausbildung des amerikanischen Offiziers. Beispiel: US Air Force Academy. *Truppenpraxis*, 1988, no. 1, pp. 72–75. (In Russ.).
19. Smykovsky V., Lobanova E., Kiselev A. Opportunities of readiness formation of the criminal-executive system employees to actions in the emergency circumstances. In: *Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference "Psychology of Extreme Professions" (ISPCPEP 2019)*. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ispcpep-19/125909644> (accessed February 26, 2019).
20. Thomas Y. Woman's sports and fitness programs of the US Air Force Academy. *Physician and Sportsmedicine*, 1979, no. 7, pp. 59–68.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ЛОБАНОВА – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenushka-248@yandex.ru

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА КИРИЛЛОВА – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЫКОВСКИЙ – начальник организационно-аналитического отдела УФСИН России по Архангельской области, г. Архангельск, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

ELENA S. LOBANOVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenushka-248@yandex.ru

TAT'YANA V. KIRILLOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at the Research Center of the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

VASILII V. SMYKOVSKII – Head of the Organizational and Analytical Department of the Directorate of FSIN Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

Статья поступила 02.04.2020

JURISPRUDENCE

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-363-369

UDC 34.04

Features of Legal Perception of the Phenomena of Extremism and Terrorism in Different Mental Civilizations: General Theoretical and Historical-Philosophical Aspects

SERGEI S. OGANESYAN

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: orcid.org/0000-0002-7257-7760, e-mail: ossduma@mail.ru**TARIM A. KHAADI**

Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

Abstract

Introduction: the article reveals how extremism and terrorism are perceived in different mental civilizations: paganism (polytheism), monotheism and scientific worldview, from the standpoint of the legal consciousness of ordinary, canonical and secular ethnic groups. The aim is to show that those phenomena which in the modern world are called extremism and terrorism and are subject to criminal punishment were perceived in exactly the opposite way in the mental eras of paganism and monotheism. *Research methods:* we use analysis of historical information about the phenomena of extremism and terrorism in different eras, related to the civilizational mentality of ethnic groups and peoples; we also use generalization (synthesis) of the information obtained. *Results:* revealing the attitude toward the phenomena that are now called “extremism” and “terrorism” in different mental civilizations allows us not only to understand the historically determined nature of these phenomena, but also to build an adequate system to counter them by changing existing approaches and methods. *Conclusions:* modern religious extremists and terrorists represent interests of the religious worldview and the way of life that are leaving the historical arena. Their re-socialization should be carried out taking into account civilizational mentality of religious people, relying primarily on the tolerant capabilities of the Holy Scriptures themselves. In the coming years, against the background of the natural decline of religious extremism and terrorism, there will be a rise of such types of “secular” extremism and terrorism as political, social, racial and linguistic, i.e. all those types of extremism that are listed in Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. In order to counteract these types of extremism, it is necessary, first of all, to develop high legal awareness in citizens; in this regard, it is crucial that educational and psychological services of the Russian Penal System carry out system-wide and purposeful work in this direction.

Key words: extremism; terrorism; monotheism; paganism; scientific worldview; religious wars.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Oganesy S.S., Khaadi T.A. Features of legal perception of the phenomena of extremism and terrorism in different mental civilizations: general theoretical and historical-philosophical aspects. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 363–369. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-363-369.

Introduction

Currently, the world has to deal with many challenges related to the prevention of extremism and terrorism and countering these extremely destructive phenomena, which pose a direct threat to the security of individual countries and the entire world community of nations.

The goal of this article is to show how extremism and terrorism are perceived in different mental civilizations. Hence, one of the most important tasks is to consider the phenomena of extremism and terrorism in retrospect, i.e. how they were perceived in other mental eras. We know that at present the vast majority of people consider these phenomena extremely negative and subject to criminal prosecution.

The topic is undoubtedly relevant, primarily because the demonstration of the attitude toward the phenomena, which are now called extremism and terrorism, in different mental civilizations allows us not only to understand their historically determined nature, but also to build an adequate system of countering them in the modern world, in particular, to change the existing approaches to the re-socialization of incarcerated individuals convicted of religious extremism and terrorism.

The theoretical basis of the study is formed by the point of view that we have previously stated in many publications: the majority of population in its historical development has consistently passed from the mentality of paganism (polytheism) to the worldview based on monotheism, and from it to the scientific perception of the world with the corresponding legal systems [8, 9].

All the norms of behavior (legislative systems) in the first two mental civilizations, which were religious, were predetermined by the worldview, as well as by the rules that were given to people, according to their deep conviction, from outside (external forces) and that were alienated from their independent intellectual activity.

Pagans, perceived the norms and rules they unconditionally adhered to as bequeathed by their ancestors, who after their earthly death became gods and from the other world informed their descendants how they should live in order to avoid suffering and misery; under monotheism, the norms and rules were perceived as binding norms and rules (legislative systems) sent down through the prophets by the One God.

Moreover, it is important to note that ethnic groups and peoples (tribes), judging by the process of human development, passed from one mental stage to another not simultaneously and

not at once, but at different historical times as they matured (mentally and socio-economically), and this transition often lasted several centuries [8, 9].

Paganism with all its trends and directions (animism, fetishism, shamanism, etc.) was and still is the longest mental stage of human communities (families, clans and tribes). Even today, in the most remote corners of the planet, tribes are found that have this very perception of the world.

From the point of view of legal relations, the paganism stage of ethnic groups and peoples defined as the period associated with the operation of the law of custom, that is, the law determined by the customs and traditions observed by the family, clan and tribe. At the same time, without exception, all the norms and rules in them were strictly determined by purely pagan religious views [8, 9].

The next stage is monotheism. The first human community (people) that began to live on the basis of the ideological foundations of monotheism, as is known, was the people of Israel, descending from the twelve sons (tribes) of Jacob. It was the people of Israel that for the first time in the history of mankind began to be guided by the worldview, norms and rules of monotheism, which were transmitted to it through the prophet Moses [8, 9].

Here we will not miss the opportunity to speak about the aphorism that exists in the philosophy of Marxism: "Material existence [of men] determines their consciousness" [7].

The fact is that the people of Israel were informed about the new worldview, as well as about the norms and rules of their proper existence, long before they acquired the opportunity to have this existence in the lands to which the One God led them, that is, it was not their material existence that determined their consciousness when they created their state after forty years in the desert, but a new consciousness, according to the Torah, given from outside by the One God, was being introduced for several decades and became the basis for the people to organize life according to the new norms and rules [12].

However, such a revelation of new principles of the organization of life, anticipating the socio-economic existence of people, is characteristic both of the dogma of Jesus Christ, who sent his apostles and disciples to preach the faith in the One God to the pagan peoples of the whole world, and of the faith that was transmitted by the One God (in Arabic – Allah) through Muhammad to the pagan Arabs, as well as to those human communities that were still in paganism at the time of the revelation of the Quran [3].

Therefore, it is for a reason that the Torah is otherwise called the Law of Moses (or simply the Law). It is also appropriate to recall the words of Jesus Christ, who clearly said to the followers of his faith: "Think not that I am come to destroy the law, or the prophets: I am not come to destroy, but to fulfill" [1].

Then Muhammad was instructed to convey that the Quran is the law book, which all those who have accepted monotheism according to his faith, that is, according to the Sharia (the legal system set out in the Quran) should adhere to: "And thus We have revealed it as an Arabic legislation" [3]. It is no secret that about a tenth of the Quran (about 500 verses of surahs 2, 4 and 5) give instructions related to religious, civil and criminal cases. In full agreement with the Quran, without deviating from its fundamental principles, there is another source of Islamic law – Hadith, i.e. a record about the actions and statements of the Prophet Muhammad and his companions.

The current period of mental development of mankind is conventionally called the civilization of scientific worldview, since the life of the vast majority of our contemporaries is based on the results of their rule-making activities proceeding from the achievements of their own intelligence and cognitive activity, rather than the worldview, norms and rules set out in the holy scriptures of monotheism or the sacred traditions of pagans. The intellectual activity of a modern person covers almost all spheres of their life, from law-making to technological and other spheres, including the spiritual sphere related to culture and art [8, 9].

The fundamental feature of the current mental civilization consists in the fact that it requires a tolerant attitude not only toward the religious views of people, which is enshrined in almost all the constitutions of the so-called secular states, but also to the historically established cultures of ethnic groups and peoples, their uniqueness, racial identity and languages, because the scientific worldview, unlike the religious one, does not recognize monopoly on the truth and focuses on the infinity of the surrounding world and the cognitive activity of the person themselves; moreover, it also shows positive attitude toward such forms and methods of comprehending and achieving the truth as dispute and discussion. Scientific mentality admits the existence of alternative opinions, positions and viewpoints, while religious mentality asserts that only one worldview is right and all the others are heresy and subject to unconditional eradication from the consciousness of people [8, 9].

The beginning of the last mental civilization was laid by the Renaissance (14th–15th centuries), and it was finally consolidated in the Enlightenment (16th–19th centuries), when the ethnic groups and peoples of Europe (England, France, Italy and other states) were struggling against the so-called feudal class oppression and the spiritual dictatorship of the church, and, thanks to their active cognitive activity, managed to move away from the church dogmas about the creation of the world and people and began to form their own views on the surrounding world and the essential nature of man. People's intellectual capabilities, abilities and strong-willed qualities became a measure of their value for society and determined their place in the social hierarchy. Primary importance was assigned to the individual, their abilities and capabilities, followed by rights and obligations [8, 9]. Moreover, many thinkers of the Enlightenment era (J. Locke, R. Descartes, J.-J. Rousseau, etc.) considered the essential nature of man not only as given by God, but also as the result of man's own intellectual efforts, his will and activity.

It is widely known that by the middle of the 18th century, the efforts of such great enlighteners as D. Diderot, Voltaire, O. Comte, I. Kant, and others, eventually led to the appearance of the Declaration of the Rights of Man and the Citizen (1789), and then the first Constitution of France (1795), which marked a complete break from the religious worldview and legislation transmitted through the holy scriptures, and the transition to the so-called secular law [8, 9].

Results

The results of our research more than convincingly show that the attitude of representatives of other mental civilizations toward those phenomena that in the modern world are classified as criminal acts, related, in particular, to extremism and terrorism, is markedly different from ours. In the mental eras of paganism and monotheism, they were seen as a manifestation of valor, bravery, selflessness, loyalty to their people and selfless devotion to God (gods).

To confirm our opinion, we will turn to historical facts relating to the epochs of paganism, monotheism and scientific worldview. Texts of ancient Greek authors show the phenomena of extremism and terrorism as an essential part of the life of not only people, but also a great many gods who were worshipped and revered.

Moreover, neither the extremism of people and their gods, nor their outright terror towards foreigners and their gods was reproached, censured or condemned by pagans. On the

contrary, all these phenomena were perceived as a mandatory attribute of life, without which it was impossible to ensure the well-being of one's family, one's kind and one's tribe.

Let us illustrate this by the example of one of the ancient Greek myths, which is associated with Zeus, the supreme deity of Hellas. Ares, the son of the thunderer Zeus and the goddess of marriage Hera, is the god of war and enjoys fierce battles with an abundance of blood. Ares, with a huge shield in his hand, rushes through the roar of weapons, the screams of warriors, and the groans of the wounded. He is followed by his sons Deimos (terror) and Phobos (fear). The goddess of discord, Eris, and the goddess of murder, Enyo, are constantly at their side. Ares looks at the pile of dead bodies with undisguised glee. [6]

A research by the famous historian Fustel de Coulanges shows a very definite attitude toward violence and intimidation of the enemy in the poleis (cities) of Ancient Greece and Ancient Rome. Based on numerous historical documents, Coulanges in his book *The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome* writes that each of the soldiers who entered the battle was absolutely sure that his "native gods", rather than he himself, were fighting with the gods of the enemy. The warrior called out to his gods: "O gods, sow terror and evil among our enemies. Deprive them and all who inhabit their lands and cities of sunlight. Let their cities, their fields, their heads be given to you" [5, p. 203].

Therefore, it is for a reason that pagans did not have any moral restrictions and barriers in relation to foreigners. A foreigner could not count on mercy and justice. These concepts existed exclusively for their fellow tribesmen. Foreign prisoners could be killed, and the wounded had to be finished off. The Consul Marcius publicly boasted that he had deceived the king of Macedonia. Aemilius Paulus sold into slavery a hundred thousand inhabitants of Epirus, who voluntarily surrendered. The Lacedaemonian Phoebidas captured the fortress at Thebes after peace had been concluded. Agesilaus II was asked about the justice of Phoebidas' act, and the king gave the following answer: "Every action that is useful for our fatherland is correct" [5, p. 207].

Let us provide another example. After defeating the inhabitants of Mytilene, the Athenians decided to exterminate all the Mytilenians. They would have destroyed everyone without exception, if they had not changed their previous decision the next day. They executed only a thousand inhabitants and confiscated all their lands. And after the conquest of Plataea,

they killed all the men and sold women and children into slavery: "The war was waged not only against the warriors, it was waged against the entire people – men, women, children, slaves. The war was waged not only with people, but with fields and crops. Fields were burned, trees were cut down; the enemy's harvest was almost always dedicated to the underground gods, and therefore burned" [5, p. 208].

Moreover, the cattle and even the crops of the enemy were mercilessly destroyed by the conquerors precisely in the name of their native gods, to whom all this was sacrificed, because, according to pagan beliefs, only native ancestral gods were able to ensure the well-being of their descendants on earth.

The war wiped out entire settlements. The area around Rome has become a desolate space. In particular, 53 cities of Latium and 23 cities of the Volsci were destroyed. In their place, over time, the Pontine Marshes were formed [5].

It is well known that the beginning of the Christian period in the history of the Roman Empire was also marked by the most severe persecution of Christians by the pagan Romans. On the orders of the authorities, Christians were sought out and killed not only by the soldiers of Rome, but also by ordinary citizens. So, by order of Marcus Aurelius, Christians who did not renounce their faith were not only executed en masse, but also thrown to wild animals, to the enjoyment of the spectators [11].

On another continent, the pagan Indians at a much later historical time (1,500 years after the events in the Roman Empire) had the same mentality as their ancient Roman pagan counterparts.

Thus, in his work *Everyday Life of the North American Indian*, the famous researcher of the life and customs of the Indians of North America Jon Manchip White provides many examples of the activities of the 17th century Indians that can be called openly extremist and terrorist from the point of view of modern people. [13]

The desire for domination over other tribes formed the moral basis of the Indians. For example, the tribes of the Iroquois and the Cherokee in bloody battles tried to subdue the related tribes of the Hurons, whom they almost completely exterminated. The Iroquois and the Cherokee left no Indians alive on the shores of Lake Huron. They also almost completely destroyed the Delaware, Nanticoke, Shawnee, and Shushank tribes that were settled in the Lake Erie area [13].

As for the civilizational mentality of monotheists, that is, Jews, Christians, and Mohammedans (Muslims), then among the earliest re-

corded terrorist organizations we can name the sect of the Sicarii (daggermen), which existed in Judea in the first century. [2]

Members of the sect terrorized members of the Jewish nobility who advocated peace with the Romans. They accused them of apostasy from the covenants of the all-powerful God of Israel and of betraying the interests of the people. Having fully devoted themselves to the service of the One God, they took the path of martyrdom, believing that after the overthrow of the Romans, an all-powerful God would appear to His people and deliver it from the torments and sufferings coming from Rome. Naturally, the Sicarii were perceived by the people of Israel as true defenders of the faith and the native people. They were admired and revered. [2]

The activity of the medieval Spanish Inquisition is the most striking example of the attitude of monotheistic Christians toward persons whom they considered heretics.

It is well known that during the period from 1481 to 1498, almost 10 thousand people were burned at the stake of the Spanish Inquisition, 6.5 thousand were burned after execution by strangulation, about 100 thousand more were subjected to confiscation of property, were imposed church punishments and exiled to hard labor [4].

Bloody deeds of the Spanish Duke of Alba, who was appointed governor of Spain in the Netherlands (1567–1573) are also widely known. Alba arrived in the Netherlands with instructions from King Philip II to maintain the true Catholic faith in all its rigor, for which it was decided to arrest and execute the most respected citizens of the country, having confiscated all their property in favor of Spain [4].

Within three months, the Duke of Alba sent to the scaffold up to 1,800 of the noblest citizens of the Netherlands. The slightest suspicion and even outright slander served as a basis for the death sentence and property confiscation. The people had to be kept in constant fear and unquestioning obedience, and here the decisive factor was the religious (Catholic) views of the King of Spain, who imagined himself a true guardian of the church foundations [4].

On February 16, 1568, an exceptional event occurred in world history: King Philip II sentenced the entire three million population of the Netherlands to death because of apostasy. The Inquisition Court unanimously accepted the king's proposal. The Duke of Alba drew up a list of the first 800 honorary citizens of the Netherlands to be executed, hanged and burned immediately after the Holy Week. The sentence was carried

out. Men were burned at the stake all over the country, and women were buried alive [4].

We will not dwell on the numerous facts of extremism and overt terror that took place in the Middle Ages and in such enlightened countries as France, England and Germany. The facts are well-known and do not need any comments.

Widely known are the actions of the Oprichnina during the reign of the extremely pious Ivan the Terrible, under whom a system of search, inquiry and execution was built, which was based on the deliberate infliction of suffering on the accused. For example, one of the most common methods of obtaining information about a crime was such an unbearably heavy punishment as "questioning on the rack".

The most terrible tortures were considered, firstly, as an effective way to obtain a confession, and secondly, as a form of severe corporal punishment for crimes, but the tortures themselves were never considered criminal acts that were subject to condemnation by society. The will of the Great Maker, who dwells in heaven, and of his anointed one, who reigns on earth (even within the limits of one state), was sacred and not subject to doubt.

Among the terrorist organizations associated with the Mohammedan (Muslim) faith, one can name the Assassins, who at the beginning of the 11th century significantly developed the art of secret warfare and expanded the practice of sabotage and the use of violent means to achieve the goal [10].

So, around 1090, the spiritual leader of the Assassins Hassan-i-Sabbah captured the Alamut Castle (present-day Iran) to the north of Hamadan. For almost a century and a half, the followers of Hassan-i-Sabbah terrorized all the ruling dynasties in the territory from the Persian Gulf to the Mediterranean Sea. They destroyed hundreds of caliphs, sultans and military leaders, and mercilessly killed representatives of the Islamic clergy who, in their opinion, had departed from the precepts and will of the Almighty [10].

If before the beginning of the Renaissance, Enlightenment and Reformation, extremism and terrorism were directly associated with the religious views of ethnic groups and peoples, as well as individual groups of people (heretics, sectarians, etc.), then with the emergence of a mental civilization with a scientific worldview, they began to acquire a pronounced political, social, linguistic, racial and other so-called secular character.

Historical facts more than clearly indicate that almost all wars before the transition of peoples to the mental stage of scientific per-

ception of the world were, as a rule, religious. It could not be otherwise: the religious worldview, as well as the norms and rules of behavior it dictates, covered and permeated all spheres of people's lives [15, 16].

Mass terror, no longer religious, but purely political, was directly linked to the events of the Great French Revolution (1789–1795). Robespierre, who was its main ideologue, made terrorism a state policy aimed at destroying the aristocracy as a class. It is no coincidence that the term "terror" in its modern meaning began to be used only since the end of the 18th century, that is, since the time of the Great French Revolution. It became widely used in the political sphere in 1848 to denote the actions of Republican revolutionaries and nationalists in Italy and Spain, and then became widespread in other countries of the world [8].

Let us recall that numerous attempts on the lives of leading politicians in Europe and America were made purely on political grounds in the 19th and 20th centuries. We can mention the well-known facts of assassination of American Presidents McKinley and Garfield. The assassination of French President Carnot in 1894 is also among the purely political ones. In 1897, Antonio C novas, Prime Minister of Spain, was assassinated, in 1898 – the Empress Elisabeth of Austria, in 1900 – the King Umberto of Italy.

The list of murders that are not related to the religious views of terrorists can be continued, but we would like to cite the opinion of the famous political scientist and sociologist Samuel Huntington who pointed out that after the Peace of Westphalia (1648) and before the beginning of the First World War, conflicts between states in the Western world, and more precisely between the rulers of states, unfolded for the purpose of obtaining new territories and strengthening the economic power of their countries; as for all modern and future conflicts, they will be ideological in their essence [14]. In general, we agree with S. Huntington's viewpoint, our only objection to this is that the struggle will be between Western and Eastern civilizations. We are deeply convinced that the struggle previously, as today, unfolded and is unfolding within the countries themselves in connection with their transition from one civilizational mentality to another. In the history of Russia, this most difficult breakup at the initial stage of the transition from paganism to monotheism is vividly depicted in the expression "Putyata baptized Russia by sword, and Dobrynya – by fire".

Today, the transition from a religious mentality to a scientific worldview with its corresponding routine is going on with difficulties typical of transition periods among ethnic groups and peoples of Southeast Asia. Today, this struggle (against armed conflicts and terrorist attacks) has become global only in connection with unprecedented integration and migration processes, which, as we see it, are caused by the demographic explosions of the 20th and 21st centuries. Today, Earth's population is about eight billion people, and they are beginning to view themselves more and more as a single organism that is fundamentally different from the rest of the living world of our planet.

If before the beginning of the 20th century, the transition from one mental civilization to another, as a rule, took place within the framework of individual states, without acquiring an international, and even more so a planetary scale, then since the beginning of the 20th century we observe the so-called globalization. Let us not forget that the formation of international law itself occurred precisely in the middle of the 20th century, when the United Nations was created in 1945, and which now includes 193 countries.

The most telling example of globalization of the intra-state civilizational conflict can be found in the processes taking place in modern Syria, where religious radicals and fundamentalists opposed the legitimately elected power represented by Bashar al-Assad, and countries that have their own geopolitical, economic and other interests in Syria intervened in the internal affairs of the republic.

As for Russia, political and social extremism and terrorism was particularly evident in the activities of numerous organizations of Russian revolutionaries-*raznochintsy* [people of miscellaneous ranks. Translator's note] in the period from the mid-19th to the beginning of the 20th century, which led to the Great October Socialist Revolution.

Conclusions

The first conclusion is that the existing so-called religious extremists and terrorists are representatives of the religious worldview and the corresponding way of life that are leaving the historical arena. Religious extremists and terrorists represent the position of religious fanatics, which has its origin in the religious mentality of the corresponding society. At the same time, one or another ethnic group or people, despite belonging to a religious mentality, cannot be characterized as extremist. The re-socialization of religious extremists and terrorists must be carried out taking into account the civilizational mentality, relying primarily on the tolerant ca-

pabilities of the Holy Scriptures themselves, in particular the Torah, the New Testament and the Quran. It is well known that the Quran considers these scriptures as three messages to humanity from the One God. The implementation of this activity requires the training of special personnel, and from among not only the clergy, but also employees of psychological and educational services of the penal system [15].

The second conclusion is that in the coming years, against the background of the natural extinction of religious extremism and terrorism, there will be an increase in such types of secular extremism and terrorism as political, social, racial and linguistic, that is, all those types of extremism listed in Articles 2780 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation. Countering them requires, first of all, high legal awareness of citizens and the systematic and

purposeful work of the educational and psychological services of the penal system.

Is it acceptable to consider the perception of extremism and terrorism in different mental civilizations as one of the important ways of forming the so-called political genesis, as well as legal genesis? Undoubtedly. We think that such a conclusion proceeds directly from the comparison of the legal consciousness of ethnic groups and peoples standing at different levels of mental civilizational development. And this, in turn, gives the state authorities a reason to use the above-mentioned approaches to the perception of extremism and terrorism in different mental civilizations for the purpose of developing theoretical and practical foundations to counteract and prevent these phenomena, which are perceived by modern society as extremely negative and subject to criminal prosecution.

REFERENCES

1. *Bibliya: knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta (kanonicheskie): v russkom perevode s parallel'nymi mestami: perepechatano s Sinodal'nogo izdaniya* [The Bible: the Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments (canonical): in Russian translation with parallel places: reprinted from the Synodal edition]. Moscow: Ob"edinennye bibleiskie obshchestva, 1992. 292 p.
2. *History of terrorism*. Available at: <https://www.masu.edu.ru/antiterror/history> (accessed February 12, 2021). (In Russ.).
3. *Koran: perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Porokhvoi / glavnyi redaktor Mukhammad Said Al'-Roshd* [The Quran: translation of meanings and comments by Iman Valeria Porokhova. Editor-in-chief Muhammad Said Al-Roshd]. 10th edition, supplemented. Moscow: RIPOL klassik, 2007. 799 p.
4. *Fires and tortures: how the Inquisition passed the death sentence on all the inhabitants of the Netherlands*. Available at: <https://www.vokrugsveta.ru/article/286617/> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
5. *Coulanges F. Drevnii gorod: religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima* [The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 414 p.
6. *Myths of Ancient Greece*. Available at: <https://grekomania.ru/articles/mythology> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
7. *The real meaning of philosophical aphorisms*. Available at: <https://Arzamasarzamas.academy/materials> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
8. Oganessian S.S., Rumyantsev N.V. *Mirovozzrencheskoe edinstvo svyashchennykh pisanii edinobozhiya – metodologicheskaya osnova profilaktiki i protivodeistviya religioznomu ekstremizmu i terrorizmu* [Worldview unity of the holy scriptures of monotheism – a methodological basis for preventing and counteracting religious extremism and terrorism]. Moscow: NIIT FSIN Rossii (Tver'), 2019. 182 p.
9. Oganessian S.S. Holy scriptures on the inevitability of the transition from religious law to secular law. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy=Representative Power – 21st Century: Legislation, Commentary, Problems*, 2018, no. 1–2, pp. 30–34. (In Russ.).
10. *The first myth about the Assassins*. Available at: <https://assassins23.wordpress.com/2013/05/28/pervyi-mif-ob-assasinakh/> (accessed: February 12, 2021). (In Russ.).
11. Svetsitskaya I.S. *Pervye khristiane i Rimskaya imperiya* [First Christians and the Roman Empire]. Moscow: Veche, 2003. 378 p.
12. *Tora (Pyatknizhie Moiseevo)* [Torah (The Five Books of Moses)]. Russian translation edited by P. Gil'; under the general editorship of G. Branover. Moscow: Art-biznestsentr: Shamir, 1993. 1135 p.
13. White J.M. *Indeitsy Severnoi Ameriki. Byt, religiya, kul'tura* [Everyday Life of the North American Indian]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2006. 251 p. Available at: <https://historylib.org/historybooks/Indeitsy-Severnoy-Ameriki--Byt--religiya--kultura-/> (accessed February 12, 2021).
14. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2021. 640 p.
15. Dunn R.S. *The Age of Religious Wars, 1559–1689*. New York: W. W. Norton & Co., 1970. 244 p.
16. Livet G. *Les guerres de religion (1559–1598)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. 128 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, State Councilor of the Russian Federation, 1st class, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>, e-mail: ossduma@mail.ru

TARIM A. KHAADI – applicant for a Candidate of Sciences (Pedagogy) degree at the Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, vice-president of the Fund "Intellect i dukhovnost'". ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3695-452X>, e-mail: tarim.khadi@mail.ru

Received February 22, 2021

Conceptual Issues of the Goals of Punishment

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the goals of punishment, their essence, evolution, and modern legal and doctrinal interpretation; these issues are among fundamental problems of penitentiary science. Aim: to study the legal nature, social conditionality, and achievability of the goals of punishment so as to identify their compliance with the modern criminal policy of Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. We use methods such as analysis, synthesis, comparative legal, retrospective, formal legal, logical, comparative methods; all of them are commonly used by the sciences of criminal law and criminology. We also apply private scientific methods such as the legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. *Results:* we conclude that the time has come to change the conceptual foundations on which the institution of the goals of punishment is based. We believe it is necessary to prevent crimes by combining criminal responsibility with education and prevention. The level of recidivism, the empirical non-verifiability of reformation, and the scientific inconsistency of the phrase "restoration of social justice" (how can we restore what should be an unshakable axiological guideline?) indicate that Russian penology should radically revise the existing punitive paradigm. The paper substantiates the thesis that no goal of punishment in the current form is fully achievable. It is known that general prevention is based on fear. However, according to criminological studies, those who are inclined to commit crimes, as a rule, are not afraid of punishment (their contempt for punishment, law and society as a whole is obviously cultivated by the criminal subculture). And law-abiding people do not commit crimes because of their inner beliefs, upbringing and culture. Thus, general prevention as a goal is ineffective. Reformation and special prevention are too formalized and do not assume scientifically verifiable (at least, legally enacted) criteria for their achieving, that is, the state of reformation itself. With regard to the restoration of social justice, this formulation seems absurd due to a misunderstanding of justice as such. In our opinion, it is an objectively established axiological system, which essentially cannot be violated by a crime, but represents a standard and a measure of evaluation. It is for a reason that it is legally defined as a requirement for a court sentence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The goal of punishment ultimately consists in the punishment itself and in the implementation of its functions (punishment, retribution, public condemnation of the crime, protection of society from criminal encroachments). *Conclusions:* the present research has substantiated the necessity to carry out a legislative reform of the concept of the goals of punishment. We find this problem quite relevant, because the effectiveness of judicial and penal enforcement activities and the fate of meaningless financial costs for achieving unattainable goals depend on finding a solution to it.

Key words: punishment; goal; efficiency; restoration of social justice; crime prevention; general and special prevention; reformation of convicted persons; criminal policy; conceptual foundations.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 370–380. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-370-380.

Introduction

The use of punishment can and should be considered as a way of social management. The necessity of the latter is due both to the consolidation and preservation of social values, and to the achievement of certain social ideals, which in turn are expressed in the goals of punishment.

The goal as a legal category is traditionally considered as the planned final result, which the subjects of law-making and law enforcement activities strive to achieve. In other words, it is an ideal model of the result that is supposed to be achieved through legal regulation. We believe that at the same time, the goal as a normatively modeled result should fully correspond to the guidelines in the jurisdictional activities of judicial, law enforcement and penal enforcement agencies.

The law does not proceed from a social contract; it is not a self-developing object either, but the product of a goal that serves social relations. The ultimate goal of the law is to put the reward on the same line with the punishment; punitive law corresponds to reward law, and the latter corresponds to the principle of justice of the social order [8, p. 346].

We share a viewpoint of A.L. Remenson, who thinks that the dispute about the goals of punishment is a fundamental dispute, since it is the goals of punishment that determine social functions of criminal punishment, general directions of its effectiveness, and the construction of the punishment system itself [15, p. 15].

At the same time, it is obvious that legal goals are the quintessence of criminal policy and are determined by the current needs of society and the state, current ideas about social interests, values, means and methods of their protection. There is also no doubt that with the change of such ideas in the course of evolution or as a result of more drastic (revolutionary) socio-political transformations the goals of legal regulation (in our case, the goals of punishment) also change.

Results

The goals of punishment in Russian criminal law have undergone historical changes. In the time of *Russkaya Pravda* [Rus' Justice, the legal code of Kievan Rus'. Translator's note] they were retribution and property benefit. However, Russian medieval law was not limited to these two goals. In contrast to *Russkaya Pravda* and *Sudebniki* [codes of justice], *Sobornoe Ulozhenie* [the Council Code] of 1649 had new punitive

guidelines of a public nature, consisting in the protection of the state and society from criminals and crimes. The main purpose of criminal legislation under Peter the Great, represented first of all in *Artikuly Voinskiye* [Military Regulations], was deterrence, which followed from such reservations as, for example: "in order to instill fear through the Regulations and to prevent people from doing obscene deeds". Deterrence was ensured by the publicity of punishments. It was announced that there would be an execution soon; and the execution was carried out in a public place.

According to *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional Punishments] of 1845, which marked the end of punitive policy of Nicholas I, the main goal of punishment was retribution, which was associated with the aim to prevent other crimes under threat of punishment. The 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments defined in detail all the legal features that characterize criminal acts, types of punishments and conditions for their application. Along with *Ulozhenie o nakazaniyakh* [Code of Punishments] of 1885 and *Ugolovnoe ulozhenie* [Criminal Code] approved by Nicholas II in 1903, there were the following regulations: the 1864 Statute on Punishments imposed by Justices of the Peace, the 1875 Military Code on Punishments, and the 1886 Naval Code on Punishments, which did not differ in any special interpretation of the goals of punishment. The 1903 Criminal Code, which was the last criminal law act of the Russian Empire, also did not show any serious changes in the formulation of the goals of punishment [2, p. 281].

However, with the onset of the Soviet regime everything changed dramatically. The goals of punishment acquired a pronounced social character, which was due to the new (socialist) ideology of the government. The 1922 Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic contained the following goals: prevention of new offenses, adaptation of the offender to the conditions of communal living, deprivation of the criminal of the opportunity to commit new crimes, legal protection of the workers' State from crimes and socially dangerous elements by applying punishment or other social protection measures to violators.

The 1926 Criminal Code of the RSFSR defined the purpose of social protection measures as the general prevention of new violations both on the part of the violator and on the part of other persons [10].

And only the 1960 Criminal Code of the RSFSR defined the goals that are close to the current ones. Article 20 stated: "Punishment does not merely constitute chastisement for the crime committed; it also has the purpose of reforming and reeducating convicted persons in a spirit of an honorable attitude toward labor, scrupulous compliance with the law, and respect for the rules of socialist communal living, and the prevention of the commission of further crimes either by the convicted persons or by others. It is not the purpose of punishment to inflict physical suffering or to denigrate human dignity".

It is obvious that the above set of goals was a conglomerate that combined dogmas of the classical and sociological schools of criminal law, and therefore, in our opinion, did not have a strong doctrinal foundation. We think that this was due to the historical expediency of moving away from the much more integral and scientifically substantiated, but compromised criminal policy of the Stalinist period. One can hardly find other reasons to explain the fallback to the already outdated and bourgeois concepts of prevention and reformation.

At the same time, any full-fledged replacement of the previous penological concept developed by criminologists of the sociological school was never proposed, and the traumatic legacy of the Soviet period was borrowed in a practically unchanged form by the current criminal law.

Thus, the goals of punishment are a historically variable category, determined by the trends and level of development of public consciousness. At the same time, we believe that the effectiveness of punishment can be ensured only by setting scientifically substantiated goals, which will be based on a theoretically integral and consistent concept of goal-setting.

Considering the category of "the goal of punishment" as a kind of ideal result of state coercion (physical and psychological), taken in relation to the criminal, we cannot but agree with the fact of its historical variability. A.N. Filipov noted: "The general and ultimate goal of punishment has always and everywhere been the protection of public order and peace from someone's offenses. But since the nature of these offenses gradually changed over the epochs, as well as the relative value of the goods that were encroached upon, then the immediate goals of punishment also went through serious changes in their foundations and at times

they focused on one or another task of retribution, the implementation of which required considerable efforts on the part of the authorities" [21, p.4].

Currently, these goals are formulated in criminal law, which is a fundamental branch in relation to penal law: the goals include restoration of social justice, reformation of convicts, prevention of the commission of new crimes (Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation).

As we can see, all these goals are associated with the achievement of certain positive results from the point of view of society, express the desire to eliminate the legal and social conflict caused by crime. In other words, we are talking about socially determined goals, which are simultaneously the criteria for the effectiveness of punishment. The effectiveness of punishment can be defined as the correspondence of the actual results to the expected ones. The concept of effectiveness is inextricably linked to the concept of the goal of punishment. The punishment itself, in our opinion, is a means of achieving a positive social effect, modeled taking into account two indicators: 1) what society expects from punishment; 2) what punishment is really capable of, the possibilities of which, of course, are not unlimited.

Thus, effectiveness is determined by the achievement of expected results. If we consider punishment as a social tool, its effectiveness should be evaluated from two positions:

- 1) to what extent punishment achieves its goals;
- 2) whether these goals, means and the level of their achievement are acceptable from the point of view of public consciousness.

The latter position is important because the state sees punishment as not only a blind retribution for the crime committed, but also a way to achieve the social ideal in combating crime.

We find it necessary to express some considerations regarding the nature of punishment and its ability to achieve these goals.

Since punishment is a reaction to a past event, i.e. a crime, it is a retroactive measure. In other words, punishment can hardly be considered a preventive measure, since such measures are taken before the event that has to be prevented, and not after it has been committed. Punishment deals with the consequences of a crime, but cannot affect its causes, since they are interwoven into a complex system of social and personal determination with powerful factors that remain

beyond the reach of the law. Therefore, the hope that they will be affected by the punishment does not have sufficient grounds. In this regard, punishment only expresses the public and state assessment of the act, and the assessment, as we know, must be fair, otherwise it simply will not make sense.

We believe that punishment is a form of response to crime and can be effective only in combination with preventive measures [14]. In fact, it is a measure of criminal responsibility for what has been done, assuming the obligation of the guilty to undergo punishment, and assuming the possibility of differentiating responsibility (for example, by replacing one punishment with another or assigning additional punishment).

In addition, it seems that punishment is nothing more than a means of communication between the state and society, through which the former expresses its position on what is criminal and, accordingly, dangerous.

Punishment comes from the Old Russian word *nakaz* – instruction, order. Thus, the real functions of punishment are social management, as well as the assertion of the will of the state, repression (suppression).

Let us consider the existing goals of punishment.

The goal of restoring social justice

In the scientific literature, this goal is revealed very ambiguously. For example, L.L. Kruglikov believes that the use of punishment for the purpose of restoring social justice is controversial due to the amorphous content and means of achieving the goal, and the result itself is uncontrolled due to the lack of the possibility of actually achieving the stated goal [18, p. 350]. I.Ya. Kozachenko is even more straightforward, he notes the amorphous and even hypocritical concept of “restoration of social justice”, as well as the fact that there is no distinction between the principle of justice and the mentioned goal of social justice on the part of the legislator. He suggests replacing “restoration of social justice” with “restoration of the violated rights and legitimate interests of the victim or their loved ones” [12, p. 17].

V.A. Utkin emphasizes that a just punishment applied to the guilty person should help the public consciousness to restore and develop the belief in the inviolability of the law and order protected by criminal law, the punishability of what was done, and the inadmissibility of following an anti-social “precedent” [20, p. 35].

Generally agreeing with the above positions of the authors, we believe that they are based on an idealized perception of the considered goal of punishment. First of all, let us ask the question: what has become of justice (as a result of the crime), if it is necessary to restore it? Social justice, in our opinion, is a relatively stable axiological category, which in itself cannot be violated, but acts as a kind of constant, a system of measurement, an ideal model, with the help of which it is possible to evaluate both criminal acts and power (judicial) acts taken on their occasion. The parameters of social justice, if they are not formulated literally, follow from legal principles, presumptions, and other norms that contain the wording of the state of public relations that is due and necessary from the official point of view and the options for their development that are approved, acceptable, or admissible from the point of view of society. With this understanding, we should not restore social justice, but bring social relations (specific circumstances) in line with relatively stable (firm) axiological requirements (criteria), which should acquire a kind of status quo.

If we proceed from the concept of restoring social justice, then we should assume by default that it is an unstable (often violated) category. But if we assume that justice needs to be restored, then where is the standard (template) by which this should happen? Or are we talking about two types of justice (violated and model)? We do not think it makes any sense.

At the same time, we cannot but draw attention to the contradiction between the considered goal and the principle of justice, enshrined in Article 6 of the RF Criminal Code, the observance of which clearly indicates that when a sentence is imposed, justice should be ensured (restored). The goal of restoring social justice means that after the punishment is imposed, social justice has yet to be achieved, that is, there is a certain prospective function. In other words, we believe that the observance of the principle of justice makes it unnecessary to achieve the goal of restoring social justice. Conversely, the requirement to achieve such a goal actually indicates that the specified principle has been violated.

In this regard, the goal can be formulated as achieving or ensuring social justice. However, in our opinion, there are no grounds for this for the sole reason that ensuring social justice is not the goal, but an attribute property of punishment; this is supported by the requirement for the court to pass a lawful and just sen-

tence. In other words, the appointment of a just punishment is more the goal of the court, rather than a measure. If the punishment is justly imposed, then it has nothing to achieve.

In this regard, we agree more with the opinion of N.D. Sergeevskii, who wrote that the main goal of punishment is reprehension, which “is the essence of all punishment” [17, p. 64].

The goal of reformation

We should emphasize that the goals of reformation and special prevention are two consecutive stages of the same phenomenon (reformation is the process, and special prevention is the result).

Reformation expresses the basic, conceptual idea inherent in the institution of punishment. The concept of “reformation of convicted persons” is specified in the penal enforcement legislation (Article 9 of the Penal Executive Code of the Russian Federation).

The concept of reformation goes back to Kant’s categorical imperative. Assessing the nature of man as bad, I. Kant makes a somewhat inconsistent conclusion about the basis of moral and legal responsibility: “If a man in the moral sense is or should be good or bad, then he must make himself such...” [11, p. 29–30]. At the same time, he himself admits: “How it is possible that a man naturally bad should make himself a good man transcends all our conceptions” [11, p.47].

J. Bentham, another representative of the classical school, in his treatise on rational prison formulated the goal of private prevention and reformation. It was very thoroughly developed by subsequent representatives of the classical school of criminal law such as Grolman, Stelzer, Ahrens, Raeder, who considered reformation as the main goal of punishment [9, p. 28].

The essence of the classical school’s teaching about punishment is determined by one of the postulates: by making punishment more severe, society makes crime less attractive, which helps deter people from committing it. Unfortunately, this thesis has never been confirmed in practice. For example, there would be no need to apply the most severe punishment such as the death penalty, because its fear would deter potential criminals from committing the acts for which it is provided. However, in fact, the imposition of the death penalty in those countries where its use is provided for by law does not decrease at all.

The idea of reformation in the sociological school is perceived very ambiguously and is

linked to the influence of the environment on an individual.

According to G. Tarde, anthropological and physical factors have only an impulsive impact and urge toward indefinite forms of activity, while social factors direct this activity. He wrote: “In the same social environment the accumulation of social impacts can be very different: in some, moral borrowing from honest people prevails, while others imitate people who are vicious or criminal. Therefore, before trying to make a person “good”, one must to ensure that they want to become good, so that it meets their interests” [9, p. 99].

Durkheim wrote that in order to find out the causes of crime, it is necessary to study the conditions in which the “social body as a whole” is functioning, rather than the state of individual people. The reason for this lies in the fact that the group thinks, feels, and acts quite differently from what its members would do if they were separated [6, p. 60]. Reformation, according to Durkheim, cannot be a universal goal. He wrote that “if crime is a disease, then punishment is a medicine and cannot be considered otherwise; therefore, all the questions it raises are reduced to finding out what it should be in order to fulfill its role as a medicine. If there is nothing painful in the crime, then the punishment should not be intended to cure it, and its true function should be found elsewhere” [4, p. 79]. In another work on punishment, he writes: “It does play a useful role. Only this role is not where we ordinarily look for it. It does not serve – or serves in a secondary way – to correct the culprit or to intimidate his possible imitators; from both these points of view, its usefulness is, in all fairness, doubtful, and in any case mediocre. Its true function is to preserve the integrity of the social connection, keeping all its vitality in the social consciousness” [5, p. 85].

In the 19th century, Italian criminologists E. Ferri and R. Garofalo developed the concept of the dangerous state of the criminal, according to which the criminal should not be punished, but removed from the state of increased propensity to crime (and until this is done, they must be isolated). This has very little to do with reformation, but rather with healing, since crime was seen as a social disease. A special feature of clinical criminology is the attempt to form a special system of measures for the reformation of personality, which would be self-sufficient, that is, it would be the main method of influencing crime. Representatives of this direction practically denied the punishment as

a preventive and deterring means. They tried to turn criminology into a kind of anti-criminogenic medicine, and the prison into a clinic. The most significant contribution to the formation of clinical criminology based on the theory of social protection was made by the Italian scientist Filippo Gramatica. According to the main provisions of his concept, criminal policy based on social protection should focus more on individual, rather than on general prevention of crimes. The re-socialization of the offender is the main goal, since the re-education and socialization of the criminal protects society from crime more effectively than severe punitive measures [9, p. 140].

Thus, when viewing crime as a social phenomenon determined by the circumstances of the external (social) environment, representatives of the sociological school consider reformation as a phenomenon in conjunction with such a concept as the causes of crime. At the same time, the issues concerning thereformation of criminal inclinations in a psychobiological rather than social sense were developed within the framework of clinical criminology. As for sociological criminology, it does not consider punishment as any effective means of reforming an individual or preventing crime. For example, American criminologist E. Sutherland explained crime by relying solely on the factors of social life. According to him, criminal behavior is not fundamentally different from other forms of human activity, an individual becomes a criminal only because of their ability to learn. They learn criminal behavior not because they have special criminal inclinations for it, but because they see criminal patterns more often, and they establish a closer connection with such people from whom they can adopt criminal views and skills. If the same teenager had been included in a different social circle since childhood, they would have grown up a completely different person [9, p. 178–179].

Partly agreeing with this position in the aspect of the social conditionality of crime, we note that, in our opinion, its determinism has a socio-biological character. Born as a biological being, a person has certain animal principles (instincts) in the basis of their psyche. Over the course of life, they do not disappear, but only change their intensity under the influence of those physiological processes of the body that are associated with its formation, maturation and aging. However, experiencing the influence of society from an early age, an individual goes through the stage of socialization, that is,

the assimilation of the norms and rules adopted in this society, which become personally significant for the individual, and their observance becomes the individual's own need. Successful socialization results in effective self-control on the basis of a kind of shell formed by assimilated social norms; this shell seals the biological beginning of an individual and puts them under the control of consciousness. In the case of unsuccessful socialization, this shell either turns out to be insufficiently strong, or has certain gaps that allow animal instincts to take over the human consciousness and control it. This is where the relationship between the social and biological determinants of criminal behavior manifests itself. At the same time, it is obvious that the only reliable methods of preventing it are filling in the shortcomings of socialization and minimizing the influence of destructive environmental factors on an individual. Within the framework of criminal punishment, the possibilities of re-socialization are significantly limited by the psychological state of the convicted person subjected to punitive influence (in the case of deprivation of liberty, they are practically absent). We can say that during this period the ground is being prepared for the adaptation of the individual to life in society. Obviously, it is very difficult for an individual to feel like a full member of society, when they are experiencing punitive legal restrictions imposed by punishment.

At present, reformation is firmly connected with the concept of punishment and is included in its goals (Article 43 of the RF Criminal Code). At the same time, the question of its achievement remains debatable. V.A. Utkin analyzes two extreme positions on this issue. One of them boils down to the fact that reformation is an unacceptable invasion of the internal "sovereignty" of the convicted person, and the correctional terminology itself is nothing more than an ideological cover for all sorts of (including latent, illegal) ways of suppressing the individual, dating back to the GULAG era. The second position is formed by judgments about the uselessness of the goal of reformation as unattainable, meaningless and disorienting to practice. The scientist himself believes that the exclusion of reformation from the number of goals of punishment will lead to a sharp decrease in the humanistic potential of the latter, and he determines reformation itself with the help of two interrelated aspects: a) the formation of the convict's subjective readiness for conscious voluntary compliance with the norms of crimi-

nal law; b) the formation of objective qualities in their personality, properties that contribute to responsible law-abiding (more precisely, criminal law-abiding) behavior. At the same time, he notes that it is wrong to identify reformation and intimidation [20, p. 36, 40–41]. We respect the expressed opinion, but we still note it has certain idealism. Obviously, reformation should be understood not formally, but meaningfully – as the formation of certain positive qualities in an individual; the qualities are listed in a very abstract form in Article 9 of the RF Criminal Code. However, neither criminal law nor penal enforcement legislation names the criteria for achieving this goal; specifically, it does not define the manifestations of behavior that make it possible to confirm that an individual has been reformed. And it is hardly possible to count on a positive transformation of the personality under the influence of retribution, which, as we know, is the essence of punishment.

Reformation in its present form involves the consideration of the criminal tendency as an internal pathology that can be corrected by changing the attitude of the criminal toward social values. At the same time, in our opinion, the social determination of crime is ignored, that is, the influence of the external environment on the offender's personality. When talking about reformation, one forgets about external factors for some reason. Let us go back to the basics: how is a criminal formed? What determines crime? These problems are not new, and they became the cornerstone of the opposition of the classical and sociological schools of criminal law in the 19th century. The answer to these questions also determines the decision about the goal of reformation and whether it is appropriate to preserve it. If we proceed from the social conditionality of crime, then it would be wrong to see the root of evil only in the personality of the criminal and consider their reformation as the prime goal. To do this, it is necessary to assume that after reformation has been achieved, criminogenic factors will not affect the former criminal; or it is necessary to consider reformation abstractly, in isolation from the actual life situation of the person, and the situation after they have served the sentence.

We should point out that outside Russia punishment is associated with penalty and retribution for what one has done. This has a certain argumentation that is not devoid of rationality. If the necessity to be punished for what one has done arises only in relation to a sane person who has reached a certain age, then it is obvi-

ous that they are aware of their actions and are in control of them. Therefore, they must understand that if they commit a crime, they will be punished for it. And if so, then they consciously take a risk and pay a kind of price for their act. From a pragmatic point of view, this is true. The individual must first be punished, and only then can we demand that they change their behavior. For example, Norwegian criminologist Nils Christie considered punishment as pain, forced to be inflicted on the criminal: "One of the rules that had to be followed was: if there is doubt, then you cannot cause pain. Another rule should be to cause as little pain as possible. Look for an alternative to punishment, not alternative punishments. Often there is no need to react: the perpetrator knows as well as those around him that what he has done is bad. Many deviant actions are an expressive, inadequate attempt to say something. Let the crime serve as a starting point for a genuine dialogue rather than an equally inadequate response by inflicting pain in full measure" [13, p. 20]. In other words, at the moment of causing pain, it is difficult to expect the individual to realize their guilt.

In the West, the theories of the resocialization of the criminal have become very popular. Accordingly, important areas of social work abroad are as follows: a) post-penitentiary social work (work with persons released from penitentiary institutions); b) work with persons sentenced to punishments not related to isolation from society.

Once again, the Russian doctrine is based on a combination of punitive and correctional influence, which affects the process of execution of punishments, including the conditions of serving, regime requirements, and the powers of employees of the penal system. It is fair to say that in the last two decades there have been some deviations from it. Thus, with the adoption of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation in 1997, the word combination such as "correctional-and-labor" has ceased to be used at the legislative level; this emphasizes the formal-legal, rather than the substantive side of the execution of punishment. If continuity is maintained, then only partially. The word "labor" has disappeared from the name of the institutions that carry out the punishment in the form of imprisonment, and they have turned from correctional-and-labor colonies into correctional colonies.

Reformation is mentioned in the legislation as the goal of punishment (Article 43 of the RF Criminal Code) and as the goal of the penal en-

forcement legislation (Part 1 of Article 1 of the RF Penal Enforcement Code).

The legal definition is contained in Part 1 of Article 9 of the RF Criminal Code: "The reformation of convicts is the formation of their respectful attitude toward an individual, society, labor, norms, rules and traditions of the human community and the promotion of law-abiding behavior".

This definition provides grounds for several conclusions. First, reformation is revealed through the concept of "respectful attitude". The following is an exhaustive list of social benefits that the convicted person should respect. The legislative definition does not provide an indication of the individual's own qualities that could indicate reformation (adherence to the law, decency, conscience, compassion, honesty, kindness, etc.).

Second, the use of nouns formed from imperfect verbs (formation and promotion) defines reformation as a process that is extended in time and does not have a final point. In other words, what to do – form, promote, but not what to have done: have formed, have achieved. Thus, the goal is formulated as a process, but not as a result. It is obvious that in this version, the achievement of reformation as the final development of some qualities in the convicted person is not required, and the implementation of reformation means the activity of subjects executing punishments and other criminal legal measures for such formation and promotion (with any effectiveness, since otherwise does not follow from the definition).

In this connection, another debatable problem arises – about the essence of reformation. Science has two viewpoints on its solution. The first one states that the goal of reformation is considered achieved if the convicted person after serving the sentence (no matter for what reasons) no longer commits crimes (the so-called legal or formal reformation) [19, p. 24].

Of course, such a reformation does not imply a genuine change in the legal consciousness and personal qualities of the convicted person for the better, since they can demonstrate a respectful attitude toward an individual, society, work, norms, rules and traditions of the human community, as well as law-abiding behavior, for example, in order to be released from a correctional institution on parole. We note that according to Part 1 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation, a person who has served in a disciplinary military unit, or has served compulsory labor, or been deprived of

liberty shall be subject to conditional release ahead of time if the court finds out that for his rehabilitation he does not need to serve the full punishment imposed by the court. V.I. Seliverstov in this regard rightly notes that based on Article 79 of the RF Criminal Code of the Russian Federation, the priority criterion for parole is the behavior of a convicted person in places of deprivation of liberty. When assessing the behavior of a convicted person, the presence of penalties for violation of the regime in a correctional institution acts as a determining indicator. It is difficult for a violator of the regime, and even more so for a malicious violator of the regime, to apply for parole. This has a certain professional and targeted meaning: release on parole is the most powerful incentive for law-abiding behavior for an individual serving a sentence. However, is the law-abiding behavior of the convicted person a guarantee of non-commission of a new crime after being released on parole? The author, referring to the figures of post-penitentiary crime, believes that it is not. At present, the level of recidivism can be indirectly judged by official statistics, namely, by the proportion of persons who have previously committed crimes, based on the total number of persons who have committed a crime. On average, this figure ranges from 30 to 33%. However, the level of recidivism does not allow us to judge the effectiveness of the activities of correctional institutions and (or) its individual areas, including preparation to be released on parole [16, p.126].

According to selected scientific studies conducted in 2006–2009 by scientists at Tomsk State University, within three years after release, an average of 55% of those released from a general regime colony and 29.6% of those released from a high security colony commit a new crime (data on general and high-security colonies of the Tomsk and Kemerovo oblasts). In addition, significant differences in post-penitentiary recidivism were revealed, depending on the grounds for release from serving a sentence. For example, post-penitentiary relapse among those released from a general regime colony on parole was 68.5%, in connection with the replacement of imprisonment with a milder type of punishment – 66.7%, and after serving a sentence of imprisonment – 46.8%; when released from a high security colony – 30.6%, 47.1% and 20.5%, respectively. These figures characterize the period of time when the satisfaction of convicted persons' petitions for parole reached 85% [3, p. 8].

According to the above statistics we see that when reformation is mandatorily taken into account both at the stage of preparing the reference on the convicted person by the administration of the correctional institution and at the stage of judicial consideration of this issue, it does not guarantee the reliability of the relevant conclusion. Consequently, practical verification of the achievability of the reformation goal may be questioned.

The goal of preventing the commission of new crimes

In fact, the stated goal combines two sub-goals: general and special prevention.

Prevention as the goal of punishment is a product of the classical school of criminal law. The corresponding theoretical concept was developed in the works of C. Beccaria. This goal, though beautiful and noble, was practically not supported by any methodology. As E. Sutherland wrote about the representatives of the classical school, the only method these scientists used was the chair on which they sat while writing their books [9, p. 20]. Beccaria noted: "The goal of punishment does not consist in torturing and tormenting a person... the goal of punishment is only to prevent the guilty person from harming society again and to deter others from doing the same" [1, p. 243]. As we can see, this is a pure formulation of the goals of general and special prevention. Despite all the progressiveness and nobility of the idea of crime prevention, especially at the turn of the 18th–19th centuries, this idea did not move from the sphere of good intentions to the thorny path of practical implementation. Moreover, this idea, being modern at that time, is, unfortunately, very archaic today.

General prevention is based on the postulate that people are deterred from committing a crime by the fear of punishment. The theory of mental deterrence by punishment was developed by Paul Johann Anselm Feuerbach.

Thus, after two decades of the 21st century, we are still guided by the medieval maxim that humans are not much different from animals, and that it is possible to control them through the development of conditioned reflexes based on fear.

Crime and sin, as a rule, were not separated, so punishment and reformation were often invested with a religious meaning. The most telling examples of a combination of punitive and religious influence on crime can be found in Ancient Egypt, Babylon, India (in the IV–III millen-

nia BC). An example of such interpenetration, in particular, can be found in the laws of Manu, which represent a monument of ancient Indian literature, a collection of prescriptions. They say: "Punishment rules the human race, punishment guards it, punishment is awake when everything is asleep" [7, p. 47].

During the Middle Ages (until the 15th century), criminal law was strongly influenced by religious views, on the one hand, and by the Roman law and the philosophical teachings of antiquity, on the other.

Subsequently, with the increasing role of the Holy Inquisition, there was a departure from humanistic principles with a simultaneous deepening of theoretical research in the field of the nature of crime. The corresponding, largely mystical and religious ideas were developed in the works of John of Damascus, Thomas Aquinas, Sprenger, Kramer, and others. The theorists of the Inquisition formulated the concept of the criminal as an accomplice of evil forces and developed practical techniques for identifying them. Among such techniques, as is known, were cruel tortures, the search for special "marks of the devil" (birthmarks, pallor of the face, places on the body from which blood does not flow when they are pinched by a needle, etc.). In 1486, the inquisitor monks J. Sprenger and H. Institor published a guide to combating crime, the *Malleus Maleficarum* [the Hammer of Witches], in which they analyzed the reasons for the appearance of "diabolism" in people's conduct and revealed various aspects of the inquisition process.

Of course, within the framework of such a paradigm, it was not possible to talk about the reformation of the criminal. Moreover, the execution was seen as a good thing for them, because it relieved them of sin. The most humane types of punishment according to the inquisitors were burning at the stake, which was considered an earthly prototype of purgatory. In the presence of mitigating circumstances, those sentenced to the burning at the stake were suffocated prior to the act [9, p. 17].

However, even in ancient times, people came to understand that the prevention of crime cannot be based only on fear. Confucius, Pythagoras, Democritus, Socrates, Plato, and other thinkers attached great importance to education. In particular, Pythagoras laid the foundations of the system of civic education in Ancient Greece, and Democritus developed the ideas of influencing crime through education. The latter believed that crime is caused by moral and

mental vices, that the wrong behavior of a person results from their lack of knowledge about the right behavior. Diogenes, Antisthenes, and other ancient Greek philosophers associated criminal behavior with the vices of upbringing and the resulting distorted needs (greed, debauchery, etc.).

Today, in 2021, a natural question arises: what about legal awareness, education, socialization, conscience, morality, a sense of solidarity and social responsibility? It is unlikely that punishment as an exclusively punitive measure can contribute to their formation. The goal of general prevention, in fact, ignores these personality traits developed by the long evolution of human civilization, relying only on fear.

As for special prevention, it is, as we noted previously, nothing more than the practical implementation of the goal of reformation, more precisely, the positive effect determined by its achievement – the non-commission of new crimes by a person who has already been punished.

Conclusions

The problems of goal-setting in penology, with all their theoretical nature, have practical significance. The extent to which the goals of punishment are achieved is used to assess the

effectiveness of the penitentiary system and its employees. The conceptual uncertainty of existing goals and the practical non-confirmation of their achievement, in fact, make such activities meaningless and do not leave a chance for its success and justification (nobility) from the point of view of public opinion. Therefore, the adjustment of the goals of punishment and a clear legislative formulation of the criteria for the achieved result should contribute to the success and effectiveness of the criminal policy of the state and bring it social support.

In its current form, the goals of punishment are declarative. This means that even if their intentions are noble, they do not meet the condition of achievability for a number of reasons: conceptual inaccuracy (restoration of social justice), redundancy and practical non-verifiability (reformation and special prevention), archaism (general prevention).

If punishment is the state's response to crime, then this response must be modern and relevant to the real manifestations of crime and social needs. It is obvious that, based on the essence of punishment and its modern understanding, its goals can be retribution (penalty), legal protection of society from crimes and those who commit them, as well as state censure of the crime.

REFERENCES

1. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR, 1939. 182 p.
2. Belyaev I.D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the history of Russian legislation]. Moscow: Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. 728 p.
3. Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitentsiarnyi retsidiv: monografiya* [Postpenitentiary relapse: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2012. 165 p.
4. Durkheim E. *Metod sotsiologii* [The Rules of Sociological Method]. Kyiv; Kharkiv: F.A. Ioganson, 1899. 153 p.
5. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda: etyud ob organizatsii vysshikh obshchestv* [The Division of Labor in Society]. Odessa: Tip. G.M. Levinsona, 1900. 332 p.
6. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon, 1995. 352 p.
7. *Zakony Manu* [The Laws of Manu]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960. 362 p.
8. Jhering R. *Tsel' v prave. Sochineniya. Tom 1* [The Purpose in Law. Works. Volume 1]. Saint Petersburg: N.V. Murav'ev, 1881. 412 p.
9. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Foreign criminology: a textbook for university students]. Second edition. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. 374 p.
10. Kalashnikova A.I. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1926 g.: kompromiss ideologii i nauki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal Code of the RSFSR 1926: a compromise of ideology and science: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2009. 192 p.
11. Kant I. Religion within the Limits of Reason Alone. In: Kant I. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom 6* [Collected works in eight volumes. Volume 6]. Moscow: Choro, 1994. 613 p. (In Russ.).
12. Kozachenko I.Ya., Kozachenko E.B. Criminal law calculation of the goals of criminal punishment. In: Lapshin V.F. (Ed.). *Nakazanie v usloviyakh gumanizatsii ugolovnoi politiki Rossii: sbornik materialov mezhdvdomstvennogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Punishment in the context of humanization of criminal policy in Russia: proceedings of the interagency research-to-practice seminar]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2011. P. 17. (In Russ.).
13. Christie N. *Prichinyaya bol': rol' nakazaniya v ugolovnoi politike* [Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy]. Ed. by Ya.I. Gilinskii. Saint Petersburg: Aleteiya, 2011. 162 p.
14. On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation: Federal Law 182-FZ of June 23, 2016. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 26 (Part I). Art. 3851. (In Russ.).

15. Remenson A.L. Is retribution the purpose of punishment? In: Remenson A.L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. 98 p. (In Russ.).
16. Seliverstov V.I. Criminal-legal and criminal-executive issues of conditional early release. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, 2015, no. 3, pp. 126–130. (In Russ.).
17. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law. The General Part]. Sixth edition. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 1905. 368 p.
18. Kruglikov L.L. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnik dlya vuzov* [Russian criminal law. The General Part: a textbook for universities]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Volters Kluver, 2005. 592 p.
19. Esakov G.A. (Ed.). *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi kommentarii* [The Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary]. Seventh edition, revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2017. 736 p.
20. Utkin V.A. *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektsii* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 239 p.
21. Filippov A.N. On the goals of punishment under the legalities during the reign of Peter the Great. *Yuridicheskii vestnik*=Law Bulletin, 1890, vol.5, no. 5–6. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Received January 21, 2021

Digital Currency and Novelties in the Criminal Code of the Russian Federation: Topical Issues

IRINA S. MOCHALKINA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

Abstract

Introduction: the article analyzes the concept and legal nature of digital currency and certain novelties related to digital currency, which were put forward in the last few years so as to be introduced in the Criminal Code of the Russian Federation. *Aims:* to study and summarize legislative initiatives related to digital currency; to define the concept and essence of digital currency; to establish its place in the civil rights system; to analyze the possibility of recognizing digital currency as an object and (or) a means of committing crimes. *Methods:* historical, comparative-legal, empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; legal-dogmatic method, and interpretation of legal norms. *Results:* having analyzed the development of Russian legislation regulating the legal status of new digital objects of economic relations we see that the features that make up the general concept of digital currency do not allow us to determine the range of objects that fit this legislative definition; moreover, these features do not allow us to define digital currency as an object of civil rights and identify which operations and transactions with it are legal. Due to the above, it is impossible to establish criminal liability for committing acts involving digital currency. *Conclusions:* we have revealed certain tendencies toward legalization of digital currency on the one hand, and prevention of its use for payment for goods and services, including the imposition of criminal-legal prohibitions, on the other hand. The concept of digital currency needs to be revised: its definition should not contain a reference to the operator and the nodes of the information system. The most correct solution seems to be the introduction of the concept of cryptocurrency to denote a decentralized means of expressing value; as for digital currency, it should be understood as centralized funds, for example the digital ruble. Digital currency must be recognized as an object of civil rights, being classified as other property. This will help to minimize the difficulties in recognizing it as a subject or means of crime and introduce socially determined prohibitions into the criminal law.

Keywords: digital currency; digital rights; cryptocurrency; amendments to the Criminal Code of the Russian Federation; novelties in the Criminal Code of the Russian Federation; crimes against property; crimes in the field of economic activity; theft.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Mochalkina I.S. Digital currency and novelties in the Criminal Code of the Russian Federation: topical issues. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 381–386. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-381-386.

Introduction

In 2008, an article on bitcoin was published on the Internet. Its author was a certain Satoshi Nakamoto [28]. He wrote about electronic coins that were based on the blockchain technology. The term “cryptocurrency” itself became established and came into use after the publication of the article *Crypto Currency* in 2011 [30]. Over time, this new digital object became increasingly popular and was widely used to conclude transactions and conduct related operations. At the same time, progress in the

field of digitalization is always relative, since it also has some negative implications [25].

For example, in 2017, one of the first criminal cases was initiated in the United States on the fact of fraud, the circumstances of which testified to the fact that Maksim Zaslavskiy launched an advertising campaign for RE coin tokens as the world’s first cryptocurrency backed by real estate, and the diamond token as backed by diamonds, which was not true [32]. As a result, the businessman collected about three million dollars from the deceived citizens. Another ex-

ample is the American case of Nicholas Truglia, who in 2018 stole an amount of cryptocurrency worth about a million US dollars, using a fairly simple scheme –SIM swapping [31]. The number of crimes where cryptocurrency was somehow involved is growing not only in foreign countries, but also in Russia [4].

Research methods

The article uses a historical method that allows us to study some stages of formation and development of cryptocurrency and digital currency; comparative legal method that helps to compare the concept of digital currency contained in the FATF recommendations and in the legislation of the Russian Federation, to identify similarities and differences we also use empirical methods of description and interpretation, which allow us to consider the legislative idea in terms of the concept and legal status of digital currency in the Russian Federation. The use of theoretical methods of formal and dialectical logic allows us to identify trends in the development of criminal law norms in connection with the normative design and consolidation of new digital objects. The legal-dogmatic method contributes to the development of the concepts of cryptocurrency and digital currency.

Discussion

The legal status of new means of expression and preservation of value until recently was not regulated in any way by the current legislation of the Russian Federation; this fact gave rise to numerous difficulties both in private law relations, for example, in connection with the inclusion of such in the inheritance or bankruptcy estate under bankruptcy, and in public law relations, for example, when recognizing them as the subject or means of crime [10].

In addition, based on the results of the analysis of judicial practice in criminal cases, we can conclude that law enforcement agencies have not developed a unified approach to the designation of the object under consideration. Thus, in one of the court decisions it is indicated that “A.A. Gavrilov committed an attempt at fraud, that is, an attempt to steal someone else’s property by deception on a particularly large scale, asking the victim to transfer him 50,000US dollars, which is equivalent to at least 2,954,275 rubles, as well as to make a financial transaction in the form of converting the required amount of money into the bitcoin cryptocurrency” [18]. In another case, the court found that Sh. and O. entered into a preliminary criminal conspiracy to steal someone else’s property, namely BTC-e codes (an abbreviation without official de-

ryption), via the Internet [3]. According to another court decision, A.S. Perfil’ev committed legalization (laundering) of funds by performing financial transactions with the funds obtained as a result of illegal sale of narcotic drugs, the funds were then converted into the form of virtual assets, after which – in non-cash form with subsequent transfer to cash [19].

Experts in the field of law and information technology also define the nature and essence of cryptocurrency in different ways: as a legitimation mark [23], money surrogate [29], electronic money [1], currency value [7], law of obligations [11], other property [6], etc. All this indicates the need to establish the legal status of new digital objects of economic relations and determines the trend toward their normative consolidation, which most clearly began to be traced in 2019.

One of the first steps of the legislator in this direction was to define the category of digital rights in Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation [13], and then classify them as objects of civil rights in accordance with Article 128 of the RF Civil Code [2]. To secure utilitarian digital rights, the federal law “On crowdfunding” was adopted, which regulated their legal status [14]. In 2020, Federal Law 259-FZ “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (hereinafter referred to as the federal law “On digital assets”) was adopted [15], which defined the concepts of digital financial assets and digital currency.

An interesting fact is that the explanatory note to the federal law “On digital assets” points out the need to consolidate the legal status of cryptocurrency, which was eventually transformed into a digital currency at the legislative level [17]. In the course of our study, we shall consider whether this approach is successful or not; but for now, having determined the place of digital currency among other new digital objects of economic relations, we shall focus on those government initiatives that were proposed as amendments to the RF Criminal Code and that are somehow related to digital currency.

Almost immediately after the adoption of the federal law “On digital assets”, the Ministry of Finance of the Russian Federation, on the instruction of the Government of the Russian Federation, presented a draft law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” [12]. The document proposed that Article 187.1 of the RF Criminal Code establish criminal liability for organizing illegal

trafficking in digital rights, Article 187.2 of the RF Criminal Code – for organizing illegal trafficking in digital currency, Article 187.3 of the RF Criminal Code – for illegal acceptance of digital rights and digital currency as a counter-provision in the implementation of trading activities, activities for the performance of works and (or) the provision of services. Despite the fact that the amendments were never adopted, the vector of the legislative movement was already directed toward the prohibition of any operations with digital currency, with some exceptions. Therefore, it is not surprising that the legislator's further attempts to regulate relations arising over new digital objects were of a similar nature.

At the time of writing this article, the State Duma of the Russian Federation adopted the draft law "On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation" in the first reading [21]. In this document, it is proposed to supplement Article 23 with Paragraph 35, which provides for the obligation of certain categories of persons to report on obtaining the right to dispose, including through third parties, of digital currency, to submit reports on transactions (civil transactions) with digital currency and on the balances of digital currency.

At the same time, in order to make this regulation as mandatory as possible, the Ministry of Finance of the Russian Federation proposed a draft law "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (hereinafter referred to as the draft law "On amendments to the RF Criminal Code") with the addition of Article 199.5 to Chapter 22 of the RF Criminal Code [20]. However, according to the conclusion of the RF Ministry of Economic Development, the developer of the project did not present convincing arguments in favor of the need to recognize the offense in question as a crime, so it cannot be supported [5]. Having analyzed the wording of this conclusion, we can treat it with doubt, since the main problem in this case is not so much the lack of arguments, as in general the possibility of introducing criminal liability in cases where digital currency is the subject or means of crime.

The facts presented above in a certain sense determine the further scenario of development of events, in which similar projects of criminal-legal norms will appear, which are doomed to failure in advance with the greatest degree of probability. And since Article 199.5 of the RF Criminal Code is currently the latest proposal on the part of the state, one way or another related to digital currency, then it seems appropriate to show

the real reasons for the lack of the possibility of introducing criminal liability for the acts under consideration without determining the legal status of such a digital object unambiguously.

According to the novelty, it was proposed to criminalize malicious evasion of the obligation (provided for by the legislation of the Russian Federation on taxes and fees) to submit to the tax authorities a report on transactions (civil transactions) with digital currency and on the balances of digital currency by failing to submit such a report or including deliberately false information in the report, if the amount of transactions on the receipt or write-off of digital currency for a period of three consecutive years exceeds a large amount. Part 2 provided for the qualifying attribute: "the same act, which exceeds a particularly large amount, or if it was committed by a group of persons by prior agreement or by an organized group", and the notes to the Article explained what is meant by malicious evasion and large amount. At the same time, the most severe punishment was up to two years of imprisonment, with or without the right to hold certain positions or engage in certain activities for a period of up to three years.

Next, it would be logical to consider the legal status of digital currency. Since 2003, our country has been a member of the FATF (Financial Action Task Force on Money Laundering), a group that develops financial measures to combat money laundering, which in its 2014 report on virtual currencies established the concept of digital currency. Thus, the latter is understood as a digital representation of either virtual currency (non-fiat currency) or e-money (fiat currency) [33]. It turns out that, according to FATF recommendations, digital currency is a fairly broad concept, since it includes both a means of expressing value that does not have the status of legal tender and is not an officially valid and legal means of payment in settlements with creditors, and digital means of expressing fiat currency used for electronic currency transfer and having the status of legal tender. Thus, in order to avoid confusion regarding the distinction between virtual currency, digital currency and e-money, the FATF did not recommend using the term "digital currency" to regulate new digital objects in the legislation of the countries that are members of this intergovernmental organization [8].

Although such prescriptions are of a consultative nature for FATF member states, it seems that countries should adhere to this understanding of new digital objects. At the stage of regulatory consolidation of cryptocurrency in the Russian Federation, the legislator did not follow

the path of its eponymous definition [9] or recognition as a virtual currency according to FATF recommendations; instead, a more ambiguous way was chosen: law defined cryptocurrency too broadly – as a digital currency. We should point out that the problems in understanding the legal status of digital currency do not end there.

First, as noted above, the federal law “On digital assets” attempted to define the term “digital currency” as a set of electronic data. For example, for the purposes of anti-corruption, anti-laundersing legislation, enforcement proceedings, digital currency is already recognized as property [27], and it is proposed to do the same in accordance with the amendments to the RF Tax Code. However, it is interesting that the objects of civil rights listed in Article 128 of the RF Civil Code do not include digital currency, although both tax legislation and the RF Civil Code understand property similarly. On the other hand, the recognition of digital currencies as an object of taxation confirms the recognition of their turnover by the legislator. There is a certain conflict concerning the desire to receive taxes and simultaneous reluctance to consider digital currency as an object of civil law. Here we see an inconsistency: for certain purposes, digital currency is recognized as property; but globally, it is not recognized as such. It seems that criminal prosecution for failure to report on transactions with digital currency would be extremely questionable, given the precarious legal status of such a means of expression and preservation of value.

Second, according to Part 3 of Article 1 of the above-mentioned law, a digital currency is a set of digital codes that can be accepted as a means of payment. However, already in accordance with Part 5 of Article 14 of the federal law “On digital assets”, the subjects of civil legal relations listed there are not entitled to accept digital currency as a counter-provision, that is, as payment for goods, works, services. Paradoxically, it is still unclear whether a digital currency is a means of payment or not. If it is not, the acceptance of digital currency as a result of a civil transaction will be recognized as illegal and the person will also be required to report this offense to the tax authorities. Thus, in order to propose the introduction of criminal liability for evading the obligation to provide a report on transactions with digital currency, it is necessary to determine the scope of its permissible and unacceptable use.

Third, the concept of digital currency provides for a feature, according to which, in relation to each of its holders, the operator and (or) nodes of the information system are required to ensure compliance with the procedure for issuing this

electronic data and perform actions to make records in such an information system (change them). But this feature is not typical of any known decentralized cryptocurrency that exists in distributed registries [26]. The fact is that in the vast majority of cases, cryptocurrencies do not have any operators, and an information network node is understood as part of a computer network or a device connected to other nodes of this network. This can be either a computer, or a special switch, router, or hub [22]. It is not entirely clear what obligations such a node can have to the owners of the digital currency. In this regard, it is not possible to determine the range of objects that would fall under the concept of digital currency, and it is impossible to establish a tax regime and introduce criminal liability in accordance with Article 199.5 of the RF Criminal Code without such clarification. From the standpoint of criminal sociology, we cannot justify the introduction of criminal liability as well, since there are no social grounds for the emergence of a criminal-legal prohibition [16].

Key takeaways

Thus, it is impractical to introduce criminal liability for the acts, in which digital currency is a subject or a means, until digital currency is firmly established among the objects of civil rights, until the range of civil law transactions and operations that can be concluded and carried out in relation to it is clarified, and until it is determined exactly what is meant by digital currency. The above also applies to the elements of crime already provided for in the RF Criminal Code, for example, when recognizing a digital currency as an object of theft, it is initially necessary to give answers to questions, in particular, about the location of such a digital object in accordance with Article 128 of the RF Civil Code [24].

It is of interest to consider the draft law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” which proposed to supplement Article 63 of the RF Criminal Code with such an aggravating circumstance as the commission of a crime using digital currency. But it is not clear how justified this is, because it turns out that it should be on a par with other aggravating circumstances, for example, the commission of a crime with the use of weapons, military supplies, explosives. And how it is different from other means of preserving and accumulating value, the use of which is not recognized as an aggravating circumstance?

Conclusions

Thus, based on the results of the study, we can formulate the following conclusions and proposals:

1. Having considered the proposed amendments to the RF Criminal Code, we can assert that today the state seeks to settle issues related to digital currency in a way that is far from liberal. It is possible that in the foreseeable future there will be new proposals to supplement the RF Criminal Code with such norms in which digital currency will appear in one way or another, but until the legal status of this digital object is determined, the introduction of criminal liability for the relevant acts is not possible.

2. In connection with the fact that the Russian Federation could introduce another digital object of economic relations – the digital ruble, which, unlike traditional cryptocurrencies, has its official issuer in the person of the state, representatives of the banking sector suggest that the legislator understands digital currencies as national digital currencies, rather than common cryptocurrencies that are received by miners. It seems that this position cannot be supported for a number of reasons.

First, A.G. Aksakov, an author of the law “On digital assets”, has repeatedly explained in the media that digital currencies should be understood as cryptocurrencies. At the same time, no reservation was made as to whether such a digital object is the result of government emission.

Second, the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation in its expert opinion No. 199/op-1/2020 of July 20, 2020 on the draft federal law “On digital assets” also tends to support the fact that digital currency is intended to act as a legal form of cryptocurrencies.

Third, the explanatory note to the law “On digital assets” does not refer to any currencies, the process of issuing which is related only to the activities of the state. Thus, the obvious conclusion is that, at its core, a digital currency

cannot be reduced exclusively to state-owned cryptocurrencies.

3. The concept and legal status of a digital currency do not allow us to consider as such a decentralized cryptocurrency that does not have any specific issuer. Most likely, such a cryptocurrency was understood by the legislator as a digital currency. Transactions carried out with it are anonymous, only the owner and the acquirer participate in them, so no operators or nodes can have obligations to the owner of this digital object. In this regard, it seems logical to exclude the reference to the operator and the nodes of the information system from the definition.

4. The most appropriate, though resource-intensive, solution to the problem is to adopt an independent term “cryptocurrency”. It should be defined as a decentralized means of expressing value, created using cryptographic methods and based on distributed registry technology. Under this approach, digital currency will need to be understood as a centralized means of expressing value, an example of which could be the digital ruble.

5. Taking into account these changes, digital currency (in the context of a decentralized cryptocurrency) should be recognized as an object of civil law in accordance with Article 128 of the RF Civil Code and considered as other property. This, first, will minimize the difficulties in recognizing digital currency as an object or means of criminal encroachment, since the concept of property in criminal law is interpreted in accordance with civil law, and second, only after that will it be possible to talk about amending the RF Criminal Code by supplementing it with new elements of crimes related to digital currency. At the same time, the appearance of criminal-legal norms should be socially conditioned.

REFERENCES

1. Vakhrushev D.S. Cryptocurrency as a phenomenon of the modern information economy: problems of theoretical reflection. *Naukovedenie=Science Studies*, 2014, no. 5 (24), pp. 291–300. (In Russ.).
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 no. 51-FZ. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1994. No. 32. Article 3301. (In Russ.).
3. Dolgieva M.M. Problems of qualification of crimes committed in the sphere of cryptocurrency turnover. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii=Legal Science and Practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (48), pp. 125–131. (In Russ.).
4. Elfimova P.E. Cryptocurrency as a subject of crime. *Femida. Science=Themis. Science*, 2020, no. 8. Available at: <https://femida-science.ru/index.php/home/vypusk-8/item/242-kriptovalyuta-kak-predmet-prestupleniya> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
5. Conclusion on the regulatory impact assessment on the draft federal law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. *Federal portal of projects of normative legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108952> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
6. Korennaya A.A., Tydykov N.V. Crypto currency as an object and instrument of committing crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal= Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 408–415. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415. (In Russ.).
7. Korchagin A.G., Yakovenko A.A. To the question of the legal nature of cryptuals. *Teologiya. Filosofiya. Pravo=Theology. Philosophy. Law*, 2018, no. 1 (5), pp. 35–42. (In Russ.).
8. Kochetkov A.V. Characterization of the properties and classification of virtual currencies. *Finansovye issledovaniya=Financial Research*, 2016, no. 4 (53), pp. 29–37. (In Russ.).

9. Mochalkina I.S. Digital financial assets as the subject of committing a crime. On the legal regulation of cryptocurrencies and tokens. *Advokatskaya gazeta=Lawyers' Newspaper*, 2019, no. 20 (301). Available at: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/tsfa-kak-predmet-soversheniya-prestupleniya/> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
10. Nemova M.I. Cryptocurrency as a subject of property crimes. *Zakon=The Law*, 2020, no. 8, pp. 145–154. (In Russ.).
11. Novoselova L.O. On the legal nature of bitcoin. *Khozyaistvo i pravo=Economy and the Law*, 2017, no. 9, pp. 3–15. (In Russ.).
12. O vnesenii izmenenii v Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'yu 151 *Uголовno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: projekt federal'nogo zakona* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: draft federal law]. Available at: <https://racib.com/assets/img/news/pdf-37279083.pdf> (accessed March 5, 2021).
13. On Amendments to Parts 1, 2 and Article 1124 of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law 34-FZ of March 18, 2019. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No. 12. Article 1224. (In Russ.).
14. On raising investments using investment platforms and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law 259-FZ of August 2, 2019. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2019. No. 31. Article 4418. (In Russ.).
15. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law 259-FZ of July 31, 2020. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2020, no. 173. (In Russ.).
16. Dagal' P.S., Zlobin G.A., Kelina S.G. et al. *Osnovaniya uголовno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya* [Grounds for a criminal prohibition. Criminalization and decriminalization]. Moscow: Nauka, 1982. 303 p.
17. Explanatory note to the draft federal law “On digital financial assets”. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti* [System for providing support to legislative activity]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (accessed March 5, 2021). (In Russ.).
18. Verdict of the Kalininsky District Court of Cheboksary, Chuvash Republic, dated February 6, 2018, case no. 1-46/2018 In: *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/G3cJCuqgNzd6/> (accessed March 4, 2021). (In Russ.).
19. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Kirov of February 13, 2020, case no. 1-44/2020. In: *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/> (accessed March 4, 2021). (In Russ.).
20. Draft law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. *Federal portal of draft normative legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108952> (accessed February 28, 2021). (In Russ.).
21. Draft law 1065710-7 “On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation”. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti* [System for providing support to legislative activity]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (accessed February 28, 2021). (In Russ.).
22. Rybal'chenko M.V. *Arkhitektura informatsionnykh sistem: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Architecture of information systems: a textbook for secondary vocational education]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 91 p.
23. Sidorenko E.L. Features of the qualification of crimes related to the theft of cryptocurrencies. *Biblioteka uголовnogo prava i kriminologii=Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 3 (27), pp. 149–155. (In Russ.).
24. Sidorenko E. L. Crypto currency as the subject of theft and fraud: the problem of qualification. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki=Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2018, no. 6, pp. 166–171. (In Russ.).
25. Khilyuta V.V. Cryptocurrency as a subject of theft (or to the question of reformatting the subject of crimes against property). *Biblioteka uголовnogo prava i kriminologii=Library of Criminal Law and Criminology*, 2018, no. 2 (26), pp. 58–68. (In Russ.).
26. *Ekspertnoe zaklyuchenie po projektu federal'nogo zakona № 1065710-7 “O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii”* [Expert opinion on draft federal law 1065710-7 “On amendments to Parts 1 and 2 of the Tax Code of the Russian Federation”]. Available at: https://ru.scribd.com/document/494273416/Projekt-zaklyucheniya#from_embed (accessed February 1, 2021).
27. Yankovskiy R.M. Cryptovalues in the Russian law: surrogates, “other property” and digital money. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki=Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 43–77. (In Russ.).
28. *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System*. Available at: <http://satoshinakamoto.me/whitepaper/> (accessed February 25, 2021).
29. Dabrowski M., Janikowski L. *Virtual currencies and central banks monetary policy: challenges ahead. Brussels: European Parliament*, 2018. 33 p. Available at: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/149900/CASE_FINAL%20publication.pdf (accessed March 9, 2021).
30. Greenberg A. Crypto currency. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andresen-crypto-currency.html?sh=37f4ce04353e> (accessed March 3, 2021).
31. Morse J. The sad story of an alleged SIM swapper who boosted millions. *Mashable*. Available at: <https://mashable.com/article/sim-swap-cryptocurrency-theft-nicholas-truglia/?europa=true> (accessed March 3, 2021).
32. Nikolova M. US Govt clashes with ICO fraudster MaksimZaslavskiy over restitution. *FNG*. Available at: <https://fxnewsgroup.com/forex-news/cryptocurrency/us-govt-clashes-with-ico-fraudster-maksim-zaslavskiy-over-restitution/> (accessed March 3, 2021).
33. Virtual currencies key definitions and potential AML/CFT risks: *FATF report*. Available at: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf> (accessed February 28, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA S. MOCHALKINA – postgraduate student at the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1851-1111>, e-mail: irinka282@gmail.com

Received March 21, 2021

Lawful and Unlawful Acts in the System of Legal Facts of Penal Law: Theory of the Issue

EGOR E. NOVIKOV

University of FSIN Russia, Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers lawful and unlawful acts as major types of legal facts that influence the functioning of penal relations. In the theory of law, these legal phenomena have remained virtually outside the scope of scientific attention; such a situation is contrary to the needs of penal science and application practice. *Aim:* by analyzing lawful and unlawful acts, we seek to identify features, signs and internal content of these legal facts, to identify issues related to enacting the analyzed legal phenomena in the norms of law, and to determine ways to address these issues. *Methods:* comparative legal method, empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic, interpretation of legal norms. *Results:* the analysis of lawful acts allowed us to identify their features, internal content and recommendations for their consolidation. Having studied unlawful acts, we were able to consider the essence, types and features of objectively illegal acts committed by convicts. *Conclusions:* when studying lawful acts, we formulated a conclusion that the legislator should exclude lawful omission where it “intersects” with the obligation of the subject of penal legal relations to act (when the right of the subject is, in fact, their duty). The article summarizes, that the commission of an objectively illegal act by the convict should not be the basis for bringing them to liability. Legal facts that indicate a different (not objectively illegal) delinquent behavior of a convict, regardless of its type, should entail that the convict be held liable mandatorily. However, the legislator does not record these infringing legal facts in the chapters that regulate the execution and serving of sentences in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, in the form of arrest and all types of punishments intended for military personnel; all this, we believe, significantly complicates the development of penal legal relations.

Key words: legal facts; lawful acts; unlawful acts; penal legal relations; objectively illegal acts; unlawful omission; lawful omission.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Novikov E.E. Lawful and unlawful acts in the system of legal facts of penal law: theory of the issue. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 387–395. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-387-395.

Introduction

The theory of legal facts does not belong to the new branches of legal science; pre-revolutionary and Soviet jurisprudence, legal scholars of modern Russia [3; 6; 15; 19] and foreign countries tried to tackle problems related to facts [16–18].

Nevertheless, noting a high level of scientific elaboration on the theory of law, we have to admit that the facts that influence the functioning of penal relations have remained outside the scope of scientific attention; such a situation does not satisfy the needs of penal science and application practice. Only some legal schol-

ars, namely N.M. Ibragimova, N.I. Polishchuk, V.I. Pinchuk, A.S. Sevryugin, have produced thorough answers to a number of specific issues concerning the legal phenomena under consideration.

We should note that the norms of penal law contain both lawful and unlawful legal acts, which can be divided into actions and omissions.

Lawful and unlawful actions and omissions as legal facts that influence the functioning of penal legal relations.

The legality of an act of the subjects of penal legal relations determines the presence of

permission, obligation or prohibition of certain behavior in law. In other words, a legitimate legal action/omission will be the active/passive behavior of legal entities that implement the norms of permission, obligation and prohibition established by law.

Revealing the features of lawful actions of the subjects of penal legal relations, we note that they are aimed at the use of permissive norms and execution of binding norms (fig. 1). Proceeding from the viewpoint of N.G. Aleksandrov, who consolidates "possible behavior and required proper behavior in legal norms...

in the form of models of legal subjective rights and legal obligations" [13, p. 541], the legislator directs the activities of the subjects of legal relations toward achieving the goals set out in the penal legislation.

Lawful legal facts-actions of the subjects of penal legal relations with the use of permissive norms comply with the following requirements (features):

- the emergence of these legal facts should not be driven by the compulsion of the subject of the legal relationship to implement permissive regulations;

Figure 1

Правомерные деяния – Lawful acts; Правомерные действия – Lawful actions; Правомерные бездействия – Lawful omissions; Использование дозволяющих норм – Use of permissive norms ; Исполнение обязывающих норм – Execution of binding norms; Соблюдение запрещающих норм – Compliance with prohibiting norms

- the refusal of the subject of law to use the considered facts and actions should not contribute to bringing the participant of a penal legal relationship to any type of liability;

- the subject of penal legal relations should be able to implement lawful facts-actions without hindrance;

- these legal facts should entail the emergence of the following possibilities for the authorized subjects of penal legal relations: 1) to enjoy material or spiritual benefits and/or 2) to require other persons to perform actions that correspond to the content of the legal fact and the relevant legal relationship.

The features inherent in legitimate legal facts-actions and based on the execution of binding norms by the subjects of law are qualitatively different from those discussed above. These features include the following:

- the subject of penal legal relations should initiate the occurrence of a given legal fact-ac-

tion regardless of their personal attitude toward the actions performed and the legal relations they may generate;

- the refusal of the subject to perform legitimate legal facts-actions based on the implementation of binding norms should ensure that the subject of penal legal relations be brought to liability mandatorily;

- the performance of these legal facts-actions may or may not satisfy the interests and needs of the persons who perform them (for example, when a convict sentenced to imprisonment arrives at their workplace, this fact may or may not represent a legitimate legal fact-action that generates legal relations satisfying the interests and needs of the convict).

These legal facts are represented in penal law by a large number of legal prescriptions. Thus, if a convict purchases foodstuffs (Article 88 of the RF Penal Enforcement Code) then the fact of purchase, which is aimed at imple-

menting the rights of the convict (i.e., norms of permission) to obtain ownership, will be legally significant; and the actions of an individual, which are associated with compensation for the damage (Article 102 of the RF Penal Enforcement Code) inflicted on the correctional facility, constitute a legal fact that supports the corresponding binding norm.

We believe that a lawful action does not involve the use of prohibiting norms, since they declare that the subject should not perform certain actions defined in the law: the behavior of an individual who violated the requirement that proceeds from a prohibiting norm cannot be called a lawful action.

Lawful legal facts-omissions influence legal relations focused on compliance with prohibitive norms and the use of permissive norms.

Previously, penal science has not focused on analyzing lawful omission as a legal fact. But, according to the study of legal doctrine, we can conclude that in a limited number of works it allows for the existence of lawful omission. Thus, according to the opinion of V.N. Kazakov, lawful omission is the behavior of subjects of law that is aimed at "... the implementation of the vast majority of prohibitive norms..." [3, p. 20].

It is difficult to overestimate the importance of lawful legal facts-omissions focused on compliance with prohibiting regulations. We agree with N.N. Rybushkin, who points out that "while complying with prohibiting norms, subjects of law in a way separate themselves from displacing relations and do not enter into them" [12, p. 17].

For example, convicts serving sentences in the form of corrective labor are prohibited from resigning voluntarily (Part 3 of Article 40 of the RF Penal Enforcement Code); the administration of the correctional institution must not use convicts to perform the works (e.g., maintenance and repair of technical means of protection and supervision, etc.) established by the internal regulations of the correctional institution (Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation no. 295 dated December 16, 2016). Passive conduct in the above examples is socially useful, necessary and required, and it plays a positive role and serves as a condition for the normal functioning of penal legal relations. The subjects avoid conflicts and take into account public interests by observing the prohibitions aimed at preventing possible implications that are undesirable for society, the state, and individuals [10, p. 159].

The conduct of the subjects of penal legal relations that are connected with the non-use of permissive norms can also be a lawful legal fact-omission that affects penal legal relations.

V.N. Kudryavtsev spoke about the obligation to distinguish lawful omission. However, he rightly notes that in some cases the benefits of non-implementation of permissive norms are questionable. The researcher argues that "if compliance with prohibitions does not arouse doubt from the point of view of usefulness and adequacy", then the second type of lawful omission, "consisting in the non-use of one's right", is heterogeneous" [4, p. 137]. In other words, the omission of the subjects of penal legal relations who do not use permissive regulations is not always necessary, justified and useful.

We can provide the following examples of legal facts-omissions, which on the one hand are lawful and on the other – questionable and hindering normal functioning of penal legal relations:

– when a convicted person serving a sentence in the form of corrective labor or imprisonment does not apply to the authorities of the penitentiary institution with a statement about ensuring his/her personal safety (Part 2 of Article 13 of the RF Penal Enforcement Code). According to 76% of surveyed staff of pre-trial detention facilities and correctional facilities, it is not always possible to eliminate threats to personal safety in a timely manner if there is no application from the convicted individual;

– we agree with the opinion of the majority of staff of probation inspectorates (82%) who noted that the cases when pregnant convicts do not appeal to the court with a petition for suspension of sentence in the form of compulsory labor (Part 3.1 of Article 26 of the RF Penal Enforcement Code) or corrective labor (Part 5 of Article 42 of the RF Penal Enforcement Code) negatively affect the relations in the sphere of execution and serving criminal sentences;

– the cases when ill convicts sentenced to compulsory labor (Part 3 of Article 26 of the RF Penal Enforcement Code) or corrective labor (Part 4 of Article 42 of the RF Penal Enforcement Code) do not appeal to the court for exemption from punishment due to the fact that they have a severe disease also affects penal relations.

Thus, the refusal of convicts to use their rights in some cases negatively affects the development of penal legal relations, but the person bears no responsibility for such conduct.

Penal legislation contains similar legal facts-omissions (i.e., facts based on the non-use of a right, but generating negative implications) that illustrate the conduct of agents executing criminal penalties (measures), for example, when prison staff do not use incentive measures such as rewards in relation to convicts when there is sufficient reason to do so: "... good demeanor, conscientious attitude toward labor and education, active participation in educational activities" (Paragraph 1 of Article 113 of the RF Penal Enforcement Code).

However, it would be fair to note that most often the above-mentioned omissions on the part of prison staff not only have a negative impact on the development of penal legal relations, but can also be the basis for bringing them to justice. This happens when the right of the subjects of legal relations is, in fact, their official duty. In this case an individual cannot refuse to exercise the right enshrined in the law. Otherwise, the omissions of participants of legal relations based on these specific rules would be a legal fact, which gives rise to legal liability. Considering this phenomenon, V.N. Kudryavtsev notes that in order to avoid a negative outcome, law enforcers should answer the following question: does the use of their rights coincide with the non-fulfillment of their duties? [4, p. 137].

In penal law, one can distinguish an extensive list of legal facts that have a similar dual nature:

- prison administration may not waive its right to perform inspection of persons, their belongings, and vehicles in the territory of the prison and its adjacent areas that are under the requirements of the regime, and may not waive its right confiscate prohibited items and documents (Part 6 of Article 82 of the RF Penal Enforcement Code);

- prison administration may not waive its right to use audio-visual, electronic, or other technical means of supervision and control to prevent jailbreaks and other violations of law (Part 1 of Article 83 of the RF Penal Enforcement Code), etc.;

The considered coincidence of the use of one's rights with the performance of one's duties in penal law is found only in subjects who execute criminal penalties (measures).

We should note that the presence of such norms in penal law may lead to their incorrect interpretation by practitioners and to subsequent omissions, which negatively affect the functioning of penal legal relations. This thesis is confirmed by the results of a survey of prison staff, 22% of which indicated that the staff may

not apply penalties (!) to the convicts in case they committed a violation, since it is the right of the staff, rather than their obligation.

It is possible to find a solution to this issue, first, not only through legal education (as V.N. Kudryavtsev points out), but also by revising the content of such norms. Thus, we believe that it is possible to eliminate negative implications of lawful omissions, which arose after an ill convict sentenced to compulsory labor had not submitted an appeal for exempting them from serving their sentence, if correctional institutions will have the right to petition the court for the convict's exemption.

Second, if the legislator transfers certain rights into the category of duties, it would also help eliminate some negative omissions. For example, Part 6 of Article 82 of the RF Penal Enforcement Code must contain a statement that prison administration has not the right, but the obligation, to perform inspection of persons, their belongings, and vehicles in the territory of the prison and its adjacent areas that are under the requirements of the regime, and confiscate prohibited items and documents, the list of which is established by the legislation of the Russian Federation and internal regulations of correctional institutions.

It is necessary to emphasize that not every lawful omission should be considered as a legal fact. It can be considered as such if it does not have a direct impact on the functioning of penal legal relations, if it is not legally significant, i.e. does not generate, change, suspend or terminate legal relations. For example, if a convict does not use their right to phone calls, it is a lawful omission, but not a legally significant fact, since it does not affect the functioning of any penal legal relations.

Lawful omission includes such legal facts that can only act as elements of the actual composition. In penal law, omission, in the absence of its connection with other legal facts, will not give rise to legal relations. But this does not diminish the role of the conduct under consideration, since each of the elements of the actual composition is important in its own way and has an independent significance.

Let us consider the following example: penal legal relations connected with a convict being transferred from the medium security prison to a relaxed security prison will not occur if there are no facts to which the legislator has attached legal value by enshrining them in law: the lack of penalties for violations of the established order of serving the sentence, and conscientious at-

titude toward work (Part 2 of Article 120 of the RF Penal Enforcement Code).

In this case we are interested in the absence of penalties for violation of the established order of serving a sentence, which may be formed only if there is a legal symbiosis between the lawful action and compliance with binding norms (conscientious attitude toward labor) and the lawful omission oriented toward observance of the norms that prohibit, for example, consumption of alcoholic beverages or narcotic drugs or psychotropic substances, disobedience to prison administration, gatherings of convicted persons for the purpose of committing offenses, etc. In this case, lawful omission will be a legal fact, the mandatory presence of which entails the formation of appropriate penal legal relations.

Speaking about unlawful acts (fig. 2), first of all, we should note that the theory of law clas-

sifies unlawful conduct into objectively illegal acts and infringing legal facts.

Despite obvious interest of legal scholars such as S.S. Alekseev, V.B. Isakov, S.I. Samishchenko, A.M. Khuzhin to objectively illegal acts, this issue has not become a subject of thorough research in Russian science. We agree with I.A. Minnikes [6, p. 19], who notes that the situation in educational literature is largely similar: only some textbooks on the theory of state and law mention this type of acts. Penal science is not an exception, because it has not considered the issues of objectively illegal conduct as a legal fact at all.

Almost all representatives of legal science who classify unlawful acts into these two types note that objectively illegal conduct is an illegal, disapproved, harmful, but crimeless act, which is expressed in non-fulfillment of legal obligations and non-compliance with prohibitions [1, p. 353].

Figure 2. Unlawful acts

Неправомерные деяния – Unlawful acts; Действия/бездействия (активные/пассивные) – Actions/omissions (active/passive); Объективно-неправомерные деяния – Objectively unlawful acts; Правонарушающие – Infringing; Незначительные проступки – Minor offences; Правонарушения, детерминирующие признание осужденного злостным нарушителем – Offences determining the recognition of a convict as persistent offender

Objectively illegal acts contained in penal law can be divided into two groups:

1) the first group should include objectively illegal acts that are contained in penal law, but the legal relations they affect are outside the scope of the subject of penal legal regulation. These are “classic” legal facts of this kind, and

they are contained in the legislation under consideration in a limited number. They can, for example, include crimeless infliction of material damage on the correctional center by the convict (Part 2 of Article 60.20 of the RF Penal Enforcement Code) or unintended infliction of bodily self-harm (Part 2 of Article 102 of the RF

Penal Enforcement Code). First of all, the group includes acts that have resulted in work-related accidents and injuries. For example, in 2018, the number of convicts who were injured at work amounted to 228 people [8, p. 60].

2) the specific feature of the second group of legal facts is that they have a direct impact on the legal relations functioning in the sphere of execution and of criminal penalties (measures). These legal facts include objectively illegal acts, which are such due to the presence of "... a certain reason that prevented the convicted person from fulfilling the requirements defined by law" [11, p. 118]. We are talking about viable reasons, the presence of which excludes the possibility of bringing a person to justice for committing an unapproved act. As an example, let us look at the following objectively illegal acts, which are considered as such in connection with valid reasons: absence from compulsory work for more than two times during the month (Part 1 of Article 30 of the RF Penal Enforcement Code); non-compliance of the convict, who is sentenced to incarceration, with restrictions established by the court (Item "b" of Part 1 of Article 58 of the RF Penal Enforcement Code); failure of the convict to visit a probation inspectorate to undergo registration (Item "g" of Part 1 of Article 58 of the RF Penal Enforcement Code) [7, p. 45-51]; refusal to work or stoppage of work (Part 1 of Article 116 of the RF Penal Enforcement Code), etc.

Acts included in both groups possess all the features inherent in objectively illegal conduct.

First, the formal sign of such behavior is illegality, which is expressed in violation of the norms of law. The behavior of a convicted person is illegal if it does not meet the requirements of binding or prohibiting norms. For example, infliction of material damage on the correctional facility or infliction of bodily self-harm violate the provisions of federal legislation (Part 2 of Article 11 of the RF Penal Enforcement Code) and by-laws, which state that the convicted person is obliged to "take care of the property of the correctional facility and other types of property" (Item 15 of Section IV of the Order of the Ministry of Justice no. 329 dated December 29, 2016) and not to inflict "bodily self-harm" (Item 17 of Section III of the Order of the Ministry of Justice no. 295 dated December 16, 2016).

Second, the objectively illegal acts that we are considering in this paper are committed guiltlessly, i.e. the person does not realize and cannot realize the illegality of their actions due to the circumstances of the case, or does not

foresee the possibility of negative implications and cannot and should not have foreseen them due to the circumstances of the case [4, p. 62], or cannot prevent the occurrence of negative consequences due to the presence of exceptional circumstances. We believe that the legislator, when determining the category of "viable reason", assumes that the convicted person, according to the general rule, is aware of and anticipates the onset of consequences, but the presence of exceptional circumstances does not allow them to fulfill the duty or comply with the prohibition.

Third, such behavior has a negative impact on the functioning of correctional institutions and causes harm.

Fourth, since they are legal facts, the objectively illegal acts cannot but affect the functioning of legal relations. The first group of legal facts, as we have already noted above, affects the functioning of legal relations that are outside the scope of penal legal regulation. The objectively illegal acts that belong to the second group of legal facts generate, change or terminate legal relations that are directly influenced by the norms of penal law.

Fifth, a convicted person, having committed an objectively illegal act, may refrain from participating in the restoration of the violated penal relations, and may not be held liable (note: we share a viewpoint of some legal authors who state that in some cases objective liability takes place in legal relations regulated by state civil (private) and international law. See, for example: [5, p. 44]). In this context, we agree with A.M. Khuzhin [14, p. 20; 15], who notes that an individual should be held liable only for the commission of an offense that includes all the components inherent in misconduct, including such component as guilt.

The convict's volitional conduct that interferes with the normal functioning of penal legal relations is an infringing legal fact that entails bringing the convict to disciplinary liability. We share the opinion of L.I. Petrazhitskii, who points out that "illegal and prohibited actions are such actions or omissions that are contrary to the requirements ("dictates") of the law and lead to known (unprofitable for the violator) legal implications, for example, an obligation to compensate for the damage caused or to suffer punishment" [2, p. 361].

The presence of these legal facts indicates the non-performance or improper performance of binding norms and non-compliance with the prohibiting prescriptions. Proceeding

from the content of this statement, we can distinguish three groups of legal facts that indicate the convict's infringing conduct:

1) non-performance of duties. These legal facts, compared to the other two, are represented in penal legislation in the greatest number; it is for a reason, since the legislator focuses more on formalizing in the RF Penal Enforcement Code those duties of convicts, the non-execution of which entails the emergence, change or termination of penal relations;

2) improper performance of duties. These legal facts in their legal nature are as similar as possible to those discussed above. However, their presence indicates that the convict *de jure* did not refuse to perform the prescribed duty, but performs it carelessly, untimely, incorrectly, inaccurately, and not in full. According to the staff of correctional facilities, legal facts of this kind can include, for example, failure to keep one's sleeping place and working place tidy and in order, failure to observe personal hygiene rules in full, etc. In the above examples convicts do not refuse to perform the established duties, rather, they do not fulfill them to the fullest extent.

3) non-compliance with prohibitions. The presence of this legal fact indicates that the purpose of the prohibition, which is to keep convicts from committing an unlawful act ("... and thereby achieve a conflict-free state of public relations" [11, p. 12]), has not been achieved.

The analysis of penal legislation proves that the failure of convicts to comply with prohibitions is what the legislator "condemns" more than other cases of their misdemeanor. In other words, the presence of a separate legal fact, as a general rule, is the basis for bringing a convict to a more serious type of liability; this is pronounced most clearly in the norms governing the execution and serving of custodial sentences. For example, all the acts stipulated in Part 1 of Article 116 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (this part establishes the infringing conduct of a convict, for which they can be recognized as maliciously violating the established procedure for serving a custodial sentence) are legal facts emerging in connection with the violation of a prohibition.

Infringing legal facts can also be divided into two types: 1) minor offenses and 2) legal facts, that lead to recognizing the convict as maliciously evading serving a sentence (measure) and also as maliciously violating the established procedure for serving a sentence (this category should also include a legal fact that

gives grounds for recognizing probationers as persons who systematically violate the requirements imposed on them).

The infringing legal facts that belong to the first group are convicts' acts that are condemned by law, but to a lesser extent. These legal facts, regardless of what type of punishment they characterize, contain the conduct that causes minor harm to penal legal relations. The convict is recognized as a "conventional" violator rather than malicious violator. However, if a convict commits the same offense again, then in a number of cases it leads to this legal fact being "transferred" to the second group.

For example, a one-time violation of work discipline by a person sentenced to compulsory labor is a legal fact that gives rise to legal relations in the field of recognizing a person as a violator of the conditions for serving the relevant sentence. This behavior is condemned, but it is recognized as insignificantly violating penal legal relations. But if the convict violates work discipline once again within a month, this will be the fact for recognizing the convict as maliciously evading compulsory works (Part 1 of Article 30 of the RF Penal Enforcement Code), which gives rise to legal relations in the sphere of replacing compulsory works with other kinds of punishment (Part 2 of Article 29 of the RF Penal Enforcement Code).

Legal facts with similar content can be also found in those chapters of the RF Penal Enforcement Code that regulate the execution (serving) of punishment in the form of corrective labor (Part 3 of Article 46 of the RF Penal Enforcement Code), incarceration (Part 4 of Article 58 of the RF Penal Enforcement Code), compulsory labor (Part 3 of Article 60.15 of the RF Penal Enforcement Code).

In addition, legal facts of the second group should include those infringing acts that significantly violate penal legal relations. Committing *even one* such act is the basis for the emergence of legal relations in the sphere of recognizing the convict as maliciously evading serving the punishment (measures) and as the worst offender of the established order of serving the sentence. Such legal facts include, for example, non-payment of the fine (Part 1 of Article 32 of the RF Penal Enforcement Code); concealment of the place of one's location (residence) (Item "c" of Part 1 of Article 30, Part 3 of Article 46, Item "c" of Part 4 of Article 58 of the RF Penal Enforcement Code), the convict's refusal to use technical means of supervision and control (Item "b" of Part 4 of Article 58 of the

RF Penal Enforcement Code); consumption of alcoholic beverages, narcotic drugs or psychotropic substances (Item "a" of Part 2 of Article 60.15, Part 1 of Article 116, Part 7 of Article 178 of the RF Penal Enforcement Code); refusal to work or stoppage of work (Part 6 of Article 103 of the RF Penal Enforcement Code); all the acts contained in Part 1 of Article 116 of the RF Penal Enforcement Code, etc.

We should emphasize that there is no information on infringing legal facts in the chapters regulating the execution of and serving punishments in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, arrest and all types of punishments intended for military personnel.

We should note in brief that infringing legal facts, as well as lawful facts, can be expressed in the active and passive forms of conduct. An unlawful act and an unlawful omission can be oriented toward a refusal to fulfill binding norms or comply with prohibitory norms. For example, unlawful actions of a convict aimed at insulting prison staff should be accompanied by appropriate actions of the individual oriented toward the violation of a binding norm (Part 4 of Article 11 of the RF Penal Enforcement Code), and a convict's misconduct related to the consumption of alcoholic beverages, narcotic drugs or psychotropic substances (Part 1 of Article 116 of the RF Penal Enforcement Code) is evidence of an active refusal to accept a prohibitory norm.

An individual's failure to appear before the administration of the correctional institution can be called unlawful omission (Part 5 of Article 11 of the RF Penal Enforcement Code). In this case the convict violates a binding norm, and as for the passive behavior related to work stoppage aimed at resolving a labor dispute, it does not meet a requirement set out in the corresponding prohibitory norm (Part 6 of Article 103 of the RF Penal Enforcement Code).

Conclusion

Summing up, we find it necessary to make the following conclusions:

1. Lawful actions of participants of the legal relations under consideration are aimed at using permissive norms and complying with

binding norms. At the same time, the features inherent in a lawful action based on the use of permissive norms and the features inherent in the execution of binding norms should be taken into consideration by the subjects of penal legal relations. In this regard, a lawful action does not imply the use of prohibiting norms, since according to this type of instruction the subject is not to perform certain actions defined by law: one cannot say that the behavior of an individual who violated a requirement that proceeds from a prohibiting norm is a lawful action.

Lawful legal facts-omissions influence the legal relations focused on observing prohibitory norms and complying with permissive norms.

2. The regulations that promote the emergence of a lawful omission where it intersects with the subject's obligation to act (when the right of the subject is, in fact, their duty) should be excluded from penal legislation.

3. Convicts' objectively illegal conduct should not entail their bringing to liability. However, objectively illegal conduct can generate other penal legal relations that proceed from the order of execution of a criminal penalty. For example, when a convict fails to arrive at a probation inspectorate to undergo registration, and there are valid reasons for this failure, then such a situation generates legal relations connected with checking the validity of this information, organizing additional supervision over the convict's behavior, and taking measures so as to prevent new cases of objectively illegal conduct on the part of the convict.

4. Legal facts of convicts' infringing conduct, regardless of their type (active/passive, insignificant/significant, based on non-performance of duties/ non-compliance with a prohibition), should entail liability. However, the legislator does not record these infringing legal facts in the RF Penal Enforcement Code in the chapters regulating the execution of and serving punishments in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, arrest and all types of punishments intended for military personnel, which, in our opinion, significantly complicates the development of penal legal relations.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava*. T. 1. [Issues of the law theory. Volume 1]. Sverdlovsk, 1972. 396 p.
2. Antonyan A.G. *Otsenochnye kategorii v ugovolno-ispolnitel'nom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Evaluation categories in penal law: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Tomsk, 2016. 232 p.
3. Kazakov V.N. *Pravomernoe povedenie i pravoporyadok: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Lawful behavior and legal order: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow, 1999. 185 p.

4. Kudryavtsev V.N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* [Legal behavior: norm and pathology]. Moscow: Izdatel'stvo nauka, 1982. 289 p.
5. Kuz'min I.A. Objectively-illegal act as the basis of objective (innocent) responsibility. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo=Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2011, no. 1 (26), pp. 39–44. (In Russ.).
6. Minnikes I.A. Objectively unlawful act. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Law Journal*, 2008, no. 2 (59), pp. 19–23. (In Russ.).
7. Mursalimov K.A. Problematic aspects of proceedings in cases of administrative offenses in the activities of penal inspections. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii=Public Safety, Lawfulness and Legal Order in the Third Millennium*, 2018, no. 4, pp. 45–51. (In Russ.).
8. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy yanvar' – dekabr' 2018 g. Informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system for January – December 2018. Information and analytical collection]. Tver, 2018. 294 p.
9. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti* [Theory of the law and state in relation with the theory of morality]. Saint Petersburg: Lan', 2000. 608 p.
10. Prusakov A.D. *Deistvie i bezdeistvie kak formy yuridicheski znachimogo povedeniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk* [Action and omission as forms of legally significant behavior: Doctor of Sciences (Psychology) dissertation]. Saratov, 2008. 238 p.
11. Rad'ko T.N. Prohibiting norms in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Akademii prava i upravleniya=Bulletin of Academy of Law and Management*, 2018, no. 3 (52), pp. 9–17. (In Russ.).
12. Rybushkin N. N. *Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave* [Prohibiting norms in the Soviet law]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1990. 113 p.
13. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of law and state]. Ed. by N.G. Aleksandrov. Moscow, 1974. 640 p.
14. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: avtoreferat dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Nizhny Novgorod, 2000. 23 p.
15. Khuzhin A.M. *Ob"ektivno-protivopravnoe povedenie v rossiiskom prave: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Objectively unlawful behavior in the Russian law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Nizhny Novgorod, 2000. 158 p.
16. Bakirova E.Yu., Kuksin I.N., Lepeshkina O.V., Umarova A.A., Vlasenko N.A. Classification of jural facts in the legal system: experience of the legislation of the countries of the Commonwealth of Independent States. *Talent Development and Excellence*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 1311–1317.
17. Hage J. Dick W.P. Ruiters. Institutional legal facts: legal powers and their effects. *Artificial Intelligence and Law*, 1999, vol. 7, no. 4, pp. 377–385.
18. Ramm Th. *Einführung in das Privatrecht. Allgemeiner Teil des BGB*. München: Deutschen Taschenbuch, 1974. 916 p.
19. Voronin I.K. Ways of fixing legal facts in Roman law. *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 2019, vol. 139, pp. 676–681.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EGOR E. NOVIKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Faculty of Law, University of FSIN Russia, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1556-1364>, e-mail: mavr-85@mail.ru

Received May 15, 2020

Some Issues Related to the Implementation of the Right to Protection by Individuals in Respect of Whom Criminal Proceedings Are Carried Out to Prove Them Guilty of Committing a Crime

OL'GA P. ALEKSANDROVA

Pskov State University, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

LYUDMILA YU. BUDANOVA

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Abstract

Introduction: the article deals with the issues of protection of the rights and freedoms of persons against whom criminal proceedings are carried out to prove them guilty of committing a crime; these issues have always been in the focus of attention of the progressive world community and the legislator. *Aims:* to analyze the legislation and law enforcement practice of Russia and some other countries in the field of the implementation of the right to protection by persons against whom criminal procedural activities are carried out to prove them guilty of committing a crime, to identify problem issues of a legal nature in this field, and to formulate scientifically substantiated recommendations to address them (minimization). *Methods:* the dialectical method of scientific knowledge forms the methodological basis of our study. We also use the following methods of scientific cognition: systematic, formal-logical, comparative-legal, etc. *Results:* the practice of ensuring the right to protection from suspicion or charge, including the decisions of the European Court of Human Rights, shows that not all issues of legal regulation in this area have been resolved to a degree that satisfies science and practice; human rights established by international legal standards are still being violated, the principle of adversarial parties in criminal proceedings is not implemented to the fullest extent, especially in pre-trial proceedings. *Discussion:* currently, the following issues are debatable: about the possibility of participation of the defender before an official suspicion or charge is brought against the person in an initiated criminal case (from the moment of the beginning of the implementation of procedural actions against a person, aimed at verifying the report of a crime and the involvement of the person in the commission of this crime, before the initiation of a criminal case, as well as from the moment of the implementation of a procedural action in an initiated criminal case affecting the rights and freedoms of the person against whom it is being carried out, and aimed at proving them guilty of committing the crime); about the possible participation of another person as a defender upon the request of the defendant, as well as the scope of the requirements such persons should comply with, and a set of criteria, according to which a decision should be made to allow the individual who does not have the status of defense attorney to act as a defender. *Conclusions:* based on the results of the study, we formulate proposals for improving the criminal procedure legislation aimed at expanding the scope of possible participation of a defender in criminal proceedings at the stage before the official suspicion or charge is brought, and determining the procedure for considering applications for allowing other persons who do not have the status of defense attorney to act as a defender.

Key words: criminal prosecution; defender; defense attorney; petition.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Aleksandrova O.P., Budanova L.Yu. Some issues related to the implementation of the right to protection by individuals in respect of whom criminal proceedings are carried out to prove them guilty of committing a crime. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 396–404. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-396-404.

Introduction

In any country governed by the rule of law, the highest value is the rights and freedoms of man and citizen. Their recognition, observance and protection are the responsibility of the government and its law enforcement agencies. Ensuring the rights and interests of an individual and the protection of persons subjected to criminal prosecution are associated with the problems of implementing the principle of adversarial parties in pre-trial proceedings, ensuring a balance of legal capabilities of the defense and the prosecution, which is in line with the ideas of fair justice [3, pp. 66–67].

Often, the attention of the legislator and processualists is drawn to problematic aspects related to proving the person's guilt in the commission of a crime before the official suspicion or charge is brought against them in the initiated criminal case (from the moment of launch of procedural actions against the person aimed at verifying the report of a crime and the person's involvement in the commission of this crime before the initiation of a criminal case, as well as from the moment of the implementation of a procedural action in the initiated criminal case affecting the rights and freedoms of the person, against whom it is initiated, and aimed at proving them guilty of committing the crime), as well as issues of participation of other persons who do not have the status of defense attorney, as defenders, and the scope of the requirements imposed on the latter.

Thus, in 2013, Article 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was supplemented by Paragraph 6, which provides for the participation of a defense attorney not only from the moment of official suspicion or charge, but from the moment of the launch of procedural actions affecting the rights and freedoms of the person against whom the report of a crime is being checked [12]. In 2017, the RF Criminal Procedure Code was amended to expand the powers of the defender in criminal proceedings [13].

Materials and methods

The theoretical basis of our research consists of the works of authors who studied the defense in criminal proceedings (A. Belanger [22], B.J. Brock [22], A.V. Endoltseva [9], A.M. Kogamov [23], G.M. Reznik [17], E.V. Skoba [18], J. Temminck Tuinstra [24]), the problems of the participation of the defender in pre-trial proceedings and the term "suspicion" (V.N. Avdeev [1], K.S. Agabekov [2], S.S. Bezrukov [11],

B.B. Bulatov [4], O.A. Voltornist [5], I.O. Voskoboynik [1], A.S. Vrazhnov [6], A.V. Grinenko [7], A.A. Davletov [8], L.M. Duseynova [25], V.V. Nikolyyuk [11], I.V. Ovsyannikov [14], S. Tynybekov [25], G.P. Khimicheva [19], O.V. Khimicheva [20], D.V. Sharov [20]), issues of participation of a person who does not have the status of a lawyer as a defender in pre-trial proceedings (S.M. Asmat [21], S.A. Kuzor [15], E.G. Larin [10], Yu.G. Ovchinnikov [15], E.T. Nurmaganbet [21]), etc.

The methodological basis of our study is the dialectical method of scientific cognition. Finding a solution to the research problem was facilitated by the use of the following methods of scientific cognition: system, formal-logical, comparative-legal, etc.

Discussion

Despite the large number of studies conducted and the steps taken by the legislator to improve the protection of persons against whom the prosecution implements criminal procedural activities to prove them guilty of committing the crime, the practice of ensuring the right to protect persons from suspicion or charge (as well as the practice that takes into consideration the decisions of the European Court of Human Rights), indicates that not all issues of legal regulation in this area have been resolved to a degree that satisfies science and practice.

According to the analysis of the decisions of the European Court of Human Rights, we see that complaints about violations of Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950, which established the right to defend oneself personally or through the representation of a defender, are not uncommon among complaints against the Russian Federation; and the ECHR finds violations of international law and concludes the consideration of such complaints with a decision on the award of monetary compensation. Thus, the ECHR revealed violations related to the failure to ensure the right to use the help of a defender or the late provision of this right (ECHR decision of March 26, 2015 in the case "Volkov and Adamskiy v. the Russian Federation" (complaints no. 761409 and 30863/10); ECHR decision of October 6, 2015 in the case "Turbylev v. the Russian Federation" (complaint no. 472209); ECHR decision of December 11, 2018 in the case "Rodionov v. the Russian Federation" (complaint no. 9106/09)).

Reasoning

Fundamental human rights and freedoms are recognized and protected by international legal acts. The vast majority of legal norms contained in international regulations (Articles 7 and 11 of the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948; Articles 2 and 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) adopted by the UN General Assembly Resolution 2200A (XXI) on December 16, 1966; Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms adopted on November 4, 1950; Basic Principles on the Role of Lawyers adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, Havana, Cuba August 27 to September 7, 1990) are aimed at protecting and ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of the individual, especially in criminal proceedings initiated against them.

International standards in the field of protection from criminal prosecution have also been implemented in the criminal procedure legislation of many countries, including the countries of the Commonwealth of Independent States.

For example, the criminal procedure codes of the Russian Federation (CPC RF), the Republic of Kazakhstan (CPC RK), the Republic of Belarus (CPC RB), the Republic of Uzbekistan (CPC RU), the Republic of Moldova (CPC RM) contain norms and principles on ensuring the right to protection (Article 16 of CPC RF, Article 26 of CPC RK, Article 17 of CPC RB, Article 24 of CPC RU, Article 17 of CPC RM). These articles deal with ensuring the right to protection of persons who have an official status of suspect or defendant, and they can exercise this right both personally and with the help of a defender. At the same time, in the norms of the codes of Kazakhstan and Moldova, the list of participants in the process, who are guaranteed the right to defense, is not limited to suspects and defendants.

Thus, according to Article 26 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, a witness also has the right to defense, if in the application and report on a criminal offense he/she is indicated as the person who committed this offense, or a witness participating in the criminal process testifies against him/her, but he/she is not subjected to procedural detention or a decision is not made to recognize him/her as a suspect.

In accordance with Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova,

during the entire criminal proceedings, the parties (suspect, accused, defendant, victim, civil plaintiff, civil defendant) have the right to use the assistance of a defender or to be represented by a defender of their choice or a defense attorney who provides legal assistance guaranteed by the state.

In addition, we should note that the criminal procedure codes of Kazakhstan and Belarus provide a broader concept of criminal prosecution that meets international standards, in contrast with CPC RF. Thus, in accordance with Paragraph 22 of Article 7 of CPC RK, criminal prosecution is a procedural activity carried out by the prosecution in order to establish an act prohibited by criminal law, the person who committed it and the guilt of the latter in committing the criminal offense, as well as to ensure the application of punishment or other measures of criminal legal impact to such a person. A similar definition is contained in Paragraph 48 of Article 6 of CPC RB.

According to paragraph 55 of Article 5 of CPC RF, criminal prosecution is understood as a procedural activity carried out by the prosecution in order to prove the guilt of a suspect accused of committing a crime.

Article 16 of CPC RF, which contains the norms and principles of criminal procedure, points out that the suspect and the defendant are provided with the right to defense, which they can exercise personally or with the help of a defender and (or) a legal representative, and Part 1 of Article 49 of CPC RF defines a defender as a person who protects the rights and interests of suspects and defendants in accordance with the procedure established by CPC RF and provides them with legal assistance in criminal proceedings.

Taking into account the norms mentioned above, the Russian legislator associates the participation of a defender in a criminal case with the presence of an official suspicion or charge in the initiated criminal case, which is reflected in the procedural document established by law, that is, with the implementation of criminal prosecution. However, Paragraph 6 of Part 3 of Article 49 of CPC RF provides for the possibility of participation of a defender from the moment when procedural actions were launched, affecting the rights and freedoms of a person against whom a report of a crime is being checked, that is, when there is no criminal case yet and criminal prosecution under Paragraph 55 of Article 5 of CPC RF is not carried out yet.

The above norm does not correspond to the provisions of Part 1.1 of Article 144 of CPC RF that provide an opportunity to use the services of a lawyer for a person participating in procedural actions when a report on a crime is being checked before the initiation of a criminal case; accordingly, this person does not have the procedural status of suspect or defendant, taking into account the provisions of Articles 46 and 47 of CPC RF. That is, here we are not talking about a defense attorney, but a lawyer who represents the interests of a person participating in procedural actions before the initiation of a criminal case, and who providing legal assistance to them.

In addition, CPC RF distinguishes between the terms “defense attorney” and “defender”, provides for the possibility of participation of one of the close relatives of the defendant or another person, whose participation is requested by the defendant (Part 1 of Article 49) as a defender along with the defense attorney, according to the court decision (instead of a lawyer if the case is considered by a justice of the peace), establishes the right of the suspect and defendant to use the assistance of a defender, including assistance provided on a free-of-charge basis (Article 16, Paragraph 3 of Part 4 of Article 46, Paragraph 8 of Part 4 of Article 47).

A reasonable question arises concerning the possibility of participation of the defender until the official suspicion or charge is raised, which would be reflected in the documents provided for by the criminal procedure legislation. Here we consider it useful to refer to the practice of the European Court of Human Rights, as well as the higher courts of the Russian Federation.

The European Court of Human Rights considers the concept of a “criminal charge” as having an “autonomous” meaning, independent of the categorizations employed by the national legal systems. The European Court of Human Rights understands the charge (in the sense provided for in Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms) as not only the official notification of the charge, but also as other measures related to the suspicion of committing a crime that entail serious consequences or significantly affect the situation of the suspect (the judgment of February 27, 1980 in the case of *Deweere v. Belgium*; the judgment of July 15, 1982 in the case of *Eckle v. Germany* the judgment of December 10, 1982 in the case of *Foti and Others v. Italy*), that is, the ECHR considers it necessary

to apply a substantive, rather than a formal approach.

A classic example in this regard is the judgment in the case of *Deweere v. Belgium*, which states that the Court should be inclined to prefer a “substantive”, rather than a “formal”, conception of the “charge” and is compelled to look behind the appearances and investigate the realities of the procedure in question. Further, the notion of “charge” is defined by the ECHR as the official notification given to an individual by the competent authority of an allegation that he has committed a criminal offence, which substantially affected the situation of the suspect.

Thus, the ECHR understands the accused (suspects) as not only those persons who are formally charged or who are formally recognized as accused or as suspects, but also those against whom any actions are taken that imply such suspicion and can seriously affect the situation of this person.

Back in 2000, the Constitutional Court of the Russian Federation attempted to expand the definitions of the terms “suspicion” and “charge”. In its resolution no. 11-P of June 27, 2000, it pointed out that for the purpose of exercising the constitutional right to the assistance of a lawyer (defender), it is necessary to take into account not only the formal procedural, but also the actual situation of the person against whom a public criminal prosecution is being carried out. At the same time, the fact of criminal prosecution and, consequently, the accusatory activity directed against a particular person may be confirmed by the fact of conducting investigative actions search, identification, interrogation, etc.) against them, and other measures taken to expose them or indicate the existence of suspicions against them (in particular, an explanation in accordance with Part 1 of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation of the right not to testify against oneself). Since such actions are aimed at identifying the facts and circumstances incriminating the person against whom the criminal prosecution is being conducted, he/she should be immediately given the opportunity to seek the help of a lawyer (defender). This ensures conditions that allow this person to get a proper understanding of their rights and obligations, the charges against them and, consequently, to defend themselves effectively, and prevent further recognition of the evidence obtained during the investigation as inadmissible (Part 2 of Article 50 of the Constitution of the Russian Federation).

This position is reflected in further decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, where the concepts of “criminal prosecution” and “charge” are interpreted more broadly than in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Thus, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 29 of June 30, 2015 states that ensuring the right to defense is one of the principles of criminal proceedings at all its stages, and in accordance with it, the right to defense is held by a person in respect of whom procedural actions affecting their rights and freedoms are carried out to verify the report of a crime in accordance with the procedure provided for in Article 144 of CPC RF, as well as any other person whose rights and freedoms are significantly affected or may be significantly affected by actions and measures that indicate an accusatory activity directed against them, regardless of the formal procedural status of such a person.

According to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 11 of March 29, 2016 and the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 23-P of June 13, 2019, criminal prosecution is understood as the adoption of one of the procedural decisions specified in Part 1 of Article 46 or Part 1 of Article 47 of CPC RF, according to which an individual is recognized as a suspect or defendant, or the moment when one of the procedural actions was initiated against the person in accordance with Part 1.1 of Article 144 of CPC RF, or investigative actions aimed at proving their guilt in the commission of the crime, while these actions precede the recognition of this person as a suspect or defendant.

G.P. Khimicheva, O.V. Khimicheva, and D.V. Sharov point out that the notion of “suspect” is gradually being blurred [19] and currently implies not only the person against whom official suspicion has been raised and criminal prosecution is being carried out, but also any other person who is actually being prosecuted for committing a crime and is exposed in this [20].

According to V.N. Avdeev and I.O. Vosko-boynikov, the lawyer who participates in the stage of checking the report of the crime, acquires the procedural status due to the actual situation of their client and the procedural function the lawyer performs, being in some cases the representative, in others – the defender [1].

B.B. Bulatov comes to the conclusion that the modern reality is on the way to extending

the right to protection from actually ongoing prosecution to persons who are not in the relevant procedural position yet [4, p. 4].

In view of the above, we consider it necessary to adjust the notion of “defender” in national legislation and to reflect the possibility of their participation not only from the moment of raising an official suspicion or charge, but also from the moment of carrying out a procedural action affecting the rights and freedoms of the person against whom it is being carried out, and aimed at exposing the latter in the commission of a crime.

Many disputes among the processualists are caused by the regulation allowing a close relative or other person, whose admission is requested by the defendant, to participate as a defender; moreover, there still exist unresolved issues concerning the scope of the requirements imposed on such persons, the criteria, according to which the court decides to allow a person who does not have the status of attorney to act as a defender.

In adopting the Basic Principles on the Role of Lawyers, the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders specifically emphasized that these principles also apply, if necessary, to persons who perform the functions of lawyers without having an official status as such.

The criminal procedure laws of Kazakhstan, Belarus, and Uzbekistan provide for the possibility of admitting close relatives as defenders along with a lawyer (Part 2 of Article 66 of CPC RK, Part 3 of Article 44 of CPC RB, and Article 49 of CPC RU).

Besides, in accordance with Articles 42 and 44 of CPC RU, public defenders sent by non-governmental associations and collectives can participate in court proceedings.

According to Article 47 of CPC RM, other persons can act as a defender, if they are granted the powers of a defender by law from the moment of assuming the obligation to protect the interests of the person in the case and with their consent.

In accordance with Part 2 of Article 49 of CPC RF, defense in criminal proceedings can be carried out not only by an attorney, but also by one of the close relatives of the defendant, as well as by another person for whose admission the defendant applies, but such participation is possible only along with a defense attorney (during the proceedings with a justice of the peace, the specified person can be admitted instead of a lawyer). The participation of a close

relative or other person is possible by a court decision.

This provision of the law has an ambiguous interpretation and contains a number of controversial points.

According to Part 1 of Article 48 of the Constitution of the Russian Federation, everyone is guaranteed the right to receive qualified legal assistance. Part 2 of this rule establishes the right to use the assistance of a lawyer (defender) from the moment of apprehension, detention or arraignment. We would like to draw attention to the fact that the wording contains two terms: a lawyer and a defender. Thus, the Basic Law does not prohibit a person who does not have the status of a lawyer from providing legal assistance.

The legislation does not contain a clear definition of the term "qualified legal assistance", therefore, and perhaps for fear of contradictions between Part 1 of Article 48 of the Constitution of the Russian Federation and Part 2 of Article 49 of CPC RF, the legislator provided that other persons and close relatives can participate in criminal proceedings as defenders only along with a lawyer, because not in every case another person or a close relative has a set of qualities that correspond to the term "qualified legal assistance".

E.M. Ametistov, a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, points out that the guarantee of obtaining qualified legal assistance is a constitutional obligation of the state to provide everyone with a sufficiently high level of legal assistance, but this does not imply the obligation of a citizen to use only this level of assistance, unless, of course, the constitutional principles of legal proceedings, as well as the rights and interests of other persons, are violated [16].

The Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960, before Federal Law 73-FZ of June 15, 1996 amended it, in addition to lawyers, allowed representatives of trade unions and other non-governmental organizations to act as defenders in cases involving members of these organizations, as well as other persons in cases provided for by law. However, after the above-mentioned changes came into force, lawyers and representatives of trade unions or other non-governmental associations were allowed to act as defenders. Close relatives, legal representatives of the defendant, and other persons were admitted by a court order or a judge's order.

It is important to note that in accordance with Part 2 of Article 49 of CPC RF, the participation

of close relatives and other persons is possible only along with a lawyer, except in cases of criminal proceedings before a justice of the peace, while the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 provided for the possibility of their independent participation in criminal proceedings.

Modern law enforcement practice develops in such a way that in pre-trial proceedings, as a rule, the function of defender is performed by a lawyer, and the participation of another person is extremely rare.

However, the defendant may perceive the defender as not just a lawyer: sometimes psychological assistance, as well as moral support, which do not depend on the monetary payment for the provision of services, are more important for the defendant. In addition, the quality of protection, for example, by a person who has an economic education, in the cases of an economic orientation, in some sense, may be higher than with the participation of a person with a legal education. The involvement of such persons in the defense can significantly strengthen it, and the participation of persons who do not seek monetary remuneration is also important for the case.

In 1997, the Constitutional Court of the Russian Federation examined the constitutionality of the provisions of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, according to which only lawyers and representatives of trade unions and other non-governmental associations could participate as defenders in criminal proceedings (Part 4 of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR). The applicants, who were in the status of defendants, wanted to involve legal experts who did not have the status of a lawyer as defenders during the preliminary investigation; the investigators who carried out criminal proceedings did not allow it, arguing that the participation of such persons was not provided for by law. The court and the prosecutor's office recognized the opinion of the bodies that carried out the preliminary investigation as legitimate. The Constitutional Court of the Russian Federation, in its decision no. 2-P of January 28, 1997, stated that the content of the right to choose a lawyer (defender) does not mean the right to choose as a defender any person at the discretion of the suspect or defendant and does not imply the possibility of participation of any person as a defender in the criminal process. The participation of any person of the suspect's or the defendant's choice as a defender during the preliminary investigation

may lead to the fact that the defender will be a person who does not possess the necessary professional skills, which is incompatible with the tasks of justice and the state's obligation to guarantee everyone qualified legal assistance.

A separate opinion was expressed by four judges of the Constitutional Court of the Russian Federation who participated in the consideration of these complaints.

Judge V.O. Luchin recognized that the provisions of Part 4 of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR restrict the right of suspects and defendants to use qualified legal assistance from persons who are not members of bar associations, and do not comply with the Constitution of the Russian Federation.

Judge E.M. Ametistov stressed that the admission of legal experts who do not have the status of lawyers to the defense of suspects and defendants does not contradict defense goals. Taking into account the position of the legislator, which allows persons, who are not required to confirm their qualifications, to act as defenders, and even allows the defendant to decline the services of a defender and defend themselves on their own, this also does not contradict the principles of legal proceedings, established in Part 3 of Article 123 of the Constitution of the Russian Federation.

The dissenting opinions of judges N.T. Vედernikov and V.I. Oleynik also confirm that the admission of a person who does not have the status of a lawyer to participate in the defense does not reduce the quality of the defense.

In addition, the above-mentioned international legal acts do not restrict the right of a suspect or defendant to choose a defender, including another person who does not have the status of a lawyer.

In view of the above, we think that the admission of close relatives and other persons as defenders along with the lawyer at the request of the defendant is very justified from the point of view of strengthening the defense, but the legislation does not clearly establish the procedures for such admission, as well as the requirements for these persons, which in practice gives rise to certain issues.

Conclusion

The analysis of international standards, norms of the criminal procedure legislation of Russia and some other countries in the field of ensuring the right to protection from criminal prosecution allowed us to formulate proposals for improving the institution of defense.

In order to expand the possibilities of using the assistance of a defender and strengthen the adversarial nature of the parties at the pre-trial stages of the criminal process, we find it appropriate to make the following changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation:

1. To supplement Part 1 of Article 49 with the term "defender" in the following wording: "A defender is a person who, in accordance with the procedure established by the present Code, protects the rights and interests of suspects and defendants, as well as persons against whom procedural actions have been initiated during the verification of a report on a crime affecting their rights and freedoms, or persons against whom investigative actions have been initiated that are aimed at proving them guilty of committing a crime and that precede their recognition as suspects or defendants, and who provides them with legal assistance".

2. In Part 3 of Article 49, to replace the words "in a criminal case" with the words "in criminal proceedings".

3. To amend Item 6 of Part 3 of Article 49 of the Code to read as follows: "6) since the beginning of the procedural action that affects the rights and freedoms of the person in respect of whom the message about the crime is being checked in the manner prescribed by Article 144 of this Code, or since the beginning of the investigative action aimed at proving the person guilty of committing a crime".

4. To supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with Article 49.1 "Procedure for considering the application of the accused or defendant for admission of a close relative or other person as a defender in criminal proceedings" in the following wording:

1. Admission of one of the close relatives or another person as a defender along with the lawyer is carried out at the request of the defendant or suspect by the interrogating officer, the investigator or the court before which the criminal case is pending.

2. The application of the defendant or suspect for admission of one of the close relatives or another person as a defender along with the lawyer shall be considered within the time limits established by Article 121 of the present Code.

3. When considering and granting the application for admission of one of the close relatives or another person as a defender along with the lawyer, the investigator, the inquirer and the court must take into account the possibility of participation of such a defender in the case, the

presence or absence of obstacles provided for in Article 72 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as other possible obstacles to the participation of such a defender in the criminal process, including the state of health, age, employment in the main job, education, legal capacity of such a person, and others.

4. The inquirer, the investigator, the judge shall make a decision on the satisfaction of the application for admission of one of the close relatives or another person as a defender along with the lawyer or on the refusal to satisfy it, and the court shall make a ruling that is brought to the attention of the person who filed the application.

5. The following persons may not participate as a defender along with a defense attorney:

- 1) persons under the age of 18;
- 2) persons recognized by the court as incapable or whose legal capacity is limited by the court;
- 3) persons registered with a narcological or neuropsychiatric dispensary in connection with

treatment for alcoholism, drug addiction, substance abuse, chronic and prolonged mental disorders;

4) persons suspected or accused of committing crimes, convicted persons;

5) persons who do not speak the language in which the criminal proceedings are conducted;

6) persons with physical or mental disabilities that prevent full participation in criminal proceedings.

6. The decision on the application may be appealed in accordance with the procedure established by Chapter 16 of the present Code”.

The above recommendations are aimed at improving the institution of protection from criminal prosecution, strengthening the adversarial nature of the parties in pre-trial proceedings and implementing the purpose of criminal proceedings, which consists not only in protecting individuals and organizations who have suffered from crimes, but also in protecting individuals from illegal and unfounded accusations, convictions, and restrictions on their rights and freedoms.

REFERENCES

1. Avdeev V.N., Voskoboynik I.O. On participation of defense counsel in course of receipt of explanations and performance of other procedural actions at participation of person notification of whose crime is verified. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2017, no. 3, pp. 32–37. (In Russ.).
2. Agabekov K.S. On the beginning of criminal prosecution in the conditions of protective justice. *Mirovoi sud'ya=Justice of the Peace*, 2019, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.).
3. Baeva N.A. International legal and constitutional standards for the protection of citizens' rights and interests in criminal proceedings. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess=Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 4, pp. 60–67. (In Russ.).
4. Bulatov B.B. *Protsessual'noe polozhenie lits, v otnoshenii kotorykh osushchestvlyayetsya obvinitel'naya deyatelnost': avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Procedural position of the persons subject of the indictment activity: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Omsk, 2011. 26 p.
5. Voltornist O.A. Issues of exercising the right to defense amid the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii=Siberian Law Review*, 2016, no. 2, pp. 56–59. (In Russ.).
6. Vrazhnov A.S. Challenging situations for an attorney for the defense on criminal case initiation and preliminary investigation stages. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2019, no. 2, pp. 31–34. (In Russ.).
7. Grinenko A.V. Parity of rights of parties in pre-trial criminal procedure. *Advokatskaya praktika=Advocate's Practice*, 2017, no. 4, pp. 35–40. (In Russ.).
8. Davletov A.A. The problem of defining a status of criminally prosecuted person in the stage of institution of a criminal case. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal=Russian Juridical Journal*, 2015, no. 4, pp. 61–67. (In Russ.).
9. Endol'tseva A.V. Exercising of the constitutional right to receive qualified legal assistance in Russian criminal proceedings. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding*, 2019, no. 4, pp. 25–30. (In Russ.).
10. Larin E.G. Admission of a person who is not a lawyer as a defender at the stage of preliminary investigation: legislation and practice. *Zakonodatel'stvo i praktika=Legislation and Practice*, 2010, no. 2, pp. 21–24. (In Russ.).
11. Nikolyuk V.V., Bezrukov S. S. Conceptual and applied issues related to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms on the right to protection. *Ugolovnyi protsess=Criminal Process*, 2015, no. 8, pp. 26–33. (In Russ.).
12. On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law 23-FZ of March 4, 2013. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2013. No. 9. Article 875. (In Russ.).
13. On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law 73-FZ of April 17, 2017. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 17. Article 2455. (In Russ.).
14. Ovsyannikov I.V. Actions and decisions taken at the initial stage of pre-trial proceedings to be legal as well. *Zakonnost'=Legality*, 2017, no. 4, pp. 45–49. (In Russ.).
15. Ovchinnikov Yu.G., Kuzora S.A. Problems of participation of the “other” person as a defender in the pre-trial stages of criminal proceedings *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2014, no. 11, pp. 43–44. (In Russ.).
16. In the case of checking the constitutionality of Part Four of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaints of citizens B.V. Antipov, R.L. Gitis and S.V. Abramov: Resolution of the Constitutional Court

- of the Russian Federation of January 28, 1997 no. 2-P. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1997. No. 7. Article 871. (In Russ.).
17. Reznik G.M. To the issue concerning the constitutional content of the term "qualified legal assistance". *Advokat=Lawyer*, 2007, no. 4, pp. 25–27. (In Russ.).
18. Skoba E.V. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Implementation of the constitutional right to qualified legal assistance in pre-trial proceedings in criminal cases: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 28 p.
19. Khimicheva G.P. On the issue of correcting the principle of presumption of innocence. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti=Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 5, pp. 83–86. (In Russ.).
20. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Some aspects of ensuring the rights of a person when detained on suspicion of committing a crime. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika=Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 5, pp. 56–61. (In Russ.).
21. Asmat S.M., Nurmaganbet E.T. Provision of qualified legal aid defence counsel to the suspect and accused persons. *Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP*, 2015, no 8, pp. 66–70.
22. Belanger A., Brock B.J. The practice of criminal defence: Why we fight and defend those most imperilled, every day. *International Journal of Public Law and Policy*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 352–356.
23. Kogamov A.M. Juridical personality of a defense lawyer in the context of international contractual and other obligations of the republic of Kazakhstan in criminal practice. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 26, no. 8, pp. 1094–1099.
24. Temminck Tuinstra J.P.W. Assisting an accused to represent himself: appointment of amici curiae as the most appropriate option. *Journal of International Criminal Justice*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 47–63.
25. Tynybekov S., Nurmaganbet E.T., Duysenova L.M. The concept, value, and the procedural position of defense attorney at the preliminary investigation. *Life Science Journal*, 2014, vol. 11, special issue 5, pp. 239–247.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OL'GA P. ALEKSANDROVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Law Enforcement Activity, Criminal Law and Process, Pskov State University, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3496-8012>, e-mail: pavlovna.76@mail.ru

LYUDMILA YU. BUDANOVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Regime and Intelligence-Gathering Activities in the Penal System, Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Received March 21, 2021

Organizing State Protection of the Personnel of Penal Institutions in Some Countries of Western Europe, North America and Asia

OLEG V. KIRILOVSKII

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Abstract

Introduction: the paper investigates the experience of some countries of Western Europe (Italy, Germany, Austria and The Netherlands), North America (the U.S. and Canada) and Asia (Mongolia and Japan) in the field of state protection of penitentiary personnel. The aim of summarizing the experience of these countries is to identify relevant examples of legal regulation and organization of state protection of civil servants, including prison staff, for the purpose of implementation of this experience in Russian practice. *Methods:* we use general scientific (analysis, synthesis, induction, etc.) and specific sociological methods of cognition (comparative-legal, sociological, statistical, comparative). *Results:* having conducted the comparative study, we find that Mongolia and Japan do not have a separate unified legal framework for state protection of penitentiary personnel. The norms that establish the legal and social guarantees of employees are contained in several laws and by-laws that specify them. The experience of the countries of Western Europe and America indicates that the activities aimed at ensuring state protection are concentrated and implemented by a specially created body with a wide range of powers. In these countries, special attention is paid to the issue of separate funding of programs for the protection of state servant and persons who assist justice. *Discussion:* we highlight the fact that the legal and organizational aspects of ensuring state protection of the personnel of penitentiary institutions in some foreign countries have positive aspects. Some examples of foreign experience can be used in law-making and law enforcement activities in the Russian Federation.

Keywords: penitentiary personnel; foreign experience; state protection; penal system; security measures; legal and social protection measures.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

For citation: Kirilovskii O.V. Organizing state protection of the personnel of penal institutions in some countries of Western Europe, North America and Asia. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 405–412. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-405-412.

Introduction

The current state of the penal system in Russia, as well as its reform in an unstable geopolitical situation, taking into account public spending optimization, points to new challenges, and also emphasizes the relevance of state protection of the interests of the employees of the penal system and their relatives.

Due to the necessity of face-to-face interaction with convicts, who often show a negative and often aggressive attitude, penal system employees are most susceptible to criminal encroachment on the part of criminally minded citizens. The relevance of the issue regarding

the safety of personnel of institutions and bodies of the criminal justice system is obvious; this fact is confirmed by departmental statistics. Thus, in 2019, 300 (in 2018 – 175, in 2017 – 175, in 2016 – 194) cases of convicts' illegal actions (violence, threats, insults) directed against penitentiary staff were registered in the institutions of the penal system. Only in the first quarter of 2020, 98 cases of assaults were committed (in same period in the previous year – 64).

Of particular concern are cases of criminal assaults, as a result of which employees sustained bodily injuries of various degrees of severity. The cases include 86 facts of assaults

on the employees of the penal system [13, pp. 19–34] (in 2018 – 55 [12, p. 38], in 2017 – 46 [11, p. 39], in 2016 – 41 [10, p. 33]), related to encroachment on personal security. During the last year alone, the increase in these encroachments was 36%.

A sociological survey in this legal area was carried out with participation of 1,200 certified employees from various services and departments of institutions from 55 territorial bodies of the penal system, which represent all federal districts of the Russian Federation (Central District – 13 bodies, Northwestern District – 7 bodies, Southern District – 4 bodies, North Caucasian District – 3 bodies, Volga District – 11 bodies, Ural District – 4 bodies, Siberian District – 8 bodies, Far Eastern District – 5 bodies). According to the survey, every fourth (26.0%) respondent assesses their level of protection as high, the rest assess it as being low and average, which indicates that there are problems in the legal regulation and organization of activities to ensure state protection of employees of the penal system.

We understand the system of the legal phenomenon such as state protection of correctional officers and their relatives in its internal structure as a set of interrelated and interdependent elements and parts: actors, content, grounds, goals and procedure. The actors are the internal security units, special purpose departments and other divisions of the penal system. The content of the penal system is a set of security, social and legal protection measures provided for by Federal Law 45-FZ “On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory bodies” (hereinafter – the Law on State Protection). The legal basis for protection is the confirmed status of “protected person”, and the actual assault on the life, health and property of employees of the penal system and their relatives in connection with the performance of their official duties. The purpose of protection is to ensure the rights and legitimate interests, to protect the life, health and property of penal system employees and their relatives, as well as to compensate for the damage caused. Procedure is the course of actions established by the Law on State Protection or other regulatory legal acts.

Discussion

A more detailed study of the issue of organizational provision of state protection of penal system employees requires reviewing foreign experience in this area, using the comparative method of cognition.

In the domestic legal field, normative legal acts have been adopted in the field of ensuring state protection of civil servants of law enforcement agencies, but we cannot assert that they are effectively implemented in practice. A special role in the development of this legislation belongs to the norms of international law and successful experience of foreign countries, which can be used in Russia.

Having reviewed foreign experience in the organization of state protection of penitentiary personnel, taking into account common features of state legal systems, organization of administration in penitentiary institutions in different countries, we can distinguish three significant groups of countries:

- 1) countries of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the CIS);
- 2) countries of the Asia-Pacific region;
- 3) European and North American countries.

In the former Soviet republics, the institute of state protection was developing in parallel with the legislation of Russia, while the Russian legislation in this area acts as a basic, initial legal instrument. Thus, at the end of 1998, at one of the meetings of the CIS member states, the Model Law on State Protection of Civil Servants in the Law Enforcement Sphere (hereinafter referred to as the Model Law) was adopted. This document is based on the generally recognized principles and standards of the United Nations and the Council of Europe in the field of state protection of civil servants, witnesses, victims and other participants in criminal proceedings.

A comparative analysis of this document and the Law on State Protection showed that the Model Law was reproduced in exact accordance with the original version of the domestic Law on State Protection dated April 20, 1995 [8, p.112].

The legislation of the CIS countries in the field of state protection of judges, law enforcement and regulatory officials is based on the provisions of the Model Law. Therefore, we believe that further research should focus on studying the experience of ensuring state protection of penitentiary personnel on the example of some countries of the two remaining groups. Among the countries in the Asia-Pacific region, we select Mongolia and Japan as examples and study their experience of protecting civil servants.

Let us look at the practice of the countries of the Asia-Pacific region.

The execution of criminal penalties in Mongolia is carried out by the General Directorate

for the Execution of Judicial Decisions, which is part of the Ministry of Justice and Internal Affairs of Mongolia. Employees of penitentiary institutions in Mongolia are police officers; thus, state protection issues will be considered on the example of Mongolian police officers.

State protection of Mongolian police officers is based on the provisions of the Constitution of Mongolia. It contains provisions that establish social guarantees for police officers reaching old age, in case of disability, in case of caring for a child under three years of age and in other cases. Property damage caused to a police officer in connection with their execution of official duties is compensated by the police authorities, and subsequently, by way of recourse, is recovered from the guilty person.

The guarantees of state protection of judges and civil servants in the law enforcement sphere of Mongolia can be described as indirect protection measures. These measures, according to M. Bataev, "provide for the protection of the rights and legitimate interests of law enforcement officers through the implementation of law enforcement activities. Measures aimed at direct protection of the rights and legitimate interests of law enforcement officials are considered as the right granted by the state in certain cases to use personal weapons, physical force, special means, as well as to use other methods of protection not prohibited by law" [1, p.25].

Z. Tserenbat in his dissertation research on the legal and social protection of Mongolian police officers outlined and emphasized the relevance and importance of state protection of Mongolian police officers and the need to further improve its mechanisms. The author notes that the normative definition of measures of legal and social protection of state employees of law enforcement agencies is not consolidated. These state protection measures are contained in several laws of Mongolia ("On police bodies", "On public service", "On police service", "On social insurance of life and health of military personnel, citizens called up for reservist training, employees of the internal and border troops, police officers, state fire service, institutions and bodies of the penal system, intelligence officers", "On pensions, subsidies for military personnel", etc.) [14, pp. 55–56].

The provisions of the Law of Mongolia of February 1, 2014 no. 46 "On police service" are supplemented by by-laws, departmental orders, instructions, resolutions, which specify, elaborate on and explain the general provisions

of this law, in particular the issues of social and legal protection of police officers.

On the basis of this law, in 2010, the Order of the Main Police Department of Mongolia no. 3691 was issued, which approved the "Guidelines for the protection of the interests of officials of the police and internal troops". This document contains the goals, objectives, directions of these activities, legal and organizational aspects of the implementation of its provisions, and also aims to increase the funding of these categories of state law enforcement officials. The tasks in the field of state protection are as follows:

- ensuring work safety, reducing occupational injuries;
- improving management, administration and staffing;
- protecting legitimate interests of police officers and members of the internal troops.

To fulfill the requirements specified in the Order, a department for the protection of the legitimate interests of officials of the police and internal troops was established, in 2012; it addresses the following tasks:

- development and adoption of legal and organizational mechanisms for the protection of the fundamental rights and freedoms of officials of the internal troops and police bodies;
- development of proposals for improving the mechanism for protecting the legitimate interests of employees of the internal troops and police officers;
- development of draft regulations, analysis and processing of proposals related to the elimination of violations of the rights and legitimate interests in the official activities of employees of the internal troops and police officers [15, pp. 148–150].

State protection of police officers also includes social protection. The measures of social protection of the staff of penitentiary institutions of Mongolia, which are contained in the Code on the Execution of Court Decisions, are as follows:

- in case of on-duty death of a correctional institution employee, their relatives and friends are paid a one-time payment in the amount of the official salary for five years;
- the staff of the institutions performing their duties around the clock is provided with free meals at the expense of the institution;
- additional bonuses to the monthly pay allowance (for working with prisoners, for long service in the state special service, for exceptional conditions of service, for the special rank, etc.).

Social support measures in the framework of pension provision for police officers in Mongolia, provided for by the Law on Pensions and Benefits, are essential in strengthening the prestige of state service in the police; these measures include:

- the right to receive a pension with at least 25 years of work experience for men and at least 20 years for women;
- the amount of the pension is determined at the rate of 80% of the average monthly pay allowance;
- a pension supplement of 1.5% is established for each year of service beyond the period that entitles one to get a pension;
- upon retirement, a police officer receives a lump-sum allowance in the amount equal to the 36 times the amount of the monetary salary, half of which, if desired, can be obtained in advance before being released from service after the right to a pension arises [9, p. 50].

Protective measures for employees in Mongolia include almost exclusively social protection measures, while measures to ensure personal safety are neglected, except for necessary defense measures. This suggests that at the legislative level Mongolia should consider more carefully the issue of protecting employees in case of a threat to their life and health.

In Japan, the provision of state protection for judges, police officers, and correctional officers is regulated by a number of legal acts: the basic law of the State, the criminal and procedural codes, the laws on the Prosecutor's office, the police, and other acts. There is no consolidated legal act that would regulate relations arising in connection with the provision of state protection for law enforcement and regulatory officials. These activities are implemented in practice in the daily law enforcement activities of the national police.

According to M. Button, a common practice in a number of foreign countries is when law enforcement officers appeal to private security structures to ensure their personal security [20, pp. 39–55]. In the event of threats against prison staff, the police may apply enhanced protective measures on the basis of a written request of a penitentiary officer. There is no statutory list of government employees subject to state protection in Japan. Only the current prime minister and the emperor have the legally established right to daily protection by special police [6, p. 45].

Thus, the legal framework for state protection of penitentiary personnel in Mongolia and

Japan does not have a separate unified form. The norms that establish the legal and social guarantees for penitentiary employees are contained in several laws and by-laws that specify them.

Having studied the experience of Mongolia and Japan in the implementation of protective measures against correctional personnel, we will focus on the final group – the countries of Western Europe and America.

The prototype of the Russian institution of state protection operates in many developed countries in Europe and in the United States.

It is worth noting the experience of organizing state protection in Italy. In this country, a certain system of bodies providing state protection has been formed, and a mechanism for including persons subject to state protection has been developed.

In Italy, the Central Protection Service is responsible for implementing security measures for protected persons. This unit was established as part of the Department of Public Security in 1991. It consists of four divisions that perform specific functions: whistleblower protection, witness protection, General Affairs Division, management and accounting. The General Affairs Division is responsible for supervising the activities of all the above-mentioned divisions, supports cooperation with foreign countries, provides legal, personnel, documentation, medical support, and carries out research work.

The Central Protection Service is the direct executor of a specific security measure (set of measures) in relation to the protected person, develops protection programs and decides on the application of the security measure (set of measures) The Commission is a collegial (advisory) body.

The advisory body is headed by an official of the Italian Ministry of Internal Affairs with the rank of deputy minister; it also includes judges, specialists with the necessary knowledge in the field of combating the mafia, as well as the prosecutor, who proposes the candidacy of the person to whom protective measures are being applied.

The complex of protective measures includes security measures and social guarantees, namely:

1. The main protective measure is to hide the protected person in a safe place. Due to open borders within the European Union, this measure can be implemented easily.
2. In addition to hiding an individual in a safe place, it may be necessary to provide them

with new documents. The protected person receives new documents with a new name. New data are selected in accordance with the developed cover story, which the protected persons and their loved ones must strictly adhere to. Deviation from the established rules is the basis for the cancellation of security measures.

3. Change of personal data in information databases.

4. Provision of material assistance (monthly allowance and housing payment), etc. [3, p. 32].

The program does not have a set period of implementation; the reason for the program's termination is only the complete elimination of the threat. The decision to terminate the program is also made by the Central Commission.

Funding for this program has no restrictions. The Protection Service annually submits a financial report to the Central Commission; if necessary, funding is provided from the federal budget.

The financial and resource support of state protection, including the implementation of security measures, provided to the personnel of institutions and bodies of the penal system is carried out at the expense of federal budget funds allocated for the maintenance of penal institutions and bodies. In practice, the application of state protection measures in relation to penitentiary personnel is not of a daily nature; moreover, state bodies function under fiscal austerity; all this indicates that the financing of this expenditure item is carried out on a residual basis. The institution of state protection of judges, law enforcement officials and supervisory authorities does not have a consolidated independent state program for its financing. For example, the institution of state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings has an independent state funding program for the 2019–2023 period, the program is approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation no. 1272 of October 25, 2018, which contains specific financial indicators of the costs for these purposes and their distribution among security agencies.

The funding of the state protection of judges, law enforcement and regulatory officials, including employees of the penal system, as part of an independent federal program, was supported by 47.8% of the respondents from among the employees of the penal system.

We think it would be undoubtedly interesting to review the experience of Germany in ensuring the security of protected persons. The

experience of state protection of law enforcement agencies in this country, according to D. Mechko, is interesting from the point of view of implementing a protective measure in the form of keeping personal data about the protected person secret. When implementing protective measures, the competent authorities often face the problem of using biometric identification methods in various commercial organizations [19, pp. 189–199]. Fingerprints, iris scans, voice recognition systems, and other biometric data are used as identifiers for access to objects or certain rooms. All of the above, as well as the continuous development of technology in this area, negatively affects the secrecy of personal data of legend zed persons, and it becomes increasingly difficult for law enforcement agencies to ensure safety of the protected person [3, p.32]. State bodies should keep pace with the development of technology and improve technical support of their operational and service activities.

Due to these circumstances, the Russian authorities that ensure safety of protected persons need to improve protection mechanisms, taking into account the development of the high-tech sector; meanwhile, the issue of state funding and its volume is paramount in this regard.

In Germany, in the course of implementation of the witness protection program, which is carried out by special units that are part of the Federal Criminal Police Office and federated states' criminal police departments, some problems were identified in the application of such security measures as ensuring confidentiality and issuing new documents in relation to protected persons. The essence of the problem is that when the protected person changed personal data and documents, if the protected person has obligations to third parties (alimony, loan obligations, taxes, etc.) the rights of the latter were not taken into account, but were simply violated. In connection with these shortcomings, a provision was introduced, according to which the protected person is obliged to report on the existence of possible legal claims of third parties, and it is the duty of departments to ensure that the protected person contacts a third person in confidentiality in order to settle the claims that have arisen [7, pp.53–54].

In Austria, The Netherlands, and Germany, a decision on the implementation of state protection is made within three months, in the Russian Federation – within three days. Such a long period of time allows the competent law enforce-

ment agencies to check more thoroughly the information about the presence of a threat and its reality and make a more informed decision. The downside of this position is that criminals will not need such a long time to implement their threats.

In many countries of the world, the activities aimed at increasing the level of state protection of officials of supervisory and law enforcement agencies and persons providing assistance to justice are concentrated in the hands of a specially created body, a single coordination center. For example, in the U.S. it is the United States Marshals Service within the U.S. Department of Justice, in Italy and Germany – special units of the criminal police. The multiplicity of measures taken to ensure the safety of protected persons, the implementation of coordinated analytical and methodological work that promotes the exchange of experience, makes it necessary to consolidate unified organizational and legal mechanisms [17, pp. 64–65]. According to O.A. Zaitsev, such a structure in Russia can be called the Department for State Protection of Officials and Certain Categories of Citizens.

From an economic point of view, the presence of the system of Russian law enforcement agencies that carry out state protection only at first glance contributes to cost saving. As practice shows, the implementation of state protection for these law enforcement agencies is not their usual function; consequently, it significantly reduces the productivity of the activities carried out and increases the cost of training personnel and providing material resources [4, p.53].

In our opinion, this proposal is also rational from the point of view of effectiveness of management activities, since the fragmented system of law enforcement agencies in Russia does not meet the requirement of a uniform approach in law enforcement practice.

Thus, 43.2% of respondents from the number of penitentiary employees point out that the problem of improving the effectiveness of state protection can be solved when these activities will be implemented by a single executive body. In particular, 10.2% of respondents spoke in favor of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and 30.0% of respondents spoke in favor of the Federal Security Service of Russia. One of the alternative solutions may be to create special units on the basis of the Federal Service of the National Guard Troops (hereinafter – Rosgvardiya) to ensure the state protection of protected

persons, since some special units (OMON, SOBR, etc.) are now under its jurisdiction.

The issue related to the importance of training personnel in specific techniques and methods of providing state protection in the law enforcement practice of the United States and Canada was noted by Melissa Kowalski. She points out that at the initial stage of the formation of the state protection units of the United States (the Marshals Service) and Canada (Royal Canadian Mounted Police), as part of the implementation of witness protection programs, they faced such a problem as the lack of trained personnel. Consequently, in several cases the use of protective measures could not save key witnesses from attacks by representatives of organized criminal communities, as a result of which the protected persons and law enforcement officers providing their protection were killed. In this regard, the units for training and advanced training for employees of the departments for the protection of participants in criminal proceedings were formed on the basis of these divisions [18, pp. 98–125].

In the course of training of law enforcement officials of many foreign countries, including America, the programs “Pedagogy of individual safety”, “The will to survive”, “Survival in the street” and others are used. Training in these programs is a prerequisite for every employee of the FBI and other law enforcement agencies [2, p. 34]. One of the reasons for this situation consists in a rather serious approach to training law enforcement officers. Thus, training begins with the formation of the readiness for the situation to take measures to ensure personal safety in professional and psychological terms [16, p. 7]. In other words, the employee is motivated to take personal (individual) measures to ensure their own safety.

According to I.S. Ivanov, another way to increase the effectiveness and validity of the implementation of security measures can be the establishment of a mandatory judicial procedure for making a decision on the application of security measures. Currently, in accordance with Part 1 of Article 14 of the Law on State Protection, such a decision is made by an official of the security agency [5, pp. 38–42].

Results

Summing up, we should note that the legal and organizational aspects of ensuring state protection of the personnel of penitentiary institutions in some foreign countries have strengths and weaknesses. Based on the analysis of this experience, we conclude that great attention

is paid to the institution of state protection of persons who assist justice. Certain aspects of the organization of state protection of state servants in countries such as the United States, Germany, Italy and others can be used in the Russian Federation.

For the purpose of effective management and rational spending of funds, in our opinion, it is necessary to concentrate the existing potential of the institute of state protection in a single federal body that can function on the basis of Rosgvardiya.

To improve the effectiveness of implementation of the provisions of the Law on State Protection and ensure proper financial and logistical support for the implementation of state protection measures, we propose to adopt a state program for financing security measures

for judges, law enforcement and regulatory officials for a period of five years (2022–2027) at the Government level. The program should provide for specific funding for the implementation of these measures and their distribution so as to carry out specific security measures.

Based on the experience of colleagues from Germany, we point out that the interests of other persons who have property and non-property claims (taxes, alimony, loans, etc.) to the protected persons should be taken into account and, if possible, resolved to the fullest extent. To implement this provision in practice, it is necessary to legally supplement the duties of the protected person with a provision on mandatory notification of the presence of property and non-property claims of third parties.

REFERENCES

1. Bataev M. *Pravovoi status sotrudnika mongol'skoi politzii: teoretiko-pravovoiaspekt: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal status of an employee of the Mongolian police: theoretical and legal aspect: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2005. 25 p.
2. Budanov A.V. *Obuchenie sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov taktike i metodam obespecheniya lichnoi bezopasnosti: uchebno-prakticheskoe posobie* [Training of law enforcement officers in tactics and methods of ensuring personal security]. Moscow: Metodicheskii tsentr pri Glavnom upravlenii kadrov MVD Rossii, 1997. 56 p.
3. Vasilevskii A. The experience of European states in ensuring the security of persons subject to state protection (on the example of Italy and Germany). *Professional*, 2015, no. 3 (128), pp. 32–34. (In Russ.).
4. Zaitsev O.A. *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theoretical and legal foundations of state protection of participants in criminal proceedings: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1999. 446 p.
5. Ivanov I.S. Administrative and legal support for the security of participants in criminal proceedings in Russia *Administrativnoe pravo i protsess=Administrative Law and Process*, 2011, no. 11, pp. 38–42. (In Russ.).
6. Ivanov I.S. Relocation of the protected person to another permanent place of residence in domestic and foreign law. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2013, no. 6, pp. 41–47. (In Russ.).
7. Lukinskii A.V. *Stanovlenie i razvitie instituta gosudarstvennoi zashchity (istoriko-pravovoe issledovanie): dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the institution of state protection (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 184 p.
8. Mel'nikova N.A., Kirilovskii O.V. Foreign experience of the CIS countries in providing state protection of personnel of penitentiary institutions. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 112–116. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28082708_91867043.pdf (accessed February 24, 2021).
9. Navaan G. Features of the penitentiary system of Mongolia: tendencies of its reform. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal*, 2015, no. 1, pp. 49–51. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24927411_77694680.pdf (accessed February 24, 2021). (In Russ.).
10. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2016 god: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2016: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2017. P. 33.
11. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noisistemy FSIN Rossii za 2017 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2017: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2018. P. 39.
12. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossi za 2018 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2018: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2019. P. 38.
13. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy FSIN Rossii za 2019 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2019: information and analytical collection]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2020. Pp. 19–34.
14. Tserenbat Z. *Administrativno-pravovaya zashchita sotrudnikov politzii Mongolii: dissertatsiyanasoiskanieuchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Administrative and legal protection of police officers in Mongolia: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2014. 205 p.
15. Tserenbat Z. Fundamentals of administrative and legal protection of police officers in Mongolia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 12, pp. 148–150. (In Russ.).
16. Chernov A.I. *Organizatsiya lichnoi bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: uchebnoeposobie* [Organization of personal security of employees of internal affairs bodies: a textbook]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2001. 76 p.

17. Shiritev A.B. *Gosudarstvennaya zashchita uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva: problem ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [State protection of participants in criminal proceedings: problems of criminal procedure regulation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Krasnodar, 2011. 215 p.
18. Kowalski M.A. Hiring and training requirements for correctional officers: a statutory analysis. *The Prison Journal*, January 2020, vol. 100, no 1, pp. 98–125. DOI: 10.1177/0032885519882342. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0032885519882342> (accessed February 20, 2021).
19. Mesko G. On some aspects of cybercrime and cybervictimization. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 189–199. DOI: 10.1163/15718174-02603006. Available at: <https://www.deepdyve.com/lp/brill/on-some-aspects-of-cybercrime-and-cybervictimization-QzXh8LLMr0?key=brill> (accessed February 24, 2021).
20. Button M. The “New” private security industry, the private policing of cyberspace and the regulatory questions. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2020, vol. 36, no. 1, pp. 39–55. DOI: 10.1177/1043986219890194. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1043986219890194#articleShareContainer> (accessed February 24, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLEG V. KIRILOVSKII – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8718-396X>, e-mail: kirilovskiy77@mail.ru

Received February 24, 2021

On Counteracting the Investigation of Prison-Related Crimes: Features of the Preliminary Stage

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes the content and typical methods and ways that convicts, suspects, and defendants held in correctional institutions and pre-trial detention centers use to counter the investigation of penitentiary crimes. *Aim:* using the analysis of investigative and judicial practice for criminal cases initiated against persons who committed crimes while in custody or while serving their prison terms, we make an attempt to identify the most distinctive features of counteracting the investigation of prison-related crimes. *Methods:* dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. *Results:* using a scientific approach that highlights the preliminary stage of investigation of crimes, we reveal some typical counteraction techniques used by prison offenders. *Conclusions:* destruction, concealment, staging, and falsification are among the most popular methods used directly by offenders to prevent prison-related crimes from being solved. The indirect attitude of offenders toward counteracting the investigation of prison-related crimes is successfully implemented by creating a crowd effect, as well as using the media and the activities of human rights organizations.

Key words: prison-related crime; counteracting crime investigation; correctional institution; pre-trial detention center; convicted person; suspect; defendant.

12.00.12 – Criminalistics; law enforcement intelligence-gathering activities; forensic expert activities.

For citation: Akchurin A.V. On counteracting the investigation of prison-related crimes: features of the preliminary stage. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 413–417. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-413-417.

Introduction

Persons committing prison offences have always sought to counteract the investigation of crimes. The very essence of the unofficial norms of prison subculture, which the majority of prison offenders adhere to, is reduced to opposing official behavior standards in correctional facilities and pre-trial detention centers. In this regard, V.A. Ishchenko quite accurately draws parallels between the official activities of preliminary investigation bodies and the accompanying activities of criminals to counteract this process [3, pp. 48-56].

The process of neutralizing the counteraction provided during the investigation of prison offences is complicated by the fact that in the prison environment, experience in countering law enforcement agencies is constantly accu-

mulated, analyzed and improved. B.A. Polikarpov very aptly noted that the first “lessons” on countering the investigation process are received by prison offenders from their cellmates in pre-trial detention centers [9, p. 22].

Preliminary stage of our investigation

According to the analysis of criminalistics literature and investigative and judicial practice we can say that opposing the investigation of prison-related crimes is usually not limited to any particular stage of preliminary investigation process, but is often found in the course of judicial proceedings as well. However, within the framework of one article, it is impossible to consider in detail all the features of opposing the investigation of prison-related crimes at all stages. Therefore, we shall limit ourselves to the preliminary stage of investigation, which, as

a rule, is most closely related to the work of the administration of a correctional facility (pre-trial detention center) that exercises its few criminal procedural powers [10].

Taking the viewpoint of N.G. Shurukhnov [11, p. 152] concerning the preliminary stage, we note that in our opinion this stage should be considered not just as a verification of a report about an upcoming or committed crime, but as a stage of the investigation process. In this case, its content is filled not only with activities aimed at conducting verification work in order to establish elements of the crime or their absence, but also with activities to accumulate a certain amount of evidentiary information obtained as a result of relevant investigative actions.

Ways and techniques of opposing the investigation of prison-related crimes

The analysis of scientific literature and investigative and judicial practice allowed us to identify the following typical ways and techniques of opposing the investigation of prison-related crimes that arise at the preliminary stage.

The most common method is destruction, the essence of which is to eliminate material traces of the crime committed. The analysis of criminal cases on prison offences has shown that material objects that can later act as material evidence are destroyed. More than 62% of crimes are crimes of violence (Articles 105, 110, 111, 112, 115, 318, 321 of the RF Criminal Code); resulting in numerous human footprints, traces, items, substances, etc. being left at the crime scene.

The following case from the practice of correctional institutions provides a telling example in this regard. The convict P., while serving his prison term, murdered the convict J. on the basis of personal enmity toward him. The crime took place in a workroom of the correctional institution. First, he struck J. at least ten blows on the neck and torso with a shank. Then he took a hammer that was lying on the floor and, squeezing J.'s neck with one hand, struck him at least 20 blows on the head with the other hand, which was holding the hammer, thereby inflicting severe bodily injuries in the form of wounds of the face with damage to facial bones, indentation of facial bones in the cerebral cranium, damage to the membranes and substances of the brain, and a blunt neck injury. J. died from the injuries sustained.

Taking advantage of the absence of witnesses, P. took action to destroy the traces of blood left on the floor. He washed himself and changed his clothes. He tried to burn the clothes

with traces of blood on them and the murder weapon in the furnace of the forge at the correctional facility (Criminal case No. 1-28/2015. Archive of Ust-Labinsky District Court of Krasnodar Krai).

We interviewed investigators from the RF Investigative Committee, and they indicated that in their investigative practice they encountered the destruction of the following material traces of a crime by convicts (suspects, defendants):

- human traces (traces of hands, feet, teeth, etc.) – 16.9%;
- traces of substances (traces of blood, etc.) – 74.3 %;
- traces of objects (objects adapted for inflicting piercing and cutting injuries, objects using a shock-crushing effect, etc.) – 87.9%;
- other traces – 5.3%.

Staging is another typical way to counteract the investigation of prison-related crimes. The offender, being aware of the inevitability of negative consequences such as the corpse of the victim, wounds, or the occurrence of other events of the crime, seeks to change the environment in which the crime was committed, so that the consequences could be presented in the most plausible way as a result of an accident, natural event, or the victim's suicide. Staging is used quite commonly in prison offences. A survey of employees of correctional institutions and pre-trial detention centers showed that convicts (suspects, defendants) tend to stage a suicide of the victim in 48.4% of cases and an accident or the victim's natural death in 35.7%.

The following case from the practice of pre-trial detention centers is typical. On February 3, 2011, at about 19:25, the body of the defendant K. was found in the cell of the psychiatric department of a pre-trial detention center. Previously, during the inspection of the crime scene, signs of suicide by hanging were identified. However, according to the act of forensic medical examination of K.'s corpse, the death of the latter was caused by asphyxia as a result of a closed blunt neck injury, presumably inflicted by another person (Criminal case No. 290535, initiated on March 15, 2011 by the Investigation Department for Kalininsky District of Saint Petersburg under the Main Investigative Department of the Russian IC for Saint Petersburg).

The next way to counteract the investigation of prison-related crimes is concealment. According to M.G. Bushinskaya [1, p. 61], concealment can be implemented in both active and passive forms.

The active form of concealment is usually associated with the refusal of the perpetrators and witnesses to give explanations or testimony about what happened. The authors who have studied the problems of investigation of prison offences note the so-called “passive” opposition of convicts (suspects, defendants), which, due to the prevalence and persistence of informal communication among convicts, is typical of the majority of persons held in institutions that provide isolation from society [6, 12].

Falsification as a way to counteract the investigation of a crime is quite successfully used by prison offenders. In 93.6% of cases, the method of falsification is implemented by spreading deliberately false information.

Thus, the results of interviewing employees of pre-trial detention centers who studied at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia on advanced training courses in 2017–2018 showed the prevalence of such a technique as discrediting an employee of the penal system. A convicted person (suspect, defendant) who is interested in the outcome of resolving an illegal event that has become known to a certain employee of a correctional institution (pre-trial detention center) takes action to neutralize the offensive nature of the pre-investigation check. To do this, the convicted person (suspect, defendant) finds out the mobile phone number of this employee and whether there is a bank card account linked to this number. Then the convict transfers money (20–50 thousand rubles) to this account and simultaneously sends a complaint to the Prosecutor’s office (or to other human rights organization). The complaint contains false information that an employee of a correctional institution (pre-trial detention center) has allegedly extorted money from the convict (suspect, defendant) under the pretext of resolving the issue of termination of criminal prosecution. The consequence of this is that numerous verification measures are carried out by the internal security units in relation to this employee of a correctional institution (pre-trial detention center); such a situation significantly complicates the work of the employee who is forced to give explanations instead of fully performing their professional duties.

The practice of such falsifications shows that even if an employee of a correctional institution (pre-trial detention center), having promptly identified an unjustified replenishment of their own account, turns to their own security unit or to their senior, it does not save the employee from inspection activities related to the mes-

sage received. And in the context of a large-scale fight against corruption, these verification measures are carried out quite thoroughly. At the same time, in personal conversation, the employees of correctional facilities (pre-trial detention centers) who turned out in such a situation note that in addition to a colossal waste of time such checks (even if the outcome for the employee is positive) undermine the employee’s positive attitude toward further proactive work to maintain law and order in the correctional facility (pre-trial detention center).

In the conditions of correctional institutions and pre-trial detention centers, an especially favorite technique for countering the investigation of prison-related crimes is to create a crowd effect. V.V. Nikolaychenko calls this technique “igniting” the crowd. Its essence lies in the fact that persons who, as a rule, have the status of leaders of negative orientation groups use the mental state of other convicts (suspects, defendants) and resort to psychological infection spread by ear-shredding screams, heart-rending moans, calls for help and disobedience to employees of the administration of a correctional institution (pre-trial detention center). In the conditions of an “infected” crowd, its individual participants “lose their sense of personal responsibility for their actions, and their level of consciousness and criticality toward the situation decreases. They are ready for anything, they are fanatics. Under the circumstances, they can shout any inflammatory slogan, any threat” [7, pp. 350-356].

We should focus separately on a counteraction method such as the use of mass media and human rights organizations as a kind of tool of public pressure on the administration of a correctional institution (pre-trial detention center), investigation and inquiry bodies.

The democratic processes that became much more intense in our country in the early 1990s gradually made the penitentiary system and everything that happens in it more open and accessible to civil society. It is obvious that such processes play a positive role, first of all in ensuring and protecting the rights and freedoms of convicts held in such institutions.

Non-governmental organizations, human rights organizations, and mass media take advantage of such an accessibility of correctional institutions and often cover the work of correctional facilities very actively or build their own work in close contact with correctional institutions.

Unfortunately, such kind of interest on the part of non-governmental, human rights or-

ganizations and the media is not often implemented as a constructive dialogue with prison administration or addresses pressing life issues and improvement of the process of reformation of convicts. Quite often, such interest in correctional institutions is caused by a simple need to obtain scandalous news that allows the media to raise their own ratings, form a false impression of society about the inhumanity, corruption, and bureaucracy of state machinery, thus working off the funds allocated by individual non-governmental organizations that pursue destructive goals in relation to the state structure of the Russian Federation. And another group such as opposition political forces often acts as “truth-tellers” who seek to earn votes of the electorate against the background of scandalous statements and “revelations”.

Without conducting serious research and using even a superficial analysis of the information that is covered in the media on television, radio and the Internet, we can see for ourselves that the coverage of the work of correctional institutions is one-sided. In a wide media space, many reports about the work of the Federal Penitentiary Service of Russia and the administration of certain correctional institutions are presented in an extremely negative light. However, the mass media, unfortunately, are reluctant to inform the public about the great and socially significant and useful work that correctional institutions carry out not only in the field of reformation of convicts and preventing them from committing new crimes, but also in patriotic, veteran, sports, educational and other work. And it is in spite of the fact that such achievements are reflected in detail and almost on a daily basis on the official websites of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia on the Internet, as well as in departmental publications. However, such information about positive facts and examples from the life of employees of correctional facilities and their official activities is lost among the bulk of negative information that is widely presented in the media space.

Negative leaders from among the convicts are very sensitive to this kind of activity of such organizations and mass media and use them for their own criminal purposes to influence public opinion and use it as leverage in the process of investigating crimes and the work of the administration of a correctional institution.

Non-governmental and human rights organizations show a “false” interest in defending the

rights and legitimate interests of convicts on the Internet. Artificially formed public opinion is aimed at justifying any illegal measures on the part of convicts who oppose the administration of a correctional institution (and this opposition is presented to general public as desperate measures that convicts have to undertake thus seeking to overcome “bureaucratism”, “outrage” and “repressive measures”, etc. of prison administration).

I.F. Gilyazov and V.N. Kudashov note that the opposition to the requirements of prison administrations on the part of convicts at the instigation of leaders of the criminal environment in recent years has been quite actively associated with the interference of “unscrupulous pseudo-defenders and biased mass media in the work of correctional institutions” [2].

Such influence on the administration of a correctional institution can disorganize the work of the correctional institution, create conditions for mass riots, and facilitate the evasion of responsibility of persons from among the convicts who carry out illegal activities in the correctional institution.

A telling example is a riot in a correctional facility in the city of Angarsk, Irkutsk Oblast, on April 9–10, 2020, where a group of convicts disobeyed the legal requirements of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, inflicted injuries on themselves and took violent actions against a correctional institution employee. After that the convicts organized mass disruptions of prison order, numerous arson attacks on production facilities of the correctional institution, deliberate destruction of property, etc.

These events were accompanied by a surge in activity of various human rights organizations and charitable foundations, a flash mob in social media calling on human rights organizations, human rights defenders, activists and journalists to influence the investigation of the events in Correctional Facility number 15 of the city of Angarsk.

Russian Justice Minister K.A. Chuychenko, commenting on this situation, noted that “this riot was orchestrated from the outside, these same people paid for the so-called ‘human rights defenders’ who are still trying to stir up the situation in the mass media” [4].

We should point out that the successful counteraction provided by prison offenders is characterized by a very typical circumstance; they receive advice on providing such counteraction. They receive such consultations both from professional lawyers – defense lawyers

[5, 8], and from other convicts (suspects and defendants) who, as a rule, have significant personal experience of participation in criminal proceedings and show analytical abilities to collect and understand other people's criminal experience. Moreover, the latter provide advice on countering criminal prosecution in certain situations even more professionally than lawyers by training [9].

Conclusion

Using a scientific approach that highlights the preliminary stage of the investigation of

crimes, we have made an attempt to reveal the content and individual features of the counteraction provided by prison offenders. The methods of countering the investigation of penitentiary crimes, which are most often used directly by the perpetrators, include destruction, concealment, staging, and falsification. The indirect attitude of the perpetrators toward countering the investigation of penitentiary crimes is successfully implemented by creating a crowd effect, as well as using the mass media and the activities of human rights organizations.

REFERENCES

1. Bushinskaya M.G. *Kriminal'noe protivodeistvie i puti ego preodoleniya pri rassledovanii moshennichestva: dis. ... kand. yurid. nauk*. [Criminal counteraction and ways to overcome it in the investigation of fraud: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2006. 211 p.
2. Gilyazov I.F., Kudashov V.N. Prospects for the development of socio-psychological forms of work with convicted minors. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy=Bulletin of the Penal System*, 2013, no. 3, pp. 4-5. (In Russ.).
3. Ishchenko V.A. *Protivodeistvie predvaritel'nomu rassledovaniyu v mestakh lisheniya svobody i osnovnye napravleniya ego neutralizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Counteraction to preliminary investigation in places of deprivation of liberty and the main directions of its neutralization: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2007. 176 p.
4. Kulikov V.S. Head of the Ministry of Justice: The revolt in the Angarsk colony was orchestrated from the outside (Code of health). *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper*, 2020, April 15, no. 81. (In Russ.).
5. Malyshev P.V. Concept and essence of counteraction to the investigation of crimes by a defense lawyer. *Mir nauki i obrazovaniya=World of Science and Education*, 2015, no. 4, pp. 14-27. (In Russ.).
6. Morozov R.M., Ostapenko V.N. Features of overcoming the counteraction carried out by suspects (accused) at the initial stage of investigation of remote fraud committed in penitentiary institutions. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 543-551. (In Russ.).
7. Nikolaichenko V. V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya : kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Penitentiary and post-penitentiary crimes: criminalistic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. Pp. 350-356.
8. Pavlov A.A. Forms of counteraction to the investigation of crimes by the defender. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki=Topical Issues of the Theory and Practice of Criminal Justice and Criminalistics*, 2004, pp. 173-183. (In Russ.).
9. Polikarpov B.A. *Protivodeistvie ugovolnomu presledovaniyu v sledstvennykh izolyatorakh i kriminalisticheskie sredstva ego preodoleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Counteraction to criminal prosecution in pre-trial detention centers and criminalistic means for its overcoming: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Ulan-Ude, 2017. 292 p.
10. Spiridonova Yu.N. On certain issues of legal regulation of the criminal procedure status of officials of the Federal Penitentiary Service. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 4, pp. 34-38. (In Russ.).
11. Shurukhnov N.G. Influence of criminal procedure legislation on the structure of crime investigation. In: *Ugovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimereniya: sb.nauch.tr.* [Criminal proceedings: problems of theory, norm-making and law enforcement: Collection of scientific works]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2007. Issue 2. Pp. 147-156. (In Russ.).
12. Shurukhnov N.G. Factors affecting the investigation of crimes committed by convicts in correctional labor institutions. In: *Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya dostizhenii nauki i tekhniki v rassledovanii prestuplenii organami vnutrennikh del* [Actual issues of using the achievements of science and technology in the investigation of crimes by internal affairs bodies]. Moscow, 1990. Pp. 101-107. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Received May 12, 2021

Restriction of the Freedom of Movement under a High-Alert Regime

NATAL'YA P. ZARYAEVA

Voronezh institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

INNA L. OLIYNYK

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Abstract

Introduction: the article considers the high-alert regime and the associated restrictive measures related to the freedom of movement and introduced in connection with the threat of the spread of COVID-19. *Aim:* with the help of theoretical and legal analysis, we investigate the nature of the high-alert regime and the set of anti-epidemic measures implemented to prevent the spread of the COVID-19 pandemic; we also analyze the constitutionality and validity of restrictions on the right of an individual to freedom of movement and the proportionality of the restrictive measures imposed (quarantine, complete lockdown) in relation to the elderly, a particularly vulnerable population group. *Methods:* dialectical method, theoretical methods of formal and dialectical logic, comparative legal method, system-structural method, method of interpretation of legal norms, and others. *Results:* the research allows us to say that the set of terms related to the high-alert regime is not clearly defined from the legal perspective; moreover, there is no legally bounding limit to its operation (the period of its being in effect) and a mechanism for its direct implementation. We argue that the restriction of the freedom of movement for persons aged 65 and older is disproportionate in the context of their health protection interests. The article defines the following guarantees of restricting the exercise of the individual's right to freedom of movement: the legality and validity of temporary administrative and legal measures, the balance between private interests (preserving the protection of the legal status) and public interests (preventing the spread of the infection), specifics of the epidemiological situation, a set of timely measures aimed at providing particularly vulnerable categories of citizens with everything vital. *Conclusions:* we propose to interpret the restriction of the exercise of an individual's rights under a high-alert regime as a legally justified state intervention (through the adoption of proportionate restrictive measures) in the sphere of an individual's private autonomy in order to protect national security, public order, human life and health. We consider it necessary that legislation should specify the provisions defining the range of circumstances when a high-alert regime is to be introduced, the limits, boundaries and scope of additional powers of special actors, and the scope of possible discretion; the means to ensure this administrative and legal regime; the list of rights and freedoms subject to restriction when it is established, as well as the mechanism for their protection.

Keywords: citizens' rights and freedoms; freedom of movement; COVID-19 pandemic; high alert regime; restrictive measures; proportionality; elderly citizens (persons aged 65 and older).

12.00.14 – Administrative law, financial law, information law.

For citation: Zaryaeva N.P., Oliynyk I.L. Restriction of the freedom of movement under a high-alert regime. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 418–427. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-418-427.

Introduction

The individual, their life and health, honor and

dignity, inviolability and security are recognized as the highest social value in the Russian Fed-

eration. The rights and freedoms of man and citizen and the level of their provision determine the content and democratic orientation of the state's activities. The ability of a person to fully implement the rights and freedoms granted to them is due to the presence of a significant number of favorable conditions for their self-realization as a specific person and a member of a democratic society.

At the same time, there are situations in which certain restrictions affecting the constitutional rights and freedoms of an individual and citizen may be imposed to prevent threats and ensure the safety and health of citizens. Thus, the COVID-19 pandemic has become one of the biggest challenges of the 21st century, affecting almost all aspects of human existence. The introduction of anti-epidemic measures (quarantine) aimed at minimizing the negative impact of coronavirus infection entailed temporary bans and restrictions on a number of basic rights of citizens. Special restrictions, expressed in the mode of complete self-isolation, affected the older generation. The related changes in the lives of the elderly have significantly reduced the level of communication and life activity, and increased anxiety and fear of social isolation.

Meanwhile, in the context of the pursuit of a legitimate goal, a number of important issues are resolved in the absence of a proper regulatory basis through public administration. The circumstances of the new reality dictate the need to analyze the protection of the rights and interests of elderly citizens and determine the proportionality of restrictive measures imposed under the high-alert regime.

Main part

Freedom is the ability to choose a particular model of conduct at one's own discretion. The boundaries of individual freedom in society are necessary for the organization of joint life. In a broad sense, freedom characterizes the general state of an individual, their social status. In a narrower, legal sense, it is characterized by the ability of an individual to perform certain specific actions within the limits established by law.

Human freedom is natural, inalienable and exists independently of the state and the law. At the same time, the state and the law are necessary to ensure the unhindered provision of individual rights and freedoms.

Freedom of movement of individuals is a fundamental concept of the legal system of any democratic state, because it is the degree of protection and the limits of the implementation of freedom of movement that serve as an indi-

cator of the level of development of society as a whole, as well as its legal, economic and socio-cultural institutions in particular.

The right to freedom of movement and free choice of place of residence is declared in Article 27 of the Constitution of the Russian Federation. This right refers to the person's fundamental freedoms that meet their individual needs. It reflects the degree of socially justified freedom of human conduct, their personal autonomy from state coercion, provided and protected by the state. As an important personal right, freedom of movement is closely linked to other groups of rights and freedoms.

Certain aspects of the right of man to freedom of movement, as well as the issues of restrictions on this right by state institutions, do not lose their relevance and continuously attract the attention of researchers [4–8; 12–14; 18–20]. Meanwhile, the problem of proportionality of restrictions as a means of legal influence during the period of the high-alert regime on the territory of Russia has not been investigated sufficiently.

The term "freedom of movement" is used in the scientific literature and legislation in a broad and narrow sense. In the broad sense, it includes the right to freedom of movement and free choice of place of residence within the state, the right to travel freely outside the territory of the state, and the right to return to the territory of one's state without hindrance. In the narrow sense, this is the right of a person to legally reside in the territory of the state, to move freely and unhindered in this territory, while taking into account the restrictions established by law. In our article, we shall talk about freedom of movement in its narrow sense.

The Constitution of the Russian Federation protects the citizen by restricting the public authority in the possibility of encroaching on the citizen's rights and the sphere of freedom. Constitutional restrictions and restrictions on constitutional rights are not identical concepts, since the Basic Law is a certain restriction on the activities of the state, state bodies, society and the individual. The grounds for the legal restriction of human and civil rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Russian Federation are based on the principle of combining private and public interests. Thus, it can be concluded that it is not the right itself that is subject to restriction, but only its implementation.

The 1950 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms

provides a legal confirmation to what we have mentioned above: “There shall be no interference by a public authority with the exercise of this right except such as is in accordance with the law and is necessary in a democratic society in the interests of national security, public safety or the economic well-being of the country, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, or for the protection of the rights and freedoms of others” (Articles 8, 10, 11).

The term “restriction” is interpreted as “a boundary, a limit, a border line; retention within a certain framework; a rule that restricts certain rights and actions; constraint by certain conditions; restriction of the scope of activity, narrowing of opportunities, etc.” [1].

V.I. Kruss points out that “law in a broad sense – including its positive basis and legal practice – can show a wide variety of restrictions and classify them as elements of the legal system and means (functions) of the mechanism for ensuring law and order. However, before and in addition to such research and “achievements”, the legal science developing on the basis of the constitutional legal understanding is primarily designed to answer questions about how and why legal restrictions are legitimate as well as permissible, acceptable and practically sound, i.e. constitutional” [11].

According to S.S. Alekseev, restriction is “an issue that concerns the scope of regulation, the limits of the rights available to individuals, which characterize the result of legal regulation”. This result is achieved by narrowing the permissions, imposing new prohibitions, and additional positive obligations [3]. In other words, a legal restriction can act both in the form of a ban and in the form of a duty. A.N. Kokotov points out that any establishment of legal obligations or legal responsibility of individuals by a normative act is a direct or indirect restriction of the rights and freedoms of a person and citizen [10].

Restrictions are preventive and represent an exceptional measure, which is based on the law and which establishes permissible limits for an individual to exercise their rights and freedoms.

Certain infringements on the freedom of conduct caused by restrictive measures eliminate possible adverse implications for both the actors subject to restrictions and other persons. Legality is the basic criterion for restricting individual rights. The main function of such restrictions is to protect public relations in order to protect the foundations of the constitutional order, morals, health, rights and legitimate in-

terests of other persons, to ensure the defense of the country and the security of the state.

The norms providing for the possibility of restricting the exercise of human rights and freedoms are contained both in national (the Constitution of the Russian Federation, Law of the Russian Federation 5242-1 of June 25, 1993 “On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of place of stay and residence within the Russian Federation”) and in international regulations. At the same time, the methods of such restriction are determined directly by the norms of national legislation.

Among the existing international standards that provide for certain restrictions on freedom of movement and free choice of place of residence, we can single out the Universal Declaration of Human Rights of 1948 (hereinafter – the Declaration).

It is important to emphasize that the Declaration does not specifically define the possibility of restricting the right of an individual to freedom of movement and free choice of place of residence. It contains general provisions on restrictions that relate to all guaranteed rights and freedoms, and therefore, to the freedom of movement (Paragraphs 2 and 3 of Article 29). As stated in the Declaration, in the exercise of their rights and freedoms, everyone shall be subject only to such limitations as are determined by law solely for the purpose of:

- securing due recognition and respect for the rights and freedoms of others
- meeting the just requirements of morality, public order and the general welfare in a democratic society.

These rights and freedoms may in no case be exercised contrary to the purposes and principles of the United Nations.

Meanwhile, the restriction of freedom of movement is explicitly provided for in Article 12, Paragraph 3, of the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966 (hereinafter referred to as the Covenant). The application of such a restriction requires “the existence of a threat to national security, public order, public health or morals or the rights and freedoms of others, and they should be consistent with the other rights recognized in the present Covenant”. Also, the provisions on the possibility of restricting freedom of movement are contained in Paragraph 3 of Article 2 of Protocol no. 4 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950.

To date, there is no single approach to determining the list of principles of legal restrictions on human rights. For example, A.A. Podmarev, considering the constitutional basis for restricting the rights and freedoms of a person and a citizen, suggests highlighting such principles as the recognition of a person, their rights and freedoms as the highest value and the respect for the dignity of the individual; compliance and proportionality of restrictions to constitutional goals; the principle of equality; restriction of rights and freedoms on the social, racial, national, linguistic or religious grounds; the requirement for establishment of a certain legal form for making the restrictions binding; compliance of restrictions with international standards [17, p. 74.]. At the same time, among the whole variety of principles for restriction of rights and freedoms, the principle of legality should be considered the key one, since it provides an optimal balance of interests of the subjects of legal restriction.

The main features of legal restrictions include: 1) the narrowing of the content and/or scope of human rights and freedoms; 2) formal certainty of the restriction; 3) constitutionally defined purposes of the restriction; 4) possibility of imposing the restriction by the state.

Legitimate interference in the implementation of human rights is possible under certain conditions and grounds. Legal literature contains formal (an indefinite range of subjects in respect of which legal restrictions are applied, clarity, stability, predictability, accessibility, compliance with the adoption procedure, and a number of others) and material (preservation of the content of constitutional rights and freedoms of a person and citizen) grounds for restrictions.

Important conditions imposed on restrictive measures are as follows: 1) the possibility of restricting the exercise of the rights should be established by law; 2) restrictions in a democratic society should be objectively necessary; 3) the purpose of restrictions should be legitimate.

The practice of many countries shows that today it is the COVID-19 global pandemic that poses the greatest threat to human rights and freedoms, because in response to its spread, democratic states have imposed universal restrictions on the exercise of the right to freedom of movement, privacy, property rights and a number of other fundamental rights guaranteed by national constitutions and international treaties. This fact was noted by UN Secretary-General António Guterres. In his report, he em-

phasizes: “The COVID-19 pandemic is a public health emergency – but it is far more. It is an economic crisis. A social crisis. And a human crisis that is fast becoming a human rights crisis” [24].

It can be said that the global COVID-19 pandemic has posed serious challenges before state mechanisms for the implementation and protection of fundamental human rights and freedoms. At the same time, as emphasized by A. Burlacu, R. Crisan-Dabija et al., there have been no unified approaches to the response from the legislator and law enforcement in the world [25].

For example, the Czech Republic, Poland, Estonia and Norway introduced severe restrictions, including almost complete border closures. Another group of countries, which includes Germany, Switzerland and Denmark, introduced an abstract distinction between necessary and optional movement based on the reason for crossing the border. Those who live or work in the country, as well as those who are in transit, are usually allowed entry, while others are denied this right unless they can prove they have legitimate reasons to do this. Hungary and Lithuania have restricted the right of entry to persons from high-risk regions. Several countries have imposed severe restrictions on internal mobility, but have not systematically restricted access to the country (Italy, France, Belgium and Spain) [28].

In Ukraine, restrictions on the right to freedom of movement that have been introduced on the territory of the state so as to prevent the spread of infection are assessed by a number of researchers as unconstitutional and violating fundamental human freedoms [27].

I. Freckelton, when considering the decisions of the courts in Australia and Kenya (The Victorian Supreme Court judgment of *Loiello v Giles* (2020) VSC 722, Kenyan judgment of *Law Society of Kenya v Mutyambai* (2020)), points out that the decision to impose a curfew in order to reduce the spread of the COVID-19 virus was justified [23].

The Belgian Federal Government has taken a number of decisions to impose severe restrictions during the COVID-19 pandemic, which, as noted by T. Vanswevelt and F. Dewallens, are at variance with the current legislation on fundamental rights and freedoms (freedom of association and freedom of movement) [29].

J. Ramji-Nogales and I. Goldner Lang characterize the restrictions on freedom of movement imposed by the United States and the

European Union as a serious challenge to fundamental principles, pointing out that the free movement of people without border controls is the main reason for the existence of the European Union, and the protection of persons fleeing persecution has been the main obligation of the United States since its founding. The implications of the closure, according to these researchers, put vulnerable groups of the population, which are allegedly protected by these domestic and international legal obligations, at serious risk [26].

It was the first time that the public authorities in Russia were faced with such a situation, and consequently, the country had no experience of management in such conditions. However, the necessity to contain the scale and reduce the spread of COVID-19 objectively required the competent authorities to regulate the regime with the subsequent adoption of emergency response measures.

Legal guidelines for the protection of the life and health of citizens in situations related to the spread of diseases in Russia are contained in the administrative legislation. The basic law here is Federal Law 52-FZ of March 30, 1999 "On the sanitary and epidemiological welfare of the population" (hereinafter – Federal Law 52). It establishes the term "restrictive measures (quarantine)", which should be understood as "administrative, health, veterinary and other measures aimed at preventing the spread of infectious diseases and providing for a special regime of economic and other activities, restricting the movement of people, vehicles, cargo, goods and animals".

Coronavirus infection (COVID-19) is included in the list of diseases that pose a threat to others. In such situations, there are several legal options for the government to respond to this disease: namely, the possibility of introducing a special legal state of emergency, a high-alert regime, and additional restrictive and anti-epidemic measures. These regimes differ in the degree of restrictive impact, which allows the state to choose the optimal response scenario.

Situations that require the introduction of special administrative and legal regulation are caused by the action of various factors. Professor I.L. Petrukhin proposed a classification that includes three main groups:

1. Natural disasters (earthquakes and volcanic eruptions, floods and tsunamis, hurricanes and tornadoes, severe and prolonged droughts or frosts, landslides, avalanches and mudslides, unusually intensive solar radiation,

meteorites and other cosmic bodies).

2. Major disasters related to the operation of equipment, tests (explosions, wrecks of trains, ships, aircraft, fires that pose a special danger to the population and cause significant harm, disasters at nuclear power plants, other facilities for the use of nuclear energy for peaceful or military purposes, resulting in a significant increase in radiation, major disasters at factories, oil and gas pipelines, the discovery of burials of radioactive and toxic substances that pose a danger to the life and health of the population of the area, significant and stable excess of the maximum permissible concentrations of harmful substances in the air, water and land, which led to the shutdown of production and death of people).

3. Biological factors (epidemics, epizootics, irruption of locusts and other insect pests) [16, p. 46].

We agree with the researcher, who notes that these factors can create various dangerous situations both directly for the individual, and in general for society and the state; this entails the need for special administrative and legal regulation on the part of the authorities.

Administrative regimes within the framework of public administration can use specific legal means, forms and methods of public administration, restricting the rights and freedoms of citizens, imposing additional duties, and expanding the powers of public authorities.

The presence of a wide range of factors that provide the basis for the introduction of an administrative-legal regime complicates the construction of generalized administrative regimes.

As a rule, the introduction of special legal regulation is justified by the need to ensure protection of the individual and the state in situations related to social conflicts, natural, man-made and biological circumstances. An example of this can be found in the above-mentioned outbreak of COVID-19. Thus, taking into account the scale of the impacts of the pandemic, all the 85 constituent entities of the Russian Federation introduced a high-alert regime, which was contained in Article 4.1 of Federal Law 68-FZ of December 21, 1994 "On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies" (hereinafter – Federal Law 68). At the same time, in 44 constituent entities of Russia, this regime was recognized as a force majeure.

The high-alert regime provides for the possibility of introducing restrictive measures on the basis of "proposals, orders of the chief

state sanitary doctors and their deputies by a decision of the Government of the Russian Federation or an executive authority of the constituent entity of the Russian Federation, a local self-government body, as well as by a decision of authorized officials of the federal executive authority or its territorial bodies, structural divisions under whose jurisdiction are defense and other special-purpose objects" (Part 2 of Article 31 of Federal Law 52).

The list of restrictive measures is contained in Paragraph 10 of Article 4.1 of Federal Law 68. In particular, on the basis of this law, the authorities have the right to restrict the access of people and vehicles to the territory where there is a threat of an emergency; to suspend the activities of organizations if there is a threat to the safety of the life of employees and other citizens; to implement other measures that do not restrict the rights and freedoms of man and citizen; create the necessary conditions for the prevention and elimination of an emergency situation and minimizing its negative impact. Also, administration bodies establish the procedure for using various reserves, including vehicles and warning devices, in case of an emergency.

The analysis has shown that the high-alert regime is different in terms of the severity and scope of legal restrictions, and is inferior to the measures provided for by the state of emergency and martial law.

At the same time, the present research allows us to say the terminological framework of the high-alert regime and the range of circumstances of its introduction are not defined clearly from the legal perspective; besides, there is no legally determined limit for the operation (period of existence) of this regime and the direct mechanism for its implementation. It seems that the absence of formally defined boundaries for the use of a special legal regime can lead to administrative arbitrariness and an imbalance in the system of separation of powers and cause a conflict of basic human rights provided for by domestic legislation and international law.

The constitutionality and validity of restrictions on the rights and freedoms of the individual is a relevant issue for any law-bound and democratic state. Without going into details, we note that researchers' approaches to this issue are different. The legal literature is dominated by the view that "there are no absolute rights and freedoms, all of them can be restricted", and "the exercise of subjective constitutional rights can be suspended in emergency situa-

tions" [21, pp. 133–134]. This view is quite consistent with the provisions contained in Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation.

Experts predict that there can be new global pandemics and outbreaks of various socially significant diseases that pose a threat to others. In a crisis, in an extraordinary situation, the risks of disproportionate restrictions on human rights and freedoms are growing; therefore, additional attention should be paid to civic oversight.

The legal reality proves that there is a problem not only concerning the legal limits of the use of a special legal regime, but also concerning the proportionality of the scope of official duties of persons vested with public authority. Based on this, the legislative consolidation of the following measures take on a special meaning: the range of circumstances when the high-alert regime can be introduced, the limits to this regime, a clear list of rights and freedoms that may be restricted, protection mechanisms in the event of violations of rights and freedoms, and the forces and means that ensure this administrative and legal regime.

In modern conditions, of particular scientific and theoretical importance is the clarity of the criteria that allow the law enforcement officer to determine the proportionality, validity and permissibility of the legal limits for restricting the exercise of human rights, including the right to freedom of movement.

Special attention is drawn to elderly citizens, for whom special restrictions (bans) on movement and social communication are established in the regions. The authorities, pursuing preventive goals in the fight against the COVID-19 pandemic, have in fact made it much more difficult for people aged 65 and older to exercise their fundamental rights and freedoms.

The decisions of the authorized persons concerning the introduction of various restrictive measures (self-isolation regime) arouse fear and some misunderstanding among the population. Meanwhile, the constitutionality of locally adopted acts was considered by the Constitutional Court of the Russian Federation. Its legal position, set out in the resolution of December 25, 2020 no. 49-P "On the case of checking the constitutionality of Subparagraph 3 of Paragraph 5 of the resolution of the Governor of the Moscow Oblast "On the introduction in the Moscow Oblast of a high-alert regime for the management bodies and forces of the Moscow Oblast system for prevention

and elimination of emergency situations and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019) in the territory of the Moscow Oblast” in connection with the request of Protvino Town Court of the Moscow Oblast”, indicates that the introduction of temporary restrictive measures, caused by the spread of coronavirus infection, does not contradict the Basic Law. The Constitutional Court of the Russian Federation “recognizes the right of citizens to movement, but specifies that in the event of a real public threat, residents must show “reasonable restraint” in exercising this right”. The resolution notes that “the restriction of freedom of movement is not the same as the restriction of personal freedom”.

It seems that in the context of the issue under consideration, it is necessary to discuss not the very possibility of introducing restrictive measures in the context of the global COVID-19 pandemic, but only the legal limits and proportionality of such restrictions, which protect the rights of elderly citizens from emasculation.

Let us consider this issue on the example of the provisions of the decree of the Governor of the Voronezh Oblast dated May 13, 2020 no. 184-u “On the extension of measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Voronezh Oblast in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)”. Thus, according to clause 4.3, “citizens aged 65 years and older are obliged not to leave their place of residence or place of stay, actual location, including residential and garden houses located on garden land plots”. At the same time, the provisions of the decree define exceptional cases, including “seeking emergency medical care, and other direct threats to life and health; following to the nearest place of purchase of goods, works, services, walking pets at a distance not exceeding 100 m from the place of residence (stay), waste removal; following to the place (from the place) of work(service), performance of official duties, assistance to persons in need of the care of others; visits to state bodies in response to their call; visits to forensic institutions, lawyers, notaries; visits to medical, pharmacy, and veterinary organizations”.

As can be seen from the example, restrictive measures are not an absolute ban, since they allow the movement of elderly citizens in the presence of valid circumstances. At the same time, a special restrictive measure – the obligation not to leave the place of residence – in the territory of the region tends to be prolonged,

which cannot but cause some concern. The problem is seen in the fact that these measures are extended from March 2020, and this significantly complicates the implementation of not only freedom of movement, but also other personal rights.

This situation is typical of the majority of constituent entities of the Russian Federation. In fact, the introduction of complete lockdown for this category of persons is not accompanied by adequate support measures, which does not exclude problems associated with an unbalanced diet (or its lack), safe access to money, medicines, maintaining physical health, and social assistance.

Many citizens aged 65 and older live alone or at a distance from their relatives, so complete isolation (even with a justified purpose) creates additional difficulties for them. Thus, the intensification of the digitalization process during the COVID-19 pandemic demonstrated that the majority of older people have difficulties accessing digital platforms and lack the necessary skills to use digital communication tools. When implementing and actively using modern digital solutions, we should not miss the fact that due to age (due to loss of vision, hearing or other age-related features), even the usual means of communication are not available for many people.

The analytical note “COVID-19 and human rights”, prepared by UN experts, highlights the particular vulnerability of the elderly, indicating that in many countries “older people are exposed to discrimination on the basis of age, as well as in the provision of medical care; neglect and domestic violence; isolation without access to basic services” [22].

It is clear that in the context of the COVID-19 pandemic, the state promptly responded to the existing legal realities and introduced new mechanisms for the implementation of human rights. While such measures are crucial for ensuring the safety of the country’s population, it is clear that they should not exacerbate social exclusion and worsen the health status of this category of citizens.

Supporting and preserving the quality of life of older people in conditions of self-isolation is an interdisciplinary problem [2; 15].

Thus, according to a number of experts in the field of medicine, long-term restrictions associated with the possibility of free movement in the fresh air (motor activity), and stress are a much more serious threat to human life than COVID-19 itself. Therefore, in this matter, it is

extremely important to pay attention to the balance, which consists in weighing the special restrictive measures imposed for a long period (complete self-isolation) and the fundamental freedoms and health of elderly citizens.

No doubt, the restrictive measures cannot deny the essential content of fundamental freedoms, namely, exclude their exercise. For example, it is proven that the infection does not spread in the open air (except in cases of close contact of a healthy person with a sick person or a carrier of the virus), therefore, the ban imposed on elderly citizens for walking in parks and squares (in the open air) for the reasons of preventing the spread of infection cannot be compatible with the essential content of the law. In these circumstances, we consider the following measures to be adequate: limiting the maximum number of persons aged 65 and older who are gathered together, establishing the social distance between them and setting the duration of their communication.

Thus, this particularly vulnerable category of citizens should be protected not so much by imposing tougher restrictions on freedom of movement, but mainly by providing them with adequate supportive measures and social protection (access to social support and basic necessities for elderly citizens who are in quarantine or self-isolation, a proportionate and non-discriminatory approach to restricting freedom of movement, for example, the allocation of separate time periods for their visits to shops, pharmacies or park areas).

We cannot but mention the significant assistance provided by volunteers to older people. The movement "MyVmeste" [We are together] is in action since the introduction of anti-epidemic measures. It was organized by the All-Russian People's Front, "Medical Volunteers" and the Association of Volunteer Centers.

We agree with N.A. Kovtun, who notes that "volunteerism is a new form of social service for the population" [9, p. 44]. In particular, in the Voronezh Oblast, there are mobile teams, including activists of the regional branch of the All-Russian non-governmental movement "Victory Volunteers", representatives of student teams and the regional Resource Center for Support to Volunteerism. Previously, the volunteers take an educational course to help the elderly in the fight against coronavirus on the Skill Cup platform.

However, unfortunately, the assistance provided to elderly citizens by both social workers and volunteers is insufficient. Older people still

need access to social benefits and other protection measures (especially if they do not possess digital technologies), which means that both the state and society should take more efforts to provide timely support to this category of citizens, do everything possible to preserve their rights and dignity, during the period of self-isolation as well.

Conclusions

The above suggests that ensuring human rights is more or less a challenge for every democratic state, as the public health crisis in the context of the COVID-19 pandemic is rapidly turning into a socio-economic and human rights crisis.

We believe that the restriction of the exercise of individual rights under a high-alert regime can be understood as a legally established state intervention (through the adoption of proportionate restrictive measures) in the sphere of an individual's private autonomy in order to protect national security, public order, human life and health.

The scale and severity of the COVID-19 pandemic demonstrate the necessity and appropriateness of the high-alert regime in Russia; the introduction of this regime is aimed at achieving the public benefit of curbing the spread of the virus and protecting the health of the entire population.

Meanwhile, the current legal uncertainty of the special legal regime hinders administration of the law and requires the legislator to introduce necessary and relevant adjustments to administrative legislation. The following aspects are subject to consolidation: the accuracy and certainty of the terminological framework; the range of circumstances under which a high-alert regime is introduced, the time limits of the specified regime; a clear list of rights and freedoms subject to restriction; protection mechanisms in case of violation of rights and freedoms; the scope of additional powers of special actors, the limits of possible discretion; the list of forces and means that ensure this administrative and legal regime.

It is quite difficult to set forth a prospect of any global pandemic. One thing is clear: the situation with COVID-19 has entrusted the public authorities (within the framework of governmental policy) with not only operational, but also systemic tasks aimed at improving the protection of older citizens. We should emphasize that citizens aged 65 and over make up a significant part of Russia's population. Therefore, it is crucially important to maintain a balance between

private (preserving the protection of the legal status) and public (preventing the spread of infection) interests in the decisions taken. When determining this balance, the basic goal is to achieve such a consistency of these interests that would make it possible to protect the value of the highest order. Ensuring the public interest at the expense of the private one is possible only if this contributes to ensuring constitutional democracy.

Thus, when restrictive measures associated with a high-alert regime are introduced, the limits and conditions for restricting the rights and freedoms of citizens 65 years of age and older must be observed:

- a balanced assessment of the epidemiological situation;
- the significance, proportionality and validity of the temporary administrative and legal measures carried out;

- a clear time frame for the restrictions;
- a set of adequate measures aimed at providing this category of persons with everything vital.

The society has to adapt to the circumstances that have emerged during the period of the high-alert regime, but only if balance is observed in terms of the restrictive measures taken. The balance, which includes the criteria of proportionality, validity and permissibility of legal restrictions, will act as a kind of legal barrier to the risks of arbitrary restriction of fundamental human rights and freedoms.

We hope that the attempt to study certain problematic aspects of the special legal regime will serve as a scientific tool for further improvement of legislation in relevant areas and the practice of its application.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 tomakh* [Constitutional law of Russia. Training course: textbook: in 2 volumes]. 5th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA M, 2014.
2. Zhdanov R.I., Khabibullin I.M., Khammatova E.F., Aidarov V.I., Zhdanova S.I., Dvoenosov V.G., Khairullin R.N. Active longevity: long-term clinical observation. *Rossiiskii zhurnal geriatricheskoi meditsiny=Russian Journal of Geriatric Medicine*, 2020, no. 4, pp. 339–349. DOI 10.37586/2686-8636-4-2020-339-349. (In Russ.).
3. Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permission, and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 288 p.
4. Aleshkova I.A. *Pravo na svobodu peredvizheniya: voprosy teorii i praktiki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Right to freedom of movement: theory and practice: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2005. 172 p.
5. Gromyko A.A. Coronavirus as a factor in world politics. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 2, pp. 5–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-kak-faktor-mirovoy-politiki> (accessed February 25, 2021). (In Russ.).
6. Duraev T.A. *Svoboda peredvizheniya v doktrine Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Freedom of movement in the doctrine of the constitutional Court of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saratov, 2007. 25 p.
7. Ivanova M.A. Problems of the realization of the citizens' rights to freedom of movement, choice of location and residence. *Mariiskii yuridicheskii vestnik=Mari Law Vestnik*, 2015, no. 1 (12), pp. 159–161. (In Russ.).
8. Kazantseva E.V. Realization of the right to freedom of movement. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki=Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 2019, vol. 5 (71), no. 4, pp. 350–357. (In Russ.).
9. Kovtun N.A. Evolution of legislative regulation of social services in Russia. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie=Science and Education: Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2020, no. 7, pp. 40–44. (In Russ.).
10. Kokotov A.N. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: kurs lektsii* [Constitutional law of Russia: a course of lectures]. Moscow: Prospekt, 2007. 296 p.
11. Kruss V. I. Restrictions of human rights and legal restrictions: problems of doctrinal differentiation. *Yuridicheskaya tekhnika=Juridical Technique*, 2018, no. 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranicheniya-prav-cheloveka-i-pravovye-ogranicheniya-problemy-doktrinalnogo-razgranicheniya> (accessed March 3, 2021). (In Russ.).
12. Limonova N.A. The problem of the abuse of rights in the field of freedom of movement. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice*, 2014, no. 6, pp. 56–58. (In Russ.).
13. Mirolyubova S.Yu. *Pravo na svobodu peredvizheniya v predelakh Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoi aspekt* [The right to freedom of movement within the Russian Federation: constitutional and legal aspect]. Moscow: Statut, 2013. 154 p.
14. Ozel' V.I. Constitutionality of restrictions on human rights and freedoms in quarantine conditions. *DICTUM FACTUM*, 2020, no. 2 (7), pp. 43–51.
15. Petrosyan V.A. A new vector of protecting the interests of older people in self-isolation: from pathogenic to salutogenic. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya=Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*, 2020, no. 4, pp. 143–145. (In Russ.).
16. Petrukhin I. L. The legal regime in the conditions of social disaster. *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, 1993, no. 2, pp. 46–50. (In Russ.).
17. Podmarev A.A. *Konstitutsionnye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Constitutional foundations of the restriction of

- human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2001. 235 p.
18. Potemkina O.Yu. The impact of COVID-19 on freedom of movement and migration in the European Union. *Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN=Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 3, pp. 88–94. (In Russ.).
19. Slavna O.V. Regulatory regulation of restriction of freedom of movement in the conditions of emergency situation in Ukraine. *Bulletin of the Penitentiary Association of Ukraine*, 2020, no. 2 (12), pp. 30–37.
20. Sorokina E.A. State anti-epidemic policy: Swedish experience in countering coronavirus. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (87), pp. 42–53. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-42-53. (In Russ.).
21. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. *Teoriya sovremennoi konstitutsii: monografiya* [Theory of the modern constitution: monograph]. Moscow: Norma, 2005. 319 p.
22. *COVID-19 and Human Rights. We are all in this together*. Available at: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/human_rights_and_covid19_russian.pdf (accessed February 3, 2021). (In Russ.).
23. Freckelton I. COVID-19 curfews: Kenyan and Australian litigation and pandemic protection. *Journal of Law and Medicine*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 117–131.
24. Guterres A. *We are all in this together: human rights and COVID-19 response and recovery*. Available at: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/we-are-all-together-human-rights-andcovid-19-response-and> (accessed February 3, 2021).
25. Burlacu A., Crisan-Dabija R.A., Covic A., Raiu C., Mavrichi I., Popa I.V., Crespo M.L. Pandemic lockdown, healthcare policies and human rights: Integrating opposed views on COVID-19 public health mitigation measures. *Reviews in Cardiovascular Medicine*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 509–516.
26. Ramji-Nogales J., Lang I.G. Freedom of movement, migration, and borders. *Journal of Human Rights*, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 593–602.
27. Zolka V., Tsarenko O., Kushnir I., Tsarenko S., Havrik R. The impact of the pandemic COVID-19 on the human right to freedom of movement. *European Journal of Sustainable Development*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 376–388.
28. Thym D. Travel bans Europe: a legal appraisal. *US Immigration and Asylum Law and Policy*. Available at: <http://eumigrationlawblog.eu/travel-bans-in-europe-a-legal-appraisal-part-i/> (accessed February 3, 2021).
29. Vansweevelt T., Dewallens F. Healthcare law and the COVID-19 outbreak in Belgium. *Medicine and Law*, 2020, vol. 39, no. 2, pp. 131–150.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NATAL'YA P. ZARYAEVA – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Special Training, Voronezh Institute of Advanced Training of Employees of the EMERCOM of Russia, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9496-2520>, e-mail: nzaryaeva@yandex.ru

INNA L. OLIYNYK – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Training Specialists for the Judicial System, Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8317-1128>, e-mail: oliynyk_k_ap@mail.ru

Received February 20, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-428-433

UDC 159.9:343.8

Individual Features of the Convict's Personality (Results of a Psychological Research)

YOANNA M. NEDYALKOVA

Varna Free University "Chernorizets Hrabar", Varna, Bulgaria

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

Abstract

Introduction: the article presents a study conducted by means of a questionnaire survey among convicts in the Varna prison. The legal status of convicts affects their psychological and behavioral features. When studying the process of forming certain personal qualities in a criminal, we find it necessary to trace the interaction between society and personality. In particular, it is necessary to identify the negative impact of isolation on the convict's personality in order to work on their reformation. When working with a convicted person, it is necessary to take into account such features of their personality as orientation, abilities, and age characteristics. Such people are alienated from society and its values and have a negative self-image. The present paper focuses on the moral attitudes and knowledge of convicts and on the use of their potential and desire for personal change. In this process, a comprehensive set of intellectual and volitional qualities is formed, in which self-esteem is an important factor that determines behavior and individual features. The *aim* of our research is to study the level of aggression in convicts and its manifestations under the conditions of isolation; we also try to work out measures to minimize the impact of places of deprivation of liberty on an individual and their relations with others. *Methods:* we use the Buss-Durkee Hostility Inventory that measures aggression, and a questionnaire that helps to interview people whose behavior is of interest to researchers. Such questionnaires are designed to assess an individual's features in specific situations and allow us to ask questions directly. They are relatively straight and do not require complex electronic equipment. The studies confirm the thesis that the closeness of the convicts' stay in isolation conditions generates negative feelings, which, under specific conditions, can transform into aggressive behavior. *Results:* summarizing the results for aggressive manifestations of convicts' personality traits and the corresponding methods of working with convicts allow the researcher to obtain information for solving the target task. We believe that these methods can serve as a basis for building a program for psychological correction of the behavior of an individual kept in isolation.

Key words: personality; isolation; aggression; communication; self-knowledge.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Nedyalkova Y.M. Individual features of the convict's personality (results of a psychological research). *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 428–433. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-428-433.

Introduction

An individual is a person who builds their own life and controls their own behavior, thereby confirming their unique presence in the world. Deviance is understood as the behavior that

is opposite to the generally accepted one [12, p. 8]. In order to understand personal features of convicts, it is necessary to use different criteria. For example, from the standpoint of the socio-legal situation, such parameters as age,

gender, severity of the crime, criminal record, and others should be considered [9].

We often observe that convicts develop individual antisocial traits and views that manifest themselves in lack of discipline, laxity, immorality, etc. [19]. The behavioral act in convicts proceeds in accordance with the scheme: stimulus – impact – immediate reaction. According to V. Frankl, noogenic neuroses arise because of existential problems rather than a conflict between primary and other types of instincts [17].

Being held behind bars blocks the individual's ability to cope on their own with compensating for the deprivations that arise in such conditions [13; 18]. However, some delinquents take responsibility for their actions and express a desire to correct their behavior.

The main aim of the research is to study aggression and personal manifestations in isolation. Tasks: 1) to review literary sources on the stated topic; 2) to organize and conduct an empirical research, prepare a questionnaire to determine the level of aggression; 3) to record manifestations of verbal and nonverbal aggression and the relationship between them; 4) to identify specific questions to be answered by convicts; 5) to generalize the obtained empirical results depending on the hypotheses put forward in the study.

Research hypotheses

Based on the stated goals and objectives, we put forward the following hypotheses:

1. In isolation, a deteriorated mental state contributes to increased aggressiveness [4; 11].
2. The activity of inspectors engaged in social work with convicts within the framework of group programs affects behavioral manifestations of aggression and contributes to the formation of self-control [7; 14].

3. Preventive and educational work in correctional institutions does not reform convicts' personal characteristics, but may affect their behavioral manifestation [3; 16].

Methods

The questionnaire, as a method, is used for preliminary probing mental phenomena [10]. In order to ensure that the information obtained during the survey is reliable, it is necessary to know basic requirements for its composition. There are two conditions:

- the respondent knows their own self in relation to the questions asked;
- the respondent has no grounds for misleading the researcher when answering the questions [2; 5; 8].

Convicts' self-esteem is an important regulator, but, at the same time, a significant destabilizer of behavior. Inadequate self-esteem leads to an increase in internal tension, which causes manifestations of aggression. Therefore, in the present review, we focus on taking into account characterological features of the convict's personality and his/her value orientations. According to V.A. Yadov, the art of conducting a survey consists in the ability to know what to ask and how to ask it [15].

The questionnaire helps to achieve the goal of the research since we can analyze the received answers to the questions posed. The Buss-Durkee Hostility Inventory, which measures aggression, was also used. In the Varna prison, 56 convicts were interviewed to test the general hypotheses.

Discussion

The tables show the results of the survey of respondents. Respondents could choose more than one answer.

Table 1

Question/answers	Amount	%
1. What are the possible manifestations of aggression in prison?		
a) physical violence	53	88.3
b) expression of disdain on the part of another convict	4	6.7
c) obstruction to the achievement of the goal	11	18.3
d) causing damage to the property of another person	36	60.0
e) verbal attacks on another person and bullying them	2	3.3
f) spreading malicious gossips	14	23.3
g) refusal to defend oneself when one is blamed by another person	2	3.3

The first question of the questionnaire was related to possible aggressive manifestations in prison. After the calculations, the answer

“physical violence” showed the highest value (88.3%), which proves that respondents often react to stress with the use of physical force.

From the low percentage of answers to verbal attacks and accusations, it follows that indirect verbal aggression, expressed, for example, in refusing to speak in defense of another, is probably not one of the strongest aggressive trends. The second place, among the possible aggres-

sive manifestations is occupied by damage to other people's property (60%).

The next question in the questionnaire concerned the search for possible causes of aggressive behavior in prison.

Table 2

Question/answers	Amount	%
2. What are major reasons for aggression in prison?		
a) misunderstanding between convicts	47	78.3
b) violence against the convict	5	8.3
c) violation of the rights of other convicts	4	6.7
d) violation of convicts' rights by prison administration	46	76.7
e) disappointment with the sentence	2	3.3
f) inability to adapt to prison conditions	4	6.7

The data obtained show that convicts themselves name the following reasons for the manifestation of aggression: misunderstanding, violation of their rights and difficult adaptation to the regime of the correctional institution. In conditions of penitentiary isolation, all the features of the convict's personality are enhanced and provoke an inadequate behavior model, confrontation with prison staff, unnecessary demonstrativeness and destructive behavior [9]. Withdrawal into one's own self, preoccupation with one's own feelings and problems leads to quick and rash decisions and actions that

always have the same result – the immediate satisfaction of personal ambitions and needs. Convicts are considered to be aggressive when provoked or when some of them exhibit provocative behavior.

From the standpoint of achieving one of the main goals of punishment in the form of deprivation of liberty, namely, reformation and re-education of convicts in terms of compliance with law-abiding behavior, the answers to the following question of the questionnaire deserve attention.

Table 3

Question/answers	Amount	%
3. What is most helpful in overcoming the difficulties of serving a sentence?		
a) encouraging measures on the part of prison administration	43	72.9
b) necessary medical measures	3	5.1
c) participation in cultural and educational events	47	79.7
d) promotion of mutual understanding in the team	4	6.8

The percentage of responses to the third question shows that participation in cultural activities and employment in places of detention help to overcome the difficulties associated with the execution of sentences. Initially, the prison group (community) is a diffuse group, the relations in which are mediated only by external controlling factors. Subsequently, there

emerge certain norms, goals, communication, and roles. The position of an individual in the group determines the number, content, and functions of their social contacts, which affects the dynamics of social support for the convict. The answers to the next question complement the conclusions and the picture on the previous question of the questionnaire.

Table 4

Question/answers	Amount	%
4. What is most helpful in overcoming aggression in prison?		
a) community engagement	55	94.8
b) the opportunity for the convict to be alone with themselves	3	5.2

It is obvious that convicts have a positive attitude toward collective forms of interaction that contribute to reducing stress in everyday life, promote adequate self-presentation and self-affirmation. This provides convicts with an opportunity to use their free time in a positive aspect.

Analyzing the answers to the next question, we can draw conclusions and generalizations on the implementation of the tasks of specialized social and educational work.

Table 5

Question/answers	Amount	%
5. Do you agree that the educational and corrective measures provided for by the law can help prevent and overcome aggression?		
a) individual counseling with regard to the problems encountered	53	88.3
b) group counseling	11	18.3
c) training for education	49	81.7
d) training for literacy	6	10.0
e) training for the profession	21	35.0
f) meeting religious needs	2	3.3

The above-mentioned correction and prevention measures applied in correctional institutions receive a high degree of approval by convicts. The hypothesis that convicts prefer individual counseling when solving problems and current difficulties that arise in everyday life is confirmed. Another corrective measure that

respondents point to is training and raising the level of education that allows them to understand the connections between thoughts and behavior and acquire creative thinking skills.

To fulfill the tasks set in the study, it is important to consider convicts' attitude toward labor.

Table 6

Question	Answers	Number of answers
6. Do you agree that labor activity in prison helps prevent aggression among convicts?	a) yes	59
	b) no	1

Labor activity as the work aimed at overcoming aggression is welcomed by all convicts but one. Professional qualification is another important measure of the entire process of re-socialization carried out in correctional institutions [1; 6]. The principle of work as a duty and

right is one of the most important elements of the subsequent re-socialization of convicts.

The next question gives an idea of how the established regime in the institution affects the aggressive behavior of convicts.

Table 7

Question/answers	Amount	%
7. Which of the following prison regimes is more important for preventing aggression?		
a) long-term stay under a more relaxed regime	48	80.0
b) short-term stay under a more strict regime	13	21.7

When asked about the duration of prison regime when overcoming aggression, respondents said that they prefer a more relaxed regime with a longer stay in prison, rather than the opposite option. Convicts adapt successfully

if they have well learned the internal norms of joint stay in prison, if their work is effective and if they interact successfully in a group and community.

Table 8

Question/answers	Amount	%
8. What relationships do you consider to be most important in terms of preventing aggression?		
a) make friends with another convict	23	39.7
b) make friends with a group of convicts	0	0
c) maintain good relationships with all convicts	53	91.4

As for interpersonal relations, we note that in order to reduce tension and make their stay in a correctional institution more comfortable, convicts prefer to maintain good relations with those around them. The participation of con-

victs in separate groups in conducting lectures, discussions, etc. is welcome.

Whether convicts prefer a fair punishment can be judged by the number of answers to the next question.

Table 9

Question/answers	Amount	%
9. What helps to prevent or stop aggression?		
a) fair punishment for the prison offense	37	71.2
b) missed punishment due to non-detection of the violation	15	28.8

We can state with confidence that in order to prevent aggressive reactions respondents prefer to receive a fair punishment for violating the established prison regime.

Summary of the survey results

The analysis of the survey results shows that the most frequent manifestations of aggression among convicts are physical violence against each other and the infliction of material damage. The results obtained show that the most common reasons for the aggressive reaction of convicts are misunderstandings between them and violations of their rights by the administration of the institution. When a person is incarcerated, their behavior changes significantly, so as to be in line with the new micro-social environment. Probably, it is a complicated process, and its violation leads to aggression, as evidenced by the results of the answers to the second question. The reasons lie in the personal characteristics and specific conditions of detention, as well as the extreme nature of the psychological situation. This raises the question of finding ways not only to control, but also to achieve personal changes that reduce aggressive behavior. Participation in cultural events and encouragement from the administration of the institution help convicts to endure more easily the difficulties of everyday life, motivate them to interact with other members of the group. The answers confirm the hypothesis about the positive attitude of convicts toward work and toward inclusion in programs for education and self-knowledge. In such a situation, training programs conducted in correctional institutions and, what is equally important, social support would produce an undeniable effect.

In order to reveal the causes of aggressiveness in convicts, we used the Buss-Durkee Hostility Inventory, which identifies the following types of aggressive reactions: assault – the use of physical force against another person;

indirect aggression – actions implicitly directed at another person or at inanimate objects; irritability – increased nervousness, excitability, readiness to manifest negative reactions to minor stimuli; negativism – an oppositional manner in behavior, manifested in the range from passive rejection to active resistance and struggle; resentment – a negative feeling, which is based on a person's feelings about the injustice done to them (real or fictional), misunderstanding on the part of others, infringement of interests, hurt feelings of self-esteem; suspicion – a complex set of feelings manifested in a wide range: from distrust and caution in relation to other people to the belief that they are harmful; verbal aggression – the expression of negative feelings through verbal reactions (curses, threats, sarcasm); guilt – negative feelings associated with a mistake made, harm caused, with a sense of unfulfilled debt, often leading to a decrease in self-esteem.

Diagnostics using the above-mentioned test revealed the following dominant types of aggressive reactions in convicts: assault, indirect aggression, irritability, resentment, and verbal aggression. This was partially confirmed by the results of the questionnaire-based diagnostic examination.

Key takeaways

According to the results of the study, we draw the conclusions that confirm our hypotheses:

1. Aggression is a form of behavior that directly depends on the set of personal capabilities that determine and ensure the implementation of aggressive behavior by convicts.
2. The content of the criminogenic set of the personality includes character accentuations, life prospects that determine goals and future ideals, self-esteem and behavior features.

Conclusion

With the help of a questionnaire as a form of research, convicts get the opportunity to ex-

press themselves creatively, which contributes to self-knowledge and the search for meaning. We note dissatisfaction with the needs for education, learning something new by going back to the past, and rehearsing new role models that reduce internal anxiety, which, in turn, leads to autonomy, confidence, and the desire for change. Effective management of aggression, as well as the achievement of changes in the convict's personality in relation to social competence, should be based on a broader strategy than the administrative-criminal approach. It includes psychocorrectional and socio-pedagogical positions. As R. Baron points out, the imminent punishment can indeed serve

as an effective means of preventing aggression, but only if the aggressor is not in a state of extreme anger, if the punishment that they can expect is severe enough, and if the probability of its application is really high [4; 11]. Reformation and educational work supports the balance of self-esteem in convicts, and the level of their requirements reaches adequate parameters, which is directly related to the motivation for success and personality changes. The preservation and affirmation of one's Self through the destruction of the other's Self is the result of a number of unconscious motives that arise in the presence of aggressive affect, psychological inferiority, and pathological personality traits.

REFERENCES

1. Andreeva L.M. *Social cognition and interpersonal interaction*. Sofia, 2007. 528 p. ISBN 978-954-072-515-4.
2. Batarshhev A.V. *Diagnostika temperamenta i kharaktera* [Diagnostics of temperament and character]. Second edition. Saint Petersburg: Peter, 2007. 368 p. ISBN 978-5-91180-484-8.
3. Batarshhev A.V. *Complete psychodiagnostics of an individual*. Soft-press publ., 2008. 496 p. ISBN 978-954-685-740-8.
4. Baron R., Richardson D. *Agressiya* [Human Aggression]. Saint Petersburg: Piter, 2014. 416 p. ISBN 978-5-496-00994-2.
5. Gercheva-Nestorova G., Nedyalkova Y. *Applications of psychology in management*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2019. ISBN 978-954-715-678-4.
6. Gercheva-Nestorova G. *Social communications*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2012. ISBN 978-954-715-549-7.
7. Dmitriev Yu.A., Kazak B.B. *Penitentsiarnaya psikhologiya: uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdenii Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Penitentiary psychology: textbook for educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 681 p. ISBN 978-5-222-12254-9.
8. Ivanov P. *Methodology and history of social psychology*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2005. ISBN 954-715-267-X.
9. Nedyalkova Y. *Aggression: theoretical and empirical measurements. Coping strategies*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2020. ISBN 978-954-715-705-7.
10. Corsini R.J., Auerbach A.J. *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Concise Encyclopedia of Psychology]. Translated from English. Second edition. Saint Petersburg: Piter, 2003. 1094 p. ISBN 5-272-00018-8.
11. *Psikhologiya chelovecheskoi agressivnosti. Khrestomatiya* [Psychology of human aggressiveness. Textbook]. Minsk: Kharvest, 2005. 653 p. ISBN 985-13-0967-2.
12. Spirkin A. *Soznanie i samosoznanie* [Awareness and self-awareness]. Moscow, 1972.
13. Stamatov R., Minchev B. *Human psychology*. Hermes, Plovdiv, 2003, 2005. ISBN 954-26-0101-8.
14. Stamenkova N. *Professional psychodiagnostics*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2005. ISBN 954-715-266-1.
15. Stoyanov V. et al. *Experimental psychology*. Varna Free University "Chernorizets Hrabar", 2003. ISBN 954-75-186-X.
16. Stoyanova S. et al. *Methodological guidelines for conducting empirical psychological research*. Blagoevgrad: Neofit Rilski Publ., 2014. ISBN 978-954-680-930-8.
17. Frankl V. *The Doctor and the Soul*. Pleven: Lege Artis, 2001. 260 p. ISBN 954-9933-16-4.
18. Khadzhivski M. *Psychological counseling in penitentiary practice*. Veliko Tarnovo: Faber, 2001. 283 p. ISBN 954-9541-89-4.
19. Tsoleva M. *Personality of the offender – theoretical dimensions and empirical aspects*. Varna, 2012. 156 p. ISSN 1314-0507.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YOANNA M. NEDYALKOVA – Ph.D., Associate Professor, Department of Psychology, Varna Free University "Chernorizets Hrabar", Varna, Bulgaria. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7314-625X>, e-mail: retrojonni@abv.bg

Received December 29, 2020

The Spread of the Prison Subculture as a Driver of Its Destructive Influence on the Personality of Young Correctional Officers

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH

Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Abstract

Introduction: we study the negative impact of the prison subculture on the personality of a correctional officer. Amid the social crisis caused by the collapse of the USSR the prison subculture started to penetrate into popular culture. This was reflected in the widespread use of prison slang, increased interest in the way of “thieves’ life”, and the popularization and romanticization of crime bosses. Behind all this was the devaluation of the norms of law and the state, and the distortion of the status of the penal system officer. *Aim:* on the basis of generalization of modern experience in studying the impact of the prison subculture, we describe main directions aimed at preventing the destructive impact of the prison subculture on the personality of young correctional staff. The article deals with the issue of modern dissemination of the prison subculture among young people via the mass media, the Internet and oral transmission of information. *Methods:* we use empirical data collection methods (questionnaires, conversations, interviews), and methods of statistical analysis and system analysis of the data collected. *Results:* the findings of our research show that the prison subculture infects not only disadvantaged teenagers, but also young people from a socially favorable environment, who then enter departmental universities and serve in correctional institutions. Infection is assessed by the degree of internal involvement of a young person in the prison subculture. In the lightest form of this infection, they simply are well informed about what it is, know the meaning of prison slang expressions, understand the logic of the functioning of groups of inmates, and are favorably disposed toward these phenomena. When the infection is more complex, future and young correctional officers not only demonstrate awareness and tolerance, but also consider the prison subculture necessary and useful; they do not condemn colleagues who use it in solving official tasks and are themselves ready, if necessary, to act in this way. *Discussion:* general awareness of the specifics of the prison subculture is necessary for the penal system officer, but it should remain a professional knowledge that helps to assess social relations in the group and the operational situation in the correctional institution adequately. At the same time, the prison subculture should receive an objective assessment as an anti-humanistic and anti-legal phenomenon. Therefore, there is a need for systematic and targeted work to prevent the spread and deforming effects of the prison subculture among cadets of departmental universities and young correctional officers.

Keywords: subculture; prison subculture; inmates; correctional institutions; cadets; correctional officers; prevention of professional deformation; correction of the personality of a penal officer.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Lapshin V.E., Galich T.V. The spread of the prison subculture as a driver of its destructive influence on the personality of young correctional officers. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 434–442. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-434-442.

Introduction

The term "subculture" first appears in the Chicago School of Sociology in the context of research at the intersection of sociology and ethnography and refers to the life of ethnic communities and marginal groups [2].

Speaking about the prison subculture, we mean a set of spiritual and moral values that regulate the informal life of inmates in places of deprivation of liberty [6, p. 31]. That is, we mean not only a set of conventions, but a social regulator that determines the development specifics of socio-psychological phenomena in a correctional institution and forms the socio-psychological climate within the institution. A large number of inmates inevitably determine their own values and require community members to take into account the norms and traditions accepted in this environment [1].

The norms and values of the criminal and prison subculture themselves have a high degree of referentiality, they are powerful regulators of individual conduct, since they act through the mechanisms of mental infection, imitation and pressure [3].

According to researchers, the prison subculture is a self-organizing system, which is characterized by the emergence of new properties in existing groups of actors; this preserves it and allows it to adapt to new conditions [12]. At the same time, the prison subculture is currently gaining new distribution channels – the Internet and social media [11].

According to researchers, specific features of the prison subculture result from its own ways of formation and functioning [4]. The key factors are the closed environment of the institution, isolation, and the restriction of the possibility of choosing a circle of communication or an occupation. The content of the prison subculture includes not only norms of conduct and stratification, but also vocabulary, folklore, and aesthetics [16]. Young people find it especially attractive due to the fact that it possesses elements of a game [15]. In places of deprivation of liberty, inclusion in the prison subculture is forced, since it is one of the ways to adapt to the conditions of doing one's time.

A.N. Oleynik identifies the following criteria for studying the structure of the prison subculture: the degree of differentiation of the spheres of daily activity, the degree of personification of relations, the degree of dualism of social norms and the degree of institutionalization of violence [10]. That is, in a correctional institution, inmates have virtually no opportunity

to lead a private life. They are always in plain sight, among other inmates and correctional staff. Therefore, gradually, even against their will, inmates became saturated with the prison subculture and start opposing themselves to the penal system, the state and the law.

Like any other subculture, the prison subculture reflects the values and moral norms of its main carriers – inmates. Therefore, under the "romance" that we see on the surface, there is a world that is focused on anti-legal and anti-humanistic behavior. This type of behavior, elevated to an ideal, allows inmates to maintain respect for themselves, find their place in the criminal world and maintain their authority. In itself, the presence of a prison subculture in correctional institutions is a problem that reduces the effectiveness of educational influence and increases the level of prison crime, especially if the staff themselves fall under its influence.

At present, particularly dangerous is the exportation of the prison subculture outside the prison walls and its merging with mass culture. In the modern Russian and Western reality, elements of the prison subculture have become part of various spheres of life. Examples of the use of rituals, traditions, vocabulary and norms of conduct can be found in mass culture, politics, business, and everyday life [14; 17; 18; 19].

While preparing his novel *One Day in the Life of Ivan Denisovich* for publication, A.I. Solzhenitsyn supplemented the text with a special short dictionary of prison slang, because in 1962 it was familiar only to people associated with the penal system. And for quite a long time, the interest in the prison subculture was narrow, but already in the 1990s, amid the social crisis, the prison subculture began to penetrate into the general culture. On the one hand, this was facilitated by the criminalization of the population, on the other hand by the popularization and romanticization of the prison subculture in films and TV series (*Brigada* [Brigade], *Banditskii Peterburg* [Bandit Petersburg], *Po prozishchu Zver'* [His Nickname Is Beast], etc.).

In the course of this merger, the prison vocabulary became common, and the norms and behaviors of the "thieves' law" became widespread among youth groups, which led to the formation of the AUE movement [AUE – "Arestantsky. Uklad. Edin," or "Prison. Order. Universal" is a criminal subculture and an informal hidden organization of Russian criminals, mainly consisting of children and teenagers. Translator's note] and the active use of prison subculture themes in the work of modern performers

who are popular among young people. The main problem is the fact that all these manifestations are aimed at “whitewashing” criminals and justifying their inhumane and anti-legal actions, and the grounds for this were laid down in the 1990s.

The need to prevent the spread of the prison subculture among inmates (especially minors) is obvious and has long been in the focus of attention of penitentiary teachers and psychologists (M.G. Debolskii, V.F. Pirozhkov, V.M. Pozdnyakov, etc.). But it is only recently that the need for targeted and system-wide prevention of the negative impact of the prison subculture on the personality of a young person who is not associated with the penal system has come to the fore.

S.A. Luzgin points out that some elements of the prison subculture are actively introduced into the youth environment thus creating a dangerous negative trend, since this process causes destructive implications for the formation of the personality of a young individual [8].

Studies of convicted minors “infected” with the prison subculture reveal that the primary “infection” with the prison subculture occurs on the outside. And teenagers enter educational colonies with already established “thieves’” views and values [13].

But as practice shows, a similar trend has begun to emerge among applicants to departmental universities and young correctional officers. If in the past, “infection” with the prison subculture was one of the signs of professional deformation of a correctional institution officer and manifested itself after several years of work in the institution, then today the penal system employs young people who are already familiar with the prison subculture in absentia from films, songs, articles and videos of popular bloggers on the Internet. As noted above, the vast majority of this cultural material instills sympathy for criminal life and criminal values.

Research methods

In 2019–2020, we conducted a study aimed at determining the possibilities of correcting the involvement of cadets of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (VLI FSIN Russia) and young correctional officers in the prison subculture.

The aim of the study was to identify ways to correct the involvement of cadets and young correctional workers in the prison subculture. To achieve this goal, it was planned to address the following tasks:

1. To conduct a study of the level of involvement of cadets and young staff in the prison subculture.

2. Based on the results of the study, to develop a correctional program aimed at neutralizing the negative impact of subculture.

3. To analyze the results of the program implementation.

The hypothesis of the study: the involvement of the cadets of the departmental university and young staff of correctional institutions in the prison subculture is superficial and spontaneous, and therefore can be adjusted through a system of psychological and pedagogical measures.

The study involved correctional staff with service experience from one to three years (30 people), who are studying at the correspondence department of the Law Faculty of VLI FSIN Russia and who are taking initial training courses at the Faculty of Professional Education and Additional Education of VLI FSIN Russia and cadets of the second year of full-time training at the Law Faculty of VLI FSIN Russia (30 people).

To determine the level of involvement in the prison subculture, the methods of questionnaires, surveys and expert assessments were used. Since we had the opportunity to observe the respondents in their academic and professional activities, we could assess their relationships with colleagues, their attitude toward discipline and official duties, and their level of general culture. The experts were lecturers from VLI FSIN Russia and staff of correctional institutions who hold senior positions or act as mentors.

When developing the questionnaire, we were guided by the theory of L. Kohlberg, according to which morality is a process consisting of cognitive, operational, and motivational levels [10].

The cognitive level includes the system of beliefs, knowledge, concepts, rules, assessments, norms, values, as well as the attitude toward these phenomena. The motivational level implies an internal permission to put into practice the elements of the prison subculture to meet one’s needs. The operational level assumes that the use of elements of subculture is included in the practice of real activity.

A superficial level of involvement can be described if the respondent has general information about the prison subculture as a social phenomenon, has a professional interest in it, dictated by official duties, has a negative atti-

tude toward it, does not consider themselves as part of the prison subculture, does not use elements of the prison subculture in their daily personal or official activities, and condemn such use by other penal officers.

The borderline level of involvement implies that the respondent is aware of the prison subculture, feels not only professional, but also personal interest in it, assumes a neutral attitude toward it, uses elements of the prison subculture in official and personal life (uses prison slang), can consider some norms of the prison subculture fair and justify their existence by necessity, approves of cases of use of elements of the prison subculture by correctional staff for official purposes.

A critical level of involvement can be described if the respondent has a deep knowledge of the prison subculture at the level of nuances, seeks to immerse themselves in the prison subculture and sees it as an opportunity for self-realization, approves of its existence and considers it necessary for the quality functioning of the correctional institution, shares the values of the prison subculture, treats it positively, supports those officers who do not fight with the prison subculture, but use it to achieve official goals.

The questionnaire was aimed at identifying the level of awareness of respondents about the prison subculture (general information, specific nuances, features of the history of formation), their attitude toward various cases of manifestation of the prison subculture among inmates and staff (sympathize, justify, find it difficult to evaluate, evaluate negatively, etc.), and assessing the readiness to act in controversial official situations from the standpoint of prison subculture norms (it was suggested to choose an action option from the ready-made ones or to write their own version).

The experts were asked to assess the extent to which young people entering the service in correctional institutions are involved in the prison subculture, what difficulties this causes in their adaptation and professional development.

Results of the study

The results obtained allow us to draw the following conclusions:

1. Both groups of respondents (cadets and staff) are well acquainted with the history, elements and structure of the prison subculture. When asked to list the elements of the prison subculture, they named prison slang, gestures, tattoos, folklore, crafts, codes of laws, the hi-

erarchy of convicts, rituals, and gave specific definitions of these phenomena; they could give relevant examples.

In a group of cadets, some of the information is outdated or exaggerated, because in the second year of training there was no internship in correctional institutions, and all the information came from open information sources. Young staff also noted that they came to work in the correctional institution already having knowledge about the prison subculture and its impact on relations within groups of inmates.

The following answers were received to the question about the sources of information about the prison subculture:

Mass media – 51%;

Movies and TV series – 31%;

Conversations with peers at school – 13%;

Conversations in the family – 5%.

Thus, we can see that the share of open information sources is quite large. The information provided in open sources is distorted, does not correspond to the time, is emotionally colored, and exploits the popular trend of creating a negative image of a law enforcement officer.

2. The respondents of both groups are well acquainted with the slang expressions typical of the prison subculture. They actively use such words as *zapadlo* [it's beneath my dignity], *bespredel* [lawlessness], *otritsalovo* [inmates who are ill-disposed toward prison administration and staff and who negatively influence other inmates], *zagasit'sya* [to hide oneself], *zashkvar* [dishonorable act], etc. The respondents themselves do not see anything reprehensible in the use of these words, perceive them as part of everyday life and do not believe that they clutter up their speech; nor do they associate themselves with the prison subculture. In addition to individual words, respondents indicated that they used such stable expressions as *ego mes-to u parashi* [his place is near the close-stool], *poshli na strelku pereteret' vopros* [went to the pre-arranged meeting to discuss an issue], *kipeshnul i slil* [made a row and killed smb.], etc.

3. In the block of questions that concerned the attitude toward the prison subculture, there were differences of opinion.

The staff who already have some experience working and interacting directly with criminalized individuals pointed to negative manifestations of the prison subculture. The average assessment of the manifestations of the prison subculture in this group is as follows:

The prison subculture deforms the personality, negatively affects people, deprives them

of their self-esteem, pushes them to commit crimes, but it keeps order inside the institution and is difficult to fight.

Respondents from the second group (cadets), who are not personally acquainted with the carriers of the prison subculture, gave different assessments of this phenomenon, which does not allow us to make a single average statement. The attitude within this group was distributed as follows:

Find it difficult to express their attitude – 5%;

Consider the prison subculture an important historical and cultural element of the penal system, romanticize it, and attach non-existent significance to it – 20%;

See the negative side of the subculture in the open manifestation of violence and attempts on sexual integrity, but believe that the prison subculture should exist so as to maintain order – 25%;

Recognize the inhumane content of the prison subculture, but show an active interest in particular individuals (code-bound thieves) – 30%;

Show a neutral attitude toward the prison subculture, as to any other subculture – 50%.

The respondents of the first group (correctional staff) are characterized by a less positive and romantic attitude toward the subculture. They note its negative nature and corrupting influence on people. This is due to the fact that members of this group are involved in face-to-face interaction with actual carriers of the prison subculture and have no illusions about selfless protection and assistance to the “weak and wrongfully convicted”. But this group also expresses the opinion that it is difficult for correctional staff to resist the phenomena of subculture and that it can be useful for them.

4. Cadets’ answers show the tendencies toward mythologizing and romanticizing the activities of “code-bound thieves”. Respondents were asked to list the qualities inherent in criminal authorities and “code-bound thieves”. The most commonly used characteristics were “bold”, “strong”, “smart”, “able to manage people”, “decisive”. That is, we see positive characteristics that transfer crime bosses from the level of a criminal to the level of a hero.

They mentioned the following sources of knowledge about crime bosses: YouTube videos, a recording of an interview with Aleksandr Severov (NTV channel, Confessions of a Code-Bound Thief, 2014), etc.

Among correctional staff, the characteristics were either neutral: “they are human too”, “they

are complicated”, or negative: “they are thug-gish”, “cunning”, “dangerous”. But in the course of conversations, staff noted that before joining the service, they also had had illusions and believed false information.

5. The answers of the staff and cadets contained some common features, mainly an indication that the very environment of the correctional institution often equates the inmate and staff, since both are under pressure from the regime and conditions for the implementation of official activities. According to respondents, the administration of the correctional institution does not always show proper behavior toward the staff, especially toward young ones. Such an attitude reduces the officer’s self-esteem, disorients them in official relations and leads to an awareness of common features in their own position and the position of inmates. This assessment results in a rapid assimilation of the prison subculture.

That is, we can see that the vast majority of respondents show cognitive infection; that is, at the cognitive level, the prison subculture is perceived not as part of the environment in which respondents perform their official duties, but as part of the general cultural world; this means the survey participants recognize its right to exist and are more ready to adapt to it than to eradicate it.

In addition, out of the total number of respondents, 34% positively assessed cases in which an officer solved official tasks through the means of the prison subculture (negotiated with a crime boss, for example). And 15% indicated that they themselves were ready to take into account manifestations of the prison subculture in their official activities, but if necessary, use them to address official tasks.

Thus, almost a third of respondents have a motivational infection.

Unfortunately, the lack of opportunities to carry out direct observation of the performance of the duties of surveyed respondents does not allow us to conclude that they have the operational infection, but in the presence of cognitive and motivational infections, the risk of manifestation of these trends in the operational sphere becomes quite high.

The results obtained do not allow us to speak about a critical level of involvement in the prison subculture. According to the results of the analysis of questionnaires and interviews, it was found that 45% of respondents are superficially involved in the prison subculture. Of these, 65% are cadets and 35% are correctional staff. The

predominance of cadets can be explained by the fact that they have a higher level of general culture, more opportunities for self-development (participation in scientific and creative activities, constant personal development), as well as a wider circle of communication, which includes people who are not connected with the service in the penal system.

Thirty-five percent of the surveyed have a borderline level of involvement, close to the superficial level (that is, they show an increased interest in the prison subculture, may use some elements of the prison subculture in life, but do not approve of the use of the prison subculture in official situations). Of these, 88% are staff and 12% are cadets. From the perspective of cadets, this involvement is dictated by a high level of interest in the prison subculture and the presence of distorted ideas about this phenomenon. On the part of correctional staff, we see the reasons why they become involved. We see the perception of the prison subculture as an opportunity to express oneself emotionally (using prison slang) or to relieve the stress of adapting to service in a correctional institution (using elements of the subculture so as not to stand out, but to look more experienced and authoritative).

Twenty percent have a borderline level of involvement, close to critical (that is, they share the values of the subculture, justify its existence, consider it a possible tool in their professional activity, but do not yet apply it in practice and do not live according to the norms of the prison subculture). This category, according to our observations, includes staff only. This level of involvement is explained by their narrow-mindedness, small circle of interests, limited circle of communication, and a lack of interest in development.

Socio-psychological aspects that require adjustment

Based on the results obtained, we identified the main problems that require attention:

1. Many manifestations of the prison subculture are presented in the modern youth environment as the norm of communication, and young correctional staff do not see anything reprehensible in demonstrating anti-legal behavior, disrespect for the state and the law, and disregard for people, which is all typical of the prison subculture. Therefore, cadets and young staff become infected with the subculture spontaneously, while simply being in the general information flow of modern youth culture, and often cannot identify the manifestations of

the prison subculture in their communication and behavior.

2. Staff consider the prison subculture an important part of the overall mechanism of social interaction within the correctional institution and begin to unconsciously associate themselves with it if they do not have formed ideas about themselves as a servant of the law and a carrier of humanistic values, consider the prison subculture a convenient "working tool" and do not know how to arrange work with the help of other methods.

The first problem is related to the lack of objective and complete information about the prison subculture, and the second is related to the weakness of the individual, low level of awareness and insufficient formation of ideas about the possibilities of resisting the influence of the prison subculture.

Prevention of the spread of the prison subculture requires the implementation of a system approach. Its negative impact should be mitigated in the following three directions – general social, special and individual [5; 7; 9].

Program for preventive measures

Based on these problems, a program for correctional and preventive work was drawn up.

The goal of the program is to neutralize the negative impact of the prison subculture on the officer's personality at the cognitive and motivational level.

To achieve this goal, it was necessary to address the following tasks:

- inform about the history, development and essence of the prison subculture;
- carry out work on the formation of ideas about oneself as a Russian officer, representing high culture and the law, a defender of humanistic values;
- to form a negative attitude toward the prison subculture, which will encourage one to distance oneself from its norms and manifestations;
- training to resist the influence of the prison subculture and to eliminate elements of the prison subculture in official activities and communication.

All those who were involved in the previous stage were included in the implementation of the program, but the main target audience was those cadets and staff who were at risk (that is, had a borderline degree of involvement in the prison subculture).

To participate in the program, cadets and staff were divided into groups of 20 people. Each lesson lasted 1.5 hours.

The first stage of the program was informing. This stage included two lessons. The first lesson dealt with the history of the formation of the prison subculture, the formation of its ideology and philosophy, and its functions in the world of crime. The second lesson dealt with the negative impact of the prison subculture on the personality and life of inmates and staff. The lesson was conducted in the form of a problem lecture with visualization elements.

Within the framework of this direction, the following topics were proposed for discussion:

- Manifestations of the negative influence of criminal subculture in a modern correctional institution.
- History of the development of criminal subculture.
- Functions, expediency, and classification of prison subculture attributes.
- Negative impact of the prison subculture on the personality and behavior of correctional staff.
- Offenses dictated by the influence of criminal subculture.

Theoretical information was provided in short blocks (10 minutes), followed by a stage of discussion of problematic issues, such as:

- How do the conditions of a correctional institution contribute to the spread of criminal subculture?
- What is the attraction of criminal subculture for a correctional officer?
- What measures to combat the spread of criminal subculture could be effective?
- etc.

To illustrate the material, participants were shown some videos of the real manifestations of the prison subculture, its negative impact on the socio-psychological climate in the institution, the personality and life of inmates and staff.

For example, a great response from the audience was caused by the film *Kalina Krasnaya* [The Red Snowball Tree] (1974), which, despite its age, does not lose its relevance and shows the long-term implications of joining the “thieves’ life”: loss of family, mother’s grief, difficulties with restoring social ties, disrespect of people and, as a result, the inability to simply get out of this vicious circle.

The second stage of the program was aimed at actively teaching socially important behavioral skills that help to resist the influence of the prison subculture and eliminate elements of the prison subculture in official activities and personal communication.

For the successful implementation of this stage, it was important to unlock personality resources of the staff, to form professional self-esteem and professional pride in them, and to minimize negative consequences of the influence of the prison subculture. The work was aimed at forming the staff’s image of themselves as an officer, a defender of law-abiding citizens, a servant of the law; developing the skills of responsible behavior and the ability to predict the consequences of their actions; developing the ability to resist the negative influence of the environment and the group.

In the framework of our research, this task was solved during training sessions. Three classes were conducted (work in groups of 20 people for 1.5 hours).

The first lesson was aimed at understanding the reasons for showing interest and involvement in the prison subculture (both at the level of society and at one’s personality level). We used brainstorming methods, working in subgroups and pairs.

The second lesson was aimed at training the skill of determining the manifestations of the prison subculture in the activities of correctional staff. The participants of the group were offered various situations from the activities of the institution, in which it was necessary to identify elements of the manifestation of subculture and evaluate the actions of staff, to offer an alternative to such actions. Elements of the case method and role-playing games were used.

The third lesson was aimed at the formation and consolidation of socially important forms of behavior that would help to oppose the prison subculture. In this lesson, the short- and long-term benefits of abandoning the prison subculture were worked out, the motivation for following the chosen direction of behavior was formed, and the resources that could be supported in this process were determined.

At the final stage of the program, a final group meeting was held, where the results were summed up, discussed, feedback was collected, and a control questionnaire survey was conducted.

In the course of the program implementation, the following results were obtained:

The number of participants in the program demonstrating a critical level of involvement in the prison subculture decreased from 75% to 30%. The decrease occurred both at the expense of those respondents who were closer to superficial involvement at the beginning of the

program, and those who were closer to critical involvement.

The program participants noted the following changes:

- they obtained more comprehensive knowledge about the prison subculture, allowing them to draw their own conclusions about its essence, functions in the modern world and the need to preserve it;
- they began to think about the long-term consequences of involvement in the prison subculture and see its destructive impact;
- they began to notice the manifestations of the prison subculture in their behavior and the behavior of other people, in mass culture and in the general information space;
- there was an understanding of the seriousness and scale of the problem and the confidence that its spread can be controlled by personal efforts: not to allow it at home, to give a correct assessment in society, to speak about its real content, etc.;
- there emerged a desire not to associate themselves with the world of crime through the separation of slang words, rituals and norms of behavior;
- they developed an understanding that difficult situations in a correctional institution should be solved by legal methods; they wanted to learn more about it, to become a real professional in their field;
- they developed a sense of pride in their profession.

At this level, we can say that the hypothesis

of our study was confirmed and the goal of the study was achieved. But in order to make global changes and ensure that the changes are consolidated, it is necessary for the administration of the correctional institution and educational organizations to carry out measures of a general systemic nature.

First, it is necessary to conduct constant monitoring of open information sources. Since young people are active users of social media, it is important to respond in a timely manner to the resonant material that appears in popular blogs and video channels. Open discussion and professional evaluation of provocative materials will allow cadets and young staff to navigate the situation correctly and draw the right conclusions.

Second, it is necessary to conduct constant work to identify and suppress the manifestations of elements of the prison subculture in staff's behavior. It is important to constantly demonstrate a position of intransigence to such trends, openly condemning the revealed facts of the manifestation of the prison subculture among staff and encouraging those who systematically adhere to the norms of legal and humanistic behavior.

And third, attention should be paid to improving the general cultural level of officers, forming healthy lifestyle habits, engaging in volunteering and charity, and engaging in public activities (including measures to prevent the spread of the prison subculture among minors).

REFERENCES

1. Anfinogenov V.A. Human needs, interests and values in the prison subculture. *Obshchestvo i pravo=Society and Law*, 2014, no. 1 (47). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskie-potrebnosti-interesy-i-tsennosti-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
2. Belousova M.M., Koval'chuk O.V., Rimskii V.P. Methodology of subcultures studies in social sciences and humanities. Paper 2. Genesis and evolution of subcultures of childhood and youth. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*=Belgorod State University Scientific Bulletin. *Philosophy. Sociology. Law*, 2010, no. 8 (79), issue 12, pp. 30–40. (In Russ.).
3. Gusev M.V. The problem of the spread of the criminal subculture in Russia. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta=Bulletin KuzSTU*, 2007, no. 5, pp. 112–115. (In Russ.).
4. Kleimenova E.G. Prison subculture as a special type of social interaction. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika"*=Bulletin of Udmurt University. *Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2012, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyi-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
5. Knyazeva O.V. Sivtsova M.O. Neutralizing the influence of the prison subculture as a component of the process of preventing prison-related crime In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy v Rossiiskoi Federatsii i za rubezhom. Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the international research-to-practice conference]. 2018. Pp. 607–613. (In Russ.).
6. Kozhevnikov T.S. *Tyuremnaya subkul'tura: ucheb. posobie* [Prison subculture: a textbook]. Second edition, revised and supplemented. Kirov: FKOU DPO Kir. IPKR FSIN Rossii, 2013. P. 31.
7. Luzgin S.A. Directions, strategies and programs for the prevention of elements of prison subculture among young people. In: Filippov M.N. (Ed.). *Materialy devyatnadsatoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki RF Ivana Pavlovicha Bashkatova*

- [Proceedings of the nineteenth All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Ivan Pavlovich Bashkatov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation]. 2019. Pp. 128–133. (In Russ.).
8. Luzgin S.A., Kirillova T.V., Kuznetsov M.I. Prevention of the spread of the prison subculture among adolescents and youth. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2019, no. 7 (206). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-rasprostraneniya-tyuremnoy-subkultury-v-srede-podrostkov-i-molodezhi> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
 9. Naruslanov E.F., Novikov A.V., Gorovoi V.V. Prevention of youth extremism in institutions of the penal system. *Yuridicheskaya nauka=Legal Science*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-molodezhnogo-ekstremizma-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
 10. Oleinik, A.N. *Tyuremnaya subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow, 2001. 418 p.
 11. Polishchuk V.E., Ponomarev S.B. To the issue of the axiology of prison subculture. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2-ukh chastyakh* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, in 2 parts]. Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii. 2019. Pp. 180–182. (In Russ.).
 12. Ponomarev S.B. Prison subculture from the standpoint of the theory of systems. *Vedomosti UIS=Bulletin of the Penal System*, 2020, no. 1 (212). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-s-pozitsii-teorii-sistem> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
 13. Rumyantsev N.V. On the status and measures for the prevention of criminal subculture among minors held in the institutions of the penitentiary system. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii=Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sostoyanii-i-merah-po-profilaktike-kriminalnoi-subkultury-sredi-nesovershennoletnih-soderzhaschihsya-v-uchrezhdeniyah-ugolovno> (accessed March 1, 2021). (In Russ.).
 14. Tishchenko N.V. *Tyuremnaya subkul'tura v prostranstve kul'turnykh praktik. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. doktora kul'tur* [Prison subculture in the space of cultural practices. Doctor of Culture dissertation abstract]. Saratov, 2013. 42 p.
 15. Tkacheva E.P. Game function in prison subculture. *Vestnik VyatGU=Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-igry-v-tyuremnoy-subkulture> (accessed May 19, 2021). (In Russ.).
 16. Yunusov A.A., Yunusov S.A., Zhezlov N.V. Prevention of the spread of subculture among those sentenced to imprisonment through the organization of religious education. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki=Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice*, 2017, no. 4, pp. 51–53. (In Russ.).
 17. Percival G.L. *Smart on Crime: The Struggle to Build a Better American Penal System*. CRC Press, 2015. 265 p.
 18. Cavadino M., Dignan J., Mair G., Bennett J. *The Penal System: An Introduction*. SAGE Publications, 2019. 413 p.
 19. Weston J. *Medicine, the Penal System and Sexual Crimes in England, 1919-1960s: Diagnosis ng Deviance*. London: Bloomsbury Publishing, 2017. 263 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

TAT'YANA V. GALICH – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5111-4698>, e-mail: t_galich@list.ru

Received October 10, 2020

Basic Model of the Psychological Well-Being of VIPE FSIN Cadets and Penitentiary Staff

KONSTANTIN B. MALYSHEV

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

OLGA A. MALYSHEVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

Abstract

Introduction: in the present paper, we establish a connection between psychological well-being and occupational orientation of an individual and build a complete, ordered and comprehensive picture to measure the profiles of psychological well-being of an individual. *Aim:* to build a three-factor basic model and optimize the corresponding basic measurement technique for psychological well-being of an individual. *Methods:* system-based modeling of information about the psychological well-being of an individual. The hypothesis of the study: the psychological well-being of an individual is associated with their occupational orientation. The study pursues the following research tasks: 1) to build a three-factor basic model for psychological well-being and establish its connection with the occupational orientation of an individual; 2) to use a basic approach when designing a technique to measure the psychological well-being of an individual and to optimize the appropriate procedure for its application in psychodiagnostic practice; 3) to build a complete, ordered and comprehensive picture to assess the profiles of psychological well-being of an individual; 4) to determine the dominant profile of the psychological well-being of VIPE FSIN Russia cadets and penitentiary staff. *Results:* the results of our study help to optimize the measurement of psychological well-being of an individual so as to “simplify” its diagnostic procedure. The article describes the concept of “occupational well-being” and provides a complete picture consisting of 64 hexagram profiles of the psychological well-being of an individual. *Conclusions:* the psychodiagnostic research has shown that the hexagram profiles of psychological well-being in cadets and penitentiary staff are different. VIPE FSIN cadets have four dominant types (at a high and very high level), these are “Positive relations with others”, “Personal growth”, “Purpose in life” and “Autonomy” with appropriate internal self-esteem. “Self-acceptance” and “Environmental mastery” were not observed in cadets at all (or were observed at a low level). There are four dominant types (at a high and very high level) among penitentiary staff, these are “Positive relations with others”, “Self-acceptance”, “Environmental mastery”, and “Purpose in life”; “Personal growth” and “Autonomy” were manifested at a low level.

Key words: psychological well-being; occupational orientation; typological profile; basis; three-factor basic model; hexagram.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Malyshev K.B., Malysheva O.A. Basic model of the psychological well-being of VIPE FSIN cadets and penitentiary staff. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 443–450. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-443-450.

We understand psychological well-being as subjective self-perception of the integrity and meaningfulness of one’s life. This concept belongs to the category of concepts of exis-

tential-humanistic psychology. Psychological well-being is a system-wide quality of a person, it is acquired in the process of life activity on the basis of psychophysiological preservation

of functions, manifests itself in the experience of the content orientation and value of life as a whole as a means of achieving internal, socially oriented goals and is a condition for the realization of one's potential capabilities and abilities [20].

This concept began to spread since the 1960s. The works of N.M. Bradburn, E. Diener, C. Ryff, B.S. Bratus', I.V. Dubrovina and others are devoted to this problem. Among the authors who have been engaged in the theoretical development of the question of the main "contours" of psychological well-being we can name J. Bugental, A. Maslow, K. Rogers, E. Fromm, G. Allport [7; 10]. From the point of view of this approach, psychological well-being is considered as "the fullness of a person's self-realization in specific life conditions and circumstances, finding a "creative synthesis" between the correspondence of the request of the social environment and the development of their own individuality" [15; 17].

C. Ryff developed a multidimensional model of psychological well-being. It includes six main factors – types of psychological well-being:

- 1) purpose in life,
- 2) positive relations with others,
- 3) personal growth,
- 4) environmental mastery,

Fig. 1. Representation of the three-factor basis in the form of a snowflake (each of the six typological directions has six dashes corresponding to six diagnostic judgments)

Using the principle of semantic proximity, we project the composing characteristics and types of psychological well-being into occupational types according to J. Holland [8].

As a result of this comparison of types, their one-to-one correspondence is established (Tab.1) [16; 19].

- 5) self-acceptance,
- 6) autonomy [20].

Currently, C. Ryff's multidimensional model is accepted by many researchers, and the methodology she developed for measuring psychological well-being, which contains 84 questions, is actively used in the research practice of many countries. The six types of psychological well-being in the multidimensional model of C. Ryff can be compared with J. Holland's six occupational personality types, using the principle of "semantic proximity" [14; 18].

J. Holland's typology of personality is a three-factor basic typological model with a single dichotomy "social (+) – individual (–)", Factor F is a pair of opposite types T (+) – T (–):

- Conventional type (+) – Artistic type (–), factor F(1) "Affect";
- Social type (+) – Realistic type (–), factor F(2) "Will";
- Enterprising type (+) – Investigative type (–), factor F(3) "Thinking" [9].

When constructing the typological structures of the tests, we used the principle of conformity to natural laws. In nature, there exist six-element structural formations, which, when perceived, are stable basic three-factor structures: cells of the honeycomb, snowflakes (Fig. 1 and 2) [1; 3; 13].

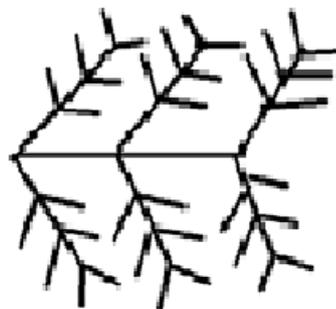

Fig. 2. Each of the six dashes-directions corresponding to six diagnostic judgments has three pairs of dichotomous opposite evaluative numbers: (–3) – (+3), (–2) – (+2), (–1) – (+1)

The keys for our two modified techniques are given in Table 2 [5; 12]. Evaluation words will be translated into evaluation numbers as follows: completely disagree (–3), disagree (–2), disagree rather than agree (–1), completely agree (+3), agree (+2), agree rather than disagree (+1) [8].

Table 1

Comparative analysis of occupational personality types and types of psychological well-being

Characteristics of occupational personality types according to J. Holland with question numbers in our modified test (18 questions)	Characteristics of psychological well-being (N.M. Bradburn, E. Diener, B.S. Bratus', I.V. Dubrovina, and others)	C. Ryff's psychological well-being types with numbers of questions in our test (36 questions)
1	2	3
<p><i>Social (social) (1, 2, 3).</i> Establishes good, friendly, trusting, and positive interpersonal relationships with people. Oriented toward the common good. Spirituality. Has a positive outlook on the world and on life situations. Is open to communication, sociable, positively assesses oneself and one's life. Knows how to build child-parent relationships in the family. Aspires to spiritual comfort, an optimist, has no addictions. Positive-emotional. Strives for good social conditions of life, and for reflection. Minimizes needs. Is satisfied with work and personal life. Has a good status in a microsocial environment. Is psychologically healthy. Effectively solves the tasks set, defends one's own boundaries and values, accepts themselves and another person, is socially well-off, satisfied with the social status, the state of society, builds interpersonal relationships well. Psychological well-being. Cheerful, happy in the family, friendly relations with colleagues, provides assistance, good relations with management, is able to express their own opinion, empathic, sociable, able to take care of loved ones, a good sense of humor, is not afraid to oppose their opinion to the opinion of the majority, open to communication, satisfied with oneself, one's own life, social status, is often in a good mood. Strives for self-realization, has psychological health, concern for the well-being of others, satisfaction with interaction), competence, family and close friends. Confidence in close people, can give a critical self-assessment and assessment of the surrounding circumstances, a sense of attachment and responsibility toward close people, altruism, focus on socially useful work, harmony, cheerfulness. Good at building relationships with people; shows concern for them; empathic; often uses a strategy of mutual concessions in communication.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. I educate and take care of people. 2. I give advice and help people. 3. Sympathy and empathy for people are traits of my character. 	<p>Friendly, trusting, and good interpersonal relationships with people. Strives for the common good. Spiritual. A positive view of life situations, the world, sociable, sociable, can give a positive assessment of oneself and one's life. A good family teacher. Mentally-comfortable, optimistic, no addictions. Emotional. Is set up for good social conditions of life, reflexive. Minimizes needs. Satisfied with work and personal life. Has a good social status and mental health. Solves problems well, defends own boundaries and values, accepts themselves and another person, is socially well-off, satisfied with the state of society, interpersonal relations. Spiritually and psychologically well-off. Cheerful, happy in the family, friendly relations with colleagues, provides assistance, good relations with management, knows how to express own opinion, has empathy, cares for loved ones, has a sense of humor, always has an opinion, is sociable, satisfied with oneself, own life, social status, often stays in a good mood. Strives for self-realization, has psychological health, cares about the well-being of others, is competent, a good family man, many friends. Is able to give a critical self-assessment and assessment of the surrounding circumstances, is responsible toward people, is an altruist, a good social activist, strives for harmony, is a life lover.</p>	<p><i>"Positive Relations with Others" (1, 2, 3, 4, 5, 6)</i> A satisfactory, trusting relationship with others. Cares about the well-being of others; is able to empathize, allows attachments and close relationships; understands that human relationships are built on mutual concessions.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Most of my friends consider me a loving and devoted person. 2. I love intimate conversations with family or friends. 3. I think it's important to be a good listener when close friends share their problems with me. 4. Maintaining a close relationship has been difficult and frustrating for me. 5. I often feel lonely because I don't have many friends to share my problems with. 6. I don't have many friends who are willing to listen to me when I need to talk.
<p><i>Realistic (individual) (4, 5, 6).</i> Is good at dealing with objects and things in the surrounding world. Strives to control the environment, a high degree of self-management. Physically energetic and active. Bodily comfort, a sense of bodily health and comfort. Shows concern for one's own health. Pragmatism. Strong-willed type of behavior. Competence and self-confidence. Work energizes them and inspires success. Physically and mentally healthy. Strives for material benefits in life. Believes in oneself. Realizes one's own potential at work well. In life, likes to rely on personal preferences. A great personal resource for achieving one's goals. High performance. Life is based on the principle of obtaining pleasure. Self-acceptance and self-worth. Copes well with household chores and is able to meet one's own needs. Good psychosomatic data of their body. Emotionally stable behavior in society.</p>	<p>A sense of mastery in the environment (a sense of competence in managing things in the environment). Control over the environment, the ability to effectively manage one's life. Good physical activity. High reserve capacity of the body. Physical (bodily) well-being (bodily comfort, feeling of health). Takes care of own health, listens to own feelings. Maximizing utility. Strong-willed ability to achieve what they want. Competence in a particular type of activity. Self-confidence. Job satisfaction. Good physical and mental health. Satisfaction with the material side of their existence.</p>	<p><i>"Self-Acceptance" (7, 8, 9, 10, 11, 12)</i> Has a positive attitude toward oneself, knows and accepts one's own various sides, including good and bad qualities, and positively evaluates one's own past.</p> <ol style="list-style-type: none"> 7. When I look back, I like the way my life has turned out. 8. In general, I am confident in myself. 9. In general, I like myself. 10. It seems to me that many of my friends have succeeded in life more than I have.

1	2	3
<p>Lack of fear and reactive and personal anxiety. Material values dominate in life. Self-sufficiency and satisfaction with one's life. Treats oneself positively, adequately accepts both good and bad qualities in their behavior, gives a satisfactory assessment of their past.</p> <p>4. I like to control and criticize the actions or behavior of other people, being demanding and principled.</p> <p>5. In relation to people, I often show an authoritarian position.</p> <p>6. My views are unwavering, and everyone should fulfill their duties and comply with regulatory guidelines.</p>	<p>Self-confidence. The ability to be realized in the activity. Evaluates oneself based on own preferences. A large and conscious amount of resources to achieve one's goals. Efficiency. Getting pleasure from life. Positive attitude toward oneself (self-acceptance and self-worth). The ability to cope with everyday affairs, to change the living conditions in accordance with own needs. Good psychosomatics. Balanced behavior. Lack of fear and anxiety. The desire for material well-being. Self-satisfaction and life satisfaction.</p>	<p>11. If I had the opportunity, I would change a lot about myself.</p> <p>12. In many ways, I am disappointed with my achievements in life.</p>
<p><i>Enterprising (social) (7, 8, 9).</i></p> <p>Interest in public and political information. An effective, knowledgeable and capable manager with good operational leadership skills. Managerial and organizational confidence. High level of claims and high motivation in terms of achieving the goal. Strives for social status. Inflated self-esteem. A determined, efficient, confident personality. Achieves great success in the field of self-government. Asserts themselves as a person. Dedication in making and implementing management decisions. Can use external resources well in the environment. Aspires to power, has managerial competence, is often in the ego-state of the "controlling parent" in organizing activities, using all the opportunities for this, seeks to meet personal needs and implements one's own goals.</p> <p>7. I like to be involved in organizing and leading other people.</p> <p>8. In my behavior, I show enterprise, expressiveness, authority, emotionality, and sometimes aggressiveness.</p> <p>9. I often dominate relationships, seeking public recognition.</p>	<p>Interest in what is happening in the world around. Selflessness. Competent management. Self-confidence. Self-confidence. High motivation to achieve the goal. Satisfaction with own social status. High self-esteem. Determination. Self-confidence. The ability to manage own life effectively. High self-esteem. Determination. Interest in what is happening in the world. Selflessness. The ability to manage one's life. The ability to effectively use external resources. The ability to be a good manager.</p>	<p><i>"Environmental Mastery" (13, 14, 15, 16, 17, 18)</i></p> <p>Has the power and competence to manage the environment, and controls all external activities. Effectively uses the opportunities presented. Is able to capture or create conditions and circumstances suitable for meeting personal needs and achieving goals.</p> <p>13. As a rule, I consider myself responsible for the way I live.</p> <p>14. I am quite able to cope with my daily worries.</p> <p>15. If I were unhappy in life, I would take effective measures to change the situation.</p> <p>16. The demands of everyday life often depress me.</p> <p>17. I don't really fit into the community of people around me.</p> <p>18. I often feel that my responsibilities are oppressing me.</p>
<p><i>Investigative (individual) (10,11,12).</i></p> <p>A good combination of soul and mind. Striving for personal development. Intellectual orientation in behavior, self-realization and self-development. Excellent mental performance. The desire for intellectual self-improvement. The ability to comprehend life. Maximize own mental abilities. The presence of a sense of meaningfulness of life. Strives to learn, perceive new information and solve intellectual problems. The ability to follow own beliefs. Cognitive orientation in behavior. Constantly strives for personal development, for self-realization, for new experiences, has a high intellectual potential; finds satisfaction from cognitive activity.</p> <p>10. I like to solve problems that require abstract thinking.</p> <p>11. I always like to learn something.</p> <p>12. I am attracted to the work of a researcher.</p>	<p>The ability to exist in harmony of the soul with the mind. Focus on personal growth. Personal growth as a sense of continuous development and self-realization. Adequate self-esteem. Excellent mental performance. The desire for self-improvement. The ability to comprehend life. The presence of personal growth. Maximizes own abilities. The presence of a sense of meaningfulness of existence. Strives to develop, learn and perceive new things. Meaningfulness of life. The ability to follow own beliefs. Personal growth. The cognitive component in behavior. Personal intellectual developing self-realization. Focus on continuous self-development.</p>	<p><i>"Personal Growth" (19, 20, 21, 22, 23, 24)</i></p> <p>Has a sense of continuous development. Perceives oneself as "growing" and self-fulfilling. Open to new experiences, feels a sense of realizing one's potential, observes improvements in oneself and one's actions over time; changes in accordance with own knowledge and achievements.</p> <p>19. Basically, I believe that I will learn more and more about myself over time.</p> <p>20. I am one of those people who like to try new things.</p>

1	2	3
		<p>21. It seems to me that a new experience that can change my ideas about myself and the world around me is very important.</p> <p>22. I am not interested in lessons that will bring results in the distant future.</p> <p>23. I don't want to try new activities – my life suits me anyway.</p> <p>24. I haven't gotten much better over the years.</p>
<p><i>Conventional (social) (13, 14, 15).</i> Building a targeted life program. Socially-normative and socially-approved. Adequate self-esteem. Emotional stability in behavior. Meaningful, purposeful life. Professional competence. Adequate response to external stimuli. Satisfaction with own life. Minimizing complexity. Ability to adapt quickly to changes in the surrounding world. Personal adaptability. Stress resistance, low level of conflict. A respectful, attentive, sparing attitude toward yourself. A sense of wholeness, inner balance. Gets satisfaction from achieving meaningful goals. Low level of conflict. Taking care of own health. Listens to own feelings. Internal control. Life satisfaction. Life prospects, goals that give life direction and meaning to life. A sense of purpose in life. A positive attitude toward oneself. Mental, harmonious, adaptive balance. Adequate perception of reflected objects, phenomena, and circumstances. The ability to organize and to change behavior in accordance with changes in adequately the environment. The ability to make and implement life plans. Conflict-free communication skills. Purposeful in life and has a clear semantic orientation in behavior; convinced of the correctness of own life goals and implements own intentions in life.</p> <p>13. In my behavior, I observe the rules, norms and requirements of society.</p> <p>14. I can adapt, change my behavior under the influence of society, or I can show "mature independence".</p> <p>15. I like to reason, but in an argument I show "cold" calmness, restraint.</p>	<p>Has certain goals in life. Adequate self-esteem. Emotional stability. Purposefulness, the presence of goals and life prospects that give direction and meaning. Competence. Adequate response to external stimuli. Life satisfaction. Minimization of complexity. The ability to quickly adapt to changes in the surrounding world. Stress resistance. Conflict-free communication skills and a low level of conflict. Attitude toward oneself: respectful, attentive, sparing. A sense of wholeness, of inner balance. Gets satisfaction from achieving meaningful goals. Personal adaptability. Takes care of own health. Listen to own feelings. Internal control. A sense of purpose in life. Mental balance, harmony. The ability to create and implement own target life plan.</p>	<p><i>"Purpose in Life" (25, 26, 27, 28, 29, 30)</i> Has a purpose in life and a sense of direction; believes that past and present life has meaning; holds beliefs that are sources of purpose in life; has intentions and goals for life.</p> <p>25. I like to think about what I have done in the past and hope to do in the future.</p> <p>26. My life has meaning.</p> <p>27. I enjoy making plans for the future and putting them into practice.</p> <p>28. I live for the present and don't think much about the future.</p> <p>29. I try to focus on the present, because the future almost always brings some problems.</p> <p>30. My daily activities often seem trivial and insignificant to me.</p>
<p><i>Artistic (individual) (16, 17, 18).</i> Independent behavior. Acts as considers appropriate according to internal beliefs. In decision-making, shows independence, often follows own emotions and feelings. Openness to experience. The desire for self-actualization, high self-esteem. Can afford non-standard thinking and behavior. Independence from the opinions and assessments of society. A keen sense of humor. Freedom in actions and actions. The emotional sphere dominates over the intellectual one. Tries not to adhere to any social norms. Has a rich creative imagination. Strives for music, poetry, and art. Shows independence and strives for independence, tries to move away from social norms and stereotypes in behavior; aimed at self-regulation and builds behavior based on own personal criteria.</p> <p>16. I like to express my desires without any censorship, references to the rules and requirements of society.</p>	<p>Independence. Autonomy (the ability to follow one's own beliefs). The presence of feelings. Autonomy in behavior. Emotional comfort. Openness to experience. High level of self-actualization, self-esteem, and autonomy. Adheres to non-standard thinking and behavior. Emotional comfort. Independence from the opinions and assessments of society. Has a good sense of humor. Free behavior.</p>	<p><i>"Autonomy" (31, 32, 33, 34, 35, 36)</i> Independent, able to resist the attempts of society to force them to think and act in a certain way; independently regulates their own behavior; evaluates themselves in accordance with personal criteria.</p> <p>31. I am not afraid to express my opinion, even if it contradicts the opinion of the majority.</p> <p>32. My decisions are usually not affected by what others do.</p> <p>33. It is more important for me to be in agreement with myself than to receive the approval of others.</p>

1	2	3
17. I often manifest myself in spontaneous behavior, disobedience, and sometimes in rebellion. 18. I have a vivid imagination, which manifests itself in my work.		34. Sometimes I change my behavior or way of thinking in order not to stand out. 35. I worry about what others think of me. 36. I am influenced by strong people.

The rule for converting dichotomous numerical answers to positive numbers is given in Table 2:
Table 2

	Scale for answers					
Conversion	-3	-2	-1	+1	+2	+3
	1	2	3	4	5	6

This numerical evaluation scale represents a three-factor numerical basis: (-1) – (+1); (-2) – (+2); (-3) – (+3). These are the numerical dichotomous factors F(1), F(2), F(3). After the transition from the dichotomous numerical scale (from -3 to +3) to the scale of positive numbers (from +1 to +6), the levels of expression of basic personality types are obtained [8].

In the methodology “Occupational orientation of the individual”, which contains 18 statements, the following levels are distinguished: 3–6 (low), 7–11 (medium), 12–15 (high), 16–18 (very high) [9].

In the methodology “Psychological well-being of an individual”, which contains 36 statements, the following levels are distinguished: 6–13 (low), 14–22 (medium), 23–29 (high), 30–36 (very high) [8].

The presence or absence of the type of psychological well-being of an individual in the hexagram is indicated by a solid or broken line (Fig. 3).

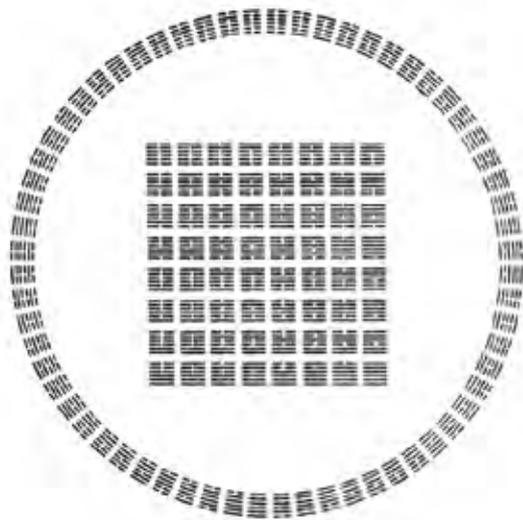

Fig. 3. Typological profiles of psychological well-being of an individual, consisting of 64 hexagrams

Rechecking for the property of being a basis, i.e. for completeness, orderliness and measurability of a set of types of psychological well-being was carried out by comparison with the reference semantic typological occupational basis (according to J. Holland) [2; 4; 6; 11]. As a result, we constructed a three-factor basic typology of psychological well-being [9]. We should note that a certain type of psychological well-being will be clearly manifested in a certain dominant type of occupational orientation of an individual [9]. Validation of our new modified methodology for measuring the psychological well-being of an individual was carried out in the direction of constructive validity. This type of validity reflects the degree of representation of the psychological construct under consideration in the test results. The types of psychological well-being of an individual act as a psychological construct [8; 9].

The results of testing VIPE FSIN cadets and penitentiary staff, obtained with the help of a new modified method for determining psychological well-being, correlate with the diagnostic results according to our technique for determining the occupational orientation of an individual as follows: “Purpose in life” (1) – Conventional type (7), “Autonomy” (2) – Artistic type (8), “Positive relations with others” (3) – Social type (9), “Self-acceptance” (4) – Realistic type (10), “Environmental mastery” (5) – Enterprising type (11), “Personal growth” (6) – Investigative type (12), where (1), (2), (3), (4), (5), (6), (7), (8), (9), (10), (11), (12) are the numbers of the types of psychological well-being and occupational personality types (Tab. 3). The range of correlation coefficients from 0.42 to 0.71 between the types of the test for determining the psychological well-being of an individual and a similar typological construct test that measures

the types of occupational orientation of an individual and is valid, confirms that the developed new modified test measures the same charac-

teristics of an individual as the three-factor basic standard test for determining the occupational orientation of an individual (Tab. 3) [8].

Table 3

Correlations between types of psychological well-being and occupational personality types

	Psychological well-being types						Occupational personality types						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Psychological well-being types	1	1.00	0.03	0.29	-0.04	0.05	0.15	0.71	0.21	-0.12	0.04	0.19	0.35
	2		1.00	-0.17	0.15	-0.04	0.14	0.05	0.59	-0.20	0.21	0.14	-0.18
	3			1.00	0.03	-0.07	0.16	0.21	0.30	0.42	-0.12	-0.06	0.21
	4				1.00	0.17	-0.06	0.13	-0.07	0.21	0.52	-0.13	0.17
	5					1.00	0.16	0.18	-0.05	0.13	-0.11	0.57	-0.05
	6						1.00	0.18	0.21	-0.01	0.14	0.18	0.65
Occupational personality types	7						1.00	-0.23	0.15	-0.06	0.28	0.14	
	8							1.00	0.19	0.13	-0.08	0.13	
	9								1.00	0.05	-0.06	0.19	
	10									1.00	0.31	0.21	
	11										1.00	-0.27	
	12											1.00	

The reference valid test is an independent criterion, and it helps to check the criterion-based validity of the newly created test [8]. The conducted psychodiagnostic study showed that the hexagram profiles of psychological well-being in VIPE FSIN cadets and correctional staff differ from each other. VIPE FSIN cadets have four dominant types (at a high and very high level), these are “Positive relations with others”, “Personal growth”, “Purpose in life” and “Autonomy” under an appropriate internal self-esteem. “Self-acceptance” and “Environmental mastery” did not show up in the cadets at all (or showed up at a low level). Penitentiary staff have four dominant types (at a high and

very high level): “Positive relations with others”, “Self-acceptance”, “Environmental mastery”, “Purpose in life”; “Personal growth” and “Autonomy” were manifested at a low level.

The superposition of two three-factor typological bases of personality (occupational orientation and psychological well-being) based on the use of the principle of semantic proximity has a great semantic similarity and generates a new substratum concept of “occupational well-being”, which requires additional research in the future; and this was not the task of our present work. The research goal was achieved, the tasks were solved, and the hypothesis was confirmed.

REFERENCES

1. Weyl H. *Simmetriya* [Symmetry]. Moscow: Nauka, 1968. 132 p.
2. Ganzen V.A. *Sistemnye opisanija v psikhologii* [System descriptions in psychology]. Leningrad: LGU, 1984. 176 p.
3. Kepler J. *O shestjugol'nykh snezhinkakh* [The Six-Cornered Snowflake]. Moscow: Nauka, 1983. 123 p.
4. Kuz'min V.P. Historical background and epistemological bases of system approach. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 1982, vol. 3, no. 3, pp. 3–14; vol. 3, no. 4, pp. 3–13. (In Russ.).
5. Kulagin B.V. *Osnovy professional'noi psikhodiagnostiki* [Fundamentals of professional psychodiagnostics]. Leningrad: Meditsina, 1984. 149 p.
6. Lomov B.F. On the system approach in psychology. *Voprosy psikhologii=Issues of Psychology*, 1975, no. 2, pp. 31–45. (In Russ.).
7. Mazilov V.A. *Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavl: YaGPU, 2017. 419 p.
8. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Sistemno-faktornyi analiz v psikhologii* [System- and factor-based analysis in psychology]. Vologda-Kursk, 2019. 180 p.
9. Malyshev K.B., Malysheva O.A. *Sistemnye opisanija tipologii* [System descriptions of typologies]. Vologda-Kursk, 2019. 226 p.
10. Mamedova Zh.S. *Vzaimosvyaz' tsennostnykh orientatsii i vremennoi perspektivy lichnosti: avtoref. dis... kand. psikhol. nauk* [The relationship between value orientations and the time perspective of an individual: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 16 p.
11. Zavalishina D.N., Barabanshchikov V.A. (Eds.). *Printsip sistemnosti v psikhologicheskikh issledovaniyakh* [The principle of consistency in psychological research]. Moscow: Nauka, 1990. 178 p.
12. Solonkina O.V., Ramendik D.M. *Psikhodiagnostika v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme* [Psychodiagnostics in socio-cultural service and tourism]. Moscow: ACADEMA, 2004. 224 p.

13. Shafranovskii I.I. *Simmetriya v prirode* [Symmetry in nature]. Leningrad: Nedra, 1968. 154 p.
14. Carroll B.J. *Testing Communicative Performance. An Interim Study*. Oxford: Oxford University Press, 1980. 149 p.
15. *Common European Framework for Reference: Learning, Teaching, Assessment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
16. Newby D., Alan R., Fenner A.-B., Jones B., Komorowska H., Soghikyan K. *European Portfolio for Student Teachers of Languages*. Graz: European Centre for Modern Languages, 2007. 89 p.
17. Miller G.A., McNeill D. Psycholinguistics. In: *The Handbook of Social Psychology. Volume 3: The Individual in a Social Context*. New York: Addison-Wesley press, 1969. 978 p.
18. Nuttal C. *Teaching Reading Skills in a Foreign Language*. Oxford: Macmillan Books for Teachers, 2005. 282 p.
19. Maley A. (Ed.). *Resource Books for Teachers*. London: Oxford University Press, 1997. 167 p.
20. Ryff C.D. Psychological well-being. In: *Encyclopedia of Gerontology*. 1996. Vol. 2. Pp. 365–369.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

KONSTANTIN B. MALYSHEV – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2985-3341>, e-mail: konbormal@mail.ru

OLGA A. MALYSHEVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of General Psychology, Psychological Faculty, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0160-0759>, e-mail: konbormal@mail.ru

Received January 25, 2021

PEDAGOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-451-460

UDC 378.14.015.62

Developing the Readiness of Correctional Officers to Act in Emergency Situations in the Context of Implementation of the Competence-Based Approach in Educational Process

ELENA S. LOBANOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenushka-248@yandex.ru

TAT'YANA V. KIRILLOVA

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

VASILIV. SMYKOVSKII

Directorate of FSIN Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes possibilities and topical issues of developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in educational process in educational institutions, taking into account requirements of the competence-based approach. *Aim:* to identify problems and ways to address them in the framework of developing cadets' readiness to act in emergency situations in penal institutions; the aim is achieved with the help of the following means: generalization of pedagogical experience in the application of the competence-based approach in education and the requirements of professional activity of penitentiary system staff; and analysis of the content of educational programs and programs of academic disciplines. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, theoretical methods of formal and dialectical logic, analysis of documents and statistical data, survey, interpretation. *Results:* analysis of the content of educational programs implemented in educational institutions of the Federal Penitentiary Service, analysis of the requirements of professional and official activities dictated by the increased level of criminal danger of persons serving sentences in conditions of deprivation of liberty, analysis of the level of professional training of staff, analysis of the expectations of the heads of penitentiary institutions regarding the professional competence of graduates of educational institutions who are then employed as correctional staff – all this has shown the need to implement a comprehensive approach so as to form cognitive, behavioral, and motivational-value components of readiness for emergency situations, the need to supplement professional competencies that reflect the discussed readiness in relation to various specialties, and the need to conduct regular training in this area, especially in senior courses. *Conclusions:* in order to develop readiness in correctional staff efficiently, it is advisable to pay attention not only to the formation of cognitive and activity-based components, which are mainly focused on the content of educational disciplines, but also to the motivational and value-based components;

the formation of the readiness involves, along with the study of special disciplines, organization of psychological training of cadets, which contributes to the implementation of an integrated approach; it is appropriate to develop general professional competence in cadets that would reflect aspects of readiness to act in emergency situations regardless of the specialty obtained; it is important to update the knowledge and skills of how to act in the event of emergencies at the final stage of training.

Keywords: emergency situations; readiness for action; competence-based approach; competence; professional competencies; educational process; educational program; integrated approach.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Lobanova E.S., Kirillova T.V., Smykovskii V.V. Developing the readiness of correctional officers to act in emergency situations in the context of implementation of the competence-based approach in educational process. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 451–460. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-451-460.

Introduction

Correctional staff perform their professional duties in conditions of increased danger, uncertainty and risks; thus, one of the main requirements to the level of their professional training includes readiness to organize actions in emergency situations. Over the past few years, there were many emergencies in correctional facilities; the majority of such situations include group incidents and mass illegal actions of inmates and persons in custody.

Emergencies in the penal system include group disobedience, mass riots, hostage-taking, escapes, and armed attacks on institutions. At the same time, situations of group disobedience that are conditionally passive, expressed in a group hunger-strike, refusal to leave the premises or go to work, a group act of self-harm that has a demonstrative blackmail meaning in order to achieve relaxation of regime requirements, etc., can develop into openly destructive actions that have a high degree of danger to the life and health of its participants. Group disobedience can escalate into mass riots and be accompanied by fires, pogroms, fights, violence against the unwanted, and taking hostages. An example of the transition of group disobedience into mass riots can be found the events that occurred in April 2020 in the Penal Colony-15 (IK-15) (city of Angarsk) of the Directorate General of FSIN Russia in the Irkutsk Oblast. Such events are characterized as stressful and going beyond the norms and established rules, which requires that staff assess the situation promptly, evaluate it and predict further events, make decisions, perform algorithms of actions under regulatory legal acts to prevent emergencies, ensure personal safety taking into account the specific situation, organize interaction not only with correctional staff, but also with other interacting bodies, demon-

strate the skills of self-control and mobilization of their resources to perform official tasks in the changed conditions, etc.

Scientists define readiness to act in emergency situations as a complex phenomenon that does not have a single interpretation. Thus, the concept of readiness is regarded as the abilities and properties of an individual [7], as a state before performing a specific activity or under the influence of a factor [9], as a complex psychological formation of mental processes, emotional components, behavior motives [13], as a state formed on the basis of acquired knowledge, experience, qualities, and also including psychological components, which should comprise motives, attitudes, strategies of coping behavior, etc. [19].

D.V. Egorenkov identifies three components in the structure of readiness to overcome extreme situations: motivational and value-based, cognitive, and activity-based, each of which is implemented through its corresponding function [3]. In this case, the motivational and value-based component includes a set of motives, attitudes, priorities, and values that determine the attitude toward the need to act in emergency conditions. The cognitive component consists of a system of knowledge on the analysis of extreme situations, designing and choosing actions in these conditions, subjective ideas about the performance of tasks based on one's own or someone else's experience in emergency situations. The activity-based component manifests itself in the skills and abilities to implement professional tasks that are implemented in simulated and real emergency situations, when making decisions, organizing individual and joint actions as part of functional groups, and interacting with other participants in the situation.

Readiness to act in emergency circumstanc-

es is considered as one of the competencies of correctional staff; it is reflected in the educational programs of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia). Its aspects are formed within the framework of individual academic disciplines of a given specialty. However, we should pay attention to the fact that the list of these disciplines (hence, the volume and content of the formed knowledge) is not equal for different specialties. For example, in the curricula for the specialty 40.05.02 "Law enforcement", professional competence, reflecting the readiness of employees to act in emergency situations, is formed when studying such disciplines as "Activities of correctional institutions in emergency situations", "Organizing security", "Organizing convoying", "Providing security", "Psychological preparation for actions in emergency situations", "Special professional training". While for the specialty 37.05.02 "Psychology of professional activity" such professional competencies are reflected in the disciplines "Psychology of crowds and mass riots", "Psychology of safe behavior", "Psychology of communication and negotiations". A single discipline in this direction is "Tactical and special training", as well as drills. This fact may be reflected in the future when performing the tasks of official activity in emergency situations in institutions of the penal system. On the one hand, special knowledge is taken into account when assigning certain roles, for example, a psychologist is necessarily included in the negotiating team. However, due to objective situational circumstances, an officer can be included in almost any functional group, regardless of their obtained specialty.

The formation of competencies in the framework of academic disciplines is traditionally implemented through the elements of knowledge and skills. Therefore, we can say that educational process focuses on the development of the cognitive component, certain aspects of the activity component are also formed, but the tasks aimed at the formation of the motivational and value-based component of readiness to act in emergency situations are not fully implemented. It is the cognitive and activity-based components that are assessed and evaluated in the educational process, since here it is possible to determine more specific parameters and features that are evaluated in accordance with the measured scale.

In general, the term "readiness" in the formulations of professional competencies is defined as a set of knowledge of techniques, rules

for organizing actions, and skills for their implementation; i.e., "prepared" means "equipped with a set of necessary knowledge and skills". This approach does not include the personal component of professional competence, which may affect the quality of performance of work tasks.

All that we have mentioned above brings to the fore the tasks of analyzing the existing conditions for the formation of components of the readiness correctional staff to act in emergency situations in the educational process, as well as finding optimal and effective means and ways to develop their personal professional competence in this field of professional activity within the framework of the competence-based approach.

Methods

The following methods were used to implement the research tasks. In order to study the notion of readiness for action in emergency situations and the current state of the competence-based approach in education, we used theoretical analysis of the problem. We also used the analysis of statistical data reflecting features of persons held in correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, the number of crimes and emergencies, in particular group disobediences and mass riots, in penitentiary institutions over the past five years. When determining the content of professional competencies that reflect the readiness to act in emergency situations, we used the analysis of documents (educational programs, curricula, programs of disciplines implemented in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia). The results of the ascertaining experiment were used to specify the content of the competencies of correctional staff necessary for the implementation of tasks for the suppression and elimination of emergency situations in institutions and bodies of the penal system, taking into account the category of officials. In addition, we used a survey of the heads of the Federal Penitentiary Service institutions aimed at identifying their expectations and suggestions regarding the preparation of cadets for actions in emergency situations.

Analysis and discussion of the results

Emergency situations at the facilities of the penal system, which include group disobedience, mass riots, hostage-taking by inmates, escapes, and armed attacks on institutions are criminal phenomena of increased public dan-

ger. They are characterized by openness and demonstrativeness of actions, physical and psychological violence, material harm inflicted in order to put pressure on the administration and representatives of the authorities; they pose an actual threat to the security of society, correctional staff, and persons sentenced to imprisonment; they lead to unpredictable criminal implications, disorganization of the activities of penal institutions; dealing with such implications requires huge expenditures of human and material resources. This is evidenced by the mass riots that occurred in Kirovgrad Juvenile Correctional Facility of the Directorate General of FSIN Russia for the Sverdlovsk Oblast, Penal Colony-5 of the Directorate of FSIN Russia for Saint Petersburg and the Leningrad Oblast, Zhigulevsk Juvenile Correctional Facility of the Directorate General of FSIN Russia for the Samara Oblast.

Despite the decrease in the total number of persons sentenced to imprisonment, we can note an annual deterioration in their criminogenic characteristics. According to the data published on the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia, over the past six years, such indicators as the crime rate per 1,000 inmates have been growing: from 1.59 in 2015 to 2.59 in 2020. Despite the decrease in the number of convicted persons from 671,649 in 2015 to 482,888 in 2020, the number of prison crimes is growing (from 838 in 2015 to 1,011 in 2020). The change in the number of crimes under Article 321 Part 3 of the RF Criminal Code (actions that disrupt the operation of the cor-

rectional institution) does not have a clear trend (in 2015 – 13, in 2016 – 8, in 2017 – 6, in 2018 – 13, in 2019 – 17, in 2020 – 13).

The majority of inmates are criminally infected persons who are often socially and psychologically disadvantaged. There is a constant risk of dangerous situations arising on their initiative, regardless of the conditions of serving sentences.

According to the statistical analysis of offenses and crimes in penitentiary institutions of various countries assault on staff is one of the most dangerous crimes. At the same time, the lowest value of the indicator was recorded in Russia (0.5%), the highest – in France (24.61%). Staff safety concerns are common in countries such as France, Latvia, Spain and the United Kingdom. Dangerous crimes include escaping from custody or while being escorted. Thus, in Norway, the share of escapes is 1.05% in the total number of offenses and crimes, in the U.S. – 0.585%, in Latvia – 0.027%, in the UK – 0.013, in Russia – 0.004. Low values of these indicators can be interpreted as evidence of professionalism in the actions of correctional staff in an emergency situation [4, pp. 20–21].

According to the department of security and conveying of the Federal Penitentiary Service of Russia, the number of escapes of convicts and persons in custody from the protection of temporary guards in medical organizations of the state and municipal healthcare systems in 2016–2020 was two cases. Information on emergency statistics in the penal system over the past five years is shown below.

Table

Information on the number of cases of mass riots and group disobedience of convicted persons and persons held in custody in penal institutions

Emergency situations	2016	2017	2018	2019	2020
Mass riots	2	2	3	2	1
Group disobedience	20	13	21	20	12
Total	22	15	24	22	13

Despite the relatively low values of these crimes and the reduction in the number of emergencies in the institutions of FSIN Russia, they still happen. Consequently, the need to develop effective operational actions in correctional staff in crisis situations remains relevant.

Speaking about readiness, we find it important to focus not only on the need to engage promptly in a situation so as to resolve it, but also on the importance of maintaining physical and mental efficiency for a long time

[16, 20], since emergency circumstances can last quite a long time. For example, in foreign practice, there are cases of two- and four-day riots in US penitentiary institutions, which claimed the lives of 33 and 43 people, respectively. In the modern history of Russia, we can highlight a case of mass disobedience in Penal Colony 2 (IK-2) Salavat of the Directorate General of FSIN Russia in the Republic of Bashkortostan, where the forces and means of several territorial bodies of FSIN

Russia were engaged in stabilizing the situation for more than a month.

Thus, the need to develop readiness to act in emergencies in correctional staff remains a relevant and necessary condition for the successful performance of professional activities. At the same time, issues concerning the possibilities of forming readiness to act in emergencies and improving the effectiveness of the results of its formation become relevant in the conditions of modern requirements of educational process. To this end, it is advisable to analyze educational programs, mainly their part concerning the tasks aimed at the formation of the type of readiness under consideration, curricula, the content of the programs of disciplines and the conditions of educational process in the perspective of the requirements of competence-based approach.

Competence-based approach in education currently implemented meets modern international requirements and is aimed at achieving results that are expressed in personal development, professionalization, and self-realization. The problem of studying competence-based approach in pedagogy is reflected in the works of I.A. Zimnyaya, A.V. Khutorskoi, L.M. Mitina, A.K. Markova, and others. The ideas of competence-based approach in the framework of higher education were studied by V.I. Baydenko, V.D. Shadrikov, S.V. Shmeleva, and others.

I.A. Zimnyaya considers the concept of "competence" as a set of personal, motivational and value-based and cognitive components [5]. A.V. Khutorskoi defines competence as "a necessary set of interrelated personality qualities (knowledge, skills, methods of activity, value systems and relationships), which provides its potential ability to productively address a certain class of tasks" [15].

Competence is considered not just as a set of skills or a system of knowledge implemented in a particular field of activity. Most often, scientists emphasize the importance of the personal component of competence. Thus, V.I. Nazarov and G.A. Zasobina distinguish personal and professional competence as a complex characteristic of the developing personality of a specialist, which ensures high results of their professional activity, as well as self-development and self-determination in the profession [12].

L.V. Kuklina emphasizes that competence-based approach in education assumes its priority orientation toward the goals and the final result, i.e. toward a competent specialist who has all the necessary components, able to

make decisions in situations of professional activity that have a high degree of uncertainty [8].

We should note that the formation of the personal component of professional competence, in contrast to the cognitive component, is given less attention in the educational process. Thus, the composition of the professional competencies under consideration is traditionally defined as a list of necessary knowledge, skills and abilities, since they primarily reflect the content of science and practice and are controlled in educational process.

There emerge certain difficulties in the process of forming and evaluating the development of the personal component. The formation of personal characteristics is usually considered as a task of psychological training, and it is really difficult to create a pedagogical tool that measures the level of personality formation as a component of professional competence. Even the assessment of the formation of the cognitive component does not give an accurate picture of the competence being tested, since it is evaluated in the educational, rather than the real practical situation of professional activity. These points are relevant for most of the professional competencies that are being formed, but they become even more pronounced in relation to the development of the readiness to act in emergencies.

A.A. Gerasimov considers the training of correctional staff to act in emergency situations as "a systematic process aimed at forming the necessary competencies and professionally important personal qualities that contribute to the implementation of competent and effective actions in emergency situations. He emphasizes that the greatest amount of training of correctional officers to act in emergency situations is carried out in the course of training at the place of service, and about a third of this amount is carried out during the implementation of programs of higher and additional professional training in educational institutions of FSIN Russia.

In the published results of empirical studies in 2017 and 2019, aimed at studying the opinion of correctional officers on the quality of preparation for actions in emergencies, the following points are of interest in the framework of the topic under discussion. Thus, 43% of respondents indicated "the need to review the content of education plans for the training of correctional officers as to increase the number of classes in legal and psychological training", about 70% of respondents emphasize

“the need to organize comprehensive training of staff to act in emergency situations both in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, and in the course of service training” [2, p. 87].

Components of readiness to act in emergency situations are usually formed with the help of practical training [17, pp. 64–73], the methods of which allow students to create a clear idea of the algorithm of actions in emergencies, aimed at solving specific tasks, and form practical skills [18]. Practical work in this case consists in the performance of functional duties by students in joint detachments for a long time and in conditions that are as close to reality as possible [6]. Practical training and exercises are complex exercises to consolidate theoretical knowledge and look like a system of training situations that may arise in emergency situations [11].

In the implementation of the competence-based approach, it is important to develop cognitive abilities in terms of the ability to analyze information promptly, determine the main, secondary and missing components in the information flow, establish cause-and-effect relationships, make a forecast of the development of the situation, make informed decisions taking into account the available resources and the specifics of the situation in conditions of a lack of information about the real situation. For this purpose, the most effective methods are active and problem-based learning. So for the development of cadets’ operational thinking and the formation of practical actions in emergency situations, V.V. Manyshev and A.A. Bragin suggest using business games, since they help to engage in the activity aimed at finding a solution to a problem situation. The authors note that “methods and ways to create problematic situations include encouraging cadets to explain the conditions of the current operational situation, directly assess the situation itself and resolve contradictions between possible ways to perform the task”. Depending on the complexity, business games involve analyzing the operational situation, making calculations and choosing a solution within a specific case; performing certain official duties of the operational staff members in the process of role playing; the ability to prepare oneself psychologically for solving problems that arise in a real situation; in general, the game provides visibility of the decisions made and their consequences when simulating the operational situation [10, pp. 23–24]. An example of a business game in

the framework of preparing correctional staff to act in emergency situations is the game “Escape from prison or from custody” developed and implemented by the staff of Samara Law Institute of FSIN Russia [1].

In educational process, it is impossible to fully recreate a potentially dangerous and realistic emergency situation with all the details and features of the professional environment; as a result, students do not show natural psychological reactions in response to a situation of threat, they do not have a real need to make decisions and act in a situation of risks and uncertainty. Therefore, students cannot realize their own real resources and limitations for carrying out activities in non-standard critical circumstances. The main directions in the preparation of FSIN officers to act in emergency situations are the need for training to create conditions close to emergency situations and “deep actualization of the social significance of the tasks being addressed in extreme conditions of performance of official duties” [14]. At the same time, the question arises of how to implement this in practice, since it is possible to model a part of the subject, information and psychological situation. It is worth noting that the situation of expert assessment of students’ actions by the teacher will be more likely to act as a factor that causes psychological stress in simulated situations, than the stress associated with the threat of danger to life and health, since there is no real danger in the educational situation.

In order to determine the actual tasks for improving the process of training future correctional staff it is advisable to analyze the existing problems and shortcomings that correctional staff and graduates of educational institutions show in their activities to prevent and combat emergencies. To this end, V.V. Smykovskii conducted an empirical study, the results of which were published in many scientific publications. The analysis of the results of the study, as well as the experience of practical work, allowed us to identify some of the problems he identified at the level of competence of staff of different positions and functional categories. Conventionally, we have designated them as follows.

The competence of management bodies includes a set of knowledge, practical experience and personal qualities of managers who are part of the management body of FSIN Russia, which allow them to address the tasks of coordination and control to stabilize the operational situation in the institution or to prevent and eliminate emergency situations. This com-

petence involves developed analytical thinking, predictive abilities, the ability to make a choice from alternative options with an assessment of each of them, the ability to make a decision, clearly formulate it and bring it to the heads of functional groups, monitor its implementation, plan tactics and strategy of actions taking into account incoming information and the assessment of available resources, etc.

The competence of the middle commanding staff corresponds to the duties of the head of a functional group formed in emergency situations. This role involves the management of temporarily subordinate performers to implement tasks assigned by the management body to stabilize the operational situation in the insti-

tution of FSIN Russia or to prevent and eliminate emergency situations.

The competence of the executor implies the presence of knowledge, skills, practical experience, and psychological characteristics of an employee who is part of a particular functional group formed in accordance with the nature of the tasks performed to stabilize the operational situation in the institution of FSIN Russia or to prevent and eliminate emergency situations.

These three competencies were formulated on the basis of empirical research and show their relationship in the process of suppressing and eliminating emergency situations in penal institutions, which can be shown in the form of the following diagram (Fig. 1).

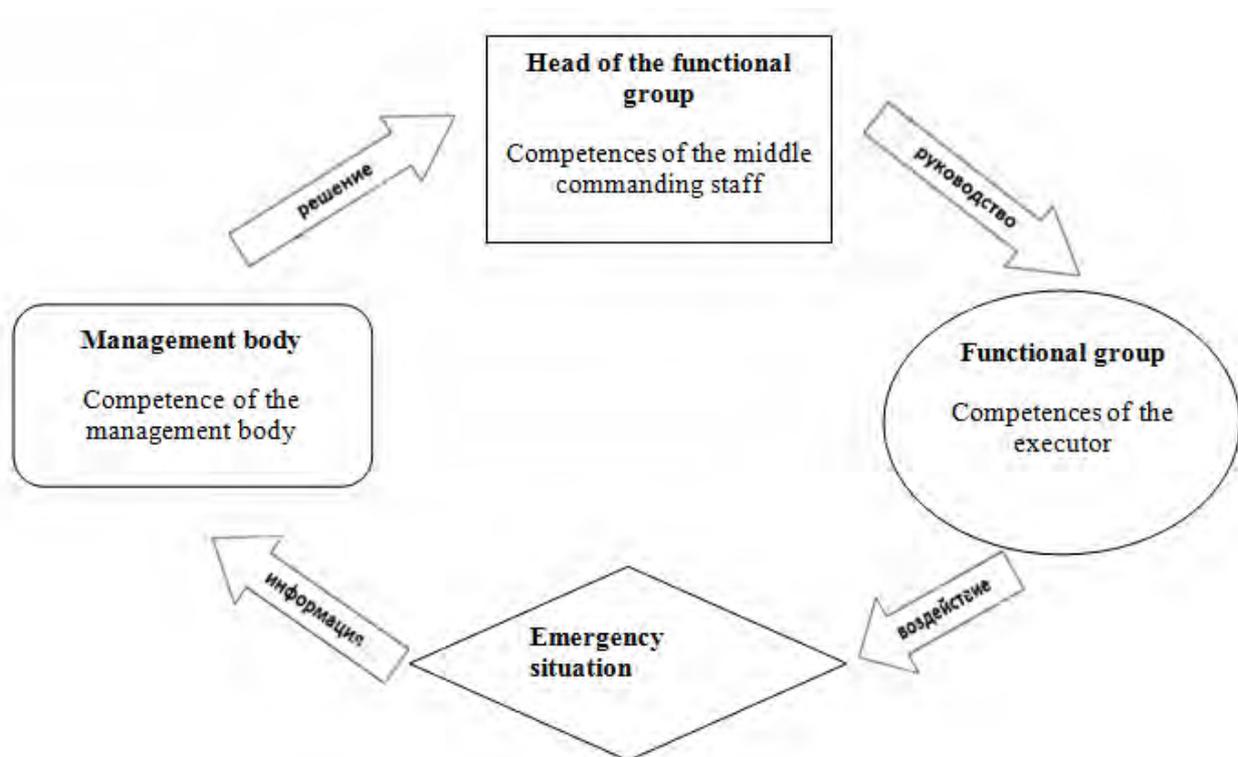

Figure. The scheme of interaction of the competencies of correctional staff in the suppression and elimination of emergencies through their carriers

In the course of training of cadets in educational institutions of FSIN Russia, tasks are mostly implemented to form the competencies of executors and middle commanding staff. In this connection, the programs of the disciplines include tasks on the formation of knowledge of the tactical and technical characteristics and the order of use of weapons and special means by the units of the penal system; tactics of actions of service units and elements of the operational group when performing tasks in emergency situations and when conducting

a special operation; the main provisions on the organization and conduct of special operations at the facilities of FSIN Russia; the ability to perform operational and service-combat tasks in any conditions of the situation individually and as part of a unit; to assess the operational situation, to make appropriate decisions when acting as heads of groups of the order of battle in the conduct of special operations, to set tasks to subordinates competently; to organize and direct the activities of service detachments and elements of the operational group when per-

forming tasks in emergency circumstances and during special operations; management skills in emergency situations, etc.

In the educational programs implemented in the educational institutions of FSIN Russia, the aspects of readiness for action in the event of emergencies are reflected in the framework of professional competencies, taking into account the content of professional activities of future specialists. For example, in the educational program of higher education in the specialty 40.05.02 "Law enforcement" (departmental specialization: organization of the regime in the penal system), this competence is defined as "the ability to perform professional tasks in special conditions, emergency circumstances, emergency situations, under the conditions of the state of emergency and in wartime, to provide first aid, to ensure personal safety and the safety of citizens in the process of addressing official tasks" (PC-23). In the educational program of higher education in the specialty 37.05.02 "Psychology of service activity", the aspects of the discussed readiness are reflected in PC-16: "the ability to effectively interact with law enforcement officers, military specialists on the organization of psychological support for operational and service activities, including in the conditions of terrorist acts, mass riots, emergencies, natural disasters, catastrophes and combat activities".

Perhaps this fact is the reason why graduates of departmental universities often experience difficulties during tactical and special training in the course of service training in penitentiary institutions, when performing duties as part of other functional groups. Another reason for these difficulties may be the fact that the main (common for different specialties) discipline focused on the formation of the competence under discussion is tactical and special training, the study of which, according to the curriculum, usually takes place in the second year of studying. It turns out that when entering the service, graduates show the so-called residual knowledge more than three years after mastering the required knowledge. In addition, for the final courses, the educational process focuses on the disciplines of specialization, and the cadets themselves focus on improving the competencies that reflect the content of the profession directly received, rather than their service activity.

Upon arrival at the institution, graduates are appointed to the positions of the middle commanding staff, inspectors of the departments

of the regime, security, etc., and they are charged with conducting classes with the staff on service training and instructor-and-methodological classes. Therefore, in the educational process, it is important to pay attention to the formation of competencies that reflect the skills of methodological and pedagogical activities in the field of knowledge on tactical and special training. A separate area of training for future correctional staff concerns the formation of managerial skills necessary for the management of functional groups organized in the event of emergencies in penal institutions.

According to the opinion of the heads of a number of institutions, it is possible to form some elements of cadets' readiness to act in emergencies by implementing the following points:

- maximize the implementation of practice-oriented training in the above-listed disciplines;
- widely use simulation of the operational situation in the event of an emergency;
- engage practitioners from institutions from territorial bodies, where the preparation for actions in emergencies is at a high level, in the educational process as lecturers;
- make additions to internship programs for cadets of senior courses, supplementing them with participation in tactical and drill exercises held in the institution, as well as the possibility of conducting trial instructional classes with the personnel of the institutions;
- conduct three-day training camps for graduates of educational institutions in the territorial bodies of FSIN Russia, aimed at improving the elements of readiness for action in the case of emergency situations.

One of the topical issues of modern education in the context of the pandemic is the reduction in the ability to implement practice-oriented learning in the implementation of distance learning, during which the emphasis is placed on the study of theory. This fact can naturally have a negative impact on the level of formation of readiness for action in an emergency. Of course, the period of the pandemic and the situation on the planet in general can be described as force majeure, but the problem of forming readiness for action in the event of emergency circumstances is much broader. In the course of training in departmental educational organizations, it is possible to form only part of the competencies that reflect the readiness to act in emergency situations. This happens because there are not many classes of this kind in

the framework of specialty disciplines; it is also due to the fact that it is difficult for students to master the relevant material.

Conclusion

The formation of the readiness of correctional staff to act in emergency situations is an urgent and relevant task, which is implemented in the educational process of educational institutions of FSIN Russia and further in the framework of on-location training of staff of penal institutions. The competence-based approach implemented in educational process involves the formation of professional competencies, the content of which includes components of readiness for action in emergency circumstances. The emphasis is traditionally placed on the formation of the cognitive and activity-based components of this readiness, which are formed through theoretical and practical training in special disciplines. At the same time, the formed knowledge and skills more closely reflect the tasks of the professional activity corresponding to the received specialty. This fact has both a positive and a negative meaning. On the one hand, specialized knowledge helps to differentiate the service tasks of officers and ensure their effective implementation by representatives of specific professional groups. On the other hand, the lack of additional knowledge hampers effective performance of official tasks as part of other functional groups, individually or as part of divisions.

The main task and at the same time the problem of forming readiness for action in emergency situations is to simulate the situations that are as close as possible to actual emergencies. In this regard, it is advisable to use active learning methods in the educational process, in particular business games and exercises. However, the possibility of frequent use of such methods is limited due to their large share in thematic

planning, as well as the requirements of material and technical support (we mean the availability of additional specialized premises and spaces, the need to travel to suburban training bases, etc.).

The greatest problems can be identified in the formation of the motivational and value-based component of readiness for action in emergency situations, which are expressed in the search for optimal and effective ways of its formation, as well as monitoring and evaluating the level at which such readiness has been formed. Researchers and practitioners emphasize the importance of the organization of psychological training in the formation of readiness for action in emergency situations. Therefore, the question arises whether to include this psychological training in the content of educational disciplines or to implement it within a separate area of activity of psychological services of educational institutions. Nevertheless, the need for a comprehensive approach to the formation of readiness for action in an emergency event is justified and relevant. This approach, which takes into account the formation of professional motives, values and professionally important qualities, along with the components of knowledge, skills and abilities, helps to implement the competence-based approach in education to the fullest extent.

The analysis that we conducted has made it possible to identify the opportunities and problems in forming the readiness of correctional staff to act in emergency situations in the educational process of educational institutions of FSIN Russia; these opportunities and problems are relevant from the point of view of implementing the competence-based approach. The identified points can become a topic for discussion and a condition for improving the educational process in the direction of forming the professional competence of penal system staff.

REFERENCES

1. Votinov A.A., Timofeeva E.A. About the application of interactive teaching technologies in the process of professional training of future officers of the penitentiary system. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki=Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 2015, no. 3 (27), pp. 60–71. (In Russ.).
2. Gerasimov A.A. Topical issues of training of correctional staff to act in emergency situations. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki=Issues of Modern Theory and Practice*, 2020, no. 2(3), pp. 86–88. (In Russ.).
3. Egorenkov D.V. *Formirovanie gotovnosti starsheklassnika k preodoleniyu ekstremal'nykh situatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of high school student's readiness to overcome emergency situations: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Volgograd, 2013. 40 p.
4. Pertli L.F. et al. *Zarubezhnyi opyt profilaktiki negativnykh protsessov, proiskhodyashchikh v penitentsiynykh uchrezhdeniyakh, i soversheniya soderzhashchimisya v nikh litsami pravonarushenii i prestuplenii: analiticheskii obzor* [Foreign experience in the prevention of negative processes occurring in penitentiary institutions and the commission of offenses and crimes by incarcerated persons: an analytical review]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2017. 108 p.
5. Zimnyaya I.A. Key competencies – a new paradigm of education results. *Vyshee obrazovanie segodnya=Higher Education Today*, 2003, no. 5, pp. 34–42. (In Russ.).

6. Kareev V.V. Special tactical classes as a form of practical training of staff of the Federal Penitentiary Service of Russia for actions during emergencies. In: Votnova A.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi mezhdedomstvennoi konferentsii* [Penal system at the present stage: the interaction of science and practice: materials of the international research-to-practice interdepartmental conference]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2016. P. 268. (In Russ.).
7. Krutetskii V.A. *Osnovy pedagogicheskoi psikhologii* [Fundamentals of pedagogical psychology]. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 255 p.
8. Kuklina L.V., Koryagina I.I. Features of the formation of key competencies in students with different professional orientation. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Cherepovets State University*, 2020, no. 4 (97), pp. 234–243. (In Russ.).
9. Levitov N.D. *Psikhologiya kharaktera* [Psychology of character]. Third edition, revised and supplemented. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 424 p.
10. Manyshchikov V.V., Bragin A.A. Business game as one of the ways to implement problem-based learning in the training situational center of operational management. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti=Problems of Law Enforcement Activity*, 2014, no. 2, pp. 22–25. (In Russ.).
11. Machekhin M.S. *Massovye besporyadki i gruppovye nepovinoeniya, sovershaemye v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: kharakteristika, prichiny i mery protivodeistviya: monografiya* [Mass riots and group disobedience committed in correctional institutions: characteristics, causes and measures of counteraction: a monograph]. Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2020. 105 p.
12. Nazarov V.I., Zasobina G.A. *Stanovlenie lichnostno-professional'noi kompetentnosti budushchikh spetsialistov v usloviyakh zaochnogo obucheniya* [Formation of personal and professional competence of future specialists in the conditions of distance learning]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2010. 216 p.
13. Rudik P.A. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1976. 239 p.
14. Khomyakov O.V. Training of staff of special divisions of FSIN Russia on escorting to act in emergency situations. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeistviya: sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Penal system and society: experience of interaction: collection of materials of the 5th international research-to-practice conference]. Perm: Permskii institut FSIN Rossii, 2018. Pp. 356–358. (In Russ.).
15. Khutorskoi A.V. Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education. *Narodnoe obrazovanie=Public Education*, 2003, no. 2, pp. 59–64. (In Russ.).
16. Baldi K.A. An overview of physical fitness of female cadets at the military academies. *Military Medicine*, 1991, no. 10, pp. 537–539.
17. Coyle D., Hood P., Marsh D. *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2010. 184 p.
18. Graevenitz G. G.-W. Ausbildung des amerikanischen Offiziers. Beispiel: US Air Force Academy. *Truppenpraxis*, 1988, no. 1, pp. 72–75. (In Russ.).
19. Smykovsky V., Lobanova E., Kiselev A. Opportunities of readiness formation of the criminal-executive system employees to actions in the emergency circumstances. In: *Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference "Psychology of Extreme Professions" (ISPCPEP 2019)*. Available at: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/ispcpep-19/125909644> (accessed February 26, 2019).
20. Thomas Y. Woman's sports and fitness programs of the US Air Force Academy. *Physician and Sportsmedicine*, 1979, no. 7, pp. 59–68.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ELENA S. LOBANOVA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8957-7417>, e-mail: alenuшка-248@yandex.ru

TAT'YANA V. KIRILLOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at the Research Center of the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

VASILII V. SMYKOVSKII – Head of the Organizational and Analytical Department of the Directorate of FSIN Russia in the Arkhangelsk Oblast, Arkhangelsk, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9503-2897>, e-mail: vvs-80@mail.ru

Received April 2, 2020